

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА им. В. В. ВИНОГРАДОВА

РУССКИЙ ЯЗЫК

В НАУЧНОМ ОСВЕЩЕНИИ

№ 2
(30)

Москва
2015

ISSN 1681-1062

РЕДКОЛЛЕГИЯ

Главный редактор — Молдован А. М., академик РАН, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

Алексеев А. А. — д. ф. н., профессор, Санкт-Петербургский государственный университет

Андерсен Х. — Ph.D., профессор, Калифорнийский университет, Лос Анжелес, США

Апресян Ю. Д. — академик РАН, профессор, Институт проблем передачи информации РАН; Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

Богуславский А. — D.Sc., профессор, Варшавский университет, академик Польской академии наук, Польша

Богуславский И. М. — д. ф. н., профессор, Мадридский технический университет, Испания; Институт проблем передачи информации РАН

Вайс Д. — Ph.D, профессор, Цюрихский университет, Швейцария

Варбот Ж. Ж. — д. ф. н., профессор, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

Вежбицкая А. — Ph.D., профессор, Австралийский национальный университет, Канберра, Австралия

Гиппиус А. А. — член-корреспондент РАН, профессор, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Ди Сальво М. — Ph.D., профессор, Миланский университет, Италия

Добровольский Д. О. — д. ф. н., профессор, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

Журавлёв А. Ф. — д. ф. н., профессор, Институт славяноведения РАН; Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

Зализняк А. А. — академик РАН, профессор, Институт славяноведения РАН

Иткин И. Б. — к. ф. н., Институт востоковедения РАН; Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Кайперт Х. — Dr., профессор, Боннский университет, член-корреспондент Геттингенской академии наук, член-корреспондент Баварской академии наук, Германия

Касаткин Л. Л. — д. ф. н., профессор, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

Кленин Э. — Ph.D., профессор, Калифорнийский университет, Лос Анжелес, США

Крысин Л. П. — д. ф. н., профессор, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

Мелик Х.-Р. — Ph.D., профессор, Кильский университет, Германия

Мельчук И. А. — Ph.D., профессор, Монреальский университет, Канада

Мечковская Н. Б. — д. ф. н., профессор, Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь

Падучева Е. В. — д. ф. н., профессор, Всероссийский институт научной и технической информации РАН

Плунгян В. А. — член-корреспондент РАН, профессор, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН; Институт языкознания РАН; Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Рождественская Т. В. — д. ф. н., профессор, Санкт-Петербургский государственный университет

Сичинава Д. В. — к. ф. н., Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

Тимберлейк А. — Ph.D., профессор, Калифорнийский университет, Беркли; Колумбийский университет, Нью Йорк, США

Толстая С. М. — д. ф. н., профессор, Институт славяноведения РАН

Томмола Х. — D.Sc., профессор, Университет Тампере, Финляндия

Флайер М. — Ph.D., профессор, Гарвардский университет, Кембридж, США

Шайкевич А. Я. — д. ф. н., профессор, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

Шмелев А. Д. — д. ф. н., профессор, Московский государственный педагогический университет; Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

Ответственный секретарь — Пичхадзе А. А., д. ф. н., Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
VINOGRADOV INSTITUTE OF RUSSIAN LANGUAGE

RUSSIAN LANGUAGE AND LINGUISTIC THEORY

№ 2 (30)

Moscow
2015

EDITORIAL BOARD

Chief Editor — Alexander M. Moldovan, D.Sc. (Russian Language), Director, Vinogradov Institute of Russian Language of the RAS, Full Member of the RAS, Moscow, Russia

Anatoly A. Alexeev, D.Sc. (Russian Language), Professor, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia;

Henning Andersen, Ph.D. (Slavic Languages and Literatures), Professor, University of California, Los Angeles, USA;

Yury D. Apresyan, D.Sc. (General Linguistics), Professor, Institute for Information Transmission Problems of the RAS; Vinogradov Institute of Russian Language of the RAS, Full Member of the RAS, Moscow, Russia;

Andrzej Bogusławski, D.Sc. (General Linguistics), Professor, Full Member of the Polish Academy of Sciences, Warsaw University, Poland;

Igor M. Boguslavsky, D.Sc. (General Linguistics), Professor, Technical University of Madrid, Spain; Institute for Information Transmission Problems of the RAS, Moscow, Russia;

Dmitry O. Dobrovolsky, D.Sc. (General Linguistics), Professor, Vinogradov Institute of Russian Language of the RAS, Moscow, Russia;

Michael S. Flier, Ph.D. (Slavic Languages and Literatures), Professor, Harvard University, Cambridge, USA;

Alexey A. Gippius, D.Sc. (Russian Language), Professor, National Research University Higher School of Economics, Corresponding Member of the RAS, Moscow, Russia;

Ilya B. Itkin, Ph.D (Comparative and Contrastive Linguistics and Linguistic Typology), Institute of Oriental Studies of the RAS; National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia

Leonid L. Kasatkin, D.Sc. (Russian Language), Professor, Vinogradov Institute of Russian Language of the RAS, Moscow, Russia;

Helmut Keipert, Dr. (Slavonic Studies), Professor em., University of Bonn, Corresponding Member of the Göttingen Academy of Sciences, Corresponding Member of the Bavarian Academy of Sciences, Germany;

Emily Klenin, Ph.D. (Slavic Languages and Literatures), Professor, University of California, Los Angeles, USA;

Leonid P. Krysin, D.Sc. (Russian Language), Professor, Vinogradov Institute of Russian Language of the RAS, Moscow, Russia;

Nina B. Mechkovskaya, D.Sc. (General Linguistics), Professor, Belarusian State University, Minsk, Belarus;

Hans Robert Mehlig, Ph.D. (Slavic Languages and Literatures), Professor, Kiel University, Kiel, Germany;

Igor Mel'čuk, Ph.D. (General Linguistics), Professor em., University of Montreal, Canada;

Elena V. Paducheva, D.Sc. (General Linguistics), Professor, All-Russian Institute for Scientific and Technical Information of the RAS, Moscow, Russia;

Vladimir A. Plungian, D.Sc. (General Linguistics), Professor, Vinogradov Institute of Russian Language of the RAS; Lomonosov Moscow State University, Corresponding Member of the RAS, Moscow, Russia;

Tatyana V. Rozhdestvenskaya, D.Sc. (Russian Language), Professor, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia;

Maria Di Salvo, Ph.D. (Slavonic Studies), Professor em., University of Milan, Italy;

Anatoly Ya. Shaykevich, D.Sc. (General Linguistics), Professor, Vinogradov Institute of Russian Language of the RAS, Moscow, Russia;

Alexey D. Shmelev, D.Sc. (Russian Language), Professor, Moscow State Pedagogical University; Vinogradov Institute of Russian Language of the RAS, Moscow, Russia;

Dmitri V. Sitchinava, Ph.D (Comparative and Contrastive Linguistics and Linguistic Typology), Vinogradov Institute of Russian Language of the RAS, Moscow, Russia;

Alan Timberlake, Ph.D. (Linguistics), Professor em., University of California, Berkeley; Columbia University, New York, USA;

Svetlana M. Tolstaya, D.Sc. (Slavic Languages), Professor, Institute of Slavic Studies of the RAS, Moscow, Russia;

Hannu Tommola, D.Sc. (Russian Language and Literature), Professor em., University of Tampere, Finland;

Zhanna Zh. Varbot, D.Sc. (Slavic Languages), Professor, Vinogradov Institute of Russian Language of the RAS, Moscow, Russia;

Daniel Weiss, Ph.D (Slavic Languages), Professor, University of Zurich, Switzerland;

Anna Wierzbicka, D.Sc. (Slavic Languages), Professor, Australian National University, Canberra, Australia;

Andrey A. Zaliznyak, D.Sc. (Slavic Languages), Professor, Institute of Slavic Studies of the RAS, Full Member of the RAS, Moscow, Russia;

Anatoly F. Zhuravlev, D.Sc. (Slavic Languages), Institute of Slavic Studies of the RAS; Vinogradov Institute of Russian Language of the RAS, Moscow, Russia.

Executive secretary — Anna A. Pichkhadze, D.Sc. (Russian Language), Vinogradov Institute of Russian Language of the RAS, Moscow, Russia

СОДЕРЖАНИЕ

Исследования

<i>М. Л. Каленчук.</i> О позиционном подходе к описанию произносительных явлений.....	9
<i>О. Е. Иванова.</i> Стратегии орфографической кодификации в области терминологии	21
<i>Е. А. Лютикова.</i> Согласование, признаки и структура именной группы в русском языке	44
<i>М. А. Холодилова.</i> Согласование с вершиной относительных конструкций и обособленных именных оборотов в русском языке.....	74
<i>А. Е. Аникин.</i> К проблеме надежности лексических данных в русской диалектной лексикографии и этимологии	98
<i>И. И. Макеева.</i> Акцентуация старопечатных московских и киевских изданий «Николина жития»	118
<i>В. В. Истратий.</i> Русские издания «Апофегмат» Б. Будного и формирование норм русского литературного языка в XVIII в.	155

Полемика

<i>М. Н. Шевелева.</i> Некоторые соображения по поводу книги Д. В. Сичинавы «Типология плюсквамперфекта. Славянский плюсквамперфект» (М., 2013)	180
--	-----

Из истории науки

<i>О. А. Теуш.</i> Диалектная лексика и местная топонимия в описании А. С. Панкратова («Миллионы в земле. Поездка на реку Ухту». М., 1914).....	210
---	-----

Информационно-хроникальные материалы

Хроника XLVI Виноградовских чтений. (<i>Н. К. Онипенко</i>)	214
---	-----

Отчет о диалектологических экспедициях (С. В. Дьяченко, И. А. Букринская, И. И. Исаев, О. Е. Кармакова, А. В. Малышева, А. В. Тер-Аванесова, под общ. ред. А. В. Тер-Аванесовой).....	217
---	-----

Рецензии

Новые слова и значения. Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 90-х годов XX века: в 3 т. / Под ред. Т. Н. Буцевой, Е. А. Левашова; Институт лингвистических исследований РАН (Е. В. Маринова).....	251
С. М. Федченко. Словарь русских созвучий. Левые и богатые рифмы: около 120 000 словоформ (А. С. Кулева).....	256

Новые книги

Академический словарь русской фразеологии / Баранов А. Н., Вознесенская М. М., Добровольский Д. О., Киселева К. Л., Козеренко А. Д. (П. С. Дронов).....	260
Václav Konzal. Staroslověnská modlitba proti ďáblu: nejstarší doklad exorcismu ve velkomoravském písemnictví (= Práce Slovanského ústavu. Nová řada, svazek 40). Uspořádali a doplnili František Čajka a Martina Chromá (А. А. Пичхадзе).....	261
Сведения об авторах	263
Правила подачи статей	265

CONTENTS

Articles

- Maria L. Kalenchuk.*
On the positional approach to the description of articulatory phenomena 9
- Olga E. Ivanova.*
Strategies for standardizing spelling of scholarly terminology 21
- Ekaterina A. Lyutikova.*
Features, agreement, and structure of the Russian noun phrase 44
- Maria A. Kholodilova.*
Agreement with the head of Russian relative constructions
and detached attributive phrases..... 74
- Alexandr E. Anikin.*
To the problem of reliability of lexical data
in Russian dialectal lexicography and etymology 98
- Irina I. Makeeva.*
Accentuation in the old-print editions of the “Life of St. Nicholas”
issued in Moscow and Kiev 118
- Victoria V. Istraty.*
Russian editions of the B. Budny’s “Apophthegmata” and the formation
of standard Russian language norms in the 18th century 155

Polemics

- Maria N. Sheveleva.*
Some considerations upon D. Sitchinava’s book «Typology of the Pluperfect.
The Slavonic Pluperfect» (Moscow, 2013) 180

History of Russistics

- Olga A. Teush.*
A. S. Pankratov’s description of dialect lexics and regional toponymy
(“Millions in earth. A Journey to the Ukhta river”. Moscow, 1914) 210

Reports

- Highlights of the 46th Vinogradov Conference (*N. K. Onipenko*) 214

Reports on Dialectological Expeditions of the Vinogradov Russian Language Institute of the RAS (<i>S. V. Dyachenko,</i> <i>I. A. Bukrinskaya, O. E. Karmakova, A. V. Malysheva,</i> <i>A. V. Ter-Avanesova. Ed. by A. V. Ter-Avanesova</i>).....	217
---	-----

Reviews

New Words and Meanings. A Dictionary of Neologisms Based on Media and Literary Texts of the 1990s (in 3 Volumes) / Ed. by T. N. Butseva, E. A. Levashova (Institute for Linguistic Studies of the RAS) (<i>E. V. Marinova</i>)	251
S. M. Fedchenko. Dictionary of Russian consonances. Left and rich rhymes (<i>A. S. Kuleva</i>)	256

New books

Russian Academy Dictionary of Idioms / Baranov A. N., Voznesenskaya M. M., Dobrovolsky D. O., Kiseleva K. L., Kozerenko A. D. (<i>P. S. Dronov</i>)	260
Václav Konzal. Staroslověnská modlitba proti ďáblu: nejstarší doklad exorcismu ve velkomoravském písemnictví (= Práce Slovanského ústavu. Nová řada, svazek 40). Uspořádali a doplnili František Čajka a Martina Chromá (<i>A. A. Pichkhadze</i>).....	261
Authors.....	263
Notes for contributors	265

ИССЛЕДОВАНИЯ

М. Л. КАЛЕНЧУК

О ПОЗИЦИОННОМ ПОДХОДЕ К ОПИСАНИЮ ПРОИЗНОСИТЕЛЬНЫХ ЯВЛЕНИЙ

1. Понятие позиции — одно из основных понятий Московской лингвистической школы, первоначально разработанное для описания фонетического материала. Под фонетической позицией понимают «условия употребления и реализации фонем в речи» [Реформатский 1970: 115], «условия произношения звуков» [Панов 1979: 97], причем принято считать, что реализация фонемы полностью определяется качеством фонетической позиции, в которой она находится: «... звук является функцией двух определяющих: заданной фонемы и фонетической позиции» [Панов 1961: 15].

Из этого следует, что если известна фонема и фонетическая позиция, в которой она находится, этого достаточно для того, что определить звук, представляющий данную фонему. Фонетические законы обычно формулируются в терминах позиционных чередований, например, шумный звонкий заменяется парным глухим на конце слова перед паузой (*горо*[д]á — *гóро*[т]#); ударный звук [о] заменяется звуком [э] в позиции второго предударного после твердого согласного (*в*[ó]ды — *в*[э]довóз) и т. д.

2. Но существуют произносительные закономерности другого рода, при действии которых процедура приведения фонемы к звуку намного сложнее. Подобные факты обычно относят к орфоэпии. Традиционно считалось, что к такого рода явлениям неприменима процедура позиционного описания, то есть строгих правил приведения фонемы к звуку. Недаром, А. А. Реформатский, говоря об орфоэпии, писал, что он сознательно берёт слово «закон» в кавычки, так как здесь не «закон», а скорее «беззаконие» [Реформатский 1970: 127].

Но исследования последних лет (в первую очередь, это работы Л. Л. Касаткина) показали, что орфоэпический материал, также как и фонетический, подчиняется позиционному описанию. В чем же различие в позиционном устройстве фонетической и орфоэпической закономерности?

Рассмотрим в качестве иллюстрации несколько случаев действия орфоэпических закономерностей. Материал был получен в ходе серии экспериментов, в ходе которых дикторы — носители русского литературного про-

изношения разного возраста и пола — начитывали тексты, включающие анализируемые слова. Тексты были взяты из Национального корпуса русского языка (www.ruscorgo.ru), они были достаточно большого объема (не менее 25 слов), что позволяло «замаскировать» рассматриваемые явления, не фокусируя на них внимания информантов. Во всех текстах слова, содержащие анализируемые орфоэпические особенности, стояли в одинаковой слабой фразовой позиции.

2.1. Твердость-мягкость первого звука в сочетании *рп'*.

Авторы «Орфоэпического словаря русского языка» под редакцией Р. И. Аванесова указывают: «По старым нормам русского литературного произношения согласный [р] перед мягкими зубными и губными смягчался. Такое произношение встречается и сейчас, но как устарелое в словаре не отмечается» [ОС: 673]. Во всех случаях в ОС рекомендуется твердое произношение звука [р] в позиции перед мягким [т'].

Но эксперимент показал во многом противоречащее этим рекомендациям распределение твердых и мягких вариантов произношения (указан процент реализаций первой фонемы мягким звуком — *а[р']тис́т, а[р']тис-тис́ческий* и т. д.):

арти́ст 21%
 артисти́ческий 25%
 ве́ртится 21%
 конве́рте 3,5%
 на́смерть 17,8 %
 парти́кула 0%
 партиту́ра 0%
 па́ртия 0%
 сертифи́ка́т 0%
 сме́ртельный 28,6%
 сме́рть 7%
 че́рте 3,5%
 че́ртей 32%
 че́ртеня́та 35,7%
 че́рти 14%
 че́ртик 14%

На первый взгляд — хаос, факультативное распределение звуков, трудно объяснить, почему одно и то же сочетание фонем реализуется столь поразному в разных словах. Но детальный анализ позволяет определить, что реализация первого звука в сочетании *рп'* не случайна, а зависит от совокупности фонетических, морфологических и лексических факторов [Каленчук 2007; Касаткин 2012]:

- от качества предшествующего гласного (после гласного непереднего ряда увеличивается процент произнесений с твердым звуком / после гласного переднего ряда — с мягким (ср. *па́ртия* — *че́ртик*);

- от места по отношению к ударению — после ударного / перед ударным / между безударными гласными (ср. *чёрти* — *чёртёй* — *чертеня́та*);
- позиция перед мягким звуком во всех формах слова поддерживает произношение мягкого [pʲ] / позиция перед мягким звуком в отдельных формах слова — твердого [p] (ср. *вёртится* — *конвёрте*);
- в частотных словах вероятнее мягкий [pʲ] / в более редких словах — твердый (ср. *артисти́ческий* — *партиту́ра*);
- на конце слова: после ударного чаще твердый звук / после безударного — мягкий (ср. *смерть* — *на́смерть*).

Все указанные факторы, влияющие на реализацию первой фонемы в сочетании *pt'* действуют не изолированно, а одновременно. В одних случаях вектор их влияния совпадает, что увеличивает процент одинаковых реализаций, в других — разнонаправлен. При этом должна быть выявлена и описана иерархия факторов.

Например, в слове *чертеня́та* — сочетание *pt'* находится между безударными гласными в достаточно частотном и освоенном слове после гласного переднего ряда, положение перед мягким во всех формах слова. Все факторы способствуют поддержанию мягкости первого звука, что выражается в достаточно высоком проценте [pʲ] (35,7% информантов произнесли *че[pʲ]теня́та*).

Сравним: *сертифика́т* — лишь один параметр — степень освоенности и частотности слова — изменился, а результат совсем другой (все информанты в эксперименте произносили с твердым звуком *се[p]тифика́т*).

2.2. Рассмотрим другой пример — реализация фонемы /j/ звуком [и] или нулем звука на месте начальной буквы *e* в безударных слогах.

В лингвистической литературе неоднократно отмечалось, что в этой позиции начальное [и] может не произноситься, заменяясь нулём звука. Р. И. Аванесов считал, что произношение типа [изыка́], [ипо́н'ьц] свидетельствует о «беглом произношении просторечного типа» при нормальном [и́зыка], [и́по́н'ьц] [Аванесов 1956: 191]. М. В. Панов относит ноль на месте /j/ в абсолютном начале слова к разговорному стилю: «Йот в начале слова может в разговорном стиле редуцироваться до нуля: [воты́му́ э́тт ыврап'э́зск'и́ лоск ын'инр'ав'и́цъ] (*вот ему́ этот европейский лоск и не нравится*)» [Панов 1967: 273]. Но орфоэпические словари в большинстве случаев игнорируют саму возможность реализации /j/ нулем звука в рассматриваемой позиции. Так, в ОС слова типа *еда*, *единый*, *египетский* и многие другие не снабжаются никакой пометой, что по логике этого словаря означает, что они произносятся по правилам чтения — фонема /j/ перед безударным гласным реализуется звуком [и] — [и^е]да́, [и^е]ди́ный, [и^е]ги́петский.

Результаты же проведенного эксперимента показали следующее (указан процент произнесений с нулем звука на месте начальной фонемы /j/ — [и^е]вропе́йский, [и^е]ди́нственный и т. д.):

европейский 76%
 европеоидный 32%
 единица 78%
 единобо́рство 64%
 единому́жие 22%
 единственный 82%
 единый 64%
 ежевечерний 58%
 ежедекадный 30%
 ежевика 34%
 ежевый 17%
 ехидный 62%

Как видно из приведённых данных, распределение вариантов [и] и нуль звука по отдельным словам весьма различно. Анализ результатов эксперимента позволяет выявить причины, вероятностно влияющие на появление того или иного варианта произношения:

- перед дизным слогом, то есть слогом с мягким согласным и звуком [и^с], — возрастает число произнесений с нулем звука / перед недизным слогом, т. е. с твердым согласным и гласным непереднего ряда — вероятнее произнесение с [и] (ср. *едини́ца* — *ежеви́ка*; *ехи́дный* — *ежо́вый*);
- длина слова — чем слово длиннее, тем вероятнее его произнесение без [и], действует тенденция к изохронии (ср. *еди́ный* — *еди́ственный*);
- в частотных освоенных словах — чаще появляется нуль звука, в более редких словах произносится [и] (ср. *европе́йский* — *европео́идный*; *единобо́рство* — *единому́жие*; *ежевече́рный* — *ежедека́дный*).

3. Чем материал в рассмотренных орфоэпических примерах (твёрдость/мягкость первого звука в сочетании *рт'* и реализация инициальной фонемы /j/ звуком [и] или нулем звука) отличается от формулирования фонетической закономерности?

Как представляется, различие в следующем:

- Реализация фонемы при действии фонетического закона стопроцентно предсказывается только фонетической позицией (например, фонема /д/ на конце слова перед паузой реализуется глухим звуком — *са[т]#*).
- Реализация фонемы при действии орфоэпической закономерности вероятностно предсказывается целым рядом факторов разного характера, которые ранее было предложено называть орфоэпическими позициями. «Если признать, что фонетическая позиция — это условия, определяющие функционирование фонем, то в формулировку позиции надо включать любые языковые факторы, способные предопределять реализацию фонемы тем или иным звуком — фонетические, лексические, грамматические, словообразова-

тельные, графические» [Каленчук 2000: 31]. Под орфоэпической позиции при таком подходе следует понимать действие «любых факторов, которые могут влиять на реализацию одной и той же фонемы разными звуками при условии тождества фонетических позиций» [Каленчук 1993а].

Л. Л. Касаткин предложил детальную классификацию орфоэпических позиций [Касаткин 2014], разделив их на собственно фонетические, другие языковые и неязыковые позиции. А в теоретических материалах к «Большому орфоэпическому словарю русского языка» им разработаны подробные позиционные правила, описывающие закономерности распределения различных орфоэпических вариантов в зависимости от совокупности конкретных орфоэпических позиций [Касаткин 2012].

Признание того факта, что орфоэпические закономерности устроены позиционно, заставляет вновь обратиться к вопросу о различии между фонетикой и орфоэпией.

Л. Л. Касаткин определяет предметы фонетики и орфоэпии следующим образом: «Фонетика изучает характер звуков речи и синхронические законы чередования звуков, реализующих фонемы в разных позициях. Орфоэпия же рассматривает и оценивает произносительные варианты слов и словоформ, выступающих в одних и тех же позициях» [Касаткин 2014]. То есть *в[ó]ды* — *в[а^о]да* — это фонетика, чередуются звуки в разных фонетических условиях. А *че[r]теня́та* (62,5 % твердых произнесений [r]) — *на[r]ми́кула* (100 % твердых произнесений [r]) — это орфоэпия, так как в обоих примерах, по мнению Л. Л. Касаткина, фонетическая позиция одинаковая — перед мягким звуком [т']. Но в рассмотренных словах орфоэпические позиции разные. Т. е. при действии орфоэпической закономерности фонетическая позиция является одновременно и орфоэпической.

Получается, что в рассмотренном примере сама по себе фонетическая позиция не определяет реализацию фонемы. Орфоэпические позиции детализируют фонетическую позицию, «расщепляя» фонетическую закономерность. Л. Л. Касаткин предложил считать, что «орфоэпическая позиция — это фонетическая позиция, в которой происходит варьирование звуков или фонем и места ударения в слове (словоформе) под влиянием различных языковых и неязыковых факторов» [Касаткин 2014]. Сравнивая частотность появления нуля звука на месте фонемы /j/ в абсолютном начале слов *едини́ца* (78 %) и *ежеви́ка* (34 %), мы должны формулировать закономерность следующим образом: фонема /j/ в абсолютном начале слова во втором предударном слоге частотного освоенного слова перед дизным слогом реализуется нулем звука в среднем в 78% случаев, а в абсолютном начале слова во втором предударном слоге частотного освоенного слова перед недизным слогом реализуется нулем звука в среднем в 34% случаев. Что из данных формулировок следует считать фонетической позицией, а что орфоэпической? Традиционно говорят, что фонетическая позиция

здесь «абсолютное начало слова, второй предупредительный слог». Тогда орфоэпическая позиция «частотное освоенное слово перед дизным слогом» (для слова *единица*) или «частотное освоенное слово перед недизным слогом» (для слова *ежевика*). Но это вопрос спорный, так как реализацию фонемы определяет совокупность условий. И если настаивать на том факте, что фонетическая позиция должна определяться исключительно фонетическими факторами, то дизность-бемольность следующего слога — фактор именно фонетический. Получается, что традиционно принятое отнесение определенных условий, влияющих на произношение, к фонетике, а не к орфоэпии — условно.

4. Лингвисты обычно обсуждают различия между фонетическим и орфоэпическим материалом. А если поставить вопрос по-другому — а что общего между фонетикой и орфоэпией? Общее то, что оба эти участка звуковой системы русского языка устроены позиционно. При этом они отличаются статистической вероятностью появления конкретного звука при реализации фонемы. Следует иметь в виду, что стопроцентный результат — это частный случай проявления произносительной закономерности, а следовательно, фонетическая позиция — частный случай орфоэпической позиции¹.

Нельзя не думать о том, что закономерность, которая сегодня представляется безысключительной, то есть «фонетической», может оказаться «орфоэпической», дающей варианты произношения либо при развитии самого языка, либо при углублении наших знаний о его устройстве. Например, одними из самых устойчивых закономерностей русского произношения являются правила синтагматики глухих и звонких согласных: перед шумным глухим звонкий заменяется глухим (*ска[з]ать — скá[с]ка*), перед шумным звонким глухой заменяется звонким (*[с]тацить — [з]гонять*). Говоря иначе, не могут стоять рядом два звука, различных по глухости-звонкости. Но Р. Ф. Касаткина показала, что на стыке слов или на стыке основ сложного слова возможно сочетание глухого шумного со звонким, если первый компонент просодически выделен (*ва[ж б]рат*, но *вá[ш б]рат* и *вá[ж б]рат*; *го[з]банк*, но *гó[с]банк* и *гó[з]банк*) [Касаткина 2000; Скачедубова 2008]. И закономерность из абсолютно строгой, всегда описываемой как фонетический закон, превратилась в вероятностную, регулируемую действием просодического фактора. И такого рода примеров можно привести достаточно много, что демонстрирует условность границы между фонетическими и орфоэпическими фактами.

5. Все ли произносительные явления устроены позиционно? Нет, не все. Существуют некоторые факты, не поддающиеся позиционному анализу.

¹ М. В. Панов когда-то в частной беседе сказал, что пройдет время и лингвисты докажут, что фонетика — частный случай орфоэпии, а не наоборот, как принято считать.

Это случаи, когда тот или иной вариант произношения «привязан» к определенному слову или реже к морфеме и найти позиционную логику распределения звуков не удастся (или, лучше сказать, пока не удастся). Ранее предлагалось рассматривать такие явления в ряду других факторов орфоэпической прикрепленности [Каленчук 1993б: 41—42]. Л. Л. Касаткин считает подобные случаи лексическими орфоэпическими позициями [Касаткин 2014].

Например, твёрдость/мягкость согласной фонемы перед /э/² в корнях заимствованных слов — [т'е]кст (*текст*), но [тэ]ст (*тест*). Помимо двух закрепленных за конкретными корнями типов произношения — твердая фонема перед /э/ или мягкая фонема перед /э/ — существует и третья возможность — корни, допускающие вариантность — [т'и³]ррор и [ты³]ррор (*террор*), [д'и³]кán и [ды³]кán (*декан*) и пр.

Распределение твердых и мягких вариантов по отдельным корням кажется случайным. Не раз лингвисты пытались выявить основания, закрепляющие за конкретным корнем или словом твердую или мягкую фонему перед буквой *e*. Проверялось влияние времени вхождения слова в русский язык или то, из какого именно языка оно пришло, и многое другое. В работах разных лет назывались некоторые факторы, способные определять выбор варианта хотя бы на уровне тенденции: качество согласного перед /э/ — зубные, губные и заднеязычные в разной степени способны к твердому произношению согласных в рассматриваемой позиции [Аванесов 1984: 213; Гловинская 1971: 80; Каленчук 1993а: 300]; положение по отношению к ударению — «процент твердых убывает с удалением согласного от ударения» [Гловинская 1971: 81]; степень лексической, морфологической и словообразовательной освоенности слова — чем менее обычно с разных точек зрения слово для носителей языка, тем чаще в нем появляется «чуждое» для русской синтагматики твердое произношение перед /э/³.

Но, как показывают многочисленные социолингвистические исследования, ни каждый из названных факторов по отдельности, ни все они в совокупности не дают возможности узнать, какая фонема перед буквой *e* в конкретном корне заимствованного слова — твердая или мягкая. Сравним слова *кафе* и *кофе*; в обоих случаях перед буквой *e* губно-зубная фонема, оба слова несклоняемые, частотные и вполне освоенные; в одном из них рассматриваемое сочетание стоит под ударением, в другом в заударном слоге. Объяснить, почему в одном фонема /ф/, а в другом /ф'/, невозможно.

Другим примером непозиционной закономерности может служить произношение звуков на месте сочетаний букв *ие*: в корнях одних слов перед

² Фонема /э/ устанавливается в данном случае условно; в конкретных словах может быть гиперфонема.

³ С. И. Ожегов, заполняя в шестидесятые годы XX века «Вопросник по произношению», отметил, что он произносит слово *бутерброд* только с твердым звуком перед /э/, но при этом написал на полях, что это неправильно, так как слово частотное и освоенное.

вторым ударным гласным [j] произносится обязательно (*гигиэна, клиент*), в других не произносится никогда (*пациэнт, спаниэль*), в третьих сосуществуют варианты с [j] или без него (*аудиэ́нция, диэ́та*) [Касаткин 2014: 228]. Выявить факторы, «привязывающие» произношение с [j] или без [j] к тому или другому слову, не удастся. Произносительная закономерность полностью лексикализована.

Можно было бы привести еще ряд примеров, в которых то или другое произношение задается списком, но число подобных фактов не очень велико. Именно эти непозиционные явления, как представляется, и есть область чистой орфоэпии.

6. В предложенном описании устройства орфоэпии Л. Л. Касаткин отказывается от использования понятия языковой произносительной подсистемы, заменяя его орфоэпической позицией [Касаткин 2014]. Многие лингвисты считают, что звуковая система русского литературного языка неоднородна, она состоит из ряда подсистем. Специфичность произносительной подсистемы определяется двумя условиями:

- 1) составом входящих в неё фонем;
- 2) её структурой, то есть совокупностью внутрисистемных связей между фонемами, их способностью различаться в сильных позициях и особенностями нейтрализации в слабых.

Известно, что разные группы слов русского языка могут отличаться набором фонем, например, наличие фонемы /ы/ в заимствованных топонимах и терминах или фонемы /ү/ в междометиях, и закономерностями их позиционного распределения, например, произношение качественно нередуцированных безударных гласных в заимствованных словах (*р[о]к[о]к[о]*) и служебных словах (*мороз, н[о] сол́нце*) или нарушение редуциционной схемы русского слова при звуковом оформлении некоторых союзов (*ты д[э] я́*, где в первом предударном слоге произносится звук второй степени редукции) и многое другое.

Есть одно обстоятельство, которое подтверждает правоту Л. Л. Касаткина, не использующего в своем описании орфоэпии понятие произносительной подсистемы. Если ситуация была бы такова, что, например, во всех союзах наблюдалась одна ступень редукции, то можно было бы эту особенность произношения рассматривать как объединяющую все союзы в одну частную подсистему с общей особенностью редуциционной схемы. Но только в конкретном союзе *да* в первом предударном произносится гласный [э], то есть звук второй степени редукции, а не первой, как положено по формуле Потемби. И именно в союзе *но*, а не вообще в союзах, произносится в безударных положениях звук [о], не подвергшийся качественной редукции. Следовательно, все указанные особенности произношения, описываемые обычно как подсистемные явления, надо считать непозиционными произносительными явлениями, привязанными к конкретным словам и задающимся списком.

7. Следует особо остановиться на квалификации тех особенностей произношения, которые обусловлены социоязыковой характеристикой носителя языка — его возрастом, полом, местом жительства, профессиональной группой и прочим. Выявление и описание внеязыковых факторов, способных влиять на распределение произносительных вариантов, чрезвычайно сложно. «Попытка избавиться от внешнелингвистического хаоса — весьма почтенная научная задача. Если ученым и не удастся до сих пор превратить хаос в космос, то это не должно отвращать их от стремления систематизировать факты и факторы внешней лингвистики» [Степанов 1976: 21].

Традиционно такого рода произносительные явления рассматривают как факты частных социоязыковых произносительных подсистем русского литературного языка, выделяя подсистемы старшей и младшей нормы, женской и мужской речи, региональные системы литературного произношения (например, московскую и петербургскую) и многие другие.

Альтернативный подход предлагает Л. Л. Касаткин, рассматривающий подобные явления как особую группу неязыковых позиций — «если под позицией понимать такие условия, иначе говоря, факторы, причины, вызывающие данный вариант произношения, то в их число следует включать и неязыковые позиции» [Касаткин 2014].

Какой из этих подходов следует признать правильным? Что такое особенности произношения, обусловленные внеязыковыми факторами, — особые социоязыковые подсистемы или особые орфоэпические позиции?

Совокупность каких-либо единиц только тогда можно считать системой, когда эти единицы взаимообусловлены и взаимосвязаны, когда изменение одного фрагмента системы ведет к изменению других её частей. Применимо ли это положение к произносительным социоподсистемам? Кажется, что нет. Рассмотрим в качестве примера варианты произношения, определяемые возрастом носителя языка и использованием им старшей или младшей систем произношения. Предположим, что человек в соответствии со старшей нормой произносит твердо заднеязычные согласные в прилагательных на *-кий, -гий, -хий* (*стрó[гэ]й, тй[хэ]й, крóт[кэ]й*). Значит ли это, что он при этом произносит *é[с']ли* и *[д']верь* как положено по старшей норме, а не *é[с]ли* и *[д]верь* в соответствии с младшей нормой? Нет, разные произносительные закономерности, формирующие хронологические подсистемы, изменяются по собственным внутренним законам, с разной скоростью, а иногда и в разной логике, и не влияют друг на друга. Следовательно, это не элементы одной системы, и предложение Л. Л. Касаткина считать факты произношения, обусловленные социоязыковыми причинами, особыми позициями, вполне логично и непротиворечиво.

Исходя из всего сказанного выше, следует делить все произносительные закономерности не на фонетические и орфоэпические, а на позиционные и непозиционные. Понятия фонетической и орфоэпической позиции можно либо объединить в единое понятие произноси-

тельной позиции, либо, сохранив понятия фонетической и орфоэпической позиции, считать первые частным проявлением вторых.

Результатом системного применения позиционного многофакторного подхода к явлениям русской фонетики должно стать описание, при котором реализация любой фонемы позиционно обусловлена и предсказывается вероятностно. При этом лексикализованные непозиционные явления задаются списком.

Л и т е р а т у р а

Аванесов 1956 — Р. И. Аванесов. Фонетика современного русского литературного языка. М., 1956.

Аванесов 1984 — Р. И. Аванесов. Русское литературное произношение, 6-е изд. М., 1984.

Гловинская 1971 — М. Я. Гловинская. Об одной фонологической подсистеме в современном русском литературном языке // Развитие фонетики современного русского языка. М., 1971.

Каленчук 1993а — М. Л. Каленчук. Орфоэпическая система современного русского литературного языка: Диссертация на соискание... доктора филологических наук., М., 1993.

Каленчук 1993б — М. Л. Каленчук. О фонетической обусловленности и орфоэпической прикреплённости // Проблемы фонетики. I / Отв. ред. Т. М. Николаева. М., 1993. С. 67—74.

Каленчук 2000 — М. Л. Каленчук. О расширении понятия позиция // Фортунатовский сборник: Материалы научной конференции, посвящённой 100-летию московской лингвистической школы 1897—1997 гг. М., 2000. С. 27—32.

Каленчук 2007 — М. Л. Каленчук. О позиционном подходе к описанию произносительных явлений // Материалы V Международной научной конференции «Фонетика сегодня», М., 2007. С. 90—92.

Касаткин 2012 — Л. Л. Касаткин. Орфоэпические правила // М. Л. Каленчук, Л. Л. Касаткин, Р. Ф. Касаткина. Большой орфоэпический словарь русского языка: Литературное произношение и ударение начала XXI века: норма и её варианты / Под ред. Л. Л. Касаткина. М., 2012. С. 938—1000.

Касаткин 2014 — Л. Л. Касаткин. Орфоэпические позиции (в печати).

Касаткина 2000 — Р. Ф. Касаткина. Об изменениях в просодической системе русского литературного языка в последнее десятилетие // Слово в тексте и словаре: Сборник статей к 70-летию академика Ю. Д. Апресяна / Отв. ред. Л. Л. Иомдин, Л. П. Крысин. М. 2000. С. 102—108.

ОС — Орфоэпический словарь русского языка: произношение, ударение, грамматические формы / С. М. Борунова, В. Л. Воронцова, Н. А. Еськова / Под ред. Р. И. Аванесова. 5-е изд., испр. и доп. М., 1989.

Панов 1961 — М. В. Панов. О разграничительных сигналах в языке // ВЯ. 1961. № 1. С. 3—19.

Панов 1967 — М. В. Панов. Русская фонетика. М., 1967.

Панов 1979 — М. В. Панов. Современный русский язык. Фонетика. М., 1970.

Реформатский 1970 — А. А. Реформатский. Из истории отечественной фонологии. М., 1970.

Скачедубова 2008 — Е. С. Скачедубова. Особенности произношения сложных и сложносокращенных слов в современном русском литературном языке: Автореф. ... дис. канд. филол. наук. М., 2008.

Степанов 1976 — Г. В. Степанов. Типология языковых состояний и ситуаций в странах романской речи. М., 1976.

References

Avanesov 1956 — R. I. Avanesov. Fonetika sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka. Moskva, 1956.

Avanesov 1984 — R. I. Avanesov. Russkoe literaturnoe proiznoshenie, 6-e izd. Moskva, 1984.

Glovinskaya 1971 — M. Ya. Glovinskaya. Ob odnoy fonologicheskoy podsisteme v sovremennom russkom literaturnom yazyke // Razvitie fonetiki sovremennogo russkogo yazyka. Moskva, 1971.

Kalenchuk 1993a — M. L. Kalenchuk. Orfoepicheskaya sistema sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka: Dissertaciya na soiskanie... doktora filologicheskikh nauk., Moskva, 1993.

Kalenchuk 1993b — M. L. Kalenchuk. O foneticheskoy obuslovlennosti i orfoepicheskoy prikrepennosti // Problemy fonetiki. I / Otv. red. T. M. Nikolaeva. Moskva, 1993. S. 67—74.

Kalenchuk 2000 — M. L. Kalenchuk. O rasshirenii ponyatiya poziciya // Fortunatovskiy sbornik: Materialy nauchnoy konferencii, posvyashchennoy 100-letiyu moskovskoy lingvisticheskoy shkoly 1897—1997 gg. Moskva, 2000. S. 27—32.

Kalenchuk 2007 — M. L. Kalenchuk. O pozicionnom podkhode k opisaniyu proiznositel'nykh yavleniy // Materialy V Mezhdunarodnoy nauchnoy konferencii «Fonetika segodnya», Moskva, 2007. S. 90—92.

Kasatkin 2012 — L. L. Kasatkin. Orfoepicheskie pravila // M. L. Kalenchuk, L. L. Kasatkin, R. F. Kasatkina. Bol'shoy orfoepicheskij slovar' russkogo yazyka: Literaturnoe proiznoshenie i udarenie nachala XXI veka: norma i ee varianty / Pod red. L. L. Kasatkina. Moskva, 2012. S. 938—1000.

Kasatkin 2014 — L. L. Kasatkin. Orfoepicheskie pozicii // v pechati.

Kasatkina 2000. — R. F. Kasatkina. Ob izmeneniyakh v prosodicheskoy sisteme russkogo literaturnogo yazyka v poslednee desyatiletie // Slovo v tekste i slovare: Sbornik statey k 70-letiyu akademika Yu. D. Apresyana / Otv. red. L. L. Iomdin, L. P. Krysin. M. 2000.

OS — Orfoepicheskij slovar' russkogo yazyka: proiznoshenie, udarenie, grammaticheskie formy / S. M. Borunova, V. L. Voroncova, N. A. Es'kova / Pod red. R. I. Avanesova. 5-e izd., ispr. i dop. Moskva, 1989.

Panov 1961 — M. V. Panov. O razgranichitel'nykh signalakh v yazyke // Voprosy yazykoznavaniya. 1961. № 1. S. 3—19.

Panov 1967 — M. V. Panov. Russkaya fonetika. Moskva, 1967.

Panov 1979 — M. V. Panov. Sovremennyy russkiy yazyk. Fonetika. Moskva, 1970.

Reformatskiy 1970 — А. А. Реформатский. Из истории отечественной фонологии. Moskva, 1970.

Skachedubova 2008 — E. S. Skachedubova. Osobennosti proiznosheniya slozhnykh i slozhnosokrashchennykh slov v sovremennom russkom literaturnom yazyke: Avtoref. ... dis. kand. filol. nauk. Moskva, 2008.

Stepanov 1976 — G. V. Stepanov. Tipologiya yazykovykh sostoyaniy i situaciy v stranakh romanskoj rechi, Moskva, 1976.

Резюме

Фонетические и орфоэпические закономерности русского языка объединяет то, что к ним применим позиционный подход, что позволяет не противопоставлять фонетику и орфоэпию друг другу, а объединить их в едином описании. При этом следует делить все произносительные закономерности не на фонетические и орфоэпические, а на позиционные и непозиционные. Результатом системного применения позиционного многофакторного подхода к явлениям русской фонетики должно стать описание, при котором реализация любой фонемы позиционно обусловлена и предсказывается вероятностно. При этом лексикализованные непозиционные явления задаются списком.

Ключевые слова: фонетика, орфоэпия, позиция

Статья получена 02.02.2015

MARIA L. KALENCHUK

ON THE POSITIONAL APPROACH TO THE DESCRIPTION OF ARTICULATORY PHENOMENA

A common feature of phonetic and orthoepic phenomena of the Russian language is that they can be analyzed through a positional approach. Instead of opposing phonetics and orthoepy to each other, a positional approach makes it possible to combine phonetics and orthoepy in a single description. Therefore all articulatory patterns should be divided not into phonetic and orthoepic, but into positional and non-positional. The result of systematic application of positional multifactorial approach to the phenomena of Russian pronunciation should be a description in which the realization of any phoneme depends on its position and is predicted in terms of probability, whereas lexicalizational non-positional phenomena are set by the list.

Keywords: phonetics, orthoepy, position

Received on 02.02.2015

О. Е. ИВАНОВА

СТРАТЕГИИ ОРФОГРАФИЧЕСКОЙ КОДИФИКАЦИИ В ОБЛАСТИ ТЕРМИНОЛОГИИ

Немного истории. В 60—80-е годы прошлого века, в пору небывалого всплеска интереса к терминологии, в том числе и лингвистического, орфографическая кодификация терминов была отнесена к первоочередным задачам орфографии как деятельности. Считалось, что «разнобой в написании терминов вызывается (...) прежде всего несовершенством действующих “Правил”», что совместная деятельность языковедов и специалистов разных отраслей через издание отраслевых словарей и ГОСТов в обозримом времени сделает вполне реальной «унификацию письменного облика терминов» [Букчина 1982: 173]. Надо признать, что орфографических работ в области терминологии тогда было написано все-таки немного, принадлежат они преимущественно Б. З. Букчиной, изучившей, кажется, все случаи орфографических расхождений, противоречий между правилами орфографии и реальностями ГОСТов, терминологических словарей, а также Большой советской энциклопедии. Главное слово этих работ — разнобой, основной подход — анализ ошибок и вариантов с позиции Правил 1956 г. и орфографического словаря, главный вывод — необходимы и возможны унификация и упорядочение терминологии на основе орфографических норм литературного языка.

Если обратиться к отражению орфографии терминологии в нормативных источниках, то в Правилах 1956 г. и в справочниках Д. Э. Розенталя и др. в некоторые формулировки правил введено указание на применение их в сфере терминологии (это касается сложных существительных и прилагательных¹); известно, что исключениями в разных сегментах правописания становятся прежде всего термины: таковы подправила-исключения

¹ В «Правилах русской орфографии и пунктуации» (М., 1956) это § 80 п. 2 и 3 (пишутся слитно прилагательные, «употребляемые в качестве терминов и образованные из двух или трех основ, независимо от характера последних», напр.: *грудобрюшная преграда, индоевропейские языки*). В справочнике [Розенталь, Джанджакова, Кабанова 1994] это § 42 п. 4, 11 (существительные) и § 43 п. 2, 10 (прилагательные). В справочнике [Валгина, Светлышева 1993] см. п. 1 на с. 59 (существительные), п. 6 на с. 64 и п. 6 на с. 71 (прилагательные).

о дефисном написании единиц измерения и промежуточных частей света (*судо-сутки, юго-восток*), о слитном написании химических терминов (*бромкамфора, хлорвинил*), не говоря уже об отдельных исключениях. Также — и это уже касается тенденций узуса — современные исследования по терминологии говорят о предпочтении вариантов с дефисом в написании сложных прилагательных и существительных в метаязыке лингвистики, в точных науках [Гарифуллина 2009; Иванова Г. А. 2013], что отражает современную динамику в функционировании многокомпонентных терминов². Впечатление, что в терминологии существует особая орфографическая ситуация, поддерживается и исследованиями второй половины прошлого века, в которых есть материал, свидетельствующий об особенностях лексической, словообразовательной, грамматической подсистем терминологии в сравнении с общелитературным языком, и в которых развивается мысль, что «за терминологией можно признать право на определенную самостоятельность во всех ее основных лингвистических характеристиках и тенденциях развития (по сравнению с общелитературной, неспециальной лексикой)» [Даниленко, Скворцов 1982: 7]. «Языковая норма в терминологии, — продолжают авторы, — должна учитывать особенности терминов как знаков специальных понятий (...) Часто то, что необычно в общеупотребительной лексике, актуально и целесообразно в терминологии» [Там же: 27]. (Но это не означает, что следует принять понимание «нормы в терминосистеме» и использовать в сфере правописания понятие *профессиональный вариант нормы*, предложенное для произносительных, лексических и грамматических норм [Даниленко 1977: 161; Даниленко, Скворцов 1982: 15]. В орфографии-ортологии правила правописания формулируются для русского языка во всем его объеме и нормы письма воспринимаются как единые³.)

Сейчас, спустя почти 40 лет, можно констатировать как сохранение противоречий между орфографическими правилами и словарем, с одной стороны, и практикой написания в терминосистемах, с другой, так и высокий уровень вариативного разнообразия. Современная ситуация осложняется фактором информационного взрыва, который, в частности, включает в себя появление новых сфер общения в Интернете, и — главное — лавинообразный процесс образования и заимствования новых слов, а также мно-

² Ср. тезисное высказывание В. П. Даниленко: «Большое количество многокомпонентных наименований с нестандартным смысловым соотношением частей должно обнаружить, очевидно, новые правила, присущие главным образом специальной лексике» [Даниленко 1972: 28], которое нам подтвердить не удалось.

³ Отвечая на критику нового академического справочника «Правила русской орфографии и пунктуации» 2006 г., В. В. Лопатин, в частности, пишет: «...правильно надо писать не только общеупотребительные и стилистически нейтральные слова, а все слова, независимо от их стилистической окраски, от сферы употребления и вообще от употребительности» [Лопатин 2011: 159].

гократно возросшую лексикографическую деятельность. Важный момент современной языковой практики — постоянный рост количества терминов, вовлекаемых в общее употребление, что ведет, с одной стороны, к столкновению профессионального узуса и орфографической нормы, принятой для слов общего языка (так, много вопросов возникает при обработке материалов из Сети, в том числе различных электронных словарей с неизвестным авторством, научных статей, учебников и учебных пособий, руководств, рефератов и пр. для справочных электронных ресурсов), а с другой, расшатывает нормированное письмо самой терминосферы. Кроме того, с процессом активизации терминологии на поле общего письма связана и явно выраженная современная тенденция к расширению представленности терминов в орфографическом словаре общего типа. В Предисловии к первому изданию «Русского орфографического словаря» (1999) указывалось на «особое внимание» составителей к церковно-религиозной лексике, терминологии рынка, бизнеса, банковского дела, программирования, вычислительной техники. Тенденция развивать словник в том числе и за счет терминов продолжилась во 2-м и 4-м дополненных изданиях (2005, 2012): «Словарь включил также ряд новых терминов, относящихся к бизнесу и рынку, к политике, медицине, спорту, музыке, кулинарии и другим областям жизни. Поскольку их употребление активизировалось и выходит за рамки узкоспециальных текстов, нормативный орфографический облик этих слов должен фиксироваться не только в специальных терминологических словарях» [РОС-2012: III]. Поэтому объемы и принципы словарной кодификации терминов также требуют обсуждения и тщательной выверенности.

Сегодня общепринятым является признание высокой вариативности в сфере терминологии и понимание того, что наличие вариантов разного рода так же присуще терминосистемам, как и общелитературному языку⁴. Естественной признается и вариативность орфографическая [Иванова Г. А. 2009; 2013]. Наличие орфографических вариантов в терминологиях объективно подпитывается не только постоянным изменением лексического состава специальных языков (как и общего языка) как за счет внутренних языковых резервов, так и активным заимствованием, но и различными субъективными факторами, среди которых, например, передача в термине информации о культурно-исторической эпохе (устаревшие термины) [Иванова Г. А. 2009: 17], отражение в форме записи термина грамотности употребившего его автора, возможно, отражение в каком-л. конкретном написании координат «свой-чужой», и даже заложенное в термине противоречие авторского намерения и языковой аналогии (ср. варианты *остран(н)ение* — произведено от *странный*, но записано первоначально с одной *н*, что под-

⁴ «Терминологии свойственна такая же широко развитая вариантность, как и всей лексике языка в целом. Но поскольку от вариантности по возможности необходимо терминологию освободить, то встает вопрос о принципах выбора варианта» [Даниленко 1972: 32].

держивается аналогией *отстранение*⁵). Кроме того, А. А. Реформатский, например, считал одной из причин разнонаписания терминов несовершенство правил правописания 1956 г., т. е. видел источник их колебаний в способе научного описания орфографической системы: «Правила» «учитывают нужды средней школы и интересы Академии педагогических наук, но не учитывают запросов издательств и других заинтересованных организаций» (см. [Букчина 1982: 174]), деятельность которых (точнее, продукция — словари, стандарты и пр.) регулирует правильность специальных подязыков. Однако, полагаем, такая точка зрения справедлива лишь отчасти, поскольку в орфографии, во-первых, есть сегменты, которые являются чисто словарными и не подлежат действию правил, а во-вторых, в языковых областях с бурно развивающейся лексикой невозможно проводить своевременную и не противоречащую правилам орфографическую кодификацию, что справедливо и в отношении терминологии.

Итак, следует ли оценивать правописание в терминологии только с позиции строгих общелитературных норм или нормативная оценка должна исходить из специфических особенностей терминологии? Есть ли у орфографистов рычаги управления орфографическим терминологическим узусом и кодификацией? И какова может быть политика орфографистов в сфере терминологии? Решая эти вопросы, мы исходим из представления о терминологии как подсистеме общелитературного русского языка. В. П. Даниленко справедливо пишет, что, с одной стороны, «...существует большое желание исследователей найти как можно больше черт, которые бы четко и ясно отделили слово от термина, лексику общелитературного языка от терминологии», с другой стороны, «терминология, являясь частью общелитературной лексики и в значительной степени беря истоки из общелитературной лексики, не может изолироваться от законов и процессов ее функционирования» [Даниленко 1971: 12—13]. Поэтому в работе при рассмотрении того или иного явления терминологии в орфографическом аспекте учитываются два взаимодействующие фактора — особен-

⁵ *Отстранение* — термин В. Шкловского. Этот термин в «Поэтическом словаре» А. П. Квятковского пишется с двумя *н*, в «Литературном энциклопедическом словаре» (М., 1987) и словаре-справочнике «Культура русской речи» (М., 2003) варианты с одной и двумя *н*, в современные орфографические словари термин вошел с одной *н*. Высказывания самого В. Шкловского о введении этого термина противоречивы: «У меня было слово “отстранение” (...) В этом слове я написал одно “н”. Слово так и пошло с одним “н”. А надо было написать два “н”. Я это сделал только недавно, в книге “Энергия заблуждения”: и оба слова верны. Так и живут теперь два слова — “отстранение” и “отстранение” — с одним “н” и “т”, и двумя “н”: смысл разный, но с одинаковым сюжетом, сюжетом о странности жизни» (В. Шкловский. О теории прозы. М., 1983. С. 234). Ср. пассаж 1970 г.: «Существовал старый термин — отстранение: его часто печатают через одно “н”, хотя слово это происходит от слова “странный”, но термин вошел в жизнь с 1916 года в таком написании» (В. Шкловский. Тетива: О несходстве сходного. М., 1970. С. 230).

ности терминологического подъязыка и его связь с общим языком. Такой подход позволяет анализировать явления в правописании терминов в разных ракурсах: внутри терминосистем, где складывается свой терминологический узус и своя терминологическая норма, и в соотношении с кодифицированными нормами правописания общеупотребительного языка.

Явления, условно называемые нами орфографическими аномалиями терминологии, охватывают написания терминов, отклоняющиеся от кодифицированной нормы письма и не имеющие никаких оснований для такого написания, кроме традиции употребления в своих областях знания. Академический словарь, вводя эти термины, узаконивает их орфографически выраженную терминологичность, в правилах эти случаи надо давать как исключения. Приведем несколько известных примеров. Таково слитное написание прилагательного **синезеленый** в составе термина **синезеленые водоросли**⁶, притом что норма написания через дефис названий цветов и — шире — оттенков качества в общей орфографии оформилась уже в XIX в., а в своде 1956 г. получила статус отдельного правила (§ 81 п.3). Другое слитное написание **молочноцветковый** (*колокольчик, пион*) противоречит частной норме орфографии — норме словарной, в соответствии с которой сложные прилагательные с первой частью *молочно* при подчинительном отношении основ пишутся через дефис. Еще пример. Речь идет о химических терминах **транс-изомер, транс-изомерия, транс-форма** (даны в РОС-2012; *транс-форма азобензола*), **транс-бутен, транс-пентен**, пишущихся через дефис. *Транс...*, восходящее к лат. приставке *trāns* «через, насквозь, за пределами», как приставка (*трансатлантический, транскультурный*) и как первая сокращенная часть сложносокращенных слов (*трансгентство*) по правилам пишется слитно. Соответствие правилам выдерживается в других терминах, например: в химии — *трансаминирование* (в узусе редко — дефис), *трансураны*, в медицине *трансабдоминальный, трансдермальный, трансфузия*, в молекулярной биологии *транспептидация*, в слове *транзакция*, принадлежащем политической, юридической, финансовой терминологиям (и *транзакция* — также в информатике, психологии). Т. е. дефисное *транс-* является исключением даже среди терминов. В системе химической терминологии оно существует не изолированно, а соотносено с компонентом *цис-* (см. ниже), а кроме того, может быть сопоставлено с дефисными же терминами *мета-положение, орто-положение* и *пара-положение*, которые пишутся дефисно вопреки правилу о слитном написании первых самостоятельно не употребляющихся иноязычных частей сложных существительных на гласную (§ 78 п. 1 «Правил» 1956). Подобные отклонения от правил общей орфографии конвенциональны, их существование внутри терминосистемы может поддерживаться или не поддерживаться внутрен-

⁶ На самом деле синезеленые водоросли — это бактерии, скопления которых имеют цвет от светло-зеленого до темно-синего; долгое время рассматривались в составе растений.

ними же связями. Часто они воспринимаются как казусы специального подъязыка. И хотя такие термины подчас встречаются в общем орфографическом словаре (обычно с пометой, указывающей на область применения *хим.*, *бот.*), это можно отнести, по нашему мнению, на счет недостаточно продуманной составительской работы. С точки же зрения стратегии кодификации подобные единицы должны включаться в словарь выборочно и постепенно, по мере их выхода из узкоспециализированной зоны употребления в широкий узус, как например, употребление терминов ботаники в газетных статьях и журналах для садоводов-любителей. Представленность подобных слов в словаре требует уже от составителей орфографических правил учитывать их как исключения. Таким образом, расширение лексической базы словаря и правил иногда идет за счет отклонений, исключений из общих и хорошо работающих правил, а это объективно не способствует устойчивости традиционной системы.

Выше отмечалось, что в терминологии как части общелитературного языка протекают те же процессы и обнаруживаются те же явления, которые свойственны общелитературной лексике — омонимия, полисемия, синонимия, антонимия. В той мере, в какой это затрагивает орфографию, асимметрия формы и содержания видна в возможности различной мотивации письменного знака: формально выраженное на письме явление (например, гласная на стыке двух частей сложной единицы) может иметь разное содержание (соединительная гласная / окончание / гласная основы), а это влияет на различное орфографическое оформление слова. Явление неоднозначной лингвистической интерпретации слова напрямую связано с современной орфографической вариативностью, в том числе и в терминологии (подробнее об этом см. [Бешенкова, Иванова 2011в]). Например, написание сложных существительных опирается на понятие соединительной гласной, однако для слов с первой частью на *-о*, *-е* (*какао*, *кофе*, *эго*, *эмо*, *эхо*) функция финальной гласной может иметь неоднозначную трактовку — это может быть соединительная гласная, окончание самостоятельно слова (*эхо*), гласная основы (*какао* и др.). Выбор трактовки важен для определения написания, так как сложные существительные с соединительными гласными *о* или *е* по правилу пишутся слитно (*кофемашина*, *эгофутурист*, *эхолот*), а в соответствии с другим правилом — как сложные существительные и сочетания с однословным приложением, если в их состав входят самостоятельно употребляющиеся существительные и обе части или только вторая часть склоняется, — пишутся через дефис (*кофе-пресс*, *эго-психология*, *эхо-камера*) [Бешенкова, Иванова 2011а: 181—184]. Возможность неоднозначной интерпретации и исследователями, и носителями языка ведет не только к возникновению в узусе разных написаний слов с одной и той же первой частью или даже одних и тех же слов, но и к закреплению вариативности в кодификации. Так, часть *эго* в РОС-2012 дается слитно в старых словах *эгоцентризм*, *эгофутурист* и их производных, а современный термин *эго-психология* приводится уже в дефисном оформ-

лении, воспроизводя установившийся в специальных текстах узус. Но в словарь пока не попали термины *эго-идентичность* (ego identity), *эго-состояния* и некоторые другие, функционирующие в узусе тоже с подавляющим преобладанием дефисной передачи. Кодификаторы в ситуации неоднозначной трактовки пытаются корректировать процесс орфографического освоения слов, прибегая к перекодификации. И если РОС-2005 слова с первой частью *эхо* давал в различных написаниях (*эхокардиограмма*, *эхолокатор*, *эхолот* — *эхо-импульс*, *эхо-камера*, *эхо-метод*, *эхо-волна*), что отражало преобладающую узуальную тенденцию, то в издании РОС-2012 принято единое кодификационное решение, опережающее письменную практику, и все слова даны только слитно (как в Толковом словаре под ред. Н. Ю. Шведовой 2007 г.). Таким образом, объективная неоднозначность содержательной трактовки слова или компонента слова может приводить к лингвистически оправданной вариативности в написании. И поскольку исключить возможность различного понимания нельзя, то нельзя избежать и вариативности в узусе для слов такого типа. Последняя же, в свою очередь, неизбежно проникает в словарь, создавая нежелательную вариативность в кодификации первой части сложных слов. Вот тут перед лингвистами и встает во весь рост непростая задача согласования словарной нормы и «рассогласованного» с ней живого узуса.

Общим явлением для системы языка и подсистемы терминологии выступает, как отмечалось, омонимия; в терминологии это, по Реформатскому, «межнаучная терминологическая омонимия» [Реформатский 1996: 115], когда термины имеют разные дефиниции и функционируют в разных терминологических системах, например, *редукция* — в философии, в юриспруденции, в фонетике; *субъект* — в философии, праве, логике, лингвистике. Также омонимичными могут быть слово общего языка и термин, сформировавшийся на его основе: попав в терминологию, слово сохраняет только звуковую оболочку, ср. *башмак* и *башимак*, *нос* и *нос*. «Значение этих слов совершенно разное. Функционируют они в пределах разных систем. Одно — в системе общелитературной лексики, другое — в подсистеме общелитературной лексики, т. е. в терминологической лексике» [Даниленко 1971: 20]. Межнаучная омонимия терминов может получить орфографическое оформление. Примером орфографически оформленной межнаучной омонимии являются слова **формфактор** и **форм-фактор**, имеющие общий англоязычный источник *form factor*. Слитно написанное *формфактор* — это термин физических энциклопедий: «функция, описывающая влияние протяжённости частицы на её взаимодействие с другими частицами и полями», *форм-фактор* в дефисном написании — общетехнический термин, определяемый как «стандарт технического изделия, описывающий некоторую совокупность его технических параметров» (*форм-фактор корпуса компьютера, материнской платы* и прочее). Понятийные различия и функционирование в различных специальных сферах здесь выражены ещё и формально разным написанием. Последнее реализует разные воз-

возможности, предоставляемые общеязыковой орфографической системой: написание сложных существительных с первой несамостоятельной частью на согласную — слитное или дефисное — определяется словарно, например: *бэк-вокал, бэк-офис — бэкграунд, бэкслеш; биг-бенд — бигмак; гранпа — гранпасьянс; фронт-офис — фронтпроекция* [Бешенкова, Иванова 2011а: 179—181]. В таких случаях в орфографический словарь, вслед за терминологическими словарями, логично вводить оба термина в разном написании с соответствующими пояснениями (сейчас в РОС-2012 представлен только слитный *формфактор*). Но надо понимать, что это будет соответствовать идеальной «сфере фиксации терминологии» (по Даниленко), анализом которой ограничиваться не следует. А вот в сфере функционирования — реальном текстовом употреблении — ситуация иная: слитное написание *формфактор* частотно соответствует обоим терминам, притом что дефисное написание *форм-фактор* можно считать закрепленным за термином общетехническим (анализировались данные поисковых систем Яндекс и Гугл в феврале 2015, в НКРЯ один пример на технический *форм-фактор*). Также, например, химические и биологические термины **цис-изомеры, цис-изомерия, цис-конфигурация, цис-форма, цис-дихлорэтилен** и некоторые другие (лат. *cis* «односторонний», вид геометрической изомерии) в энциклопедиях и терминологических словарях пишутся с дефисом⁷. Часть из них занесена в такой форме в орфографический словарь. Функционирование терминов с первой частью *цис* в другой области науки — современных гендерных исследованиях — показывает орфографическое колебание при преобладании слитного написания у слов *цисгендерность, циссексизм, циссексуальный, циссексуальность, циснормативность* и только дефисного написания у слов *цис-мужчина, цис-женщина* (вообще, слова *мужчина* и *женщина* неохотно соединяются с префиксами, например, в РОС-2012 отмечено только *супермужчина*, в сети также встречаются *сверхмужчины, супер(-)женщины, сверх(-)женщины*). Здесь значение *цис* отличается от того, что есть в терминах биологии и химии: это не геометрическое «с одной стороны», а «совпадение», поскольку имеется в виду, что социальный пол (гендер) совпадает с биологическим полом. Соотношение терминов с первой частью *цис* в разных областях науки также можно интерпретировать как межнаучную омонимию. Составителям же орфографического словаря опять придется принимать непростое кодификационное решение, учитывая, что в околонаучном узусе формируется другое написание слов с данным элементом.

Межнаучная терминологическая омонимия, имеющая разное орфографическое оформление, нередко осложняется дополнительным орфографи-

⁷ Отметим и здесь явление приспособления орфографической формы термина к общеупотребительному (более широкому, неспециальному) узусу: химический термин *цис-диаминдихлорплатин* в качестве торгового названия лекарственного препарата предстает уже в слитной форме *цисплатин*.

ческим варьированием. Например, прилагательное *магнЕ/Итоэлектрический* в составе двухсловного термина физики реально встречается в двух узуальных вариантах: **магнЕтоэлектрический эффект** (напр., БСЭ, учебный план кафедры № 70 МИФИ «магнетоэлектрический эффект Кикоина — Носкова») и чаще — **магнИтоэлектрический эффект** («Физический энциклопедический словарь», «Физическая энциклопедия» в 5 томах). Варианты отражают чередование *e/u* в словах с корнем *магнет/магнит*⁸. В то же время в электротехнике существует определительная часть сложных терминов **магнИтоэлектрический** (*прибор, реле, омметр, измерительный механизм, система*) (БСЭ, «Политехнический словарь», 1989). Таким образом, два написания прилагательного (вариативное в физике и однозначное в электротехнике) соответствуют двум разным терминам в различных областях знания. Чистая орфографическая вариативность компонента физического термина может быть вполне безболезненно устранена, и, например, в РОС-2012 рекомендовано написание *магнетоэлектрический эффект*. Рекомендация, с одной стороны, свидетельствует о намерении кодификаторов повлиять на ситуацию орфографического варьирования термина, а с другой — объективно ведет к закреплению разного написания омонимов⁹. В обоих рассмотренных случаях факт узуального орфографического неразличения вроде бы говорит о вторичности орфографической формы для функционирования междисциплинарных омонимов, о том, что они в принципе не нуждаются в такого рода различении — как многие другие термины-омонимы, поскольку «термин (хотя он и должен быть понятным независимо от контекста) изолированно, как правило, не употребляется. А контекст всегда бронирует его от неоднозначного истолкования» [Даниленко 1971: 28]. Здесь кодификаторам следовало бы предложить единое написание термина *магнитоэлектрический* с корнем *магнит* (в случае если бы можно было получить согласие специалистов-физиков).

Однако кодификаторы иногда не решаются однозначно «высказаться» по поводу неприемлемости собственно орфографической вариативности и

⁸ Колебание возникло в результате разной передачи греч. *ἒ* в греч. *lithos Magnētes* «магнетический камень». Не опираясь на живую систему русского языка, корень *магнет/магнит* имеет закрепившееся написание в разных словах, в РОС-2012 около 100 слов с этим корнем.

⁹ В общелитературном языке орфографическое закрепление омонимов частотно представлено в употреблении строчной или прописной буквы в случаях типа *лев* (животное) и *Лев* (имя, созвездие и знак Зодиака), *меценат* (покровитель искусств) и *Меценат* (историческое лицо), *октябрь* (месяц) и *Октябрь* (Октябрьская революция 1917 г.). Также различаются в написании некоторые омонимичные первые части сложных слов, например, **техно...** — *первая часть сложных слов* (сокр.: техника, технический), пишется слитно и **техно-...** — *первая часть сложных слов в знач. «относящийся к стилю техно»*, пишется через дефис; **этно...** — *первая часть сложных слов* (сокр.: этнический), пишется слитно и **этно-...** — *первая часть сложных слов в знач. «относящийся к стилю этно»*, пишется через дефис (РОС).

могут закрепить в словаре варианты термина. Таково решение относительно другого термина с чередующимся корнем *магнит/магнет* — *магнЕ/Итохимия*, варьирующегося не только в узусе, но и в энциклопедиях и справочниках, при этом дефиниция термина также не является в источниках строго идентичной, и может создаться впечатление, что слова эти имеют всё-таки разный смысл: в БСЭ варианты **магнетохимия**, **магнитохимия** трактуются как «раздел физической химии», в пятитомной «Физической энциклопедии», «Химической энциклопедии» (1988), «Политехническом словаре» (1989) с этим же определением представлена только **магнетохимия**, а в «Научно-техническом энциклопедическом словаре» Яндекса (<http://enc-dic.com/sciencetech/Magnitohimija-1729.html>) дается только **магнитохимия** как название «области химии, занимающейся исследованием магнитных свойств составов». Установив, что эти два слова с чередующимся корнем обозначают одну область знания и взаимозаменяют друг друга, академический РОС дает оба слова, оставляя тем самым проблему выбора написания нерешенной, как не решили ее сами специалисты. Тем не менее подобная вариантность также вполне устранима, например, в пользу более лексически распространенного корня *магнит*¹⁰.

В случае терминов с корнем *магнет/магнит*, *эхосигнал/эхо-сигнал* причины орфографического варьирования лежат в сфере собственно языковых явлений, то есть объективно обусловлены. В числе факторов, частотно вызывающих разнонаписание в терминологиях, но являющихся вторичными, внешними по отношению к материи языка, одно из первых мест принадлежит влиянию иноязычного источника заимствования. Это влияние может быть постоянным, долгодействующим, а может быть преходящим, сиюминутным. Например, оба варианта старого заимствования **камфора** — **камфара** издавна принадлежат кодифицированной словарной норме, в них и их производных отмечается значительное преобладание варианта с *о* в корне в соответствии с этимологом ср.-лат. *camphora* от араб. *kafur* (ср. написания в основных европейских языках нем. *Campher*, фр. *camphre*, англ. *camphor*, также не дающих оснований для *камфара*; данный вариант, предполагаем, возник на русской почве). Согласно данным НКРЯ оба варианта всегда существовали параллельно (Ломоносов *камфара* 1745 и Зуев *камфора* 1786). В словаре Даля даны *камфорА* [*камфарА*] и *кАмфорное* или *камфАрное дерево*, в словаре Ушакова — *камфорА* и *камфарА*, *камфОрный* и *камфАрный*; в Малой советской энциклопедии 2-го изд. 1937 г. (без ударения) *камфора*, *камфорное дерево*, *камфорный лавр*; в Словаре иностранных слов 1949 г. (3-е изд.) только *кАмфора* и *камфОрное масло*; в Словаре Ожегова 1952 г. (2-е изд.) впервые вводится как основной вариант *камфарА* и прилагательное *камфАрный* как единственное производное.

¹⁰ История словарной кодификации делает в этом случае крутой поворот, так как ранее в Орфографическом словаре русского языка была только *магнетохимия*, затем в РОС 1999 г. появилась статья с вариантами.

Для некоторых наименований вариант с *o* в корне является устойчивой словарной нормой — *камфорное дерево*, *камфорный лавр* (*коричник*), *камфороносный*, *бромкамфора*, *камфоросма* (растение). Вариант *камфара* гораздо менее частотный (по данным поисковых систем Интернета), но он последовательно дается в энциклопедиях, встречается в бытовом письменном узусе. При поддержке словарной фиксации сохранение вариативности объективно объясняется только наличием ударения в прилагательном *камфарный*. Если учесть, что сферы основного использования термина — это сферы медицины, фармакологии и растениеводства, где русское написание обычно дублируется латинским названием, то можно прогнозировать постепенное снижение доли варианта *камфара* в письменном узусе. Другой пример — современное прилагательное **антиантивирусный** в составе термина *антиантивирусный вирус*. Сейчас прилагательное имеет в узуальном письме преобладающее написание с дефисом между двумя приставками, испытывая давление англ. источника *Anti-Antivirus*. Правила, специально регулирующего написание двух одинаковых приставок в одном слове, нет. Но в языке (и словаре) есть слова с повторяющимися приставками: *праправнук*, *прапрабабушка*, *предпредпоследний*, *постпостмодернизм*, *антиантиплагиат*, что является для данного слова очевидным прецедентным написанием. Это тот случай, где вмешательство кодификатора естественно, как и рекомендация слитного написания с опорой на аналогии.

Влияние иноязычного источника может поддерживаться словарным закреплением написания. Например, в «Словаре лингвистических терминов» О. С. Ахмановой соседствуют дефисное **алло-эмический** (англ. *allo-emic*) и слитное **аллофонический** (англ. *allophonic*). Согласно данным «Словаря русских словарей» С. В. Лесникова (М., 2002), единственный случай словарной фиксации дефисного написания *алло-эмический* представлен именно в словаре Ахмановой, притом что все современные термины с первой частью *алло* пишутся слитно по двум правилам: как слова с первыми иноязычными самостоятельно не употребляемыми частями на гласную¹¹ и (в части случаев) как производные от слитных существительных (*аллоэмия*). Однако наличие дефисного варианта в словаре Ахмановой, по нашим наблюдениям, оказало и до сих пор оказывает влияние на современный лингвистический узус: в текстах по теории языкознания и грамматике английского языка сложилась традиция употребления именно дефисного *алло-*

¹¹ Это правило есть в своде 1956 г. См. также формулировку правила и комментарий в [Бешенкова, Иванова 2010: 64—65]: «Сложные существительные с первой частью, иноязычной по происхождению, оканчивающейся на гласную и самостоятельно не употребляющейся, пишутся слитно. Примеры таких первых частей: *авиа*, *авто*, *acro*, *агро*, *антропо*, *астро*, *аэро*, *бальнео*, *бати*, *био*, *варио*, *VELO*, *гекто*, *гелио*, *гео*, *гетеро*, *гигро*, *гомо*, *дека*, *деци*, *зоо*, *изо*, *инфра*, *кило*, *кино*, *крипто*, *макро*, *мега*, *мета*, *метео*, *микро*, *милли*, *мото*, *мульти*, *нано*, *нео*, *орто*, *палео*, *пара*, *пери*, *пиро*, *поли*, *прото*, *санتي*, *теле*, *тетра*, *ультра*, *экзо*, *эко*, *эндо*».

эмический. Дефисный вариант противоречит системной закономерности русского письма — слитному написанию лексически несамостоятельных первых частей слова, действующей как в письме специальных подязыков, так и в общем письме. Данный вариант не соответствует и кодифицированной норме для слов данного типа. Поэтому он не может быть «принят» общей орфографией: не рекомендуется к употреблению и включению в словарь.

Словарь, и особенно авторитетный, как видим, способен создать традицию написания слова, которая, в свою очередь, вступает в видимое противоречие с более поздними явлениями развивающегося письма. Яркое подтверждение этого тезиса — письменная судьба терминов **геологоразведочный** и **патологоанатомический**. Из всего немалого количества терминов-прилагательных с первой частью на *-лого* только они до сих пор частотно пишутся слитно в текстах самого разного назначения — в названиях вузов, учебниках, планах кафедр, отчетах, юридических документах. Напомним, что в Орфографический словарь 1956 г. было включено всего три слова на *-лого*: *биолого-почвенный* — в дефисном написании, *геологоразведочный*, *патологоанатомический* — в слитном. Все же остальные многочисленные прилагательные этого типа¹² пришли в словари позднее и в написании с дефисом¹³. Причем так же с дефисом пишутся и сложные

¹² Например, *аналого-цифровой*, *антрополого-психологистический*, *астролого-нумерологический*, *бактериолого-агрономический*, *бактериолого-химический*, *биолого-медицинский*, *биолого-почвенный*, *вирусолого-иммунологический*, *вирусолого-серологический*, *генеалого-геральдический*, *геолого-морфологический*, *геолого-поисковый*, *геолого-почвенный*, *геолого-тектонический*, *геолого-экономический*, *гидрогеолого-информационный*, *гидролого-климатический*, *гидролого-экологический*, *гистолого-бактериоскопический*, *графолого-почерковедческий*, *графолого-психологический*, *диалого-вычислительный*, *литолого-палеографический*, *метеоролого-климатический*, *метеоролого-магнитный*, *морфолого-географический*, *морфолого-синтаксический*, *психолого-криминалистический*, *психолого-познавательный*, *сейсмолого-вулканологический*, *сейсмолого-геодинамический*, *социолого-психологический*, *социолого-экономический*, *технолого-педагогический*, *технолого-экономический*, *травматолого-ортопедический*, *фармаколого-биологический*, *фармаколого-клинический*, *физиолого-биохимический*, *физиолого-гигиенический*, *физиолого-психологический*, *эколого-географический*, *эколого-культурный*, *эколого-политический*, *эколого-просветительский*, *эколого-экономический*.

¹³ Примеры дефисного написания прилагательного *геолого-разведочный*, конечно, тоже есть (хотя бы в БСЭ т. 14 стб. 707, т. 21 стб. 329). Если посмотреть на материалы интернет-поисковиков, увидим, что специалисты все-таки иногда пишут *патолого-анатомический* с дефисом, преимущественно в актах вскрытия и протоколах исследований. Но надо признать, что этих примеров существенно меньше. Другие, хотя и малоизвестные термины с первой частью *патолого-* обычно имеют менее употребительное соотносительное существительное: *патологогистологический* — *патологогистология*, *патолого-морфологический* — *патологоморфология*, *патолого-физиологический* — *патологофизиология*, *патолого-кли-*

прилагательные других типов, которые имеют при этом соотнесенность¹⁴ с существительным, что должно было бы по общему правилу определять их слитное написание: *лексико-статистический* при *лексикостатистика*, *лиро-эпический* (*лироэпика*), *силлабо-тонический* (*силлаботоника*), *оптико-механический* (*оптикомеханика*), *тунгусо-маньчжурский* (*тунгусо-маньчжурцы*), *тюрко-монгольский* (*тюркомонголы*), *физико-географический* (при редком *физикогеография* как название учебной дисциплины и название кафедр). Рассматриваемые два слова также имеют соотносительные существительные (*геологоразведка*, *патологоанатом(ия)*) в отличие от всех других аналогично устроенных слов. Но все же полагаем, что не их существование¹⁵ определяет устойчивую слитную узусальную норму написания прилагательных, а именно укоренившийся профессиональный узус, заложенный еще в довоенное время Советской энциклопедией и позже закрепленный Орфографическим словарем 1956 г. Приходится констатировать, что традиция употребления сыграла против релевантных для данных слов системных языковых оснований (наличие обширной словообразовательно единой группы терминов, отсутствие непосредственной производности от существительных). Предпринятая в начале 90-х годов прошлого века в академическом словаре попытка унифицировать написание этих двух прилагательных со структурно однотипными словами до сих пор не дала желаемого результата. Однако есть и пример эффективной деятельности кодификаторов. Слова *разыскник*, *разыскной* и их производные *служебно-разыскной*, *минно-разыскной* и др. в специальных текстах до недавнего времени писали с буквой *О* в приставке вопреки общему правилу. Написание *розыскной* в словаре 1956 г. (в словаре Ушакова основная статья *разыскной*, даются варианты) стало фактом искусственно введенной орфографической вариативности, противоречащей общему принципу передачи на письме гласной в данной приставке. Перекодификация в соответствии с правилом была осуществлена в орфографическом словаре только в 1991 г. И хотя профессиональное сообщество правоохранителей его долго не принимало (ссылаясь на свои традиции и нормативные акты государства (законы), написанные с использованием старой орфографической формы), настойчивая разъяснительная работа принесла результат, и в Федеральном законе 2011 г. «О полиции» принято написание *разыскной*. Правильность

нический. Все они пишутся в узусе и дефисно и слитно, у термина *патологогистологический* слитное написание является преобладающим.

¹⁴ О словообразовательной производности здесь говорить трудно, большинство прилагательных хронологически более ранние, чем существительные, и более частотные в употреблении.

¹⁵ В «Горной энциклопедии» (М., «Советская энциклопедия», 1984—1990) нет термина *геологоразведка*, а в «Энциклопедическом словаре медицинских терминов» (в 3-х тт. М., «Советская энциклопедия», 1982—1984) нет термина *патологоанатомия*, с которым прилагательное связано словообразовательно, а слово *патологоанатом* включено только в биографические ссылки.

орфографического оформления термина, вообще — лингвистическая правильность составляет важную часть лингвистического критерия терминологии [Даниленко 1972: 6—7, 17]. С этой мерой естественно подходить не только к новым терминам, входящим в употребление, но и к терминам, применяемым давно.

Влияние словаря на терминологический орфографический узус отмечается исследователями: «Внедренность лингвистического термина-варианта находится в прямой зависимости от наличия/отсутствия фиксации его в словарях, прежде всего — терминологических» [Иванова Г. А. 2013: 340]. Однако реальное письмо дает частотные отклонения от «правильных» словарных фиксаций, даже давних. В. П. Даниленко пишет: «...терминологию нередко наблюдают только в данной замкнутой системе, т. е. в идеальных условиях... Эту сферу можно назвать сферой фиксации терминологии той или иной области науки или практики. При этом не учитывается, что есть и другая, не менее существенная, а может быть, и основная сфера, сфера функционирования (а не фиксации) терминологии — научная речь, специальная научная литература (в широком смысле этого слова). Здесь терминология изымается из рамок замкнутой системы, свободно вплетается в общелитературное окружение, т. е. функционирует (по воле авторов). И подобно тому, как нельзя изучать общелитературный язык (...) только по словарям, так нельзя изучать терминологию, представленную одним лексикографическим жанром» [Даниленко 1971: 43]. Функционирование терминологии «по воле авторов» нередко проявляется как орфографическое варьирование. Так, современные специалисты нередко пишут **морфо-семантический, морфо-функциональный, фоно-морфологический, лингво-психологический, лингво-семиотический, социо-игровой, социо-культурный, социо-лингвистический, социо-психолингвистический** и прочее при давно закрепленных в словарях слитных написаниях слов с первыми иноязычными несамостоятельными частями, оканчивающимися на гласную. Спорадическое предпочтение дефисного написания можно расценивать, во-первых, как намерение отразить на письме равноправное по смыслу отношение корней в сложном прилагательном, что поддерживается давлением на орфографическую кодифицированную норму современной «дефисной моды» (при этом авторы часто не настаивают на своем написании). Во-вторых, расчленение слова дефисом может трактоваться как «тенденция к усложнению морфологической структуры терминов, обусловленная стремлением точнее номинировать соответствующий языковой феномен (...) и тем самым увеличить степень семантической мотивированности специального слова» [Иванова Г. А. 2009: 18]. По мнению Р. В. Гарифуллиной, «именно дефисное написание сложного термина способствует передаче точной, краткой и однозначной информации, то есть способствует выполнению когнитивной функции термина» [Гарифуллина 2009: 64]. Наконец, в-третьих, как писала О. С. Ахманова, «используя различные орфографические варианты слова, пишущий может

варьировать “внутреннюю форму слова”» [Ахманова 1957: 210]. Таким образом, написание **морфо-функциональный**, например, может быть немотивированным дефисным орфографическим вариантом, может передавать актуализацию семантики частей целого или, наконец, выражать «авторскую интенцию», на которую исследователь — автор текста, видимо, имеет право. Заметим только в связи с последним, что использование дефиса для выделения части слова известно как прием в художественной литературе, в публицистике, что отмечено в академических правилах [Правила 2006]. В любом случае это должно быть оправдано контекстом, и читающий должен почувствовать намерение автора; если этого нет — отступление от кодифицированной нормы неоправданно. Кроме того, широко встречающаяся немотивированная вариативность может в конце концов привести к своей противоположности: пишущий лишается возможности вложить в написание необходимый ему смысл (на эту сторону дела нам указала Е. В. Бешенкова). Вообще же явное преобладание в лингвистическом узусе нормативных слитных написаний заставляет считать дефисные написания ошибочными. С нашей точки зрения, ни авторские вкусовые пристрастия, ни мода на дефис не являются теми существенными основаниями, которые могут оправдать отклонения в терминологии от кодифицированной нормы письма. Колебания же слитного/дефисного написания сложных прилагательных с первой бессуффиксальной частью и семантически равноправным отношением частей являются колебаниями в словарной зоне письма, которая традиционно регулируется нормативным словарем [Бешенкова, Иванова 2011а: 191—193].

К числу субъективных (не системных языковых) факторов, порождающих орфографическое варьирование терминов, можно причислить и намерение сохранить в производном термине форму производящего. Яркий пример — прилагательное **темо-рематический**, которое в 80-е годы прошлого века писалось с соединительной гласной *о*¹⁶ — как многие другие термины и нетермины-прилагательные с бессуффиксальной основой существительного в первом компоненте, производные от парных сочетаний: *звучо-буквенный* (звук-буква), *темо-рематический* (тема и рема, тема-рема), *видо-временной* (вид и время), *родо-видовой*, *родо-племенной*, *спуско-подъемный* (спуск-подъем), *приходо-расходный* (приход-расход), *физико-математический* (физика и математика), *весо-ростовой* (вес-рост), *кирилло-мефодиевский* (Кирилл и Мефодий). Современные же тексты массово дают написание **тема-рематический** (в соотношении 1:4), что по распространенности можно считать узальной нормой, противопоставленной кодифицированной норме РОС. Как рассматривать это *a* в середине цельно-оформленного слова? И почему стал укрепляться этот новый вариант написания? Аналогии такому образованию единичны: прилагательное *сход-*

¹⁶ Так слово пишется в работах Г. А. Золотовой; также: [Касевич 1988; Долинин 1985/2010; Бэбби 1985; Реферовская 2007].

развальный (от *сход-развал* в автоделе) с нулевой соединительной гласной, сетевой окказионализм с первой частью от существительного муж. рода на *-а* — *papa-мамин праздник*. Поскольку термин создан с нарушением общеязыковой словообразовательной модели, то можно предположить лишь намерение передать общность морфемного облика производного с производящим, или, иначе сказать, здесь «принцип сохранения графического облика оказывается важнее принципа системности» [Кронгауз 2008: 186]. Асистемность этого случая позволяет настаивать на правильности формы с соединительной гласной *о* — как *физико-математический*¹⁷, а не *papa-мамин*. Считаем актуальным мнение В. П. Даниленко, которая выводила за пределы нормы в терминологии «все то, что противоречит регулярным правилам создания слов или форм слов, даже если конкретные термины, образованные с нарушением норм, получают определенное пространство» [Даниленко 1977: 162].

Орфографическое варьирование терминов в определенной мере зависит от факторов общественной жизни, от всё расширяющейся сферы интернет-коммуникации, от всё большей вовлеченности в бытовое, повседневное письмо некогда узких профессиональных сфер терминологии. Так, в прежде устойчивой группе терминов-исключений, обозначающих сложные единицы измерения, появляются такие, которые в силу экстралингвистических обстоятельств выходят за рамки своей специальной области употребления и становятся достоянием широкого узуса. Например, динамика жизни привела к расширению социальной базы слов **машино-место**, **нормо-час**, **самолето-вылет**, и в неспециальных областях (объявления, рекламные тексты, заметки, газетные статьи, ненормированная письменная речь в блогах) они активно начинают писаться слитно **машиноместо*, **нормочас*, **самолетовылет*, то есть подравниваются под общее правило¹⁸ слитного написания существительных с соединительной гласной. «Выходя за рамки узкоспециальной сферы употребления, слова в большей мере подпадают под действие общего правила. Именно поэтому варианты в узусе появляются для тех слов, которые в силу определенных условий стали широко употребляться и за пределами профессиональной речи» [Бешенкова, Иванова 2011б: 9]. Более того, возможно и иное, когда соотношение частей в слове, перенесенном в бытовую сферу, начинает пониматься носителями языка иначе, и поэтому пишется *койка-день*, *норма-час*, *машина-место*, что соответствует другому правилу¹⁹ (вот ряд примеров: *машина-место*

¹⁷ А также: *ритмико-интонационный*, *семантико-гносеологический*, *технико-экономический*, *экономико-гуманитарный*, *эпико-драматический*.

¹⁸ Говоря словами М. В. Панова: «Расширение демократической основы письма всегда связано с устранением некоторых избыточных орфографических норм» [Панов 1963: 82].

¹⁹ Напомним это правило: «Сложные существительные и сочетания с однословным приложением, если в их состав входят самостоятельно употребляющиеся

идет отдельным договором, то есть есть договор на покупку квартиры и есть договор на машина-место; сдам машина-место под домом; продаются два машина-место (так!), жилой комплекс «Воробьёвы горы»).

Принадлежность единицы специальной или неспециальной сфере употребления, т. е. разная степень терминологизированности, обуславливает и её различное орфографическое оформление, например, предстающее на письме как сопоставленность сложного слова и словосочетания: **плотнаселенный** — это термин демографии, пишется слитно, **плотно заселенный** термином не является и при одинаковом значении с предыдущим словом пишется иначе. Причиной стремления к более тесному объединению частей словосочетания, преодоления раздельного написания, является именно терминологический статус лексической единицы, когда проявляется потребность приблизить «конструкцию к типу сложного слова, где взаимоотношения между элементами отражены менее отчетливо», поскольку словосочетание, например, *абсолютно-сухой материал* «нельзя понимать буквально» [Лотте 1969: 45], оно больше, чем сумма значений компонентов. Однако новые слитные или дефисные написания многокомпонентных терминов возникают в ничтожно меньшем количестве случаев, т. е. образуются выборочно, случайно, «словарно». И так же выборочно они попадают в орфографический словарь, придавая пестроту лексикографическому ряду. В работе [Бешенкова, Иванова 2014: 342—343], посвященной сложным прилагательным, показано, что для слитного/дефисного/раздельного написания первой наречной части на *-о* или *-е* со второй частью правила-алгоритма создать невозможно и что конкретное написание каждой первой части со вторыми частями осуществляется по индивидуальному словарному правилу, а в исключения к этим частным правилам попадают прежде всего термины. Например, первые части **вечно**, **встречно**, **резко**, **собственно**, **умеренно** пишутся в норме (узуальной и кодифицированной) раздельно как наречия, ср. *вечно молодой*, *вечно сомневающийся*; *встречно расположенный*, *встречно вращающийся*; *резко контрастный*, *резко континентальный*, *резко обособленный*, *резко меняющийся*; *собственно научный*, *собственно политический*, *собственно русский*; *умеренно влажный*, *умеренно левый*, *умеренно малый*, *умеренно выраженный*, а слитные или дефисные исключения — это термины: *вечнозеленый*, *вечноцветущий*, *вечномёрзлый*, *вечноснежный*; *встречносмещенный*; *резкопересеченный* (местность), *резкощелочной*; *собственноличный* и *собственно-возвратный* (глагол); *умеренно-диссимилятивный*²⁰. По отношению к общему языку дан-

существительные и обе части или только вторая часть склоняется, пишутся через дефис, напр.: *агент-банк*, *альфа-частица*, *атташе-кейс*, *аудит-контроль*, *баба-яга...*» [Бешенкова, Иванова 2010: 67], также см. Правила 1956 г. § 79.

²⁰ Хотя в этот ряд исключений могли бы попасть (но не попали) и другие термины из списка: *встречно вращающийся*, *умеренно влажный*, *резко континентальный...*

ные термины обнаруживают особенности орфографического оформления только тогда, когда возникла потребность добавить такие слова в словарь, поставить их рядом с другими подобными, т. е. когда терминология вышла за пределы собственно специального употребления.

Итак, проанализированный материал показывает несколько стратегий кодификаторов в отношении орфографической вариативности (колебаний) терминов. Кодификаторы в одних случаях следуют стратегии закреплени я специфической орфографической формы термина, признавая ее или опирающейся на собственно языковые основания (*магнет/магнит*), и/или традиционной и принятой в данной науке (*транс-изомерия*). В других случаях кодификаторы с разной степенью успешности придерживаются стратегии изменения написания термина в соответствии с требованиями общей нормы и общезыковых закономерностей, и делают это как по отношению к терминам, имеющим традицию употребления (*геолого-разведочный, разыскной*), так и к терминам, недавно вошедшим в словарь (*эховолна*). Возможна и стратегия следования развивающемуся узусу (*эгоцентризм / эго-психология*), приводящая к включению в словарь разнонаписаний однотипных слов и поэтому не способствующая стабилизации нормы, закрепляющая «вечный» выбор. Наконец, в ситуации появления колебаний написания уже кодифицированных слов предпочтительно не менять установленные рекомендации (*машино-место, социокультурный*), руководствоваться стратегией постоянства.

Многообразные причины объективного и субъективного плана обуславливают неизбежность орфографического варьирования в терминологии. Причем анализ показывает, что все типы отклонений представляют собой словарный материал, т. е. функционируют в соответствии с индивидуальными орфографическими нормами. И такой же словарный характер присущ написаниям терминов в пределах целых грамматических сегментов (*вечно молодой — вечномерзлый*). Очевидно, что основная масса терминов пишется в соответствии с общими законами языка и общими правилами, и то, что нарушает системные отношения в языке и что подпадает под правила, можно и нужно корректировать, внимательно относясь при этом к традиции и узусу специальных сфер. Вывод Л. П. Калакуцкой и Б. З. Букчиной: «особые правила для терминологической лексики невозможны и не нужны», норма должна быть единой для всех сфер литературного языка [Букчина, Калакуцкая 1981: 156], — представляется нам адекватным существующему положению дел.

В связи с этим одним из рычагов воздействия на терминопотребление является сознательная тактика кодификаторов — включать в словарь только те термины, которые стали шире употребляться, стали замечаться в других типах текстов, а не орфографические «экзотизмы», живущие только внутри терминосистемы. И поэтому 1) при лингвистически выверенном подходе к колеблющимся орфографическим явлениям в терминологии, основанном на понимании причин и степени устойчивости имеющих вари-

антов, и 2) при активной позиции редакторов специальных текстов можно заметно понизить уровень немотивированной вариативности терминологического узуса. А с точки зрения перспектив языковой системы — не закреплять в качестве кодифицированной нормы те узуальные предпочтения, которые формируются в письме «здесь и сейчас» в период активных изменений и усиленной работы адаптационного механизма языка.

Таким образом, теоретические подходы к оценке орфографической формы и дальнейшей кодификации терминов по существу те же, что и к кодификации нетерминов. Практически же это должно быть учтено при формулировании правил правописания и в словниках общих орфографических словарей.

Л и т е р а т у р а

Ахманова 1957 — О. С. Ахманова. Очерки по общей и русской лексикологии. М., 1957.

Бешенкова, Иванова 2010 — Е. В. Бешенкова, О. Е. Иванова. Сложные существительные и сочетания с приложениями как объект орфографического описания // Рус. яз. в науч. осв. 2010. № 2 (20). С. 57—76.

Бешенкова, Иванова 2011а — Е. В. Бешенкова, О. Е. Иванова. Русское письмо в правилах с комментариями. М., 2011.

Бешенкова, Иванова 2011б — Е. В. Бешенкова, О. Е. Иванова. Современная орфографическая вариативность: тенденция к унификации / дифференциации написаний // Язык и социальная действительность. Научный журнал. № 1. Красноярск, 2011. С. 5—19.

Бешенкова, Иванова 2011в — Е. В. Бешенкова, О. Е. Иванова. Неоднозначная интерпретация слова и современная орфографическая вариативность // Язык и социальная действительность. Научный журнал. № 2. Красноярск, 2011. С. 5—18.

Бешенкова, Иванова 2014 — Е. В. Бешенкова, О. Е. Иванова. Лексикографическое описание орфографического оформления сочетаний единиц на *-o*, *-e* с последующим прилагательным или частью сложного прилагательного (*активно действующее вещество* и *сильнодействующее вещество*) // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. Вып. I. М., 2014. С. 329—357.

Букчина 1982 — Б. З. Букчина. Об орфографии в терминологии // Культура речи в технической документации. М., 1982. С. 173—192.

Букчина, Калакуцкая 1981 — Б. З. Букчина, Л. П. Калакуцкая. Орфография и грамматика (на материале терминологической лексики) // Терминология и культура речи. М., 1981. С. 135—157.

Бэбби 1985 — Л. Бэбби. Порядок слов, падеж и отрицание в бытийных предложениях русского языка // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XV. М., 1985. С. 156—170.

Валгина, Светлышева 1993 — Н. С. Валгина, В. Н. Светлышева. Орфография и пунктуация. Справочник. М., 1993.

Гарифуллина 2009 — Р. В. Гарифуллина. Дефис в системе терминообразования (на примере физико-математических терминов) // Вестник РУДН, серия «Русские и иностранные языки и методика их преподавания». 2009. № 3. С. 64—70.

- Даниленко 1971 — В. П. Даниленко. Лексико-семантические и грамматические особенности слов-терминов // Исследования по русской терминологии. М., 1971.
- Даниленко 1972 — В. П. Даниленко. Лингвистические требования к стандартизуемой терминологии // Терминология и норма. М., 1972. С. 5—32.
- Даниленко 1977 — В. П. Даниленко. Русская терминология: Опыт лингвистического описания. М., 1977.
- Даниленко, Скворцов 1982 — В. П. Даниленко, Л. И. Скворцов. Нормативные основы унификации терминологии // Культура речи в технической документации. М., 1982. С. 5—35.
- Долинин 1985/2010 — К. А. Долинин. Интерпретация текста. М., 1985 (перезд.: К. А. Долинин. Интерпретация текста: Французский язык: Учебное пособие. Изд. 4-е. М., 2010).
- Иванова Г. А. 2009 — Г. А. Иванова. Орфографическая вариантность лингвистических терминов // Вестник МГОУ. Русская филология. № 1. 2009. С. 16—21.
- Иванова Г. А. 2013 — Г. А. Иванова. Терминологическая вариантность в языке лингвистики: нормативный аспект // Терминология и знание. Материалы III Международного симпозиума (Москва. 8—10 июня 2012 г.) / Отв. ред. докт. филол. наук С. Д. Шелов. М., 2013. С. 340—348.
- Касевич 1988 — В. Б. Касевич. Семантика. Синтаксис. Морфология. М., 1988.
- Кронгауз 2008 — М. А. Кронгауз. Русский язык на грани нервного срыва. М., 2008.
- Лопатин 2011 — В. В. Лопатин. Упорядочение орфографических правил: итоги и перспективы // Вопросы культуры речи. Вып. 10. / Отв. ред. А. Д. Шмелев. М., 2011. С. 155—165.
- Лотте 1969 — Д. С. Лотте. Образование и правописание трехэлементных научно-технических терминов / Отв. ред. С. Г. Бархударов. М., 1969.
- Панов 1963 — М. В. Панов. Об усовершенствовании русской орфографии // ВЯ. 1963. № 2. С. 81—93.
- Правила 2006 — Правила русской орфографии и пунктуации / под ред. В. В. Лопатина. — М., 2006.
- Реферовская 2007 — Е. А. Реферовская. Коммуникативная структура текста в лексико-грамматическом аспекте. Изд. 2-е. М., 2007.
- Реформатский 1996 — А. А. Реформатский. Введение в языковедение. М., 1996.
- Розенталь, Джанджакова, Кабанова 1994 — Д. Э. Розенталь, Е. В. Джанджакова, Н. П. Кабанова. Справочник по правописанию, произношению, литературному редактированию. М., 1994.
- РОС-2005 — Русский орфографический словарь: около 180 000 слов / О. Е. Иванова, В. В. Лопатин (отв. ред.), И. В. Нечаева, Л. К. Чельцова. 2-е изд., испр. и доп. М., 2005.
- РОС-2012 — Русский орфографический словарь: около 200 000 слов / Под ред. В. В. Лопатина, О. Е. Ивановой. Изд. 4-е, испр. и доп. М., 2012.

References

- Akhmanova 1957 — O. S. Akhmanova. Ocherki po obshchey i russkoy leksikologii. Moskva, 1957.
- Bebbi 1985 — L. Bebbi. Poryadok slov, padezh i otricanie v bytiynykh predlozheniyakh russkogo yazyka // Novoe v zarubezhnoy lingvistike. Vyp. XV. Moskva, 1985. S. 156—170.

Beshenkova, Ivanova 2010 — E. V. Beshenkova, O. E. Ivanova. Slozhnye sushchestvitel'nye i sochetaniya s prilozheniyami kak ob'ekt orfograficheskogo opisaniya // *Russkii yazyk v nauchnom osveshchenii*. 2010. № 2 (20). S. 57—76.

Beshenkova, Ivanova 2011a — E. V. Beshenkova, O. E. Ivanova. Russkoe pis'mo v pravilakh s kommentariyami. Moskva, 2011.

Beshenkova, Ivanova 2011b — E. V. Beshenkova, O. E. Ivanova. Sovremennaya orfograficheskaya variativnost': tendenciya k unifikacii / differenciacii napisaniy // *Yazyk i social'naya deystvitel'nost'*. Nauchnyy zhurnal. № 1. Krasnoyarsk, 2011. S. 5—19.

Beshenkova, Ivanova 2011v — E. V. Beshenkova, O. E. Ivanova. Neodnoznachnaya interpretaciya slova i sovremennaya orfograficheskaya variativnost' // *Yazyk i social'naya deystvitel'nost'*. Nauchnyy zhurnal. № 2. Krasnoyarsk, 2011. S. 5—18.

Beshenkova, Ivanova 2014 — E. V. Beshenkova, O. E. Ivanova. Leksikograficheskoe opisanie orfograficheskogo oformleniya sochetaniy edinic na *-o*, *-e* s posleduyushchim prilagatel'nym ili chast'yu slozhnogo prilagatel'nogo (aktivno deystvuyushchee veshchestvo i sil'nodeystvuyushchee veshchestvo) // *Trudy Instituta russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova*. Vyp. I. Moskva, 2014. S. 329—357.

Bukchina 1982 — B. Z. Bukchina. Ob orfografii v terminologii // *Kul'tura rechi v tekhnicheskoy dokumentacii*. Moskva, 1982. S. 173—192.

Bukchina, Kalakuckaya 1981 — B. Z. Bukchina, L. P. Kalakuckaya. Orfografiya i grammatika (na materiale terminologicheskoy leksiki) // *Terminologiya i kul'tura rechi*. Moskva, 1981. S. 135—157.

Danilenko 1971 — V. P. Danilenko. Leksiko-semanticheskie i grammaticheskie osobennosti slov-terminov // *Issledovaniya po russkoy terminologii*. Moskva, 1971.

Danilenko 1972 — V. P. Danilenko. Lingvisticheskie trebovaniya k standartizuemoy terminologii // *Terminologiya i norma*. Moskva, 1972. S. 5—32.

Danilenko 1977 — V. P. Danilenko. Russkaya terminologiya: Opyt lingvisticheskogo opisaniya. Moskva, 1977.

Danilenko, Skvorcov 1982 — V. P. Danilenko, L. I. Skvorcov. Normativnye osnovy unifikacii terminologii // *Kul'tura rechi v tekhnicheskoy dokumentacii*. Moskva, 1982. S. 5—35.

Dolinin 1985/2010 — K. A. Dolinin. Interpretaciya teksta. Moskva, 1985 (perezid.: K. A. Dolinin. Interpretaciya teksta: Francuzskiy yazyk: Uchebnoe posobie. Izd. 4-e. Moskva, 2010).

Garifullina 2009 — R. V. Garifullina. Defis v sisteme terminoobrazovaniya (na primere fiziko-matematicheskikh terminov) // *Vestnik RUDN, seriya «Russkie i inostranye yazyki i metodika ikh prepodavaniya»*. 2009, № 3. S. 64—70.

Ivanova G. A. 2009 — G. A. Ivanova. Orfograficheskaya variantnost' lingvisticheskikh terminov // *Vestnik MGOU. Russkaya filologiya*. № 1. 2009. S. 16—21.

Ivanova G. A. 2013 — G. A. Ivanova. Terminologicheskaya variantnost' v yazyke lingvistiki: normativnyy aspekt // *Terminologiya i znanie. Materialy III Mezhdunarodnogo simpoziuma (Moskva. 8—10 iyunya 2012 g.)* / *Otv. red. dokt. filol. nauk S. D. Shelov*. Moskva, 2013. S. 340—348.

Kasevich 1988 — V. B. Kasevich. Semantika. Sintaksis. Morfologiya. Moskva, 1988.

Krongauz 2008 — M. A. Krongauz. Russkiy yazyk na grani nervnogo sryva. Moskva, 2008.

Lopatin 2011 — V. V. Lopatin. Uporyadochenie orfograficheskikh pravil: itogi i perspektivy // *Voprosy kul'tury rechi*. Vyp. 10. / *Otv. red. A. D. Shmelev*. Moskva, 2011. S. 155—165.

- Lotte 1969 — D. S. Lotte. *Образование и правописание трехэлементных научно-технических терминов* / Отв. ред. S. G. Barkhudarov. Moskva, 1969.
- Panov 1963 — M. V. Panov. *Об усвоении русской орфографии* // *Voprosy yazykoznanija*. 1963. № 2. S. 81—93.
- Pravila 2006 — *Pravila russkoy orfografii i punktuacii* / pod red. V. V. Lopatina. — Moskva, 2006.
- Referovskaya 2007 — E. A. Referovskaya. *Kommunikativnaya struktura teksta v leksiko-grammaticheskom aspekte*. Izd. 2-e. Moskva, 2007.
- Reformatskiy 1996 — A. A. Reformatskiy. *Vvedenie v yazykovedenie*. Moskva, 1996.
- ROS-2005 — *Russkiy orfograficheskiy slovar': okolo 180 000 slov* / O. E. Ivanova, V. V. Lopatin (otv. red.), I. V. Nechaeva, L. K. Chel'cova. 2-e izd., ispr. i dop. Moskva, 2005.
- ROS-2012 — *Russkiy orfograficheskiy slovar': okolo 200 000 slov* / Pod red. V. V. Lopatina, O. E. Ivanovoy. Izd. 4-e, ispr. i dop. Moskva, 2012.
- Rozental', Dzhandzhakova, Kabanova 1994 — D. E. Rozental', E. V. Dzhandzhakova, N. P. Kabanova. *Spravochnik po pravopisaniju, proiznosheniju, literaturnomu redaktirovaniyu*. Moskva, 1994.
- Valgina, Svetlysheva 1993 — N. S. Valgina, V. N. Svetlysheva. *Orfografiya i punktuaciya*. *Spravochnik*. Moskva, 1993.

Резюме

Орфография терминологии анализируется в статье как с позиции терминологического узуса и нормы, так и в соотношении с кодифицированными нормами правописания общеупотребительных слов языка. Показывается, что многообразные причины объективного и субъективного плана обуславливают неизбежность орфографического варьирования в терминологии и что все типы отклонений от кодифицированных норм являются не системными, а индивидуальными, «словарными». Наибольший интерес представляют случаи, когда термины выходят за пределы узкоспециального употребления и требуют поэтому кодификации в общем орфографическом словаре. В связи с этим определяются стратегии кодификации, делаются предположения о возможной сознательной тактике кодификаторов по регулированию терминологического узуса.

Ключевые слова: орфография, терминология, узус, норма, кодификация, орфографический словарь

Статья получена 18.03.2015

OLGA E. IVANOVA

STRATEGIES FOR STANDARDIZING SPELLING OF SCHOLARLY TERMINOLOGY

The paper examines the spelling of scholarly terms from two points of view: as part of the terminology system and as part of common language. It is shown that multiple objective and subjective causes determine the inevitability of spelling variation in terminology and that all types of deviation from standards concern individual vocables, not rules.

Particular attention is given to cases in which specialized terms enter common usage, sometimes leading to changes in their spelling and raising the need for standardization. We analyze previous standards of terminology in general spelling dictionaries, analyze them as part of common language norms and propose possible strategies for standardizing terminology.

Keywords: spelling, terminology, usage, spelling rules, standardization, spelling dictionary

Received on 18.03.2015

Е. А. ЛЮТИКОВА

СОГЛАСОВАНИЕ, ПРИЗНАКИ И СТРУКТУРА ИМЕННОЙ ГРУППЫ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ*

1. Введение

Вопрос об универсальности устройства синтаксических структур и их соотношения с компонентами значения широко обсуждается в современной лингвистике. Существенное место в этих дискуссиях занимает вопрос об универсальности структуры именной группы. Исследования разноструктурных языков показывают, что синтаксическая организация именной группы находится во взаимосвязи с композиционной семантикой ее составляющих, что позволяет выделить в именной группе несколько метауровней: лексический, количественный и референциальный [Borer 2005; Svenonius 2008]. В этой связи особую остроту приобретает вопрос о строении именной группы в безартиклевых языках, в частности, в русском языке: есть ли основания считать, что разные типы семантической информации отображаются в такой же иерархически организованной синтаксической структуре, что и в артиклевых языках (см. обсуждение в [Pereltsvaig 2006; 2007; 2013; Лютикова 2010]).

В данной статье для выявления иерархической структуры русской именной группы используются данные согласования: мы рассматриваем случаи, когда именные проекции разных уровней демонстрируют разные согласовательные признаки. Обнаруживается, что подобное варьирование устроено не произвольным образом, но отражает последовательное синтаксическое вложение именных проекций, среди которых выделяются группа лексического существительного (NP), группа числа (NumberP) и группа определителя (DP).

Статья имеет следующую структуру. В разделе 2 вводится модель согласования и обсуждаются признаковые характеристики русской именной группы. Раздел 3 посвящен согласованию по числу; в разделе 4 рассматри-

* Работа над статьей велась в рамках проекта Российского Научного Фонда № 14-18-03270 «Типология порядка слов, коммуникативно-синтаксический интерфейс и информационная структура высказывания в языках мира».

вается согласование по роду. Завершает статью раздел 5, в котором подводятся итоги обсуждения.

2. Модель согласования

Структурное единство синтаксических объектов во многом обеспечивается формальными правилами, требующими унификации одноименных признаков в границах этих объектов. Так, например, русская именная группа обычно характеризуется единым значением признаков рода, числа, одушевленности и падежа; предикативная основа клаузы — подлежащее и сказуемое — также демонстрируют взаимозависимость признаков лица, числа, рода; можно также считать, что взаимно обусловлены именительный падеж подлежащего, финитность сказуемого и наличие предикативного согласования.

Унификация признаков в пределах некоторой синтаксической составляющей традиционно моделируется при помощи понятия согласования. Общепринятая модель согласования предполагает, что в пределах некоторой синтаксической составляющей (области согласования) имеется составляющая с означенными признаками А, В, С... (контролер согласования) и составляющая с неозначенными признаками А, В, С... (мишень согласования). Контролер согласования становится источником значения признаков А, В, С... для всей области согласования, вследствие чего данные признаки означиваются у всех мишеней в пределах области согласования. Для русского языка основными областями согласования являются именная группа, в которой имеет место атрибутивное согласование, и клауза, которая характеризуется предикативным согласованием [Corbett 1979; 1988; 1998; Иомдин 1990; Мельчук 1993; Кибрик 1992] и др.¹. В обоих случаях контролером согласования, то есть источником значений признаков, оказывается именная составляющая.

Признаковые характеристики русской именной группы неоднократно и подробно рассмотрены в академических грамматиках [Грамматика 1960; Грамматика 1970; Русская грамматика 1980], монографических описаниях русской морфологии и синтаксиса [Пешковский 1914; Шахматов 1925/1941;

¹ Кроме того, выделяется также вторичное предикативное согласование (*Он был умным — Она была умной*), согласование присказуемых имен (*Я встречал ее молодой — Я встречал их молодыми*), конгруэнтность (*Я рассказал Пете о нем — Я рассказал Маше о ней*). Отнесение некоторого грамматического феномена к тому или иному типу согласования, вообще говоря, зависит от синтаксического анализа конструкции: так, унификация признаков относительного местоимения *который* и именной вершины относительной конструкции может рассматриваться как конгруэнтность либо как атрибутивное согласование в зависимости от того, предполагает ли синтаксический анализ, что *который* и именная вершина на каком-то этапе деривации образуют единую именную группу.

Виноградов 1947/1972; Зализняк 1968/2002; Лекант 1974; Белошапкина 1977; Franks 1995; Timberlake 2004; Bailyn 2012], исследованиях конкретных грамматических категорий [Мучник 1963; 1971; Зализняк 1964; Ицкович 1980; Comrie 1975; Corbett 1980; 1982; Иомдин 1980; Мельчук 1985; Крысько 1994; Кронгауз 1996; Rappaport 2003; Копелиович 2008; Плунгян 2011; Matushansky 2013; Glushan 2013]. В частности, в этих работах показано, что признаки, по которым происходит согласование, неоднородны с точки зрения их «источника» — контролера согласования. Во-первых, это может быть постоянный словарный признак существительного, лексической вершины в именной группе. К этой группе относятся признаки рода и одушевленности. Во-вторых, это может быть переменный признак именной группы, возникающий в процессе деривации именной составляющей, такой как признак числа. Наконец, это может быть переменный признак именной группы, источник которого находится вне именной группы: это признак падежа.

Традиционная грамматика рассматривает единство падежной граммы в пределах именной группы как результат согласования атрибутивных компонентов именной группы с вершиной. Однако, как убедительно показано в [Babby 1987; Corbett 1998; 2006; Тестелец 2001], более адекватным является анализ этого явления как одновременного означивания признака падежа у всех компонентов именной группы: “Case is not a feature of the noun: it is imposed on the noun phrase by government by some other syntactic element. Thus the noun and adjective are in the same case because it is imposed equally on both” [Corbett 1998: 22]². Таким образом, атрибутивное согласование в русском языке унифицирует в пределах именной группы значения признаков рода, одушевленности и числа³.

При моделировании согласования следует учитывать случаи, когда потенциальный контролер отсутствует либо не обладает (означенным) признаком, по которому происходит согласование в данной синтагме. В принципе, такая ситуация может иметь различные последствия для грамматичности конструкции. Например, в модели согласования, представленной в

² «Падеж — не признак существительного: он присваивается именной группе посредством управления со стороны некоторого другого синтаксического элемента. Таким образом, существительное и прилагательное стоят в одинаковом падеже, потому что он одинаковым образом присваивается им обоим» (пер. Я. Г. Тестельца [Тестелец 2001: 384]).

³ Анонимный рецензент справедливо отмечает, что некоторую сложность для анализа числа в именной группе как результата согласования прилагательного с вершиной представляют конструкции с сочиненными прилагательными в единственном числе при множественной вершине (*красный и зеленый фонари*). Представляется, однако, что подобные конструкции допускают анализ, при котором согласование происходит с существительными в ед. числе (*красный ~~фонарь~~ и зеленый ~~фонарь~~*), а признак множественного числа сочиненная группа получает уже после того, как произошло согласование прилагательного в каждом из конъюнктов.

[Chomsky 2000; 2001], тот факт, что признаки мишени остались неопределенными, приводит к «несходящейся деривации», т. е. неграмматичному предложению. Однако более адекватен эмпирическим данным другой подход [Corbett 2006; Vobaljik 2008; Preminger 2011], при котором попытка согласования в синтагме, где имеется мишень с неопределенным признаком, происходит всегда, однако неуспешность этой попытки не приводит к неграмматичности. При невозможности согласования с потенциальным контролером признаки мишени получают значение по умолчанию. Так называемое «дефолтное» согласование в русском языке приписывает признакам мишени значения 3-го лица, ед. числа, среднего рода [Corbett 1988]. В примере (1а) мы видим дефолтное предикативное согласование в отсутствие потенциального контролера — подлежащего; в (1б) демонстрируется дефолтное атрибутивное согласование указательного местоимения, вызванное тем, что потенциальный контролер — клауза — лишена признаков рода и числа⁴.

- (1) а. Солдата **ранило** случайной пулей.⁵
 б. Я знаю лишь **то**, что ничего не знаю.

Обратимся теперь к случаям, когда русская именная группа демонстрирует неоднозначные признаковые характеристики. В этой связи нас будет интересовать два типа явлений: во-первых, это варьирование в согласовании по числу с количественной конструкцией [Супрун 1959; Ицкович 1974; Граудина и др. 1976; Crockett 1976; Голуб 1989; Иомдин 1990; Розенталь 1998; Гращенков 2009] и др. и, во-вторых, случаи рассогласования в

⁴ Как замечает анонимный рецензент, (1а) допускает анализ, при котором согласование происходит с нулевым подлежащим. Даже если при постулировании нулевой единицы в (1а) не учитывать требование наличия у этой единицы языкового значения, аргументируемое, например, в [Мельчук 1974], следует признать, что дефолтное предикативное согласование в любом случае необходимо для объяснения признаков сказуемого при сочиненном подлежащем, где каждый из конъюнктов по отдельности вызывает согласование по 3-му лицу, ед. числу, ср. роду:

- (i) а. Меня интересовало / *интересовали, [что за люди попали в штаб] и [каковы отношения, сложившиеся между ними и командующим 2-й эскадрой]. (А. С. Новиков-Прибой. Цусима (1932—1935));
 б. Меня всю сознательную жизнь интересовало / интересовали [значение фамилий] и [их происхождение]. (А. В. Суперанская. Происхождение фамилий // «Наука и жизнь», 2007).

Поскольку теория в любом случае нуждается в понятии дефолтного согласования, нет причин считать, что (1а) требует другого объяснения.

⁵ Источником русских примеров, снабженных библиографической информацией, является Национальный корпус русского языка (<http://www.ruscorpora.ru>); примеры с пометами (Я) и (G) найдены при помощи поисковых систем Яндекс (<http://www.yandex.ru>) и Google (<http://www.google.ru>); примеры без ссылок сконструированы.

именной группе в именительном падеже по признаку рода [Граудина и др. 1976; Crockett 1976; Иомдин 1980; 1990; Русская грамматика 1980: §1819, §2249; Corbett 1982; 1988] и др.

Начнем с числового предикативного согласования. В примере (2а) допустимо как множественное, так и единственное число глагола-сказуемого. Форма единственного числа, как показывает (2б), является экспонентом дефолтного согласования, а не соответствующего признака количественной конструкции — в противном случае при сочинении групп *пять извещений и шесть писем* в (2б) была бы возможна только граммема множественного числа. Таким образом, в (2а) варьируют согласование по множественному числу и дефолтное означивание признака числа. Для введенной выше модели согласования это означает, что признак числа у группы *пять извещений* либо имеет значение «множественное число», либо отсутствует. Пример (2в) показывает, что множественное число выявляется не только в предикативном, но и в атрибутивном согласовании; при этом имеет место асимметрия атрибутивного и предикативного согласования с точки зрения означенности числового признака: если атрибутивное согласование показывает признак множественного числа именной группы, то дефолтное предикативное согласование становится невозможным.

- (2) а. Вчера пришли / пришло [пять извещений].
 б. Вчера пришли / пришло [[пять извещений] и [шесть писем]].
 в. Вчера пришли / *пришло [последние [пять извещений]].

В количественной конструкции наблюдается также рассогласование по числу: компоненты ИГ, располагающиеся после числительного, и компоненты ИГ, располагающиеся до числительного, могут характеризоваться разными значениями означенного признака числа. Наиболее ярким примером оказываются ИГ, включающие составные числительные на *один*. В предложении (3) именная вершина имеет единственное число, однако преквантификаторы и причастный оборот демонстрируют множественное число.

- (3) [Все эти [двадцать один [кореец]], томящиеся в тюрьме], объявили голодовку. (Я)

Обратимся теперь к категории рода. Рассогласование по роду наблюдается тогда, когда номинативная именная группа, имеющая референтом лицо женского пола, строится на базе существительного, относящегося к мужскому грамматическому роду. Лексической вершиной такой именной группы выступают существительные мужского рода, называющие лицо по профессии, социальной роли или деятельности. Как показывают примеры (4), глагол-сказуемое и адъективные компоненты именной группы в этом случае могут иметь признак женского рода; более того, в пределах именной группы разные модификаторы могут характеризоваться различными значениями категории рода (4в).

- (4) а. Как **сказала врач**, проблема есть, но она разрешима, а это главное. (Я)
 б. Иногда бывали ситуации, когда **наша врач** болела. (Я)
 в. **Наша главный редактор** подавала когда-то большие надежды. (Я)

Случаи «дефолтного» предикативного согласования при наличии именной группы — стандартного контролера согласования в предикативной синтагме, а также случаи рассогласования — согласования, выявляющего различные значения одноименного признака, — могут быть использованы для выявления иерархической структуры именной группы. Предположим, что переменный признак F именной группы получает значение на определенном этапе деривации благодаря соединению именной составляющей YP с вершиной X, несущей соответствующее значение признака [F: φ]. В таком случае именные составляющие, расположенные ниже уровня вставления данной вершины, будут лишены значения данного признака (5а). Соответственно, те компоненты именной группы, которые демонстрируют дефолтное согласование, располагаются в структуре ИГ ниже вершины X, а те компоненты, которые демонстрируют значение [F: φ], находятся выше вершины X. При предикативном согласовании, очевидно, «дефолтная» форма сказуемого сигнализирует об отсутствии вершины X в составе ИГ-подлежащего.

- (5) а. $[XP X_{[F: \varphi]} [YP \dots [NP \dots]_{[F: -]} \dots]_{[F: -]}]_{[F: \varphi]}$
 б. $[XP X_{[F: \varphi]} [YP \dots [NP \dots]_{[F: \psi]} \dots]_{[F: \psi]}]_{[F: \varphi]}$

Аналогичные рассуждения могут быть предприняты и в отношении рассогласования (5б). Если именная вершина имеет словарный признак [F: ψ], то изменение значения этого признака у именных составляющих возможно при соединении с вершиной X, несущей другое значение того же признака [F: φ]. Проекции, расположенные ниже X, будут характеризоваться исходным значением признака [F: φ]; проекции, расположенные выше X, — новым значением признака [F: ψ].

Таким образом, закономерности варьирования значений признаков у именных групп различной структуры могут послужить исследовательским инструментом в изучении внутреннего устройства именных составляющих. Далее в этой статье мы подробнее изучим свидетельства признаков числа и рода.

3. Число

Число в русском языке считается интерпретируемым признаком, то есть таким признаком, значение которого учитывается при создании семантической интерпретации. Значение грамем числа подробно исследуется в целом ряде выдающихся семантических работ, в частности, в [Link 1983; Chierchia 1998; Sauerland 2003; Borer 2005; Rothstein 2010]. Наиболее влия-

тельная точка зрения состоит в том, что в экстенсionale именных групп на основе счетных существительных единственного числа находятся атомарные индивиды (6а), в то время как именные группы во множественном числе обозначают множества (6б); исследователи расходятся в оценке того, входят ли в экстенсional множественных ИГ одноэлементные множества ($\{a\}$, $\{b\}$, $\{c\}$...).

- (6) а. $[[\text{книга}]] = \{a, b, c\}$
 б. $[[\text{книги}]] = \{a \oplus b \oplus c, a \oplus b, a \oplus c, \dots\}$

Однако грамматическое число далеко не всегда однозначно соотносится с семантическим числом. Характерным примером являются случаи *pluralia tantum*, демонстрирующие фиксированное в словаре грамматическое множественное число вне зависимости от того, идет ли речь об индивидах или о множествах. С другой стороны, грамматическое число существительного может навязываться числительным или иным квантифицирующим выражением. Так, в выражении *двадцать один кореец* существительное имеет форму единственного числа, хотя в его экстенсionale находятся множества корейцев с количеством элементов 21. Аналогичным образом, в конструкциях с малыми числительными *два журнала*, *тридцать три ученика* числовая форма существительного (будь это генитив единственного числа, как в [Русской грамматике 1980], генитив «паукального» числа, как в [Pereltsvaig 2010], «счетная форма», как в [Зализняк 1977], «паукальный падеж», как в [Rapaport 2002], или генитив «неопределенного» числа, как в [Pesetsky 2013]), определяется формальным способом и не учитывается при интерпретации соответствующего выражения⁶. Более того, несмотря на конкретную числовую форму существительного, число всего количественного выражения может быть не определено, что приводит к дефолтному предикативному согласованию в конструкции с количественной группой — подлежащим (см. пример (2а) выше).

Наибольший интерес для наших целей представляют случаи, когда разные именные проекции имеют разные значения признака числа. Рассмотрим их более подробно. Начнем с обсуждения вариативного предикативного согласования с количественной группой.

Как мы видели в разделе 2, количественная группа, имеющая в своем составе числительное, контролирует предикативное согласование по множественному числу (7а) либо неспособна означить признак числа в сказуемом, что проявляется в дефолтном согласовании (7б)⁷.

⁶ Даже в том случае, если мы считаем соответствующую форму граммемой «паукального» числа, ее возможный вклад в интерпретацию количественной группы либо избыточен (в конструкциях с малыми числительными), либо не учитывается (в конструкциях с *пол-* и, возможно, *полтора*).

⁷ Синтаксическое своеобразие сложных числительных на ... *один* будет рассмотрено ниже.

- (7) а. Уже **десять минут прошли** сверх срока. Чего ждать еще? (Ю. К. Олеша. Вишневая косточка (1929));
 б. И опять из гула — очень громкий, чужой, равнодушный голос: — Гражданин, **пять минут прошло**. Желаете разговаривать еще? (В. П. Катаев. Время, вперед! (1931—1932)).

Заметим, что множественное число, которое мы наблюдаем в сказуемом, и множественное число именной составляющей в генитиве имеют разные источники. Действительно, при малых числительных именная составляющая имеет форму единственного числа (или «паукального» числа, или счетную форму), однако в сказуемом все равно допускается множественное число:

- (8) а. **Три года прошли**, как Феклуша тут же из-за свадебного стола уехала с мужем в Москву... (С. А. Клычков. Чертухинский балакирь (1926));
 б. **Три года прошло** с тех пор, как вы кончили университет? (А. П. Чехов. Безотцовщина (1887)).

Следовательно, значение множественного числа не наследуется количественной группой от именной составляющей, зависящей от числительного, а возникает в процессе деривации, уже после того, как числительное объединяется с существительным. Опираясь на изложенную выше модель согласования, мы можем предложить анализ вариативного предикативного согласования с количественной группой. Количественная группа не имеет значения признака числа, поэтому предикативное согласование с ней использует дефолтное значение признака (9а-б). Если же количественная группа становится компонентом нулевой вершины, несущей интерпретируемый признак числа, то вся составляющая получает признак множественного числа, который с обязательностью выявляется предикативным согласованием (9в-г). Можно предположить, что эта нулевая вершина — собственно вершина (синтаксического) числа Number (аналог вершины # в [Borer 2005] и [Ouwayda 2013], Num в [Svenonius 2008; Pereltsvaig 2013] и др.).

- (9) а. Прошло [пять минут]_{NMB:-}
 б. *Прошли [пять минут]_{NMB:-}
 в. Прошли [\emptyset _{NMB:PL} [пять минут]]_{NMB:PL}
 г. *Прошло [\emptyset _{NMB:PL} [пять минут]]_{NMB:PL}

Связь числового варьирования при предикативном согласовании с вышестоящей вершиной Number естественным образом объясняет асимметрию атрибутивного и предикативного согласования с количественной конструкцией: если адъективные компоненты, предшествующие числительному (или следующие за генитивной составляющей, например, обособленные причастные обороты или постпозитивные группы прилагательного в номинативе), имеют признак множественного числа, то дефолтное предикативное согласование невозможно (10а-в). Деривация именной группы из

(10а) показана в (11а). Количественная группа *три года* не имеет значения признака числа (поскольку с ней возможно дефолтное предикативное согласование, ср. (8б)). После соединения этой группы с вершиной Number образуется группа числа; эта составляющая имеет признак множественного числа, наследуя его от функциональной вершины Number. Адъективные составляющие (например, указательные местоимения) в результате согласования также приобретают множественное число. Поскольку именная группа целиком имеет признак множественного числа, предикативное согласование реализует этот признак в сказуемом. Дефолтное предикативное согласование оказывается неграмматичным, поскольку отсутствует необходимая конфигурация для его возникновения: в (10а) присутствует контролер предикативного согласования — подлежащее в именительном падеже, и эта именная группа имеет означенный признак числа. Аналогичные рассуждения можно провести для примеров (10б) и (10в); в (11б) представлена структура именной группы из (10в). Важно, что в (10в) постпозитивный причастный оборот имеет именительный падеж, и, следовательно, располагается вне количественной группы. В противном случае числовая форма причастия не свидетельствует о наличии вершины Number, а контролируется числительным; такое выражение, как и предсказывает наш анализ, допускает и предикативное согласование по множественному числу (при структуре (11в)), и дефолтное предикативное согласование (при структуре (11г))⁸.

⁸ Анализ в (11б-г) предсказывает, что наличие препозитивных модификаторов не влияет на падеж постпозитивных оборотов, что действительно подтверждается многочисленными примерами, ср. (ia-в):

- (i) а. А между тем, когда вы узнаете, как прожил он **следующие** двое суток, **отпущенных** ему вовсе не для военной, а для мирной жизни, история с танками обернется новой стороной (Л. Рошаль. Живут такие парни... // «Юность», 1965);
- б. ...**Следующие** 16 позиций, **обозначенных** вами к обсуждению, говорят о полном отсутствии представлений о реальности формата интернетовского форума... (Конфликт цивилизации (миф или реальность) (2006));
- в. Поэтому Крозье решил подождать заказывать **остальные** 39 левиафанов, **намеченных** к постройке его, вероятно, слишком увлекающимся предшественником (неизвестный. Разные известия (1903.03.08) // «Новости дня», 1903).

Значительно сложнее предложить объяснение обобщению, известному как «загадка Ворта» (Worth's riddle), см. [Worth 1959: 124; Corbett 1993: 24]. Загадка Ворта состоит в том, что если прилагательное между малым числительным и существительным стоит в форме номинатива (*две новые книги*), то постпозитивные обороты могут быть только номинативными:

- (ii) а. две **новых** книги, **купленных** вчера
- б. две **новых** книги, **купленные** вчера
- в. две **новые** книги, **купленные** вчера
- г. *две **новые** книги, **купленных** вчера

- (10) а. ...и **эти три года** так же **прошли** (*/*прошло*), как и тринадцать, как и тридцать лет, предшествовавшие им. (А. И. Герцен. Кто виноват? (1841—1846));
 б. На это ушли (*/*ушло*) **долгие семь лет** (Красна изба углами // «Народное творчество», 2003);
 в. В доме **светились** (*/*светилось*) только **два окна, глядящие на восток** (И. Е. Пузанов. «Туман с моря подымается...» // «Огонек». № 9, 1970).
- (11) а. [DP эти [NumberP *Number*_{NMB:PL} [QP три года]_{NMB:-}]_{NMB:PL}]_{NMB:PL}
 б. [DP [NumberP *Number*_{NMB:PL} [QP два окна]_{NMB:-}]_{NMB:PL}, глядящие на восток]_{NMB:PL}
 в. [NumberP *Number*_{NMB:PL} [QP два окна, глядящих на восток]_{NMB:-}]_{NMB:PL}
 г. [QP два окна, глядящих на восток]_{NMB:-}

Наконец, стоит остановиться на числовых характеристиках именных групп, имеющих в своей структуре сложные числительные на ... *один* (*двадцать один, сто сорок один* и т. п.). Слово *один* Русская грамматика относит к счетно-местоименным прилагательным, а не к числительным [Русская грамматика 1980: §1296]; с синтаксической точки зрения *один* ведет себя как прилагательное, согласуясь с существительным и не управляя им ни в прямых, ни в косвенных падежах. Однако если *один* входит в состав сложных числительных, его синтаксические свойства меняются. В-первых, становится доступным атрибутивное согласование не только по единственному (12а), но и по множественному числу (12б).

- (12) а. И вот **этот** (двадцать) **один день**, что он ее ждал, вывернул всего его наизнанку (Г. Н. Щербакова. Анатомия развода (1990));

Понятно, что анализ парадигмы в (ii) невозможен без решения вопроса об источнике номинатива у прилагательного в такой конструкции, что в рамках данной статьи неосуществимо; тем не менее кажется, что анализ в (11б-г) совместим с целым классом потенциальных аналитических вариантов. Предположим, что некоторое правило способно обеспечить падежное оформление прилагательного номинативом в конструкции с малым числительным. Очевидно, что это правило применяется не раньше, чем в деривацию вступает числительное, поскольку его тип (малое/большое) входит в условия применения правила. Таким образом, минимальной составляющей, поступающей на вход данного правила, является QP. Если постпозитивный атрибутивный оборот входит в состав QP, как в (11г), он окажется в сфере действия обсуждаемого правила, и его вершина получит именительный падеж одновременно с препозитивным прилагательным. Если же постпозитивный атрибутивный оборот располагается вне QP, как в (11б), его вершина не может получить генитив, и мы наблюдаем у нее тот же падеж, что и у преמודификаторов. Таким образом, вариант (iiг) удастся исключить вне зависимости от структурной позиции постпозитивного оборота. Хотелось бы поблагодарить анонимного рецензента, предложившего обсудить эту проблематику.

- б. Эти ***[двадцать] один бит** позволяют создать максимум 2097152 различных сетевых адреса (Я).

Во-вторых, предикативное согласование обнаруживает самый широкий диапазон возможностей: помимо единственного числа (13а), допустимо множественное число (13б), а также дефолтное предикативное согласование (13в).

- (13) а. (Двадцать) **один выстрел прогрехотал** над Петербургом. Это салютовала эскадра. (Ю. Н. Тынянов. *Смерть Вазир-Мухтара* (1928));
 б. И тотчас с Петропавловской крепости **вернулись** все ***[двадцать] один выстрел**: салютовала Петропавловская крепость. (Ю. Н. Тынянов. *Смерть Вазир-Мухтара* (1928));
 в. Итак, наши подлиповцы отправились бурлачить с товарищами. Всех **шло** ***[сто тридцать] один человек**. (Ф. М. Решетников. *Подлиповцы* (1864)).

Подобное поведение *один*, объединяющее его с числительными, можно объяснить при опоре на гипотезу Т. Ионин и О. Матушанской о структуре русских сложных числительных [Ionin, Matushansky 2006]. Исследовательницы предполагают, что сложные числительные представляют собой сочиненные конструкции с эллипсисом в левом конъюнкте (backward ellipsis), так что структура выражения *двадцать один выстрел* выглядит как *двадцать ~~выстрелов~~ (и) один выстрел*. Однако, поскольку сочинение составляющих разных синтаксических категорий ограничено, следует предположить, что в конструкциях со сложными числительными категория составляющей *один выстрел* такая же, как и составляющей *двадцать выстрелов*, т. е. QR. Соответственно, в именных группах со сложными числительными на ... *один* представлена количественная группа, и эта структурная особенность делает возможным как дефолтное предикативное согласование (если в позиции подлежащего находится QR), так и атрибутивное и предикативное согласование по множественному числу (если над QR доминирует NumberP). Примечательно, что имплицативное отношение между атрибутивным и предикативным согласованием сохраняется и здесь: если в именной группе есть адъективные компоненты, демонстрирующие множественное число, то предикативное согласование по единственному числу невозможно.

- (14) а. Из семидесяти трех человек его команды только **двадцать один остались** (/осталось) невредимыми. (А. С. Новиков-Прибой. *Цусима* (1932—1935));
 б. Поэтому **все эти двадцать один день были избраны** (/было избрано) для того, чтобы скорбеть в них о гибели Храма. (Я).

Обобщая вышесказанное, мы можем заключить, что интерпретируемое число возникает в процессе деривации именной группы и связано с отдельной синтаксической проекцией (NumberP). Именно благодаря этой вершине оказывается возможным согласование по множественному числу

с количественными группами. Импликативное отношение между атрибутивной и предикативной конструкцией в отношении семантического согласования, то есть согласования по интерпретируемому признаку, отмечаемое во многих теоретических и описательных работах (см., например, «иерархию согласования» в [Corbett 1979; 1988; 1998]) получает в рамках предложенного анализа естественное объяснение. Таким образом, особенности согласования по числу в русском языке свидетельствуют в пользу иерархически организованной структуры именной группы, так что группа лексического существительного либо доминирующая над ней количественная группа вложена в функциональную проекцию синтаксического числа.

4. Род

Категория рода в русском языке традиционно считается словарной классифицирующей категорией, ограниченно интерпретируемой для наименований лиц как признак пола⁹. Мы рассмотрим случаи изменения словарного значения категории рода у существительных мужского рода, используемых для обозначения лиц женского пола: *врач, директор, секретарь, агент, редактор, фельдшер, инженер, продавец, диктор, архитектор, председатель, товаровед, руководитель* и т. п. Этот список является открытым и пополняется наименованиями новых профессий, должностей и социальных ролей (ср. *копирайтер, мерчендайзер, трейдер, супрефект, су-шеф, логистик, терапевт*); следовательно, при употреблении данных существительных в качестве вершины именной группы, обозначающей лицо женского пола и вызывающей согласование по женскому роду, мы имеем дело с регулярной грамматической операцией, а не со словарным свойством таких существительных, характеризующихся недоопределенностью категории рода (как у лексем «общего рода» *судья, сирота, неряха, Валя* и т. п.¹⁰).

⁹ В [Зализняк 1964; 1968] для существительных предлагается единая словоклассифицирующая категория согласовательного класса, выявляемая на основании комплекса согласовательных характеристик и включающая традиционные категории рода и одушевленности, а также словарно определяемого грамматического числа — *pluralia tantum*. В данном разделе, однако, речь пойдет о взаимодействии грамматического (неинтерпретируемого) и референциального (интерпретируемого) рода, поэтому категория рода должна рассматриваться как отдельный признак.

¹⁰ По-видимому, недоопределенное по грамматическому роду существительное не может быть встроено в синтаксическую структуру, поэтому при выборе подобной лексемы из словаря признак рода должен быть означен синтаксическим способом — возможно, путем соединения с феминизирующей или маскулинизирующей вершиной, несущей, помимо грамматического признака рода, семантический признак пола [Matushansky 2013]. Ранее означивание интерпретируемого рода приводит к тому, что существительные общего рода, в отличие от рассматриваемых да-

Согласовательные характеристики исследуемых именных групп могут определяться как словарным значением категории рода у вершинного существительного, так и референциальным значением категории рода у именной группы. В (15) представлена парадигма, демонстрирующая возможности атрибутивного и предикативного согласования по роду. В (15а) показан случай грамматического согласования (адъективные компоненты именной группы и сказуемое демонстрируют мужской род). (15б) соответствует модели, рекомендуемой прескриптивными грамматиками (ср., например, [Розенталь и др. 1994]) и предпочитаемой носителями [Граудина и др. 1976; Crockett 1976; Мельчук 1985; Timberlake 2004]: определения согласуются по мужскому роду, а сказуемое — по женскому роду. (15в-г) демонстрируют атрибутивное согласование по женскому роду, причем оказывается, что разные прилагательные в разной степени склонны к реализации референциального рода именной группы [Скобликова 1971; Asarina 2008; 2009]. Наконец, (15д) и (15е) показывают полностью неграмматичные варианты: атрибутивное согласование по женскому роду в сочетании с предикативным согласованием по мужскому роду (этот запрет отмечается, в частности, в [Грамматика 1970: §1300.3; Corbett 1979; Pereltsvaig 2006] и др., а также рассогласование по роду при атрибутивном согласовании, такое, что прилагательное, расположенное ближе к существительному, имеет женский род, а прилагательное, расположенное дальше от существительного — мужской род [Скобликова 1971; Crockett 1976; Asarina 2008; 2009; Pesetsky 2013].

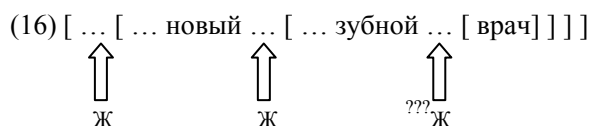
- (15) а. Новый зубной врач пришел.
 б. Новый зубной врач пришла.
 в. Новая зубной врач пришла.
 г. ^{???}Новая зубная врач пришла.
 д. *Новая врач пришел.
 е. *новый зубная врач

Имплицативное отношение между разными мишенями согласования по референциальному женскому роду естественным образом представимо в виде модели деривации именной группы, в которой факультативно возможно вставление «феминизирующей» вершины, обладающей означенным признаком женского рода [Gender: F] (ср. с вершиной *wmn* в [Asarina 2009] и вершиной *ж* в [Pesetsky 2013]). Именные проекции ниже вершины *ж* наследуют словарный мужской род существительного; именные проекции выше вершины *ж* получают женский род. Таким образом, допустимо согласование только по мужскому роду, когда вершина *ж* не участвует в деривации¹¹, или такое рассогласование по роду, когда более низкие состав-

лее существительных мужского рода, обозначающих лиц женского пола, не демонстрируют рассогласования по роду, ср. *наш несчастная сирота / *наша несчастный сирота.

¹¹ Впрочем, в некоторых случаях согласование по женскому роду является прагматически обязательным. Так, А. Д. Шмелев (личное сообщение) указал на обяза-

ляющие в именной группе демонстрируют мужской род, а более высокие — женский. Схематически данная модель представлена в (16).

Если эта гипотеза верна, мы получаем удобный инструмент для исследования иерархической структуры именной группы, базирующийся на асимметрии разных составляющих именной группы в отношении доступности признака референциального рода. Представляется, что с помощью этого инструмента можно существенно прояснить вопросы позиции разных семантических типов прилагательных, постпозитивных адъективных модификаторов, «малых» числительных в структуре именной группы, а также высказать предположение о специфике именных групп в предикативной позиции.

Как видно из (15г), некоторые прилагательные обнаруживают стойкую тенденцию к согласованию по словарному роду существительного. В рамках предложенной модели это означает, что вершина Ж не может вступать в деривацию до того, как такие прилагательные соединяются с существительным. Прилагательные, обязательно соединяющиеся с существительным до вершины Ж, мы будем называть низкими, а прилагательные, которые могут доминировать над вершиной Ж — высокими.

С семантической точки зрения все модификаторы именной группы могут быть последовательно охарактеризованы в терминах рестриктивности, интересективности, типа синкатегорематической модификации и идиоматичности. Дихотомия рестриктивной vs аппозитивной модификации обычно демонстрируется на материале относительных предложений или причастных оборотов (17а-б), однако аппозитивно могут интерпретироваться и препозитивные прилагательные (17в).

- (17) а. Карлсон / тот человек, который живет на крыше
 б. самые крупные бабочки, обитающие в Южной Америке
 в. агглютинативный турецкий язык

Рестриктивные модификаторы, согласно Р. Ротстину [Rothstein 1980], могут быть атрибутивными, интересективно соединяясь со значением существительного при помощи конъюнкции предикатов (18а), или синкатегорематическими (или субсективными), не допускающими интересективную интерпретацию (18б):

тельность женского рода у прилагательных, употребляемых только в отношении женщин.

- (i) а. **Беременная** (/ *беременный) **водитель** стала виновницей аварии. (Я);
 б. Если человек болеет часто, подолгу и с удовольствием — он симулянт или у него **хорошенькая** (/ *хорошенький) **доктор?** (Я).

- (18) а. зеленый мяч (если X — зеленый мяч, то X зеленый и X мяч)
 б. невысокий баскетболист (неверно, что если X — невысокий баскетболист, то X невысокий и X баскетболист)

Среди субъективных модификаторов Ротстин выделяет модификаторы референта (*referent modification*, (19a)) и модификаторы референции (*reference modification*, (19б)).

- (19) а. неумелый скрипач (если X — неумелый скрипач, то X в качестве скрипача неумел)
 б. интеллектуальный карлик (если X — интеллектуальный карлик, то X карлик в отношении интеллекта)

Перечисленные типы модифицирующих конструкций являются композиционными, поскольку значение всего выражения регулярным образом выводимо из значений его компонентов. Для идиоматических конструкций, таких как *белый медведь* или *морская свинка*, правила вывода значения отсутствуют. Хотя многие идиомы сходны с конструкциями с модификаторами референции (*белый медведь* — это тип медведя, *зеленый чай* — тип чая), тем не менее характер модификации нерегулярен (*морская свинка* не является свинкой).

Гипотеза о том, что тип модификации, осуществляемой прилагательным, непосредственно связан с его структурной позицией в именной группе, неоднократно высказывалась в синтаксической и семантической литературе. Так, например, П. Свенониус [Svenonius 2008] предполагает, что лексическое значение прилагательного вкупе со структурной позицией прилагательного в ИГ создает актуальный тип модификации. В пределах группы лексического существительного реализуются аргументные и идиоматические значения, далее — субъективные, на уровне QR — интерсективные (прилагательные становятся качественными). Аппозитивная модификация связана с самым высоким уровнем в ИГ — проекцией DP.

Учитывая вышесказанное, мы можем попытаться верифицировать гипотезу о корреляции позиции прилагательного в именной группе и типа модификации на материале русского языка, используя конструкции с согласованием по роду.

Прилагательные в идиоматических определительных конструкциях оказываются низкими: такие именные группы, как *старший лейтенант*, *ответственный редактор*, *ученый секретарь* не допускают согласования прилагательного по женскому роду. Незначительное количество примеров, найденных в сети интернет, представлено в (20); их ненормативность кажется очевидной.

- (20) а. В Москве **старшая лейтенант** на Акуре в аварию попадает, тут на Лексусе. Какое повышение зарплат может быть? (Я);
 б. Хитрова Валентина Ивановна — **ответственная секретарь** Приемной комиссии. (Я);

- в. А один эксперт была **ученая секретарь совета**, которая сказала, что диссер вполне приличный, я и успокоилась. (Я).

Низкими являются также прилагательные — модификаторы референции. Примеров с согласованием по женскому роду несколько больше (см. (21)), однако все они имеют исключительно разговорный характер.

- (21) а. А вот его **финансовая директор** такое устраивала иногда. (Я);
 б. **Главная бухгалтер** одета в простыню наподобие плаща (обычно она так и одевается), в руке у нее рулон ненужных бумажек, в другой карающий калькулятор. (Я);
 в. Мне его ещё до брекетов **зубная врач** советовала. (Я);
 г. **Финансовая аналитик** сформирует для Вас оптимальную стратегию торговли и поможет разобраться во всех вопросах. (Я).

На материале идиоматизированных и субсективных именных словосочетаний хорошо видно, что интерпретация прилагательного коррелирует с его позицией в структуре именной группы. В примерах (22) лексически идентичные прилагательные в низкой структурной позиции (согласование по мужскому роду) специфицируют тип должности, а в высокой структурной позиции (согласование по женскому роду) соответствуют качественной оценке, т. е. либо модифицируют референт, либо интерпретируются интересективно.

- (22) а. ответственный секретарь (должность) vs. ответственная секретарь (оценка)
 б. исполнительный директор (должность) vs. исполнительная директор (оценка)
 в. классный руководитель (должность) vs. классная руководитель (оценка)

Субсективные прилагательные — модификаторы референта могут располагаться как ниже, так и выше вершины Ж (23). Примечательно, что те же самые прилагательные могут получать и интересективную интерпретацию (*неграмотная врач* = ‘неграмотная как врач’ или ‘неграмотная и врач’), и в случае контраста двух интерпретаций интересективное прилагательное ассоциируется с более высокой структурной позицией. Так, А. Азарина приводит минимальную пару (24), где именная группа *умелая врач* с прилагательным женского рода более уместна в ситуации, предполагающей интересективную интерпретацию прилагательного [Asarina 2008: (19b-c)].

- (23) а. Наших пациенток принимает... **опытная** (/опытный) **врач-проктолог**, что способствует большей доверительности между больным и врачом. (Я);
 б. Я лет пять назад читала Космополитан, потом пришла **неумелая** (/неумелый) **редактор** (не помню, как звать, но если скажет кто фамилию, вспомню она или нет). (Я);

в. Мне абсолютно **неграмотная** (/неграмотный) **врач** сделала узи, не увидела вообще ничего... (Я).

(24) а. **Умелый** / **умелая врач** быстро поставила пломбу.

б. ***Умелый** / **умелая врач** быстро поставила палатку. (например, в реалити-шоу)

Итак, исследование рассогласования по роду позволяет сделать вывод, что позиция прилагательного в структуре русской именной группы коррелирует с типом модификации, осуществляемой этим прилагательным. Отметим, что подобная корреляция не может быть объяснена в рамках «плоской» модели именной группы, где все модификаторы расположены на одном структурном уровне.

Рассогласование по роду позволяет также сделать интересные выводы о взаимном расположении левосторонних и правосторонних адъективных модификаторов. Как показывают примеры (25), правосторонние атрибутивные зависимые в именной группе являются самыми высокими. Действительно, имеет место имплицативная зависимость между родом левосторонних зависимых и сказуемого и родом правосторонних зависимых: если в именной группе есть хотя бы одно левостороннее зависимое выше Ж, то все правые атрибутивные зависимые также выше Ж (25а-б); если именная группа контролирует предикативное согласование по женскому роду, то все правые атрибутивные зависимые этой именной группы также имеют женский род (25в-г).

(25) а. моя участковый врач, **обслуживающая** / ***обслуживающий** наш микрорайон

б. та самая архитектор, **похожая** / ***похожий** на Фостера

в. О клубе через наш журнал узнала московский художник-дизайнер, **получившая** / ***получивший** образование в Италии. (Я);

г. Я сделала в прошлом месяце все так, как мне сказала врач, **обслуживающая** / ***обслуживающий** наш участок. (Я).

Перейдем теперь к вопросу о возможном расположении вершины Ж относительно числительного. К сожалению, прямая диагностика этой позиции на основе согласования по роду адъективных зависимых в русском языке невозможна, поскольку препозитивные определения из-за вставления вершины Number получают множественное число (см. раздел 3), а формы адъективов множественного числа не различаются по родам. Именная составляющая, вложенная в QR, имеет не прямой падеж, что делает недоступным рассогласование по роду, возможное только в форме именительного падежа. Тем не менее, род в некоторых типах количественной конструкции может быть диагностирован по косвенным признакам.

Специфика именных групп женского рода в отношении количественных конструкций проявляется в двух аспектах. Во-первых, три «малых» числительных — *два, оба, полтора* — согласуются по роду с существи-

тельными: *два / оба / полтора яблока vs. две / обе / полторы груши*. Во-вторых, в конструкциях с «малыми» числительными при вершине — существительном женского рода прилагательное может выступать не только в форме генитива множественного числа, но и в форме номинатива множественного числа: *три новых / *новые журнала vs. три новых / новые книги*; см. также обсуждение в сноске 8. С другой стороны, одушевленные существительные мужского рода, в отличие от одушевленных существительных женского рода, сочетаются с собирательными числительными: *три мальчика / трое мальчиков vs. три девочки / *трое девочек*.¹²

Попробуем на основе указанных особенностей установить возможную позицию вершины Ж относительно количественной группы. Предположим, что Ж может вступить в деривацию до того, как именная проекция вкладывается в QR. В таком случае именная составляющая — комплемент QR имеет признак женского рода, а значит, числительное должно согласовываться по референциальному женскому роду (26а). Если же поверх вершины Ж могут находиться не только числительное, но и прилагательное, то такое прилагательное должно допускать «феминизированный» вариант — форму именительного падежа множественного числа (26б). Однако обе конструкции в (26) неграмматичны. Следовательно, вершина Ж вступает в деривацию на более позднем этапе, после того, как образуется QR.

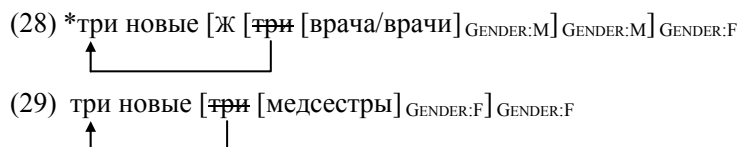
- (26) а. *... [QR две [жр ж [новых [NP зубных врача] GENDER:M] GENDER:M] GENDER:F]
GENDER:F
 б. *... [QR две [... новые [жр ж [NP зубных врача] GENDER:M] GENDER:F]
GENDER:F] GENDER:F

Д. Песецкий [Pesetsky 2013] также расценивает недопустимость женского рода у малых числительных как свидетельство того, что вершина Ж вставляется выше числительных. Для Песецкого, однако, исходная позиция малых числительных существенно ниже, чем в предлагаемой нами структуре: Песецкий полагает, что малые числительные соединяются с существительными до каких бы то ни было модификаторов и лишь затем передвигаются в более высокую структурную позицию, как это показано в (27). Поскольку *два* в (27) вступает в деривацию до вершины Ж, оно получает признак мужского рода и сохраняет его после передвижения.

- (27) два [Ж [зубных [~~два~~ [врача] GENDER:M] GENDER:M] GENDER:M] GENDER:F

¹² Это ограничение в современном разговорном русском языке, по-видимому, не соблюдается; так, по запросу «трое девочек» Яндекс находит порядка 11 тыс. вхождений (для сравнения: «три девочки» — 72 тыс., «трое мальчиков» — 40 тыс., «три мальчика» — 73 тыс.). В [Янко 2002: 171] контекст собирательных числительных рассматривается как «маскулинизирующий» контекст для имен женщин, но соответствующие конструкции не считаются неграмматичными.

Анализ Песецкого, однако, не может объяснить неграмматичность примеров типа (28), в которых вершина Ж вступает в деривацию до того, как именная группа соединяется с интерсективным прилагательным. Действительно, в этом случае признаковые характеристики составляющей [Ж ~~три~~ *врача*] совпадают с признаковыми характеристиками составляющей [~~три~~ *медсестры*] из (29), однако в (29) допустима форма *новые*, а в (28) нет, вне зависимости от формы существительного¹³. Поэтому наша гипотеза о том, что числительное располагается в своей исходной позиции, а вершина Ж не может вступить в деривацию до того, как сформирована QP, кажется предпочтительной.

Еще один тезис, на котором необходимо остановиться подробнее, состоит в том, что все три согласуемых малых числительных — *два*, *оба* и *полтора* — ведут себя единообразно. Тем не менее *оба* существенно отличается от *два* как с точки зрения семантики (*оба* соединяет в себе значения ‘два’ и ‘все’ и является исчерпывающим квантором, в то время как *два* — нет¹⁴), так и с точки зрения синтаксической дистрибуции (*оба* входит в дистрибутивный класс элементов левой периферии, а *два* — в дистрибутивный класс количественных выражений)¹⁵. Можно предположить, что *оба* располагается в более высокой функциональной проекции, чем *два*, и, возможно, попадает туда в результате передвижения из базовой позиции в QP. Если допустить, что признак рода у *оба* может быть означен в конечной позиции, то удастся объяснить, почему конструкции типа *две врача* практически отсутствуют (3 релевантных примера в выдаче Яндекса, ср. (30а), в котором одновременно представлено сомнительное *детская спортивная врач*), в то время как *обе врача* встречаются значительно чаще (23 релевантных примера в выдаче Яндекса, (30б-г)).

¹³ В действительности анализ Песецкого предсказывает, что все компоненты подобной именной группы должны получить именительный падеж не-единственного числа.

¹⁴ В частности, это видно из грамматичности *два* и неграмматичности *оба* в экзистенциальной конструкции:

- (i) а. В комнате было два стула.
б. *В комнате было оба стула.

¹⁵ Поведение числительного *полтора* не может быть исследовано в силу естественных ограничений на его сочетаемость с одушевленными именными группами; тем не менее, исходя из его свойств вне рассматриваемых конструкций, следует предположить, что *полтора* входит в один грамматический класс с *два*, а не с *оба*.

- (30) а. Нашей **врачихе** я доверяю — это лучшая **врач** в городе, и ещё она же детская спортивная **врач**, и у неё работают **две врача-диетолога** и куча медсестричек. (Я);
 б. И **обе врача** сказали, что моя задача — поддерживать слух на том уровне, который есть сейчас. (Я);
 в. **Обе врача** очень понравились не только своей работой, но и отношением к деткам в пузике. (Я);
 г. **Обе врача** совершеннейшие душки и главное все очень хорошо делают и объясняют. (Я).

Наконец, последнее замечание о взаимодействии вершины Ж и количественной конструкции касается употребления собирательных числительных. Выше мы уже отмечали, что несмотря на прескриптивный запрет на употребление собирательных числительных с существительными женского рода, такие конструкции довольно часто используются в речи. В этой связи допустимость сочетания именной составляющей с собирательным числительным не может служить диагностикой признака мужского рода; примеры в (31), таким образом, совместимы как с отсутствием вершины Ж под числительным, так и с ее присутствием.

- (31) а. Уже в конце приема в кабинет зашло **двое женщин-врачей**, кажется, у них намечалось чаепитие (Я);
 б. На новое рассмотрение дело о резонансном ДТП, в котором погибли **двое женщин-врачей**, было отправлено судом 9 января. (Я);
 в. Тогда **двое женщин-врачей**, Ольга Александрина и ее свекровь Вера Сидельникова, погибли в результате лобового столкновения их машины с «Мерседесом». (Я).

Любопытно, однако, что прилагательные, способные модифицировать только одушевленные существительные женского рода и требующие от именной составляющей либо лексической вершины женского рода, либо наличия феминизирующей вершины Ж (ср. **беременный секретарь*, **хорошенький врач*), в позиции ниже собирательного числительного неграмматичны (**двое беременных секретарей*, **трое хорошеньких врачей*)¹⁶. По-видимому, это означает, что вершина Ж не может располагаться в структуре именной группы ниже собирательного числительного, а следовательно, в примерах (31) именная составляющая *женщин-врачей* имеет признак мужского рода.

¹⁶ Анонимный рецензент предполагает, что этот запрет распространяется на все контексты, в которых прилагательное стоит во множественном числе и не различает рода (**беременные секретари*). Однако, как кажется, эмпирические данные не подтверждают эту гипотезу; ср., например, (ia-г).

- (i) а. ... шефы приходят и уходят, а уж *хорошенькие секретари* остаются. (G);
 б. Но *хорошенькие секретари* востребованы всегда. (G);
 в. В Нью-Йорке **беременные водители**, вероятно, будут на особом положении. (Я);
 г. **Беременные водители** заплатят за отказ от медосвидетельствования. (Я).

Таким образом, исследование рассогласования по роду в различных структурных типах русских именных групп приводит нас к заключению, что «феминизирующая» вершина Ж располагается достаточно высоко в синтаксической структуре именной группы: выше группы лексического существительного, соответствующей типичной области идиоматизации, выше субсективных прилагательных, выше количественных и собирательных числительных. Наиболее частым шаблоном рассогласования оказывается такой, при котором референциальный женский род демонстрируют элементы левой периферии именной группы — притяжательные местоимения и прилагательные, указательные местоимения, кванторы, обычно ассоциируемые с самой верхней именной функциональной проекцией — DP. По-видимому, это не случайно: ведь именно они обеспечивают референциальные характеристики именной группы, актуализуют ее в речи [Падучева 1985]. До того момента, пока именная группа не соотнесена с референтом женского пола, конфликта со словарным мужским родом существительного не возникает.

Если гипотеза о связи референциального рода с функциональной проекцией DP верна, то следует ожидать, что в несубстантивных (предикативных) употреблениях исследуемых именных групп будет преобладать грамматическое согласование по словарному мужскому роду. И действительно, именные группы в предикативной позиции в предложениях характеризации лишь спорадически используют феминизирующую вершину Ж. Так, поиск в Яндексе по запросам «она хороший/опытный/замечательный врач» дает сотни результатов (536/352/668), в то время как запросы «она хорошая/опытная/замечательная врач» — лишь десятки (46/16/34).

Итак, предпринятое в этом разделе обсуждение показало, что изменение грамматического словарного рода на референциальный подчиняется синтаксическим ограничениям и предположительно происходит в зоне референциальной семантики (DP), выше зоны квантификации (QP/NumberP). Позиция прилагательного в структуре именной группы определяется не только и не столько его лексической семантикой, сколько семантическим типом осуществляемой им модификации. Это обобщение подтверждает гипотезу П. Свенониуса [Svenonius 2008], что прилагательные не образуют собственных проекций, соотносимых с их онтологическим классом (цвет, размер, национальность, оценка и т. п.), но могут располагаться в любой лексической или функциональной проекции, совместимой с их семантикой. Наконец, правые согласуемые модификаторы находятся в самой высокой проекции ИГ, что хорошо коррелирует с их как минимум интерсективным характером.

5. Заключение

В данной статье мы рассмотрели синтаксическую организацию именной группы в русском языке в свете механизмов согласования. Наибольший интерес для нас представляют случаи вариативного согласования, ко-

гда грамматика допускает выбор между двумя значениями признака (как в согласовании по роду, раздел 4) или между наличием и отсутствием согласования (как в согласовании по числу, раздел 3).

Традиционные объяснительные гипотезы для подобных явлений противопоставляют формальное (грамматическое) согласование и так называемое «смысловое» (семантическое) согласование. При формальном согласовании контролером согласования выступает некоторая составляющая, т. е. языковой объект, и признак мишени получает значение в соответствии с грамматическим признаком контролера. При семантическом согласовании контролером полагается референт, а признак мишени получает такое значение, интерпретация которого совместима с характеристиками референта. Таким образом, эта модель предоставляет говорящему выбор между использованием грамматического правила или отказом от него в пользу смысловой конгруэнтности.

Независимо от того, существуют ли в действительности факультативные грамматические правила, рассмотренные нами эмпирические данные, касающиеся согласования по числу и роду в русском языке, не могут быть полностью объяснены в рамках такой модели. Действительно, либо говорящий выбирает между формальным и семантическим согласованием единжды, и тогда необъяснимы случаи рассогласования, либо такой выбор доступен для каждой мишени согласования в отдельности, и тогда неясно, с чем связано имплицативное отношение между возможными мишенями при семантическом согласовании.

Предлагаемый в статье анализ позволяет не только свести все рассмотренные случаи к грамматическому согласованию, но и эффективно решает проблему асимметрии атрибутивного и предикативного согласования, а также разных типов атрибутивных зависимых в пределах именной группы. Эта асимметрия оказывается естественным следствием иерархического устройства именной группы, так что именные проекции разных уровней могут характеризоваться различными наборами признаков, однако в пределах одного уровня признаки унифицированы. Изменения в наборе или значении признаков связаны с определенными функциональными вершинами (числовой вершиной Number и «феминизирующей» вершиной Ж), обладающими соответствующим означенным признаком и передающими этот признак доминирующим составляющим. Более того, позиция этих функциональных вершин в именной группе не произвольна, а соответствует тому структурному уровню, на котором вводимый ими признак может быть проинтерпретирован: синтаксическое число возникает на уровне количественной семантики, а референциальный род — на уровне референциальной семантики. Таким образом, данные согласования свидетельствуют не только об иерархическом строении русской именной группы, но и об универсальном устройстве семантико-синтаксического интерфейса, отображающего разные компоненты значения именной группы в особым образом организованную синтаксическую структуру.

Литература

- Белошапкина 1977 — В. А. Белошапкина. Современный русский язык. Синтаксис. М., 1977.
- Виноградов 1947/1972 — В. В. Виноградов. Русский язык. М.; Л., 1947; 2-е изд. М., 1972.
- Голуб 1989 — И. Б. Голуб. Грамматическая стилистика современного русского языка. М., 1989.
- Грамматика 1960 — Грамматика русского языка / Ред. коллегия: В. В. Виноградов, Е. С. Истрина. Т. I—II. 2-е изд. М., 1960.
- Грамматика 1970 — Грамматика современного русского литературного языка / Под ред. Н. Ю. Шведовой. М., 1970.
- Граудина и др. 1976 — Л. К. Граудина, В. А. Ицкович, Л. П. Катлинская. Грамматическая правильность русской речи (Опыт частотно-стилистического словаря вариантов). М., 1976.
- Гращенков 2009 — П. В. Гращенков. Дрейф квантора как свидетельство существования партиитивной проекции в именной группе. Корпусные исследования по русской грамматике / Под ред. К. Л. Киселевой, В. А. Плунгяна, Е. В. Рахилиной, С. Г. Татевосова. М., 2009. С. 397—425.
- Зализняк 1964 — А. А. Зализняк. К вопросу о грамматических категориях рода и одушевленности в русском языке // ВЯ. № 4. 1964. С. 25—40.
- Зализняк 1968/2002 — А. А. Зализняк. Русское именное словоизменение. М., 1968/2002.
- Зализняк 1977 — А. А. Зализняк. Грамматический словарь русского языка. М., 1977.
- Иомдин 1980 — Л. Л. Иомдин. О русских существительных так называемого общего рода // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. М., 1980. С. 456—461.
- Иомдин 1990 — Л. Л. Иомдин. Автоматическая обработка текста на естественном языке: модель согласования. М., 1990.
- Ицкович 1974 — В. А. Ицкович. Очерки синтаксической нормы, 1—3. Синтаксис и норма / Под ред. Г. А. Золотовой. М., 1974. С. 43—106.
- Ицкович 1980 — В. А. Ицкович. Существительные одушевленные и неодушевленные в современном русском языке (норма и тенденция) // ВЯ. № 4. 1980. С. 84—96.
- Кибрик 1992 — А. Е. Кибрик. Очерки по общим и прикладным вопросам языкознания. М., 1992.
- Копелиович 2008 — А. Б. Копелиович. Род и грамматика межсловных синтаксических связей. М.; Владимир, 2008.
- Кронгауз 1996 — М. А. Кронгауз. Sexus, или Проблема пола в русском языке // Русистика. Славистика. Индоевропеистика. М. 1996. С. 510—525.
- Крысько 1994 — В. Б. Крысько. Развитие одушевленности в истории русского языка. М., 1994.
- Лекант 1974 — П. А. Лекант. Синтаксис простого предложения в современном русском языке. М., 1974.
- Лютикова 2010 — Е. А. Лютикова. К вопросу о категориальном статусе именных групп в русском языке // Вестник МГУ, Сер. 9 «Филология». № 6. 2010. С. 36—77.
- Мельчук 1974 — И. А. Мельчук. О синтаксическом нуле // Типология пассивных конструкций: Диатезы и залогии / Отв. ред. А. А. Холодович. Л., 1974. С. 343—360.

- Мельчук 1985 — И. А. Мельчук. Поверхностный синтаксис русских числовых выражений. Wien, 1985.
- Мельчук 1993 — И. А. Мельчук. Согласование, управление, конгруэнтность // ВЯ. № 3. 1993. С. 16—58.
- Мучник 1963 — И. П. Мучник. Категория рода и ее развитие в современном русском литературном языке // Развитие современного русского языка / Под ред. С. И. Ожегова и М. В. Панова. М., 1963. С. 39—82.
- Мучник 1971 — И. П. Мучник. Грамматические категории глагола и имени в современном русском литературном языке. М., 1971.
- Падучева 1985 — Е. В. Падучева. Высказывание и его соотношенность с действительностью: референциальные аспекты семантики местоимений. М., 1985.
- Пешковский 1914 — А. М. Пешковский. Русский синтаксис в научном освещении. 1-е изд. М., 1914; 7-е изд. М., 1956.
- Плунгян 2011 — В. А. Плунгян. Введение в грамматическую семантику: Грамматические значения и грамматические системы языков мира. М., 2011.
- Розенталь 1998 — Д. Э. Розенталь. Справочник по правописанию и литературной правке. М., 1998.
- Розенталь и др. 1994 — Д. Э. Розенталь, И. Б. Голуб, М. А. Теленкова. Современный русский язык: Учебное пособие. 2-е изд. М., 1994.
- Русская грамматика 1980 — Русская грамматика / Под ред. Н. Ю. Шведовой. Т. 1, 2. М., 1980.
- Скобликова 1971 — Е. С. Скобликова. Согласование и управление в русском языке. М., 1971.
- Супрун 1959 — А. Е. Супрун. О русских числительных. Фрунзе, 1959.
- Тестелец 2001 — Я. Г. Тестелец. Введение в общий синтаксис. М., 2001.
- Шахматов 1925/1941 — А. А. Шахматов. Синтаксис русского языка. Вып. 1. Л., 1925; М.; Л., 1941.
- Янко 2002 — Т. Е. Янко. Русские числительные как классификаторы существительных // Рус. яз. в науч. осв. № 1 (3). 2002. С. 168—181.
- Asarina 2008 — A. Asarina. Gender and adjectives in numeral constructions in Russian. Ms., MIT. [<http://web.mit.edu/alya/www/russian-gender.pdf>]
- Asarina 2009 — A. Asarina. Gender and adjective agreement in Russian. Paper presented at SLS4 Annual meeting, Sept. 4, 2009. [<http://web.mit.edu/alya/www/sls4-handout.pdf>]
- Babby 1987 — L. Babby. Case, Prequantifiers, and Discontinuous Agreement in Russian // Natural Language and Linguistic Theory. Vol. 5. Issue 1. P. 91—138.
- Bailyn 2012 — J. F. Bailyn. The syntax of Russian. Cambridge, 2012.
- Bobaljik 2008 — J. Bobaljik. Where's phi? Agreement as a postsyntactic operation // Phi-Theory: Phi features across interfaces and modules / D. Harbour, D. Adger, and S. Béjar (eds.). Oxford, 2008. P. 295—328.
- Borer 2005 — H. Borer. Structuring Sense. Vol. I: In Name Only and Vol. II: The Normal Course of Events. Oxford, 2005.
- Chierchia 1998 — G. Chierchia. Reference to kinds across languages // Natural Language Semantics. Vol. 6. 1998. P. 339—405.
- Chomsky 2000 — N. Chomsky. Minimalist inquiries: The framework // Step by step: Essays on minimalist syntax in honor of Howard Lasnik / R. Martin, D. Michaels, and J. Uriagereka (eds.). Cambridge, 2000. P. 89—155.

- Chomsky 2001 — N. Chomsky. Derivation by phase // Ken Hale: A life in language / M. Kenstowicz (ed.). Cambridge, 2001. P. 1—52.
- Comrie 1975 — B. Comrie. Polite Plurals and Predicate Agreement // *Language*. Vol. 51. 1975. P. 406—418.
- Corbett 1979 — G. G. Corbett. The Agreement Hierarchy // *Journal of Linguistics*. Vol. 15. 1979. P. 203—224.
- Corbett 1980 — G. G. Corbett. Naturalness and Markedness of Morphological Rules: The Problem of Animacy in Russian // *Wiener Slawistischer Almanach*. Vol. 6. 1980. P. 251—260.
- Corbett 1982 — G. G. Corbett. Gender in Russian: An Account of Gender Specification and its Relationship to Declension // *Russian Linguistics*. Vol. 2. 1982. P. 197—232.
- Corbett 1988 — G. G. Corbett. Agreement: A Partial Specification Based on Slavic Data // *Agreement in Natural Language. Approaches, Theories, Descriptions* / M. Barlow and Ch. A. Ferguson (eds.). Stanford, 1998. P. 25—53.
- Corbett 1993 — G. G. Corbett. The head of Russian numeral expressions // *Heads in Grammatical Theory* / G. G. Corbett, N. M. Fraser, S. McGlashan (eds.). Cambridge, 1993. P. 11—35.
- Corbett 1998 — G. G. Corbett. Agreement in Slavic. Position paper for the workshop comparative Slavic Morphosyntax: Bloomington, 1998. [<http://www.indiana.edu/~slavconf/linguistics/download.html>]
- Corbett 2006 — G. G. Corbett. Agreement. Cambridge, 2006.
- Crockett 1976 — D. B. Crockett. Agreement in Contemporary Standard Russian. Cambridge, 1976.
- Franks 1995 — S. Franks. Parameters of Slavic Morphosyntax. Oxford, 1995.
- Glushan 2013 — Zh. Glushan. The role of animacy in Russian morphosyntax // PhD thesis, University of Connecticut, 2013. [<http://digitalcommons.uconn.edu/dissertations/264/>].
- Ionin, Matushansky 2006 — T. Ionin, and O. Matushansky. The composition of complex cardinals // *Journal of Semantics*. Vol. 23. 2006. P. 315—360. [<http://jos.oxfordjournals.org/content/23/4/315.abstract>].
- Link 1983 — G. Link. The logical analysis of plurals and mass terms: a lattice-theoretical approach // *Meaning, use and interpretation of language* / R. Bäuerle, C. Schwartze, and A. von Stechow (eds.). Berlin, 1983. P. 302—323.
- Matushansky 2013 — O. Matushansky. Gender confusion // *Diagnosing syntax* / L. Cheng and N. Corver (eds.). Oxford, 2013. P. 271—294.
- Ouwayda 2013 — S. Ouwayda. Where Plurality is: Agreement and DP Structure // *Proceedings of NELS 42* / S. Keine and Sh. Sloggett (eds.). GLSA Publications: Amherst, 2013. [<http://www-scf.usc.edu/~ouwayda/OuwaydaNELS2011.pdf>].
- Pereltsvaig 2006 — A. Pereltsvaig. Small nominals. *Natural Language and Linguistic Theory*. Vol. 24. 2006. P. 433—500.
- Pereltsvaig 2007 — A. Pereltsvaig. The universality of DP—a view from Russian. *Studia Linguistica*. Vol. 61. 2007. P. 59—94.
- Pereltsvaig 2010 — A. Pereltsvaig. As easy as two, three, four? // *Formal Approaches to Slavic Linguistics 18: The Cornell Meeting* / B. Wayles, A. Cooper, A. Fisher, E. Kesici, N. Predolac and D. Zec (eds.). Ann Arbor, P. 417—434.
- Pereltsvaig 2013 — A. Pereltsvaig. On Number and Numberlessness in Languages with and without Articles // *Crosslinguistic Studies on Noun Phrase Structure and Reference. Syntax and semantics series* / P. C. Hofherr and A. Zribi-Hertz (eds.). Leiden, 2013. P. 52—72.

- Pesetsky 2013 — D. Pesetsky. Russian case morphology and the syntactic categories. Cambridge, 2013.
- Preminger 2011 — O. Preminger. Agreement as a fallible operation. PhD thesis, MIT, 2011.
- Rappaport 2002 — G. C. Rappaport. Numeral phrases in Russian: A minimalist approach // *Journal of Slavic linguistics*. Vol. 10. 2002. P. 329—342.
- Rappaport 2003 — G. C. Rappaport. The grammatical role of animacy in a formal model of Slavic morphology // *American contributions to the thirteenth International Congress of Slavists*. Vol. 1: Linguistics / A. Timberlake and A. Schenker (eds.). Bloomington, 2003. P. 149—166.
- Rothstein 2010 — S. Rothstein. Counting and the Mass-Count Distinction // *Journal of Semantics*, Vol. 27. № 3. 2010. P. 343—397.
- Rothstein 1980 — R. A. Rothstein. Gender and reference in Polish and Russian // *Morphosyntax in Slavic* / C. V. Chvany and R. D. Brecht (eds.). Bloomington, 1980. P. 79—97.
- Sauerland 2003 — U. Sauerland. A New Semantics for Number // *Proceedings of SALT 13* / R. Young and Y. Zhou (eds.). Ithaca, 2003. P. 258—275.
- Svenonius 2008 — P. Svenonius. The Position of Adjectives and other Phrasal Modifiers in the Decomposition of DP // *Adjectives and Adverbs: Syntax, Semantics, and Discourse* / L. McNally and Ch. Kennedy (eds.). Oxford, 2008. P. 16—42.
- Timberlake 2004 — A. Timberlake. *The Reference Grammar of Russian*. Cambridge, 2004.
- Worth 1959 — D. S. Worth. Grammatical and lexical quantification in the syntax of Russian numerals // *International Journal of Slavic Linguistics and Poetics*. Vol. 1—2. 1959. P. 117—132.

References

- Asarina 2008 — A. Asarina. Gender and adjectives in numeral constructions in Russian. Ms., MIT. [<http://web.mit.edu/alya/www/russian-gender.pdf>].
- Asarina 2009 — A. Asarina. Gender and adjective agreement in Russian. Paper presented at SLS4 Annual meeting, Sept. 4, 2009. [<http://web.mit.edu/alya/www/sls4-handout.pdf>].
- Babby 1987 — L. Babby. Case, Prequantifiers, and Discontinuous Agreement in Russian // *Natural Language and Linguistic Theory*. Vol. 5. Issue 1. P. 91—138.
- Bailyn 2012 — J. F. Bailyn. *The syntax of Russian*. Cambridge, 2012.
- Beloshapkova 1977 — V. A. Beloshapkova. *Sovremennyy russkiy yazyk. Sintaksis*. Moskva, 1977.
- Bobaljik 2008 — J. Bobaljik. Where's phi? Agreement as a postsyntactic operation // *Phi-Theory: Phi features across interfaces and modules* / D. Harbour, D. Adger, and S. Béjar (eds.). Oxford, 2008. P. 295—328.
- Borer 2005 — H. Borer. *Structuring Sense*. Vol. I: In Name Only and Vol. II: The Normal Course of Events. Oxford, 2005.
- Chierchia 1998 — G. Chierchia. Reference to kinds across languages // *Natural Language Semantics*. Vol. 6. 1998. P. 339—405.
- Chomsky 2000 — N. Chomsky. Minimalist inquiries: The framework // *Step by step: Essays on minimalist syntax in honor of Howard Lasnik* / R. Martin, D. Michaels, and J. Uriagereka (eds.). Cambridge, 2000. P. 89—155.

- Chomsky 2001 — N. Chomsky. Derivation by phase // *Ken Hale: A life in language* / M. Kenstowicz (ed.). Cambridge, 2001. P. 1—52.
- Comrie 1975 — B. Comrie. Polite Plurals and Predicate Agreement // *Language*. Vol. 51. 1975. P. 406—418.
- Corbett 1979 — G. G. Corbett. The Agreement Hierarchy // *Journal of Linguistics*. Vol. 15. 1979. P. 203—224.
- Corbett 1980 — G. G. Corbett. Naturalness and Markedness of Morphological Rules: The Problem of Animacy in Russian // *Wiener Slawistischer Almanach*. Vol. 6. 1980. P. 251—260.
- Corbett 1982 — G. G. Corbett. Gender in Russian: An Account of Gender Specification and its Relationship to Declension // *Russian Linguistics*. Vol. 2. 1982. P. 197—232.
- Corbett 1988 — G. G. Corbett. Agreement: A Partial Specification Based on Slavic Data // *Agreement in Natural Language. Approaches, Theories, Descriptions* / M. Barlow and Ch. A. Ferguson (eds.). Stanford, 1988. P. 25—53.
- Corbett 1993 — G. G. Corbett. The head of Russian numeral expressions // *Heads in Grammatical Theory* / G. G. Corbett, N. M. Fraser, S. McGlashan (eds.). Cambridge, 1993. P. 11—35.
- Corbett 1998 — G. G. Corbett. Agreement in Slavic. Position paper for the workshop comparative Slavic Morphosyntax: Bloomington, 1998. [<http://www.indiana.edu/~slavconf/linguistics/download.html>]
- Corbett 2006 — G. G. Corbett. Agreement. Cambridge, 2006.
- Crockett 1976 — D. B. Crockett. Agreement in Contemporary Standard Russian. Cambridge, 1976.
- Franks 1995 — S. Franks. Parameters of Slavic Morphosyntax. Oxford, 1995.
- Glushan 2013 — Zh. Glushan. The role of animacy in Russian morphosyntax // PhD thesis, University of Connecticut, 2013. [<http://digitalcommons.uconn.edu/dissertations/264/>].
- Golub 1989 — I. B. Golub. Grammaticheskaya stilistika sovremennogo russkogo yazyka. Moskva, 1989.
- Grammatika 1960 — Grammatika russkogo yazyka / Red. kollegiya: V. V. Vinogradov, E. S. Istrina. T. I—II. 2-e izd. Moskva, 1960.
- Grammatika 1970 — Grammatika sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka / Pod red. N. Yu. Shvedovoy. Moskva, 1970.
- Grashchenkov 2009 — P. V. Grashchenkov. Dreyf kvantora kak svidetel'stvo sushchestvovaniya partitivnoy proekcii v imennoy gruppe. Korpusnye issledovaniya po russkoy grammatike / Pod red. K. L. Kiselevoy, V. A. Plungyana, E. V. Rakhilinoy, S. G. Tatevosova. Moskva, 2009. S. 397—425.
- Graudina i dr. 1976 — L. K. Graudina, V. A. Ickovich, L. P. Katlinskaya. Grammaticheskaya pravil'nost' russkoy rechi (Opyt chastotno-stilisticheskogo slovarya variantov). Moskva, 1976.
- Ickovich 1974 — V. A. Ickovich. Ocherki sintaksicheskoy normy, 1—3. Sintaksis i norma / Pod red. G. A. Zolotovoy. Moskva, 1974. S. 43—106.
- Ickovich 1980 — V. A. Ickovich. Sushchestvitel'nye odushevlenkiye i neodushevlenkiye v sovremennom russkom yazyke (norma i tendenciya) // *Voprosy yazykoznanija*. № 4. 1980. S. 84—96.
- Iomdin 1980 — L. L. Iomdin. O russkikh sushchestvitel'nykh tak nazyvaemogo obshchego roda // *Izvestiya AN SSSR. Seriya literatury i yazyka*. M. 1980. S. 456—461.
- Iomdin 1990 — L. L. Iomdin. Avtomaticheskaya obrabotka teksta na estestvennom yazyke: model' soglasovaniya. Moskva, 1990.

Ionin, Matushansky 2006 — T. Ionin, and O. Matushansky. The composition of complex cardinals // *Journal of Semantics*. Vol. 23. 2006. P. 315—360. [<http://jos.oxfordjournals.org/content/23/4/315.abstract>].

Kibrik 1992 — A. E. Kibrik. *Ocherki po obshchim i prikladnym voprosam yazykoznaniiya*. Moskva, 1992.

Kopeliovich 2008 — A. B. Kopeliovich. *Rod i grammatika mezhslownykh sintaksicheskikh svyazey*. Moskva; Vladimir, 2008.

Krongauz 1996 — M. A. Krongauz. *Sexus, ili Problema pola v russkom yazyke* // *Rusistika. Slavistika. Indoevropaistika*. M. 1996. S. 510—525.

Krys'ko 1994 — V. B. Krys'ko. *Razvitie odushevlenosti v istorii russkogo yazyka*. Moskva, 1994.

Lekant 1974 — P. A. Lekant. *Sintaksis prostogo predlozheniya v sovremennom russkom yazyke*. Moskva, 1974.

Link 1983 — G. Link. The logical analysis of plurals and mass terms: a lattice-theoretical approach // *Meaning, use and interpretation of language* / R. Bäuerle, C. Schwartze, and A. von Stechow (eds.). Berlin, 1983. P. 302—323.

Lyutikova 2010 — E. A. Lyutikova. K voprosu o kategorial'nom statuse imennykh grupp v russkom yazyke // *Vestnik MGU, Ser. 9 «Filologiya»*. № 6. 2010. S. 36—77.

Matushansky 2013 — O. Matushansky. Gender confusion // *Diagnosing syntax* / L. Cheng and N. Corver (eds.). Oxford, 2013. P. 271—294.

Mel'chuk 1974 — I. A. Mel'chuk. O sintaksicheskome nule // *Tipologiya passivnykh konstrukciy: Diatezy i zalogi* / *Otv. red. A. A. Kholodovich*. Leningrad, 1974. S. 343—360.

Mel'chuk 1985 — I. A. Mel'chuk. *Poverkhnostnyy sintaksis russkikh chislovykh vyrazheniy*. Wien, 1985.

Mel'chuk 1993 — I. A. Mel'chuk. *Soglasovanie, upravlenie, kongruentnost'* // *Voprosy yazykoznaniiya*. № 3. 1993. S. 16—58.

Muchnik 1963 — I. P. Muchnik. *Kategoriya roda i ee razvitie v sovremennom russkom literaturnom yazyke* // *Razvitie sovremenogo russkogo yazyka* / *Pod red. S. I. Ozhegova i M. V. Panova*. Moskva, 1963. S. 39—82.

Muchnik 1971 — I. P. Muchnik. *Grammaticheskie kategorii glagola i imeni v sovremennom russkom literaturnom yazyke*. Moskva, 1971.

Ouwayda 2013 — S. Ouwayda. Where Plurality is: Agreement and DP Structure // *Proceedings of NELS 42* / S. Keine and Sh. Sloggett (eds.). GLSA Publications: Amherst, 2013. [<http://www-scf.usc.edu/~ouwayda/OuwaydaNELS2011.pdf>].

Paducheva 1985 — E. V. Paducheva. *Vyskazyvanie i ego sootnesennost' s deystvitel'nost'yu: referencial'nye aspekty semantiki mestoimeniy*. Moskva, 1985.

Pereltsvaig 2006 — A. Pereltsvaig. Small nominals. *Natural Language and Linguistic Theory*. Vol. 24. 2006. P. 433—500.

Pereltsvaig 2007 — A. Pereltsvaig. The universality of DP—a view from Russian. *Studia Linguistica*. Vol. 61. 2007. P. 59—94.

Pereltsvaig 2010 — A. Pereltsvaig. As easy as two, three, four? // *Formal Approaches to Slavic Linguistics 18: The Cornell Meeting* / B. Wayles, A. Cooper, A. Fisher, E. Kesici, N. Predolac and D. Zec (eds.). Ann Arbor, P. 417—434.

Pereltsvaig 2013 — A. Pereltsvaig. On Number and Numberlessness in Languages with and without Articles // *Crosslinguistic Studies on Noun Phrase Structure and Reference. Syntax and semantics series* / P. C. Hofherr and A. Zribi-Hertz (eds.). Leiden, 2013. P. 52—72.

Pesetsky 2013 — D. Pesetsky. *Russian case morphology and the syntactic categories*. Cambridge, 2013.

- Peshkovskiy 1914 — A. M. Peshkovskiy. Russkiy sintaksis v nauchnom osveshchenii. 1-e izd. Moskva, 1914; 7-e izd. Moskva, 1956.
- Plungyan 2011 — V. A. Plungyan. Vvedenie v grammaticheskuyu semantiku: Grammaticheskie znacheniya i grammaticheskie sistemy yazykov mira. Moskva, 2011.
- Preminger 2011 — O. Preminger. Agreement as a fallible operation. PhD thesis, MIT, 2011.
- Rappaport 2002 — G. C. Rappaport. Numeral phrases in Russian: A minimalist approach // *Journal of Slavic linguistics*. Vol. 10. 2002. 329—342.
- Rappaport 2003 — G. C. Rappaport. The grammatical role of animacy in a formal model of Slavic morphology // *American contributions to the thirteenth International Congress of Slavists*. Vol. 1: Linguistics / A. Timberlake and A. Schenker (eds.). Bloomington, 2003. P. 149—166.
- Rothstein 1980 — R. A. Rothstein. Gender and reference in Polish and Russian // *Morphosyntax in Slavic* / C. V. Chvany and R. D. Brecht (eds.). Bloomington, 1980. P. 79—97.
- Rothstein 2010 — S. Rothstein. Counting and the Mass-Count Distinction // *Journal of Semantics*, Vol. 27. № 3. 2010. P. 343—397.
- Rozenal' 1998 — D. E. Rozenal'. Spravochnik po pravopisaniyu i literaturnoy pravke. Moskva, 1998.
- Rozenal' i dr. 1994 — D. E. Rozenal', I. B. Golub, M. A. Telenkova. *Sovremennyy russkiy yazyk: Uchebnoe posobie*. 2-e izd. Moskva, 1994.
- Russkaya grammatika 1980 — *Russkaya grammatika* / Pod red. N. Yu. Shvedovoy. T. 1, 2. Moskva, 1980.
- Sauerland 2003 — U. Sauerland. A New Semantics for Number // *Proceedings of SALT 13* / R. Young and Y. Zhou (eds.). Ithaca, 2003. P. 258—275.
- Shakhmatov 1925/1941 — A. A. Shakhmatov. *Sintaksis russkogo yazyka*. Vyp. 1. Leningrad, 1925; Moskva; Leningrad, 1941.
- Skoblikova 1971 — E. S. Skoblikova. *Soglasovanie i upravlenie v russkom yazyke*. Moskva, 1971.
- Suprun 1959 — A. E. Suprun. *O russkikh chislitel'nykh*. Frunze, 1959.
- Svenonius 2008 — P. Svenonius. The Position of Adjectives and other Phrasal Modifiers in the Decomposition of DP // *Adjectives and Adverbs: Syntax, Semantics, and Discourse* / L. McNally and Ch. Kennedy (eds.). Oxford, 2008. P. 16—42.
- Testelets 2001 — Ya. G. Testelets. *Vvedenie v obshchiy sintaksis*. Moskva, 2001.
- Timberlake 2004 — A. Timberlake. *The Reference Grammar of Russian*. Cambridge, 2004.
- Vinogradov 1947/1972 — V. V. Vinogradov. *Russkiy yazyk*. Moskva; Leningrad, 1947; 2-e izd. Moskva, 1972.
- Worth 1959 — D. S. Worth. Grammatical and lexical quantification in the syntax of Russian numerals // *International Journal of Slavic Linguistics and Poetics*. Vol. 1—2. 1959. P. 117—132.
- Yanko 2002 — T. E. Yanko. Russkie chislitel'nye kak klassifikatory sushchestvitel'nykh // *Russkii yazyk v nauchnom osveshchenii*. № 1(3). 2002. S. 168—181.
- Zaliznyak 1964 — A. A. Zaliznyak. K voprosu o grammaticheskikh kategoriakh roda i odushevlenosti v russkom yazyke // *Voprosy yazykoznaniya*. № 4. 1964. S. 25—40.
- Zaliznyak 1968/2002 — A. A. Zaliznyak. *Russkoe imennoe slovoizmenenie*. Moskva, 1968/2002.
- Zaliznyak 1977 — A. A. Zaliznyak. *Grammaticheskii slovar' russkogo yazyka*. Moskva, 1977.

Резюме

В статье рассматривается иерархическая структура именной группы в русском языке в свете механизмов согласования. Признаковая структура именной группы неоднородна на разных этапах синтаксической деривации, вследствие чего возможны феномены варьирования согласовательных характеристик, отсутствия согласования предиката с именной группой и рассогласования в пределах именной группы. Важнейший факт, характеризующий данные феномены, состоит в том, что варьирование признаков в именной группе происходит не случайным образом, но подчиняется закономерностям, выводимым из иерархического устройства именной группы.

Ключевые слова: именная группа, согласование, грамматическое число, грамматический род, русский язык

Статья получена 28.02.2015

EKATERINA A. LYUTIKOVA

FEATURES, AGREEMENT, AND STRUCTURE OF THE RUSSIAN NOUN PHRASE

The paper discusses the hierarchical structure of the Russian noun phrase in light of agreement phenomena. It is shown that the featural matrix of the Russian DP is not necessarily the same at different stages of syntactic derivation, and these discrepancies yield various mismatches in agreement patterns, including lack of agreement with the predicate as well as breakdown of agreement within a DP. A crucial characteristic of these mismatches is that they do not vary randomly but obey implicational laws derived from the hierarchical structure of the noun phrase.

Keywords: noun phrase, agreement, grammatical number, grammatical gender, Russian

Received on 28.02.2015

М. А. ХОЛОДИЛОВА

**СОГЛАСОВАНИЕ С ВЕРШИНОЙ
ОТНОСИТЕЛЬНЫХ КОНСТРУКЦИЙ
И ОБОСОБЛЕННЫХ ИМЕННЫХ ОБОРОТОВ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ***

В настоящей работе рассматриваются конструкции, подобные (1) и (3), в которых слово, входящее в зависимый оборот (относительный или обособленный именной) и не находящееся в отношении конгруэнтности с вершиной, может быть с ней согласовано¹. Так, в примере (1) предикат финитного относительного предложения может получать множественное число от вершины *те*, однако может стоять и в форме единственного числа, как в (2). В (3) слово *покровительницу* согласовано в падеже с вершиной *богиню*, однако могло бы получить и форму именительного падежа (4).

- (1) *Те, кто бегут, те умирать не будут, кто же будет умирать?*
(М. А. Булгаков. Белая гвардия (1923—1924)) (НКРЯ²);
- (2) ^{OK} *Те, кто бежит, те умирать не будут;*
- (3) *Вестой в Древнем Риме называли богиню, почитаемую как **покровительницу** домашнего очага.* (Яндекс);
- (4) ^{OK} *Вестой в Древнем Риме называли богиню, почитаемую как **покровительница** домашнего очага.*

В данной статье рассматриваются условия, делающие предпочтительным наличие или отсутствие согласования с вершиной в таких конструкциях. Основное внимание будет уделяться связи особенностей согласования с падежной формой вершины.

* Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ 14-06-31212 мол_а.

¹ В числе случаев согласования не рассматриваются отношения конгруэнтности, возникающие в относительной конструкции между вершиной и относительным местоимением, а также между вершиной и резюмирующим местоимением.

² Примеры и количественные данные в работе получены с помощью Национального корпуса русского языка (ruscorpora.ru), поисковой системы Яндекс (yandex.ru) и сервиса Яндекс.Блоги (blogs.yandex.ru). Полученные из этих источников данные помечены «НКРЯ», «Яндекс» и «Яндекс-блоги» соответственно. Орфография и пунктуация примеров во всех случаях нормализована.

Статья имеет следующую структуру. В **разделе 1** приводится основная информация об используемых материалах и методах работы. В **разделе 2** рассматриваются основные закономерности согласования с вершиной в финитных относительных конструкциях. В **разделе 3** обсуждаются возможности согласования с вершинным существительным слов, входящих в обособленные именные обороты, в частности причастные обороты. В **разделе 4** приводится попытка обобщения рассмотренных закономерностей.

1. Материалы и методы исследования

Материалы и методы исследования во многом определяются стилистической и частотной спецификой рассматриваемых конструкций. Некоторые из конструкций, обсуждаемых в настоящей статье, являются разговорными, некоторые архаичными, при этом большинство из них относится к числу крайне редких.

Это верно, в частности, для конструкций с согласованием по числу с вершиной (1), которые являются наиболее частотными из рассматриваемых. Как отмечено в [Сидорова 2015], для финитных конструкций вида *те, кто* согласование по множественному числу не признается нормативным в некоторых современных грамматических пособиях по подготовке к экзаменам. В [Розенталь и др. 1998: 265—266] использование предиката во множественном числе рассматривается как в полной мере допустимое при вершине *те*, но разговорное при вершинах *первые, последние*. Г. Корбетт также отмечает ряд случаев, в которых согласование по числу в финитных относительных конструкциях более допустимо для разговорного языка [Corbett 1979: 55].

В части конструкций с обособленными именными оборотами, таких как (3), согласование с вершиной также оценивается некоторыми носителями как не вполне соответствующее литературной норме или вовсе невозможное³. Следует, впрочем, учитывать, что почти все опрошенные носители признают данные конструкции допустимыми хотя бы в некоторых случаях.

Представляется, что оценка таких примеров — стилистически маркированных и сравнительно редких — для носителей языка во многом затруднена. Поэтому, насколько это возможно, в настоящей статье избегаются утверждения, основанные исключительно на оценках носителей.

Данных крупных корпусов, таких как НКРЯ, для многих целей исследования также недостаточно. В случае же обращения к Интернету необходимой является, как правило, опора на данные о частотности конструкций, поскольку отдельные их вхождения часто недостаточно надежны. Таким образом, основным материалом в настоящей работе служат количественные данные, извлеченные из русскоязычного сектора Интернета с

³ Я благодарю И. Б. Иткина, обратившего на это мое внимание.

помощью поисковой системы Яндекс. Используемая методология получения количественных данных в Яндексе описана в [Холодилова 2013: 17—24]⁴.

В нескольких случаях необходимым оказалось привлечение данных опроса носителей⁵. Такие данные приводятся ниже только в том случае, если одно из ключевых утверждений по той или иной причине не представляется возможным доказать корпусными методами, а в оценках опрашиваемых не наблюдается чрезмерных колебаний. При опросе примеры оценивались по пятибалльной шкале. Ниже при примерах, входивших в опрос, в качестве характеристики приемлемости приводится в скобках медиана: медиана 1 соответствует наиболее низко оцененным примерам, медиана 5 — наиболее высоко оцененным.

2. Согласование с вершиной в финитных относительных предложениях

2.1. Общие особенности согласования

В финитных относительных предложениях глагольный предикат может получать некоторые значения для трех согласовательных признаков: числа, рода и лица. При релятивизации подлежащего в некоторых случаях значения этих признаков совпадают с их значениями у вершины, в некоторых — не совпадают.

Выбор формы предиката относительной клаузы в значительной мере зависит от набора словоизменительных категорий релятивизатора. Могут быть отмечены следующие закономерности.

а. Если релятивизатор является неизменяемым, всегда происходит согласование с вершиной. Данное условие относится к слову *что*, представленному в примере (5).

(5) *Стало быть, он сейчас направлялся непосредственно в лапы той компании, что засела в квартире № 50* (М. А. Булгаков. Мастер и Маргарита, часть 1 (1929—1940)) (НКРЯ).

Как видно из примера (6), данный релятивизатор не имеет форм словоизменения, в отличие от омонимичного ему относительного местоимения *что*, представленного в примере (7).

(6) **Он сейчас направлялся в лапы той компании, о чем мы говорили;*

(7) *Вот то, о чем мы говорили.*

⁴ Количественные данные обрабатываются статистически. В качестве порога значимости в статье принимается $P = 0,05$; однако, если значения показателя ниже 0,01, это также указывается.

⁵ Я благодарю всех участников опроса.

Вопрос о частеречной принадлежности слова *что* в примере (5) является спорным (см., в частности, [Minlos 2012] и обзор в [Холодилова 2014b]), однако большинство источников сходится на том, что это слово является неизменяемым. Ниже условно принят подход, при котором *что* в таких предложениях считается союзом. В соответствии с условием **а.** финитные предикаты относительных предложений с союзом *что* всегда согласуются с вершиной по всем трем согласовательным категориям: роду (5), (8), числу (9)—(10) и лицу (11)—(12).

- (8) *Он сейчас направлялся непосредственно в лапы той компании, что **засело** / **засел** в квартире № 50;
- (9) Мы были в саду, когда в рогатых васильках, что **росли** у забора, вдруг объявился заяц (Ю. Коваль. Русачок-травник, 2000) (НКРЯ);
- (10) *В рогатых васильках, что **рос** у забора, вдруг объявился заяц.
- (11) — О ты, что **желаешь** переступить этот порог, знаешь ли ты, что тебя ожидает? (И. С. Тургенев. Стихотворения в прозе I. Senilia (1878—1882)) (НКРЯ);
- (12) *О ты, что **желает** переступить этот порог, знаешь ли ты, что тебя ожидает?

б. Если релятивизатор является изменяемым и обладает формами, противопоставленными по некоторой категории, согласование, как правило, происходит по релятивизатору.

Так, в некоторых случаях при вершинах в единственном числе, реферирующих к множественным объектам, встречаются местоимения во множественном числе. Если такое местоимение стоит в позиции подлежащего в относительной клаузе, как в (13), оно требует согласования предиката по множественному числу, ср. (14).

- (13) Знала супружескую пару, **которые** 17 лет жили душа в душу (М. Рипинская. Грамматика супружеского общения Марии Рипинской (2001)) (НКРЯ);
- (14) *Знала супружескую пару, **которые** 17 лет жила душа в душу.

Единственным исключением является согласование с вежливым местоимением *Вы*: как отмечено в [Лютикова 2012], наряду с согласованием, соответствующим морфологической характеристике релятивизатора, при таких вершинах возможно согласование по второму лицу и множественному числу, как в (15).

- (15) Вы, который **скрываете** ваши сильнейшие порывы, должны почесать меня бесстыдной дурочкой за то, что раскрываю так широко свое несчастное раненое сердце (В. В. Набоков. Лолита (1967)) (НКРЯ).

Допустимость таких структур предположительно может быть объяснена как результат морфолого-семантического процесса, не ограниченного

синтаксически лексемой-контролером согласования. В этом случае следует признать, что формальным является только согласование между вершиной и предикатом по лицу. Такое согласование соответствует общему правилу, поскольку относительное местоимение не имеет форм, противопоставленных по лицу. Согласование же по числу может объясняться некоторым общим правилом, по которому предикат во втором лице, описывающий действие адресата при вежливом обращении, должен стоять во множественном числе. Некоторым косвенным аргументом в пользу такого анализа могут служить такие примеры как *маменька плачут* [Corbett 1998], в которых допустимость множественного числа в близкой функции при подлежащем третьего лица не ограничена лексически. В настоящей статье данный вопрос не будет обсуждаться более подробно.

в. Если релятивизатор является изменяемым и не обладает формами, противопоставленными по некоторой категории, в той или иной мере допустимо как согласование по вершине, так и согласование по релятивизатору. В качестве значений категорий, приписываемых релятивизаторами, во всех обсуждаемых случаях рассматривается третье лицо, для местоимения *кто* также единственное число и мужской род, а для местоимения *что* — единственное число и средний род, то есть значения признаков, которые, как правило, реализуются при согласовании с данными местоимениями в вопросительной функции.

Таким образом, согласование с релятивизатором в большинстве случаев подчиняется следующей закономерности: если некоторый грамматический признак у релятивизатора отсутствует, согласования с ним не происходит, если присутствует и эксплицитно выражен, согласование с релятивизатором обязательно, если же признак есть, однако эксплицитного выражения не получает, согласование с релятивизатором факультативно.

В настоящей работе обсуждается конкуренция форм в последнем случае, то есть при возможности согласовать предикат как с вершиной, так и с релятивизатором. Соответствующие клетки выделены полужирным в Таблице 1.

Таблица 1

Контролер согласования в финитных относительных предложениях

	число	лицо	род
<i>который</i>	релятивизатор (кроме вежливого <i>Вы</i>)	вершина / релятивизатор	(вершина и релятивизатор никогда не различаются)
<i>кто</i>	вершина / релятивизатор	(примеры не вполне грамматичны по независимым причинам)	вершина / релятивизатор
местоимение <i>что</i>	(вершина и релятивизатор никогда не различаются)	(вершина и релятивизатор никогда не различаются)	(вершина и релятивизатор никогда не различаются)
союз <i>что</i>	вершина	вершина	вершина

Дополнительное общее ограничение, не отраженное в таблице, связано с невозможностью согласования с вершиной по одному из признаков и с релятивизатором — по другому. Для согласования с вежливым *Вы* данное ограничение отмечается в [Лютикова 2012]. Это ограничение верно и при согласовании по роду и числу в относительных клаузах с местоимением *кто*. Так, встречается согласование с вершиной по числу и роду (16) и согласование по обеим категориям с местоимением (17), однако согласование по числу с местоимением и по роду с вершиной невозможно (18).

- (16) *Те женщины, кто **родились** раньше срока, вдвое больше страдают от осложнений, которые могут появиться во время собственной беременности* (Яндекс);
 (17) ^{OK} *Те женщины, кто **родился** раньше срока...*;
 (18) **Те женщины, кто **родилась** раньше срока...*

2.2. Падеж вершины и согласование в финитных относительных конструкциях

Согласование по всем трем категориям (числу, лицу и роду) подчиняется следующей закономерности: согласование наиболее допустимо и частотно при вершине в именительном падеже. При согласовании по разным категориям данная закономерность проявляется по-разному.

При вершинах во множественном числе и релятивизаторе *кто* предикат может стоять как в форме множественного числа (19), так и в форме единственного числа (20).

- (19) *Но те, кто **подражали**, работали всюду* (Дон Аминадо. Поезд на третьем пути (1954)) (НКРЯ);
 (20) *Находились и те, кто **подражал** ему* (Яндекс).

Оба варианта сравнительно допустимы при вершинах в именительном падеже, однако при вершинах в косвенных падежах согласование по множественному числу оказывается менее приемлемым:

- (21) *Тех, кто подражал / ? **подражали**, было много.*

Данное наблюдение в целом подтверждается количественными данными, приведенными в Таблице 2. Как видно из таблицы, согласование по множественному числу при вершинах не в именительном падеже встречается значительно реже. Различие статистически значимо (χ^2 , $P < 0,01$).

Таблица 2

Связь между падежом вершины и согласованием по числу (НКРЯ, снятая омонимия, 1950—2006)

	согласование с вершиной (PL)	SG	доля PL
<i>те, кто...</i>	23	121	0,160
<i>тех / тем / теми, кто...</i>	1	321	0,003

При согласовании по лицу с вершинами, выраженными личными местоимениями, наблюдается близкая тенденция. Если при вершинах в именительном падеже возможны и сравнительно частотны оба варианта согласования — по 1—2 лицу (22) и по 3 лицу (23), — то при остальных падежных формах согласование по лицу с вершиной оказывается значимо менее частотным (χ^2 , $P < 0,01$) и несколько менее приемлемым, ср. (24) и (25).

- (22) *Знаю одно, что погибают часто не те, кому бы следовало, а мы, которые **остаемся**...* (В. Г. Короленко. Мороз (1900—1901)) (НКРЯ);
 (23) *Например, я, который **интересуется** фольклором, впервые услышал такую арию: ...* (В. Конецкий. Вчерашние заботы (1979)) (НКРЯ);
 (24) *И не могу понять только одного — за что мне, мне, которая **знает** себя настоящую, изнутри, столько счастья?* (М. Шишкин. Письмовник (2009)) (НКРЯ);
 (25) *²За что мне, которая **знаю** себя настоящую, изнутри, столько счастья?*

Таблица 3

**Связь между падежом вершины
и согласованием по лицу глагола *хотеть* (Яндекс.Блоги)**

	1PL (хотим)	3PL (хотят)	доля 1PL (хотим)
именительный падеж (мы, которые хотят / хотим)	27	20	0,57
другие падежи (нас / нам / нами, которые хотят / хотим)	1	48	0,02

При согласовании по роду отмеченная тенденция также прослеживается, однако является исключительно количественной. Как видно из данных в Таблице 4, согласованные по роду формы сравнительно частотны как при вершинах в именительном падеже (26), так и при вершинах в прочих падежах (27), однако при вершинах в именительном падеже согласованные формы встречаются чаще. Различие статистически значимо (χ^2 , $P < 0,05$).

- (26) *Та, кто ее **пела**, совершенно не понимала, о чем она поет* (В. Пелевин. Жизнь насекомых (1993)) (НКРЯ);
 (27) *Птица пела о той, кто **осталась** в небе, за звездами, и о той, кто лежит под холмиком, под крестом, и о седом и морщинистом старом мечтателе, облетевшем небеса и разбившемся, — вот он снова — один, одинок* (А. Н. Толстой. Аэлита. (Закат Марса) (1939)) (НКРЯ).

Наблюдаемая тенденция имеет параллели в других языках. Так, сходное распределение отмечалось в литературе для английского [Ross 1970; Aktajian 1970], немецкого [Heck, Cuartero 2008] и нидерландского [de Vries

Таблица 4

Связь между падежом вершины и согласованием по роду (Яндекс)

	согласование с вершиной (F)	М	доля F
<i>та</i>	66	34	0,7
<i>ту / той</i>	49	51	0,5

2002: 228—229]: согласно указанным описаниям, в этих языках или в отдельных идиомах в пределах этих языков при вершинах в именительном падеже предикат всегда получает согласование с вершиной по числу и лицу, при вершинах не в именительном падеже — никогда не согласуется с вершиной по числу и лицу. Некоторым существенным отличием рассматриваемых русских данных можно считать наличие вариативности. Так, при формах именительного падежа в вершине во всех рассматриваемых случаях возможно как наличие, так и отсутствие согласования. Данные стратегии не распределены по носителям: формы предиката, согласованные и не согласованные с вершиной, часто встречаются у одного автора (28)⁶.

(28) — *Вот, понимаешь, — говорил он, — те, кто звонили каждый день, стали позванивать, а те, кто позванивал, вообще перестали звонить* (В. Гроссман. Жизнь и судьба. Часть 3 (1960)) (НКРЯ).

При формах, отличных от номинатива, некоторая вариативность наблюдается по крайней мере в случае согласования по роду, ср. (27) и (29).

(29) ^{OK} *Птица пела о той, кто остался в небе.*

Следует отметить, что та же тенденция наблюдается в украинском и белорусском языках, по крайней мере при согласовании по числу в относительных конструкциях без существительного в вершине, таких как (19)—(20). Количественные данные по украинскому языку приведены в Таблице 5, по белорусскому языку — в Таблице 6. В обоих случаях различия статистически значимы (двусторонний вариант точного критерия Фишера, $P < 0,01$).

Таблица 5

Связь между падежом вершины и согласованием по числу в относительных конструкциях без существительного в вершине в украинском языке (НКРЯ, украинско-русский подкорпус, тексты с оригиналом на украинском)

	согласование с вершиной (PL)	SG	доля PL
вершина в номинативе	4	19	0,2
вершина не в номинативе	0	60	0,0

⁶ О склонности отдельных авторов к использованию той или иной конструкции см. [Сидорова 2015].

Таблица 6

Связь между падежом вершины и согласованием по числу в относительных конструкциях без существительного в вершине в белорусском языке
(Белорусский национальный корпус⁷)

	согласование с вершиной (PL)	SG	доля PL
вершина в номинативе	26	320	0,08
вершина не в номинативе	7	894	0,01

2.3. Прочие факторы, влияющие на согласование в финитных относительных конструкциях

Помимо центрального для настоящей статьи вопроса о взаимосвязи падежа вершины и согласования в определительных оборотах, необходимо упомянуть ряд условий, также оказывающих влияние на согласование в финитных относительных предложениях.

Во-первых, как указано в [Corbett 1979], согласование в конструкциях вида *те, кто* частично обусловлено иерархией предикативного согласования, предложенной в [Comrie 1975]. Так, согласно [Corbett 1979: 51—55], различные свойства проявляют предикаты следующих типов:

- (30) глагол > пассивное причастие > краткая форма прилагательного > полная форма прилагательного > существительное⁸.

Типы предикатов в левой части иерархии (30), согласно [Corbett 2006], более склонны к синтаксическому согласованию, то есть в данном случае к согласованию по единственному числу.

Как отмечает анонимный рецензент настоящей статьи, возможны расхождения по числу между именной и глагольной частью предикатов в относительных клаузах (31).

- (31) *Те, кто был вестниками и гениями на земле, продолжают после просветлений, искуплений и трансформ своё творчество в затонах — высших слоях метакультуры человечества, в небесных странах* (С. А. Еремеева. Лекции по истории искусства (1999)) (НКРЯ).

Такие расхождения также подчиняются иерархии предикативного согласования. Так, в (31) в единственном числе стоит глагольная часть предиката, согласно иерархии (30) наиболее склонная к согласованию по единственному числу, во множественном — существительное, наименее

⁷ <http://bnkorus.info>.

⁸ Именные предикаты во всех случаях рассматриваются в конструкциях с выраженной связкой.

Следует отметить, что приведенные в [Corbett 1979: 51] количественные данные не являются достаточными для постулирования различия между первыми тремя позициями иерархии предикативного согласования.

склонное к согласованию по единственному числу. При этом грамматически сравнительно допустимыми представляются все комбинации числа на глаголе и существительном (32)—(33), кроме той, которая не соответствует иерархии (30), — единственного числа существительного при множественном числе на глаголе (34).

(32) ^{OK} *Те, кто были гениями на земле...*

(33) ^{OK} *Те, кто был гением на земле...*

(34) ^{??} *Те, кто были гением на земле...*

Ограничения на согласование накладывает также позиционный тип относительной клаузы: согласование по множественному числу является значительно более редким в коррелятивах (35). Данные отражены в Таблице 7, различие статистически значимо (χ^2 , $P < 0,01$).

(35) *А кто знали, те даже и не старались* (Е. Шкловский. В промежутке (1990—1996)) (НКРЯ).

Таблица 7

Частотность согласования глагола по множественному числу в коррелятивах при детерминативе или кванторном слове в именительном падеже (НКРЯ, 1900—2011)

	PL	SG	доля PL
<i>те / все, кто ...</i> (Корпус со снятой омонимией)	40	227	0,15
<i>кто ..., те / все</i>	2	63	0,03

Среди относительных предложений, следующих за вершиной, наблюдаются некоторые различия, связанные с типом вершины.

Во-первых, согласование по множественному числу более частотно при вершинах, не содержащих существительного. Данные приведены в Таблице 8, различие статистически значимо (χ^2 , $P < 0,01$).

Таблица 8

Согласование предикатов с вершиной по числу в относительной клаузе с местоимением *кто* в зависимости от наличия в вершине существительного (Яндекс.Блоги, твиттер)

	PL	SG	доля PL
<i>те ..., кто</i> (<i>те люди, кто</i> и т. п.)	43	157	0,22
<i>те, кто</i>	66	134	0,33

Во-вторых, в конструкциях с местоимением в вершине наличие согласования предиката зависимой клаузы по лицу коррелирует с множествен-

ным числом вершины⁹. Данные приведены в Таблице 9. Как для первого, так и для второго лица различие статистически значимо (χ^2 , $P < 0,01$).

Таблица 9

**Связь между числом вершины в именительном падеже
и наличием согласования по лицу**
(Яндекс.Блоги)

		1 / 2 лицо (хочу, хотим, хочешь, хотите)	3 лицо (хочет, хотят)	доля 1 / 2 лица
1 лицо	SG (я, который хочет / хочу)	7	95	0,1
	PL (мы, которые хотят / хотим)	27	20	0,6
2 лицо	SG (ты, который хочет / хочешь)	11	40	0,2
	PL (вы, которые хотят / хотите)	21	11	0,7

Упомянутые выше тенденции частично обсуждаются в разделе 4.

3. Согласование в нефинитных относительных конструкциях и других обособленных именных оборотах

3.1. Общие особенности согласования

В нефинитных обособленных оборотах согласование с вершиной возможно по крайней мере в следующих случаях.

1) Согласование могут принимать плавающие определители [Тестелец 2001: 306]. Под последними понимаются слова *сам*, *один*, *весь* и *оба*, которые «легко отрываются от определяемого существительного и примыкают к группе сказуемого» [Там же: 295]. Так, в (36) причастный оборот может содержать плавающие определители *сам* или *оба*, согласованные с вершинным существительным по падежу.

(36) Студенты, [**сами (оба)** хорошо знающие эскимосский язык], не смогли разобрать здесь ни слова [Тестелец 2001: 305] (выделено мной. — М. Х.).

2) Согласование по падежу возможно для вторичных предикатов в составе причастного оборота (37). Как отмечено в [Антонова 2012: 181], данная стратегия является маргинальной, и в таких случаях больше распространен творительный падеж, как в (38).

⁹ Я благодарю А. Б. Летучего за указание на этот факт.

(37) *А если человек, севиший **пьяный** за руль, заплатит штраф тысяч 100—150, то он задумается* (Яндекс);

(38) *Человек, севиший **пьяным** за руль, изначально должен быть готов получить телесные повреждения* (Яндекс).

3) Согласование наблюдается также в конструкциях с *как* и последующей именной группой. Такое согласование возможно и при *как* в значении сравнения (39), и при *как* в значении 'в качестве' (40).

(39) *Не раз разыскивал его и привозил в состоянии полутрупа, пьяного, порезанного, побитого как **собаку**... выхаживал* (Яндекс);

(40) *Имя Юлиуса Роберта Оппенгеймера, некогда известного как **автора** серьезных статей, ныне редко встречалось в физических журналах* (Яндекс).

4) В различных грамматических традициях к числу случаев согласования относятся или может относиться также совпадение падежных форм подлежащего и именного предиката, см., например, [Comrie 1997] и обсуждение в [Matushansky 2008]. Если принять данное положение для русских именных предикатов, в обособленных именных оборотах такое согласование возможно только в некоторых крайне редких случаях (41), ср., например, *?? мой сосед, бывший дурак* в значении 'тот мой сосед, который был дурак'.

(41) ^{OK} *Мой сосед, бывший не **дурак** выпить, часто оказывался в вытрезвителе* (опрос носителей, медиана 4).

К согласованию близко также использование кратких форм прилагательных, условно соотносимых с формами именительного падежа, в качестве предикатов обособленных именных оборотов. Так, в некоторых примерах из произведений XIX в. краткое прилагательное следует за причастием *бывший* (42). В современном языке данная конструкция не используется.

(42) *⟨...⟩ граф, видимо, бывший совершенно **здоров**, ⟨...⟩ обратился почти с запальчивостью к стоявшему перед ним навытяжке правителю дел ⟨...⟩* (А. Ф. Писемский. Масоны (1880)) (НКРЯ).

В некоторых из названных выше структур согласованные формы конкурируют с формами, возможными вне зависимости от падежа вершины. Так, в случае с первичными и вторичными предикатами согласованная форма конкурирует с формой творительного падежа. В оборотах с *как* такой альтернативной формой является именительный падеж. При использовании плавающих определителей согласованная форма является единственно возможной: в случае, если она не может быть использована, недопустима и синтаксическая конструкция в целом.

3.2. Падеж вершины и согласование в обособленных именных оборотах

Некоторые закономерности, касающиеся употребления согласованных форм в обособленных именных оборотах, рассмотрены в литературе.

Так, согласно [Тестелец 2001: 306] использование согласованных плавающих определителей (*студенты, сами бывшие...*) возможно в двух случаях: если вершина является подлежащим или «принадлежит к именной части сказуемого» (в именительном падеже) или, в меньшей степени, если вершина является подлежащим главной клаузы в дативе.

Согласно [Антонова 2012: 182], для вторичных предикатов согласование маргинально возможно при вершине в номинативе (37) и невозможно в остальных случаях (43).

(43) *Я вижу человека, садящегося за руль *пьяного / ^{OK}пьяным* [Там же: 182].

Таким образом, в обеих конструкциях согласование возможно исключительно или почти исключительно в тех случаях, когда вершина имеет форму именительного падежа.

То же верно для тех редких случаев, когда в причастном обороте допустимо согласование по падежу первичного предиката: такие конструкции допустимы в номинативе (41), но не в других падежах (44).

(44) **Моего соседа, бывшего не дурака выпить, часто отправляли в вытрезвитель* (опрос носителей, медиана 1).

Существенно, что падежная форма в примерах, подобных (41), не является «застывшей»: данная форма также недопустима при вершинах, отличных от номинатива (45), тогда как склонение именной группы в этой позиции грамматически более приемлемо (46).

(45) **Моего соседа, бывшего не дурак выпить, часто отправляли в вытрезвитель* (опрос носителей, медиана 1);

(46) *?Моего соседа, бывшего не дураком выпить, часто отправляли в вытрезвитель* (опрос носителей, медиана 3).

Иное распределение демонстрируют обороты со словом *как*. В этом случае согласование с вершиной возможно при различном падежном маркировании, однако, как видно из Таблицы 10, частотность согласованной формы зависит от падежного маркирования вершины. Для вершины в именительном падеже проверить частотность согласованных форм невозможно, поскольку они совпадают с несогласованными формами для данного контекста. Статистически значимые различия наблюдаются между аккузативом и совпадающим с ним генитивом, с одной стороны, и дативом — с другой стороны. По сравнению с дативом согласованные формы реже используются при вершине в творительном падеже. Оба различия статистически значимы (двусторонний вариант точного критерия Фишера, $P < 0,01$).

Таблица 10

Частотность согласования по падежу с вершиной и номинатива в обособленных оборотах вида *известного как автор(a)* в зависимости от падежа вершины (Яндекс)¹⁰

	NOM	ACC=GEN	DAT	INSTR
номинатив		43	32	80
согласование	не проверяемо	57	9	0
доля согласования		0,6	0,2	0,0

Описанные данные почти полностью соответствуют иерархии маркированности падежей (47) (см. [Grosu 1994; Bhatt 2005] и мн. др. о значимости этой иерархии для относительных конструкций). Чем правее находится падеж в данной иерархии, тем более маркированным он является. Как видно из Таблицы 10, в рассматриваемой конструкции более маркированные падежи, как правило, реже вызывают согласование.

(47) NOM < ACC < DAT < GEN...

Некоторое видимое исключение составляет родительный падеж, для которого частотность согласования оказывается неожиданно высокой. По всей видимости, это объясняется тем, что при выстраивании данной иерархии значение имеет не только синтаксическая позиция, но и экспонент падежа. Так, у одушевленных существительных мужского рода и соответствующих им форм причастий и прилагательных родительный и винительный падежи чаще всего совпадают, у существительных женского рода — не совпадают. При этом в обособленных оборотах, относящихся к одушевленному существительному мужского рода, для генитива (*у мальчика, известного как актера...*) согласование сравнимо по частотности с согласованием у форм аккузатива (*увидел мальчика, известного как актера...*). В то же время в обособленных оборотах, относящихся к существительным женского рода, согласование в формах генитива (*у девочки, известной как актрисы...*) встречается существенно реже, чем в формах аккузатива (*увидел девочку, известную как актрису...*). Различие между формами генитива мужского и женского рода статистически значимо (χ^2 , $P < 0,01$), см. Таблицу 11.

Для конструкций с краткими формами прилагательного, таких как *бывший здоров*, непосредственная оценка грамматичности затруднена в силу их архаичности. Однако в той мере, в какой эти конструкции могут быть оценены современным носителем языка, они, по всей видимости, невозможны в формах косвенных падежей, ср. (42) и (48).

(48) ...^(*)к графу, видимо, бывшему совершенно здоров, обратился правитель дел...

¹⁰ В Таблицах 10 и 11 приведены результаты поиска только для предикатов, указанных в названиях таблиц. Данное условие является существенным, поскольку частотность согласования при предикатах в среднем значительно ниже.

Таблица 11

Частотность согласования по падежу с вершиной и номинатива в обособленных оборотах вида *известного как автор(а)/актера/актрисы* в зависимости от того, совпадает ли форма родительного падежа прилагательного с формой винительного падежа (Яндекс)

	пример	согласование	номинатив	доля согласования
ACC (= GEN)	...известного как...	17	8	0,7
ACC (\neq GEN)	...известную, как...	8	5	0,6
GEN (= ACC)	...известного, как...	59	41	0,6
GEN (\neq ACC)	...известной, как...	4	31	0,1

Высказанное предположение косвенно подтверждается также количественными данными. Как видно из Таблицы 12, при наличии в предикате относительной клаузы краткого прилагательного причастная стратегия образования относительной клаузы коррелирует с именительным падежом вершины. Различие статистически значимо (двусторонний вариант точного критерия Фишера, $P < 0,01$). Контрпримеры не зафиксированы, и можно предположить, что их не существовало.

Таблица 12

Связь между падежом вершины и частотностью причастного оборота при предикате, выраженном кратким прилагательным (НКРЯ)

	S в именительном падеже	S в других падежах	доля именительного падежа
S, <i>бывший</i> + краткое прилагательное	5	0	1,0
S, <i>который был</i> + краткое прилагательное	29	121	0,2

Как справедливо указывает И. Б. Иткин, существенным для обсуждения конструкций с *как* является вопрос о том, не следует ли рассматривать наблюдаемое явление как речевой сбой, при котором существительное согласуется с предшествующим ему причастием или прилагательным, а не с вершиной относительной конструкции. О том, что подобная стратегия согласования встречается в речи, свидетельствуют фиксируемые примеры, подобные (49), в которых падеж предиката не совпадает с падежом вершины, однако может объясняться как результат окказионального согласования с прилагательным¹¹.

¹¹ Стоит отметить, что для некоторых из опрошенных носителей (а также автора настоящей статьи) примеры, подобные (49), менее грамматически допустимы, чем обычные конструкции с согласованием при *как*.

- (49) *Верховный суд восстановил уголовное дело против судьи Печерского районного суда Сергея Вовка, известного как **судью**, осудившего экс-министра...* (Яндекс, пример И. Б. Иткина).

Существенно, однако, что данное объяснение не может распространяться на все наблюдаемые случаи. Так, для большинства опрошенных носителей является приемлемым пример (50), в котором предикативному существительному в рассматриваемой конструкции не предшествует ни одно слово в той же грамматической форме.

- (50) ^{OK}*И тут я увидела как **тучу** мрачного руководителя отдела* (опрос носителей, медиана 4).

Подобные примеры фиксируются и в Интернете.

Таким образом, для многих носителей данная стратегия согласования сравнительно приемлема, и область ее применения не может быть описана исключительно в терминах линейного порядка.

4. Согласование с вершиной и различие внутренних и внешних вершин

4.1. Предварительное обобщение

Предварительно часть приведенных выше данных может быть обобщена следующим образом: во всех названных случаях согласованию с вершиной способствует такая форма вершины, которая могла бы вызвать наблюдаемое согласование в обычном случае, в пределах одной клаузы. Иными словами, вершина в некотором отношении ведет себя так, как если бы она входила в относительную клаузу или обособленный оборот и вызывала согласование внутри этого оборота.

Наиболее просто данное положение может быть продемонстрировано на материале финитных относительных конструкций. Так, в примерах, приведенных в Таблице 13, согласование более свободно допустимо в тех относительных конструкциях, которым можно сопоставить независимую клаузу, не меняя падежа вершины. Поскольку согласование с предикатом в русском языке в обычном случае предполагает наличие в предложении именной группы в именительном падеже, более допустимыми оказываются относительные конструкции с именительным падежом в вершине.

Для обособленных именных оборотов построение такой независимой клаузы затруднено, однако верно, что все названные типы структур (плавающие определители; первичные и вторичные предикаты в форме, отличной от творительного падежа; именные группы при *как* в форме, отличной от номинатива) в обычном случае предполагают наличие в той же клаузе именной группы в той же падежной форме, вызывающей согласование, см. (51)—(52):

Таблица 13

**Связь между допустимостью финитных относительных конструкций
и соотносимых с ними независимых клауз**

относительная конструкция	воображаемая клауза, в которой вершина в неизменном виде входит в зависимую клаузу
<i>те, кто подражали...</i>	<i>Те подражали.</i>
[?] <i>тех, кто подражали...</i>	<i>*Тех подражали.</i>
<i>мы, которые хотим...</i>	<i>Мы хотим.</i>
[?] <i>нас, которые хотим...</i>	<i>*Нас хотим.</i>

(51) *Эту богиню почитают как покровительницу / *покровительница домашнего очага.*

(52) *Эта богиня почитается как покровительница / *покровительницу домашнего очага.*

Таким образом, без изменения формы контролера и мишени согласования может быть воображима некоторая структура, в которой согласование происходит в пределах клаузы.

Таблица 14

**Связь между допустимостью обособленных именных оборотов
и соотносимых с ними независимых клауз**

относительная конструкция	воображаемая клауза, в которой вершина в неизменном виде входит в зависимую клаузу
<i>богиню, почитаемую как покровительницу...</i>	<i>богиню...</i> (некая предикативная конструкция, предполагающая согласование) <i>покровительницу</i>
<i>мальчику, известному как актеру...</i>	<i>мальчику...</i> (некая предикативная конструкция, предполагающая согласование) <i>актеру</i>

Данный механизм описания оказывается применим не только к случаям согласования с вершиной. Как отмечено в [Тестелец 2001: 278], в причастных оборотах зависимые деепричастия более допустимы, если вершина стоит в именительном падеже¹², ср. (53)—(54). Данное ограничение не ведет к абсолютным запретам, однако корреляция между именительным падежом и наличием зависимых деепричастных оборотов подтверждается, см. количественные данные в [Холодилова 2014а].

(53) *Игрок, нанесший травму сопернику, грубо нарушив правила, должен быть наказан* [Тестелец 2001: 278].

(54) [?]*Игрока, нанесшего травму сопернику, грубо нарушив правила, ждет наказание* [Там же].

¹² В [Тестелец 2001: 306] отмечается также связь между этим явлением и допустимостью плавающих определителей.

Предпочтительность деепричастных оборотов при вершинах в именительном падеже может быть предварительно описана так же, как предпочтительность согласования при вершинах в именительном падеже: структура становится более приемлемой в том случае, если она допустима при мысленном отнесении вершины к зависимой клаузе. В случае с деепричастным оборотом результатом такого мысленного отнесения является наличие в относительной клаузе подлежащего в именительном падеже, которое обычно и делает допустимым использование деепричастных оборотов.

Еще одно возможное обобщение относится к согласуемому падежу. В нескольких случаях (первичные и вторичные предикаты, плавающие определители) согласование встречается исключительно или преимущественно в именительном падеже. Согласование в конструкции с *как* подчиняется иерархии маркированности падежей (47). Можно предположить, что последнее обобщение верно для всех рассматриваемых случаев, однако в большинстве из них согласование ограничено первой позицией иерархии.

4.2. Обсуждение результатов

Для некоторых из рассматриваемых в настоящей статье закономерностей в литературе предлагались объяснения.

Так, в [Тестелец 2001: 305—306] постулируется, что в причастном обороте присутствует PRO с подлежащими свойствами в номинативе (или реже в дативе), которое согласуется с подлежащим главной клаузы. При этом причастный оборот может быть непосредственно вложен либо в именную группу подлежащего, либо в именную группу сказуемого. Недопустимость же плавающих определителей и деепричастных оборотов в других структурах объясняется в этом случае отсутствием подлежащего PRO. Данное объяснение может быть распространено на предикативное согласование первичных предикатов в причастных оборотах. В то же время, к структурам с *как* оно, по всей видимости, неприменимо, поскольку у них отсутствует строгое ограничение на синтаксическую позицию. При прочих равных кажется предпочтительным описание, в котором данные два типа согласования в обособленных именных оборотах описывались бы вместе.

Один из подходов к описанию согласования с вершиной финитной относительной конструкции предполагает, что относительное местоимение недоспецифицировано по некоторому признаку и получает его от вершины, а сказуемое относительной клаузы согласуется с относительным местоимением. Данное предположение убедительно опровергается в [Лютикова 2012].

Представляется, что некоторое приближение к совместному описанию рассматриваемых конструкций дает следующее обобщение: во всех рассматриваемых конструкциях вершина имеет промежуточный статус между внутренней и внешней. Таким образом, вершина частично находится в зависимой клаузе, что позволяет ей контролировать согласование и лицензи-

ровать наличие деепричастных оборотов, частично — в главной клаузе, в частности потому, что имеет соответствующий падеж. На то, что вершина не находится исключительно в зависимой клаузе, указывает, в частности, тот факт, что в финитных относительных конструкциях такая внутренняя вершина занимала бы ту же синтаксическую позицию, что и другая именная группа — относительное местоимение.

Промежуточный статус между внутренней и внешней вершиной относительной конструкции не постулируется исключительно *ad hoc*. Некоторые другие структуры, в которых вершина не может быть признана внутренней или внешней, рассматриваются в работе [Ландер 2011] для адыгейского языка. В [Kholodilova 2013] анализ, предполагающий промежуточный статус вершины между внутренней и внешней, предлагается для ингерманландского финского диалекта и, возможно, других идиомов, демонстрирующих явление, которое называется *attractio inversa* (см. о нем, например, [Lehmann 1984: 185; Grosu 1994]). При *attractio inversa* вершина относительной конструкции получает падеж из зависимой клаузы. Данное явление маргинально представлено в разговорном русском; так, в (55) вершина относительной конструкции (местоимение *все*) получает дательный падеж от предиката зависимой клаузы *надо*, что, предположительно, указывает на ее частичную принадлежность зависимой клаузе. Как и в случае с согласованием в финитной относительной клаузе, признать такую вершину полностью внутренней мешает по крайней мере наличие в зависимой клаузе другой группы, занимающей ту же синтаксическую позицию.

(55) [?]**Всем, кому это надо, сами разберутся** (Яндекс).

Attractio inversa и наблюдаемые случаи согласования с вершиной предположительно обладают некоторыми общими особенностями.

Во-первых, как *attractio inversa*, так и согласование с вершиной тяготеют к контекстам без существительного в вершине. Для согласования данная тенденция является количественной (см. Таблицу 8), для случаев *attractio inversa* наличие существительного в вершине делает конструкцию менее грамматичной.

(56) ^{??}**Всем ученикам, кому это надо, сами разберутся.**

Во-вторых, в качестве общего свойства данных структур можно рассматривать их связь с рестриктивностью. Для *attractio inversa* ограничение на нерестриктивные конструкции отмечается в персидском [Aghaei 2003] (ссылка по [Cinque 2015]). Рестриктивность отмечается как свойство структур, промежуточных между внутренне- и внешневершинными, также в [Ландер 2011]¹³. Для согласования с вершиной в качестве проявления той

¹³ Ю. А. Ландер высказывает предположение, что рестриктивность обязательна для всех структур такого рода. Данное обобщение, по всей видимости, не всегда верно для случаев *attractio inversa*, см. [Kholodilova 2013].

же тенденции можно рассматривать предпочтительность множественного числа при личном местоимении в вершине (см. Таблицу 9). При множественном числе вершины первого и второго лица более вероятны контексты, в которых референт обозначаемого множества неизвестен и требует уточнения. Семантическая близость таких контекстов к рестриктивным отмечается еще в [Jespersen 1949: 102].

Предположительно, оба названных свойства — «легкость» вершины и рестриктивность относительной клаузы — делают более возможной некоторую интеграцию вершины в зависимую клаузу.

Таким образом, можно заключить, что вершина в рассматриваемых конструкциях проявляет некоторые свойства внутренней и внешней вершины. По отношению к формальным моделям приводимое обобщение может рассматриваться представителями соответствующих направлений как предшествующее более серьезному теоретическому осмыслению. Однако для настоящей работы оно представляется окончательным по следующим причинам.

Во-первых, как отмечено в разделе 1, настоящее исследование мыслится прежде всего как корпусное. Выбор материала существенно связан с используемыми механизмами его интерпретации: ограничение возможных утверждений теми, которые могут быть проверены с помощью количественных корпусных данных, во многих случаях делает невозможным разграничение аналитических подходов к материалу. Соответственно, в настоящей работе приводится обобщение только того уровня, который возможен для доступных данных. Выбор на основе этих данных одной структуры из множества логически возможных был бы в значительной мере случайным.

Во-вторых, другим следствием обращения к корпусу является необходимость в некотором едином объяснении для крайне близких явлений, относящихся к области грамматической допустимости и количественных тенденций; ср., например, связь с падежом вершины согласования по числу и роду. По всей видимости, такой материал значительно затрудняет применение многих из существующих формальных подходов к рассматриваемым структурам.

Наконец, представляется, что по крайней мере на данный момент изучения конструкций, промежуточных между внутренне- и внешневершинными, непосредственное сопоставление признаков внутренней и внешней вершины является аналитически более выгодным, чем сопоставление структур, постулируемых на малых данных одного языка. Насколько мне известно, на данный момент не существует, в частности, формальной модели, полностью описывающей поведение конструкций с *attractio inversa*, соответственно, сравнение с ними возможно скорее в терминах свойств, чем в терминах структур.

Список условных сокращений

ACC — аккузатив; DAT — датив; F — женский род; GEN — генитив; INSTR — творительный падеж; M — мужской род; NOM — номинатив; PL — множественное число; S — существительное или местоимение; SG — единственное число.

Литература

- Антонова 2012 — П. С. Антонова. Семантика и синтаксис обстоятельств со значением характеристики участника ситуации в русском и польском языках. Дисс. ... канд. филол. наук. М., 2012.
- Ландер 2011 — Ю. А. Ландер. Типология относительных конструкций и позиция семантической вершины. Материалы доклада. 2011.
- Лютикова 2012 — Е. А. Лютикова. Интерпретация местоимения *который* в аппозитивных относительных предложениях // Известия РАН СЛЯ. 2012. 71. 1. С. 3—23.
- Розенталь и др. 1998 — Д. Э. Розенталь, Е. В. Джанджакова, Н. П. Кабанова. Справочник по правописанию, произношению, литературному редактированию. М., 1998.
- Сидорова 2015 — М. И. Сидорова. Сравнительное синтаксическое и семантическое описание конструкций типа *те, кто пришёл / те, кто пришли / те, что пришли / все, кто пришёл / все, кто пришли*. Дипломная работа. М., Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, 2015.
- Тестелец 2001 — Я. Г. Тестелец. Введение в общий синтаксис. М., 2001.
- Холодилова 2013 — М. А. Холодилова. Позиционные свойства местоимений в русском языке. Магистерская работа. СПб., 2013.
- Холодилова 2014a — М. А. Холодилова. Конкуренция основных стратегий релятивизации подлежащего в русском языке // Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН X. 2. (Сай С. С., Овсянникова М. А., Оскольская С. А. (ред.). Русский язык: грамматика конструкций и лексико-семантические подходы. СПб.), 2014. С. 478—509.
- Холодилова 2014b — М. А. Холодилова. Относительные предложения. Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики (Русграм, <http://rusgram.ru>). На правах рукописи. М., 2014b.
- Aghaei 2003 — B. Aghaei. Case attraction: Evidence for raising analysis for relative clauses in Farsi. Paper presented at SALA 23. 2003. Non vidi.
- Akmajian 1970 — A. Akmajian. On deriving cleft sentences from pseudo-cleft sentences // Linguistic Inquiry 1. 1970. P. 149—168.
- Bhatt 2005 — R. Bhatt. In search of Case Attraction. Paper presented at LOT Summer School, Leiden, 2005.
- Cinque 2015 — G. Cinque. Three phenomena discriminating between “raising” and “matching” relative clauses // Semantic-Syntax Interface 2. 1. 2015. P. 1—27.
- Comrie 1975 — B. Comrie. Polite plurals and predicate agreement // Language 51. 2. 1975. P. 406—418.
- Comrie 1997 — B. Comrie. The typology of predicate case marking // Essays on Language Function and Language Type Dedicated to T. Givon / J. Bybee, J. Haiman, S. A. Thompson (eds.). Amsterdam, 1997. P. 39—50.

- Corbett 1979 — G. G. Corbett. *Predicate Agreement in Russian*. Birmingham, 1979.
- Corbett 1998 — G. G. Corbett. *Agreement in Slavic*. Position paper for Comparative Slavic Morphosyntax. Bloomington, 1998.
- Corbett 2006 — G. G. Corbett. *Agreement*. Cambridge, 2006.
- Grosu 1994 — A. Grosu. *Three Studies in Locality and Case*. London; New York, 1994.
- Heck, Cuartero 2008 — F. Heck, J. Cuartero. Long distance agreement in relative clauses // *Varieties of Competition* / F. Heck, G. Müller, J. Trommer (eds.). 2008. P. 13—48.
- Jespersen 1949 — O. Jespersen. *A Modern English Grammar on Historical Principles*. Part III. Syntax. Volume II. Copenhagen; London, 1949.
- Kholodilova 2013 — M. Kholodilova. Inverse attraction in Ingrian Finnish // *Linguistica Uralica* XLIX, 2. 2013. P. 96—116.
- Lehmann 1984 — Ch. Lehmann. *Der Relativsatz: Typologie seiner Strukturen; Theorie seiner Funktionen; Kompendium seiner Grammatik*. Tübingen, 1984.
- Matushansky 2008 — O. Matushansky. A case study of predication // *Studies in Formal Slavic Linguistics. Contributions from Formal Description of Slavic Languages 6.5*. / F. Marušič, R. Žaucer (eds.). Frankfurt am Main, 2008. P. 213—239.
- Minlos 2012 — Ph. Minlos. Slavic relative *čto/co*: between pronouns and conjunctions // *Slověne*. 1. 2012. P. 74—91.
- Ross 1970 — J. R. Ross. On declarative sentences // *Readings in English Transformational Grammar* / R. Jacobs, P. Rosenbaum (eds.). Waltham Massachusetts, 1970. P. 222—272.
- de Vries 2002 — M. de Vries. *The syntax of relativization*. PhD Thesis. University of Amsterdam. 2002.

References

- Aghaei 2003 — B. Aghaei. Case attraction: Evidence for raising analysis for relative clauses in Farsi. Paper presented at SALA 23. 2003. Non vidi.
- Akmajian 1970 — A. Akmajian. On deriving cleft sentences from pseudo-cleft sentences // *Linguistic Inquiry* 1. 1970. P. 149—168.
- Antonova 2012 — P. S. Antonova. *Semantika i sintaksis obstoyatel'stv so znacheniem kharakteristiki uchastnika situacii v russkom i pol'skom yazykakh*. Diss. ...kand. filol. nauk. Moskva, 2012.
- Bhatt 2005 — R. Bhatt. In search of Case Attraction. Paper presented at LOT Summer School, Leiden, 2005.
- Cinque 2015 — G. Cinque. Three phenomena discriminating between “raising” and “matching” relative clauses // *Semantic-Syntax Interface* 2. 1. 2015. P. 1—27.
- Comrie 1975 — B. Comrie. Polite plurals and predicate agreement // *Language* 51. 2. 1975. P. 406—418.
- Comrie 1997 — B. Comrie. The typology of predicate case marking // *Essays on Language Function and Language Type Dedicated to T. Givón* / J. Bybee, J. Haiman, S. A. Thompson (eds.). Amsterdam, 1997. P. 39—50.
- Corbett 1979 — G. G. Corbett. *Predicate Agreement in Russian*. Birmingham, 1979.
- Corbett 1998 — G. G. Corbett. *Agreement in Slavic*. Position paper for Comparative Slavic Morphosyntax. Bloomington, 1998.
- Corbett 2006 — G. G. Corbett. *Agreement*. Cambridge, 2006.

- Grosu 1994 — A. Grosu. Three Studies in Locality and Case. London; New York, 1994.
- Heck, Cuartero 2008 — F. Heck, J. Cuartero. Long distance agreement in relative clauses // *Varieties of Competition* / F. Heck, G. Müller, J. Trommer (eds.). 2008. P. 13—48.
- Jespersen 1949 — O. Jespersen. A Modern English Grammar on Historical Principles. Part III. Syntax. Volume II. Copenhagen; London, 1949.
- Kholodilova 2013 — M. A. Kholodilova. Pozicionnye svoystva mestoimeniy v russkom yazyke. Magisterskaya rabota. St.-Peterburg, 2013.
- Kholodilova 2013 — M. A. Kholodilova. Inverse attraction in Ingrian Finnish // *Linguistica Uralica* XLIX, 2. 2013. P. 96—116.
- Kholodilova 2014a — M. A. Kholodilova. Konkurenciya osnovnykh strategiy relyativizatsii podlezhashchego v russkom yazyke // *Acta Linguistica Petropolitana. Trudy Instituta lingvisticheskikh issledovaniy RAN* X, 2 (Say S. S., Ovsyannikova M. A., Oskolskaya S. A. (red.). *Russkiy yazyk: grammatika konstrukciy i leksiko-semanticheskie podkhody*. SPb.), 2014. S. 478—509.
- Kholodilova 2014b — M. A. Kholodilova. Otnositel'nye predlozheniya. Materialy dlya proekta korpusnogo opisaniya russkoy grammatiki (Rusgram, <http://rusgram.ru>). Na pravakh rukopisi. Moskva, 2014b.
- Lander 2011 — Yu. A. Lander. Tipologiya otnositel'nykh konstrukciy i pozitsiya semanticheskoy vershiny. Materialy doklada. 2011.
- Lehmann 1984 — Ch. Lehmann. Der Relativsatz: Typologie seiner Strukturen; Theorie seiner Funktionen; Kompendium seiner Grammatik. Tübingen, 1984.
- Lyutikova 2012 — E. A. Lyutikova. Interpretatsiya mestoimeniya kotoryy v appozitivnykh otnositel'nykh predlozheniyakh // *Izvestiya RAN. Seriya literatury i yazyka*. 2012. 71. 1. S. 3—23.
- Matushansky 2008 — O. Matushansky. A case study of predication // *Studies in Formal Slavic Linguistics. Contributions from Formal Description of Slavic Languages 6.5*. / F. Marušič, R. Žaucer (eds.). Frankfurt am Main, 2008. P. 213—239.
- Minlos 2012 — Ph. Minlos. Slavic relative *što/co*: between pronouns and conjunctions // *Slověne*. 1. 2012. P. 74—91.
- Ross 1970 — J. R. Ross. On declarative sentences // *Readings in English Transformational Grammar* / R. Jacobs, P. Rosenbaum (eds.). Waltham Massachusetts, 1970. P. 222—272.
- Rozenal' i dr. 1998 — D. E. Rozenal', E. V. Dzhandzhakova, N. P. Kabanova. *Spravochnik po pravopisaniyu, proiznosheniyu, literaturnomu redaktirovaniyu*. Moskva, 1998.
- Sidorova 2015 — M. I. Sidorova. *Sravnitel'noe sintaksicheskoe i semanticheskoe opisanie konstrukciy tipa te, kto prishel / te, kto prishli / te, chto prishli / vse, kto prishel / vse, kto prishli*. Diplomnaya rabota. Moskva, Pravoslavnyy Svyato-Tikhonovskiy gumanitarnyy universitet, 2015.
- Testelets 2001 — Ya. G. Testelets. *Vvedenie v obshchiy sintaksis*. Moskva, 2001.
- de Vries 2002 — M. de Vries. *The syntax of relativization*. PhD Thesis. University of Amsterdam. 2002.

Резюме

В русском языке согласование предиката в атрибутивных оборотах неслучайным образом связано с падежом вершины. Согласование глагольного предиката с вершиной относительной конструкции по числу, лицу и роду оказывается более допустимо или более частотно в случае, если вершина стоит в форме именительно-

го падежа (*те, кто пришли*, ср. *тем, кто пришел/пришли*). В обособленных именных оборотах возможно согласование по падежу между вершиной конструкции и именными предикативными элементами (*бывший не дурак выпить, известного как писателя*). В некоторых случаях согласование по падежу возможно только при вершине в номинативе, в некоторых подчиняется иерархии маркированности падежей (номинатив < аккузатив < датив < генитив): согласование предпочтительнее для менее маркированных падежей. Наблюдаемые закономерности получают частичное объяснение, если принять, что вершина в рассматриваемых конструкциях имеет промежуточный статус между внутренней и внешней по отношению к зависимому обороту. Соответственно, согласование оказывается более грамматичным или более частотным в случае, если форма вершины, определяемая ее позицией в главной клаузе, позволяет ей выступать контролером согласования в зависимой клаузе.

Ключевые слова: относительное предложение, согласование, дистантное согласование, предикат, вторичный предикат

Статья получена 28.05.2015

MARIA A. KHOLODILOVA

AGREEMENT WITH THE HEAD OF RUSSIAN RELATIVE CONSTRUCTIONS AND DETACHED ATTRIBUTIVE PHRASES

Long-distance agreement controlled by the head of Russian relative clauses and attributive phrases is partly determined by the case of the controller. Verbal predicates in relative clauses are more likely to agree with the head in number, person, and gender if the head noun is in the nominative case. With respect to number and person agreement, this tendency results in grammatical preferences, while the tendency for gender agreement with nominative heads is merely statistical. In detached attributive phrases, agreement occurs between the head and predicative nominals. Case agreement is either restricted to nominative-marked heads (for primary predicates) or follows the Case Markedness Hierarchy (nominative < accusative < dative < genitive, for predicative phrases with the word *kak* 'as'), agreement being preferred for the less marked cases. The observed tendency can arguably be motivated if the position of the head of the attributive phrase is analyzed as intermediate between internal and external to the phrase. As a consequence, agreement occurs more readily if the form of the head noun determined by its position in the main clause allows it to control predicate agreement in the subordinate clause.

Keywords: relative clause, agreement, long-distance agreement, predicate, secondary predicate

Received on 28.05.2015

А. Е. АНИКИН

К ПРОБЛЕМЕ НАДЕЖНОСТИ ЛЕКСИЧЕСКИХ ДАННЫХ В РУССКОЙ ДИАЛЕКТНОЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ И ЭТИМОЛОГИИ

Важность диалектных данных для изучения истории и синхронного состояния русского языка не нуждается в доказательствах. Специфика этих данных в том, что при их использовании приходится полагаться на качество работы их собирателей и публикаторов. Недостаточная надежность диалектного материала, как известно, может повлечь очень нежелательные последствия для русистики и славистики. Ниже рассматриваются некоторые из аспектов данной темы.

I

Изучение диалектного лексического материала с использованием сведений о происхождении слов, их географии и т. п. позволяет установить, что в диалектные словари и иные источники по диалектной лексике не так уж редко проникают факты, подвергшиеся невольному искажению со стороны лиц, имевших отношение к фиксации слов, их копированию, а также набору в типографии. Речь идет об описках и опечатках, невнимательном и/или неверном прочтении диалектных записей (например, смещении букв *ч* и *г*, *ш* и *т*, *ш* и *м* и под.). Очень метко высказывание В. И. Даля об опечатках в словарях: «... множество подобных ошибок... крайне докучливы и могут всякого ввести в просак» [Даль 3: 546].

Довольно многочисленные примеры, почерпнутые главным образом в СРНГ, приводились в работах А. Ф. Журавлева, А. Б. Страхова, И. Г. Добродомова, В. В. Шаповала и других, в том числе автора этих строк. По существу, формируется особое направление в русской этимологии и лексикологии, выявляющее искаженные факты лексики¹ и предлагающее для них конъектуры, направленные на восстановление аутентичной формы², а иногда значения слова. Отдельные примеры этого рода (правда, единичные)

¹ Старо- и древнерусский аспект проблемы здесь не затрагивается.

² Некоторой аналогией может служить изучение лексики древнепрусского языка, где по понятным причинам роль конъектур значительно больше.

есть в словаре М. Фасмера, например, *кагóра*, *кагóры* мн. ‘почтовые собаки, олени, либо лошади’, *кагóрицик* ‘погонщик’, в которых Д. К. Зеленин справедливо усмотрел искажения слов *каю́ра*, *каю́ры*, *каю́рицик* (о происхождении последнего см. [ЭСРДС: 279]), с чем М. Фасмер был не склонен соглашаться [ЭСРЯ 2: 155]. Можно предположить, кстати, наличие искажения в рус. диал. *гангóра* ‘почтовая карета, перевозившая пассажиров и легкую почту’ [СРНГ 6: 133] = (?) *каю́ра*.

В словаре Фасмера есть и примеры явного попадания «впросак». Взятое у Даля диал. *отсу́мивать* ‘отвращать любовь’ признается тюркизмом, связанным с тюрк. *süt* ‘любовь’ и под. [ЭСРЯ 3: 173; Шипова 1976: 253]. Но практически несомненно, что речь идет об искажении: не *отсу́мивать*, а *отсу́шивать*, ср. *отсу́шить парня от девки*, противоположно *прису́шить* ‘заставить изнывать любовью’: *девка парня прису́шила* [Даль 3: 449].

Последний пример показывает, как лексические данные в виде искаженных слов порождают неверные этимологии. Еще одну иллюстрацию этого рода дает колымский диалектизм *вéшно* ‘сухая пицца’ [Богораз 1901: 31], который подается в СРНГ [4: 196, 224] в двух формах: в указанной и как *вётно*, *вётненко*. Правильная форма, несомненно, *вéшно* — субстантивированная форма среднего рода адъектива *вéшной* (= *вéшний*), обозначающая, собственно, скудный запас еды, оставшийся после зимы, к весне. Отсюда *вешня́ть* ‘перемогаться, доедая последние запасы, как бывает у крестьян к весне’ [Даль 1: 187]. Еще цитата из В. Г. Богораза: *вешненко, которо́ було, то и доедаем! Пусто сухо!*³ *Варить некова!* [Богораз 1901: 31]. Форма с *т* не более чем недоразумение, однако она стала предметом этимологического этюда, в котором *вётно* сравнивается с *вётхий* [Горячева 1985: 70], — что, естественно, неприемлемо.

Средство предотвращения подобных явлений и состоит в том, чтобы, во-первых, признать критическое отношение к данным диалектных словарей, особенно СРНГ, необходимой компонентой диалектной этимологии, а во-вторых, признать конъектуры для диалектных слов одним из средств русской этимологии. При этом могут возникать спорные случаи (обычные в древнепрусской этимологии⁴), когда конкурируют этимологические решения, одно из которых основано на допущении конъектуры, а другое исходит из аутентичности слова. Примером может служить дискуссия по поводу диалектизма *перзя* ‘брюхан’ [СРНГ 26: 281]: А. Ф. Журавлев усмотрел здесь искаженное *пердя*, что было оспорено А. Л. Шиловым, попытавшимся реабилитировать форму *перзя* сравнением с фин. *perse* и т. п. ‘зад’ [Шилов 2003: 90].

³ При цитировании в СРНГ дается *Пусто, сухо!* [4: 224] что искажает диалектный текст: *пусто сухо* значит ‘[имеется] только сухая еда’, *пусто* = литер. *только, лишь*.

⁴ Не говоря о так называемом «Ятвяжском словарице», который опубликовал З. Зинкявичюс.

Факты такого рода относительно часто встречаются в СРНГ, что несомненно объясняется сводным характером словаря, а также тем, что в нем широко используются старые, зачастую трудно читаемые источники по диалектной лексике, вышедшие из употребления, забытые и не поддающиеся проверке слова. При обработке огромных объемов материала избежать разного рода неточностей, по-видимому, попросту невозможно. Все же некоторые из них могли быть предотвращены: в упрек бывшему главному редактору СРНГ (Ф. П. Филину) можно поставить, например, вопиющее искажение — не раз отмечавшееся — слова *кержжак*, результатом которого стало «обогащение» русского диалектного лексикона словами *керолаки* мн., *керолак* 'старообрядец' [СРНГ 13: 189]. Хоть и изредка, опечатки и погрешности обнаруживаются также в словарях, содержащих новые диалектные записи, которые, казалось бы, можно (пере)проверить.

Ниже следуют несколько примеров конъектур для слов, почерпнутых из СРНГ и других источников по русской диалектной лексике:

волóменной 'масляный пирог' [Ткаченко 1985: 144]. О. Б. Ткаченко усмотрел в этом ярославском слове один из реликтов мерянского субстрата [Там же], но гораздо более вероятно, что речь идет об искажении (*м* вместо *ж*) слова *волóженной*, страдательного причастия от *вóложить* 'приправлять пищу жиром' [РЭС 8: 155];

вондулук 'ветер постоянного направления' [Даль 1: 334]. Высказана догадка, что это слово из балтийского **vand-lauk-* [Топоров 5: 142]. Однако *вондулук* не более чем искажение (если не метатеза *-дн-* > *-нд-*) рус. диал. *воднулук* 'прямо, постоянно, подряд' из выражения *в одну луку*, где *лука* 'направление движения' (обратное производное от *лукать* 'бросать', см. [ЭССЯ 16: 142]);

бурман 'неприятель, забияка' [СРНГ 3: 333]. А. Н. Кононов [1969: 536] расценил это слово как оригинальный тюркизм, связанный с тюрк. *буур-* 'приказывать'. Но более вероятно, что речь идет об искажении хорошо известного тюркизма *бусурман*;

бельга 'лихорадка' [СРНГ 6: 236]. Отнесено к производным от *белый* [Вендина 1998: 23], что не объясняет структуру и значение слова. Скорее всего, речь идет об искажении диалектизма *безга́*, *безьга́* 'лихорадка' < тюрк., ср. тат. *bizgek* и под. 'лихорадка, малярия' [РЭС 3: 42];

гамуры 'жмурки': *в гамуры играть* [СлРГЮПр 1: 174]. Скорее всего, искаженное *жмуры*. Ср. *жму́рки*, *жму́риться* и проч., а также диал. прост. *жмур(ик)* как название покойника, *жмура играть* 'играть на похоронах' (в обиходе духовых оркестрантов);

гэчка 'детская игрушка' [НОС₂: 160]. Скорее всего, не *гэчка*, а *чэчка* = *чэча*, *чэчка* 'то же' (см. об этом слове [ЭСРЯ 4: 292]);

глагли́ 'небольшие кислые ягоды' ленингр. [Герд 1995: 101]. А. С. Герд расценивает это слово как особое узкоместное образование, видимо, считая его неясным. Однако можно с большой степенью вероятности предполагать, что речь идет об искажении диалектизма *глажи́* мн. 'морошка' [Там же].

II

Весьма многочисленны опечатки и неточности в «Словаре русских говоров Забайкалья» Л. Е. Элиасова [СРГЗ]. Примером может служить *koróna* ‘царство’ [СРГЗ: 165] — явное искажение слова *koróna* ‘регалия владетельных особ’ [Даль 2: 168]. Подобные примеры можно отнести на счет того обстоятельства, что Л. Е. Элиасов безвременно ушел из жизни, не успев завершить свой труд⁵. Однако в данном случае опечатки и неточности, увы, не главная беда. У словаря Элиасова есть особенность, для русской диалектной лексикографии уникальная: наличие значительного пласта данных, которые с высокой степенью вероятности квалифицируются как фальсифицированные [Журавлев 2001а: 251], что находится в полном противоречии с оценкой ответственного редактора словаря, Ф. П. Филина: словарь Л. Е. Элиасова сделан «добросовестно и со знанием дела» [СРГЗ: 3]. Публикация этого спорного труда была непоправимой ошибкой, а его составитель и главный редактор, которому нередко ставили в заслугу развитие русской диалектной (и не только диалектной) лексикографии⁶, оказали ей медвежью услугу.

Автор этих строк уже не раз выступал с предостережениями по поводу СРГЗ⁷, но эффект от этих выступлений, как выясняется, невелик. Представляется необходимым еще раз напомнить о «своеобразии» этого словаря и последствиях его некритического использования. Его «золотые словесные россыпи» (определение Ф. П. Филина, см. [СРГЗ: 3]) широко используются в СРНГ и едва ли не полностью вошли в уже заверченный труд А. И. Федорова [Сиб. слов.]⁸. В этих сводных словарях лексические данные Л. Е. Элиасова смешаны с данными иных источников, не вызывающих сомнений в их доброкачественности (возможные опечатки не в

⁵ Он скончался, находясь в экспедиции. Словарь Элиасова готовил к печати И. А. Попов.

⁶ Ф. П. Филин инициировал, по выражению О. Н. Трубачева, «парад словарей». Интересно, что в начале 1980-х гг. В. Н. Топоров прислал О. Н. Трубачеву письмо с просьбой заменить «неудачное», по его определению, сокращение «Филин» (в ежегоднике «Этимология» и в ЭССЯ) для «Словаря русских народных говоров» на СРНГ, на что О. Н. Трубачев ответил вежливым отказом. Такая замена была однако произведена позднее.

⁷ См. вводные статьи в [ЭСРДС] и [РЭС 1], а также [Аникин 2002].

⁸ Составитель и редактор этого словаря А. И. Федоров был осведомлен о критике в адрес словаря Элиасова, но, к сожалению, не учел ее. Научным редактором словаря Элиасова, как уже сказано, был Ф. П. Филин, а А. И. Федоров всегда всячески подчеркивал (в том числе на конференции памяти Филина в Институте русского языка АН СССР осенью 1982 г.), что он верный его последователь и многим ему обязан. Ф. П. Филин помог А. И. Федорову (бывшему летчику-фронтовику) в трудные послевоенные годы, а Федоров не оставил Филина (одного из главных марристов), когда начались гонения на сторонников «нового учения о языке».

счет), что усугубляет проблему. Лексика из СРГЗ цитируется и анализируется в фундаментальных праславянских словарях [ЭССЯ и SP], а также во многих других диалектологических и историко-лингвистических публикациях⁹, и не только по славянским языкам.

Следует заметить, что в статье А. А. Бурыкина [2002] были высказаны соображения в защиту СРГЗ, но они, будучи сами по себе содержательны и интересны, не реабилитируют этот словарь. Кроме того, не получается ли, что каждую статью словаря Элиасова нужно сопровождать доказательствами подлинности ее данных?

В другом месте [Аникин 2002] подробнее проиллюстрирован прием, к которому Л. Е. Элиасов прибегал для пополнения своих диалектных записей: выписывание слов из словарей русских говоров В. И. Даля, М. Ф. Кривошапкина и др. или из словарей языков Сибири (например, якутского словаря Э. К. Пекарского) и превращение этих слов в «русско-забайкальские», с приписыванием им придуманных диалектных контекстов, нередко созданных «по мотивам» данных словаря-источника. Количество слов, явно «образованных» таким образом, назвать едва ли возможно, но ясно, что счет их идет как минимум на многие десятки. По качеству эти подделки, как правило, топорные: создавая их, автор то и дело грешил против правил русского языка, а то и против здравого смысла, неверно понимал толкования слов, предложенные другими авторами. В диалектных текстах из СРГЗ тут и там обнаруживаются странные грамматические формы (видимо, в соответствии с представлениями Л. Е. Элиасова о диалектной грамматике), постоянные указания на классовую борьбу, нелестные характеристики царизма, богачей, религии, слишком явное морализаторство. Нельзя не согласиться, что иллюстративный материал в СРГЗ сплошь и рядом обнаруживает «признаки сугубо кабинетных конструкторов, далеких от пунктуального воспроизведения реальной, действительно звучащей диалектной речи» [Журавлев 2001б: 258]. Ничего подобного в других словарях русских говоров Сибири нет. По сообщению А. П. Майорова, при подготовке словаря говоров забайкальских старообрядцев [СГСЗ] материалы из словаря Элиасова проверялись у информантов, и проверка дала отрицательные результаты.

Обнаружение подделок стало возможным прежде всего из-за опечаток или ошибок в использовавшихся Л. Е. Элиасовым словарях-источниках: эти неточности он не замечал или игнорировал. Так, забайк. *сон* ‘мясо, имеющее сладковатый привкус’ [СРГЗ: 358] повторяет ошибочное сибирское *сон* ‘сладкое или почечное мясо’ [Даль 4: 270] — в действительности *сок* ‘сладкое мясо’, также ‘свежая сосновая заболонь, поедаемая как лакомство’ [ЭСРДС: 503], ср. *сочное мясо*. Сибирское слово Даль взял из вторых рук, и неточность в его словаре понятна. Но от словаря Элиасова ожидаются записи живой диалектной речи, откуда у него пресловутый *сон*?

⁹ Из последних по времени см. [Лиханова 2013].

Ответ на вопрос дает толкование Л. Е. Элиасова, которое нельзя понять иначе как вымысел, грубую подделку: он взял слово у Даля, воспользовался его толкованием, но не понял его: *сладкий* по отношению к мясу значит не 'приторно-противный', но 'вкусный'. *Сладкое мясо* = лучшее, филе [Даль 4: 216]. Якобы записанный Л. Е. Элиасовым контекст не может не удивить: *очень редко, но встречаются коровы или овцы, у которых мясо сладкое, соном оно прозвано, ну до того сладкое, что противно его есть* [СРГЗ: 388]¹⁰. Это слово вошло и в СРНГ [39: 322], и в словарь А. И. Федорова [Сиб. слов. 4: 385]. Следует, однако, сделать оговорку. Л. Е. Элиасов, несомненно, разбирался в свойствах мяса коров и овец. Но он мог воспользоваться случаем, чтобы замаскировать в статье *сон* материал, вступающий в скрытое противоречие с показной идеологической правильностью СРГЗ¹¹.

В случае с *кычím* 'черпак' у Даля [2: 231] и у Элиасова [СРГЗ: 179] несомненно, что речь идет о тюркизме *кычím* 'чепрак (для коня)'. Используя слово, поданное у Даля (из вторых рук) с опечаткой в толковании, Элиасов «создал» забайкальское *кычím* 'черпак' (точнее, 'черпак с длинной ручкой для зачерпывания воды из глубокой проруби') и придумал для него контекст *кычим так обледенел, что кое-как его поднимал* [СРГЗ: 179]. И у Даля и у Элиасова имеется при этом также *кичím* 'чепрак'.

Очень похожая пара слов (и словарных статей) в СРГЗ, возможно, создана по образцу двух «кычимов»: *чапράк* 'кожаный лоскут, пристегнутый к задней луке седла под торока' и *чапράк* 'шумовка, которой при варке вара снимают пену и сор' [СРГЗ: 450]. У Даля [4: 482] находим *чапράк, чепрэк* 'кичим, меховая подстилка под конское седло; пристегнутый к задней луке седла, под торока, кожаный лоскут'. Считать достоверным элиасовское *чапράк* 'шумовка' невозможно, не вызывает доверия и его «коррелят» *чапрэк*, так похожий на *чапрэк* у Даля.

¹⁰ Данная иллюстрация, вообще-то, противоречит определению 'мясо, имеющее сладковатый привкус' — информант говорит не о сладковатом, а об отвратительно-сладком мясе.

¹¹ По сообщению В. В. Шаповала, Л. Е. Элиасов «хлебнул Гулага» (перед войной). Он, скорее всего, знал, что в случае побега уголовники берут с собой «корову», т. е. человека, предназначенного для съедения (<http://www.sakharov-center.ru/asfcd/auth/?t=page&num=11986>). Мясо этой «коровы» действительно сладкое, что отражено, например, в лагерной поэзии: *Человечинка, она сладкая* (<http://www.litprichal.ru/work/50858/>). О вкусе человеческого мяса не раз говорится в беллетристике: *Человечинка сладимая, как сахар* (В. Шишков, «Угрюм-река»); *От сладкой человечинки / вороны в задах тяжелели...* (В. Нарбут, «От сладкой человечинки...»). Участники интернет-форума <http://www.pasya.ru/s.php/108.htm>, обсуждая тему сладкого мяса (кем-то из них съеденного), склоняются к выводу, что речь идет именно о человечине, которую зловещий поставщик (из США) выдал за свинину. Овцы в статье СРГЗ *сон* упомянуты, возможно, лишь для маскировки, чтобы «коровы» не слишком бросались в глаза.

«Спаренные» слова (статьи), имеющие вид вариантов одного слова (статьи) встречаются в словаре Элиасова многократно: *чанкíрал* и *чанкьíр*, *курьíл* и *курь*, *сóвик* и *совíн*, *хадáр* и *хадáр*, *шáикта* и *шалк* и под. [Аникин 2002: 43]. Еще один пример: *крючóк* ‘небольшой графин’ (*крючок за крючком ставили на стол*) и *кючóк* ‘небольшая мера водки (стопка, рюмка, стакан)’ [СРГЗ: 172, 179]. У Даля есть *крючóк* ‘чарка’ с пояснением: чарка с ручкой крючком, которая висит на ендове, покупатель сам черпает водку [Даль 2: 208]. Из этого следует, что элиасовский *крючóк* очень сомнителен: каким образом чарка с ручкой крючком превратилась в графин? Форма *кючóк* более чем странная, а толкование ее в СРГЗ, скорее всего, переписано у Даля: *крючок, рюмка, стакан, шкалик, чарка, сколько в один раз выливается* [Даль 1: 306].

В якутском словаре Э. К. Пекарского об отыменном глаголе *тордујалá* ‘ловить рыбу сетью’, производном от *тордуја* ‘берестяная посудинка в виде кузовка’, говорится: «рыболов идет по берегу вниз по течению реки или плывет на лодке с одним концом сети, а к другому прикрепляется *тордуја*: рыба попадает в сеть, закинутую поперек реки...» [СЯЯ: 2740]. У Элиасова якутское слово «творчески» превращено в русское *тóрдула* (о каких-то фонетических и иных преобразованиях при заимствовании говорить здесь просто смешно), толкуемое и коряво иллюстрируемое «по мотивам» данных Пекарского: *тóрдула* ‘способ ловли рыбы сетями, плывущими по течению’: *заметали сети поперек реки и плывем за ней по воде, таким тордулой много не поймашь* [СРГЗ: 414]. Все это повторяется в словаре А. И. Федорова, но нелепое *таким тордулой*, лишний раз выдающее подделку, здесь устраняется: дается *такой тордулой* [Сиб. слов. 5: 71]. При перенесении *тордулы* в СРНГ [44: 269] слово *таким* исчезло.

В словаре Л. Е. Элиасова необычайно много иноязычных слов, «иногда неизвестно, от каких народов заимствованных» (по выражению составителя [СРГЗ: 7])¹², что оправдывается ссылкой на многие десятилетия собирательской работы составителя, а также его уверенностью в том, что «народ не оставался в стороне от классовой борьбы», а она приводила к интенсификации экономической жизни: отсюда и необычайно многочисленные заимствования [СРГЗ: 17]. Такие тезисы в духе работы В. И. Ленина «Развитие капитализма в России», вероятно, очень устраивали главного редактора словаря, Ф. П. Филина, также директора Института русского языка АН СССР и главного редактора «Вопросов языкознания», главного идеологического надзирателя за советским языкознанием в 1970-х — начале 1980-х гг.

¹² Упоминание неведомых народов (не под влиянием ли Элиасова?) присутствует в критике Ф. П. Филиным концепции славянского этногенеза Г. А. Хабургаева: «... как это периферийные балтийцы, да еще с примесью неизвестно какого населения, став славянами, превратились в огромное этноязыковое объединение... во много раз больше численно и территориально скромной балтийской группы». По поводу этих слов см. теперь: [Хелимский 2015].

Разве можно, например, всерьез думать о заимствовании в русские говоры из якутского в случае с элиасовским *ачин* ‘плечо’ (явно создано на основе якут. *ägin* ‘плечо’ [СЯЯ: 895]): *На твоих ачинах не один выезжал в рай, пусть теперь на твоих ачинах, товарищи рабочие, капиталисты прокатятся в ад!* [СРГЗ: 57]. Упомянутое выше *корона* (вместо *корона* у Даля) сопровождается иллюстрациями вроде *захочет народ — и короны не станет* [СРГЗ: 165]: и какова научная ценность этой *короны*?

Элиасовское *раку́н* ‘медведь, вышедший из берлоги после зимней спячки’ [СРГЗ: 350] по форме полностью совпадает с *раку́н* ‘енот’ [Даль 4: 56]. Последнее передает англ. *raccoon*, заимствованное из поухатанского (*powhatan*) языка из группы алгонкинских в Северной Америке¹³. Толкование ‘медведь’ у Элиасова, видимо, мотивировано определениями в словаре Даля: *енот, ракун* ‘небольшой американский зверь семьи медведей, медведь-полоскун, *Ursus lotor*’ [Даль 1: 519]. *Медведь-полоскун* — калька с латыни, как и немецкое *Waschbär*. Название обусловлено тем, что енот полощет свой корм в воде. Таким образом, в СРГЗ *Ursus lotor*, т. е. медведь-полоскун, енот, сказочным образом превращается в обычного медведя (*Ursus arctos*), с колоритным уточнением относительно берлоги и зимней спячки: *ракуны злы* [СРГЗ: 350]. А. А. Бурькин [2002: 49] пишет о возможности случайного совпадения английского и русско-забайкальского слов, но допускает и внедрение англицизма с лексикой золотоискателей. Совпадение очень маловероятно (совпадает не только характерная форма слова, но и, частично, толкование слова: ‘медведь-полоскун’ и ‘медведь-шатун’), а ссылка на золотоискателей не объясняет перенос на голодного злого медведя имени енота, симпатичного небольшого (немного больше кошки) зверя.

Забайкальское *ялап* ‘корень растения, используемый как лекарственное средство от расстройства желудка’ [СРГЗ: 469] явно совпадает с *ялапа* ‘растение *Mirabilis jalapa*, слабительный корень’ [Даль 4: 676]. Последнее — русификация научного названия (*jalapa*) растения тропиков и субтропиков Мексики, Центральной Америки. Растение и слабительное из него известно в Европе, куда пришло из испанского: исп. *jalapa*, сокращение из *purga de Jalapa* (уст. *Xalapa*), содержащего ацтекский топоним *Xalapan* < *xalli* ‘песок’ + *atl* ‘вода’ + *pan* ‘рядом’. Из испанского — англ. *jalap* и под. [ODEE: 491]. Теоретически нельзя исключить, что *ялап* каким-то образом попал в Забайкалье, но как объяснить, что для информантов Элиасова этот «корень» стал единственным и/или основным лекарством: *Кроме ялапа он ничего не знал и других лекарств не признавал; ялап скорее поможет, чем бадан* [СРГЗ: 469]. Все это очевидные фальсификаты (см. также [Сиб. слов. 5: 386]).

¹³ Слово *raccoon* фигурирует как собственное имя в известной песне группы «Beatles» *Rocky Raccoon*. Герой песни жил *in the black mountain hills of Dakota*.

Л. Е. Элиасов был евреем. В среде, где он вырос, видимо, было известно слово *тохрихím* (или *тахрихим*). Его знал, например, иркутянин по рождению Иосиф Уткин, написавший в 1920-х гг. (правда, уже в Москве) стихотворную «Повесть о рыжем Мотэле, господине инспекторе, раввине Исайте и комиссаре Блох», где есть строки: *И кто-то шил Кому-то тахрихим*¹⁴. Это слово из древнееврейского *тахрихим*, оно имеется и в идише. Но ведь в словаре Элиасова *тохрихím* подается как элемент лексики русских забайкальских говоров: выходит, их носители использовали при погребениях саван, принятый у евреев? Странно. *Возьми эти деньги, можешь, ты купишь себе тохрихím* [СРГЗ: 414]. Интересное обсуждение забайкальского *тохрихима* содержится на одном из лингвофорумов в Интернете, участники которого теряются в догадках¹⁵ по поводу присутствия слова *тохрихим* в СРНГ [44: 302], куда (а также в [Сиб. слов. 5: 84]) это слово перекочевало из словаря Элиасова. Довольно странно и забайк. *мамьика* ‘поминки’ (*после похорон на мамыку пошли* [СРГЗ: 195]), взятое из якут. *мамьика* с тем же значением [СЯЯ: 1513]: русские узнали о поминках от якутов? Якутское слово, кстати, из рус. диал. *поминка* [Даль 3: 272].

При обсуждении на упомянутом форуме участники не знали еще одно еврейское слово у Элиасова: *цорес* ‘горе, беда’: *цорес за мной ходит* [СРГЗ: 448; Сиб. слов. 5: 249], с которым связаны те же вопросы, что с *тохрихимом*. Существительное *цорес* подается в СРГЗ как обычное местное слово, как если бы речь шла о говоре Одессы¹⁶.

Примеры странностей и нелепостей из словаря Элиасова можно было бы продолжать еще очень долго (их десятки и сотни). Представляется, что этот словарь радикально искажает не только русский лингвогеографический ландшафт Восточной Сибири, но и представления об этнографии русских в Сибири, а также о флоре и фауне Забайкалья. Если верить СРГЗ, то можно подумать, что Забайкалье — это край, где живут неведомые народы; где русские в середине XX в. применяют древние орудия и т. п. предметы, присущие то палеоазиатам Северо-Востока Сибири, то хантам или кетам; где русские используют в похоронном обряде элементы еврейского похоронного обряда и лечатся целебными травами, неведомым путем перенесшимися в Забайкалье из мест обитания ацтеков в Центральной Америке; где на медведя-шатуна почему-то перенесено английское название енота, а у коров и овец встречается невыносимо сладкое мясо — и т. д., и т. п.

¹⁴ Указано Е. А. Хелимским.

¹⁵ «Из Биробиджана притопало?» См. <http://hist-ling.livejournal.com/40046.html>. Здесь же участник *huli tam* приводит идиш поговорку *štarbn in fremde taxrixim*, букв. ‘умереть в чужом тахрихите’, т. е. ‘по уши в долгах’ (см. также [ИБС: 791]). Предложение взять денег для покупки савана в цитированном контексте СРГЗ [414], возможно, навеяно этой поговоркой.

¹⁶ — Скажите, Рабинович, почему вы так много пьете? — Я хочу утопить свои цоресы в вине. — И получается? — Они так хорошо плавают...

Необыкновенный, сказочно чудесный край! Возможно, стремление создать в СРГЗ такой образ Забайкалья и руководило Л. Е. Элиасовым в его лексикографической деятельности¹⁷. Собранных в экспедициях диалектных данных ему было явно недостаточно.

Очевидно, что СРГЗ не может считаться источником достоверных фактов. Может быть, в нем имеются и подлинные, и даже важные диалектные данные, но как выделить их из прочих «словесных россыпей»? Убрать этот словарь из научного оборота (как сделано в РЭС), видимо, затруднительно. Единственный выход из положения видится в том, что при обращении к СРГЗ для каждого привлекаемого слова необходимо отвести подозрение в том, что оно не подделка, и лишь после этого делать какие-то выводы. Но если у Элиасова повторяются данные других источников по русской лексике, в любом случае лучше пользоваться только этими данными, избегая ненадежный СРГЗ.

III

Исходя из предложенного подхода к СРГЗ, далее уместно рассмотреть некоторые примеры использования данных этого словаря в историко-лингвистических исследованиях.

Сначала автору этих строк следует покаяться в духе славных традиций начала 1950-х. Автор не проявил должной бдительности и пошел на поводу у словаря Элиасова, предложив в свое время ряд примеров «диффузии» русской лексики с крайнего Северо-Востока Сибири в Забайкалье [Аникин 1988]. Никакой «диффузии», конечно, нет, а есть русские слова чукотско-камчатского происхождения в словаре Даля, которые по описанной выше методике были превращены Л. Е. Элиасовым в «забайкальские»¹⁸. Еще одним примером может служить *у́ханга*, *я́ханга* ‘вид водоросли’, *яханга́* ‘морская капуста’ — камчатские слова [Даль 4: 456, 682], которые, попав в руки к Л. Е. Элиасову, вдруг стали обозначать некие обычные для Забайкалья водоросли (лечебное средство) и щавель, черемшу [СРГЗ: 420, 471].

Но знак вопроса должен быть поставлен и над большинством (если не над всеми) почерпнутых из СРГЗ очень многочисленных — в сравнении с другими словарями говоров Сибири — эвенкийских, бурятских и якутских заимствований в говорах Сибири, рассматриваемых в [Аникин 1990] и др. Значительная часть элиасовского материала устранена в ЭСРДС-1997, в гораздо большей степени — в ЭСРДС, но следовало, конечно, вообще от него избавиться.

¹⁷ Л. Е. Элиасов сам был родом из Забайкалья. В том же краю (в гор. Баргузин) родился С. Б. Бернштейн, выдающийся отечественный славист, отличавшийся исключительной научной строгостью и требовательностью.

¹⁸ См. по этому поводу интересные возражения А. А. Бурькина [2002: 47—48].

В словаре Л. Е. Элиасова есть слово *соколáк* ‘нижний сустав большого пальца’ с иллюстрациями типа *в соколаках такая жила проходит, как пустишь кровь, так легче становится* [СРГЗ: 387]. В этом слове необычно конечное *-ак* и падежная форма *соколаках* вместо ожидаемого *соколках*. Оно послужило дополнительным аргументом в пользу тюркской этимологии рус. *соколóк* (*соколíк*, *соколéц*) ‘кровяная жила большого перста’, ‘ямка под большим пальцем, промеж двух сухих жил, куда нюхальщики сыплют табак из рожка’, ср. *понюхать с соколка (на соколок)* [Даль 4: 262]: к тюрк. *suq-* / *soq-* в названиях указательного пальца типа телеут., шорск. *suqqol* [Дубо 1995: 21]. Элиасовское *соколáк* как будто особенно близко к тюркскому этимону — **soq-lag* [Дыбо 2015]. Но следует обратить внимание на *соколáк* ‘состав большого пальца с его пястной костью’ в [Кривошапкин 1865], — с опечаткой¹⁹: *соколáк* вместо *соколóк*. Такая же опечатка содержится в соседнем слове из того же лексикона — *сосунáк* ‘сосущий теленок’ вместо *сосунóк*. М. Ф. Кривошапкин приводит иллюстрацию *кровь из соколка*. Практически очевидно, что статья *соколáк* у Элиасова — компиляция данных из словарей Кривошапкина и Даля, с использованием подделки типа *соколаках* в косвенном падеже. Кроме того, Л. Е. Элиасов, по-видимому, неверно понял слово «состав» в толковании М. Ф. Кривошапкина — речь идет скорее о «составе» в смысле стыка, сочленения.

Цитирование данных Элиасова в праславянских словарях если и обогащает их, то только сомнительным материалом.

В статье **gatai* ‘прорицать, ворожить’ «Праславянского словаря» [SP 7: 60] цитируется забайкальское *gámai* ‘спорщик, склочник’, понимаемое как дериват праслав. **gatai*, меняющий представление о русско-церковнославянском *gatumi* ‘предугадывать, догадываться’ как слове, чуждом русской народной речи. Слово дается с неточностью, у Элиасова *gamáiy* [СРГЗ: 88]. От привлечения этого слова в SP следовало воздержаться: *gamáiy*, в лучшем случае, — заимствование из бурят. *gaamai* ‘вредный, раздражительный (человек)’ [ЭСРДС-1997: 167], а в худшем — слово, «созданное» Элиасовым на основе бурятского.

В числе продолжений праслав. **glěvь* ‘слизь’ в [SP 7: 101] приводится забайк. *глефь* ‘слизь на свежей рыбе’ из [СРГЗ: 90]. Лучше было бы сослаться на *глефь* в [Кривошапкин 1865] поскольку Л. Е. Элиасов явно «заимствовал» это слово у Кривошапкина и снабдил контекстами, в подлинность которых нельзя поверить: элиасовская словоформа *глефи* (*на налиме глефи больше всего*) противоречит русской фонетике: *ф* оправдано в конце слова (оглушение *-в*), но не в интервокале, где должно быть *глеви*. У Даля находим ожидаемую словоформу *глеву* [Даль 1: 355]. Со словом *глефь* у Элиасова соседствует синонимичное *глеф*, и здесь та же история: дается иллюстрация *рыбу с глефом посолишь*, — должно быть *с глевом!* *Глефь* и

¹⁹ Относительно опечаток в словарице Кривошапкина см. [Шаповал 2015] — правда, с иными примерами.

глеф образуют уже упоминавшуюся пару слов (статей) — вариантов одного первоначального слова.

Адъектив *дика́стый* ‘дииковатый, неразумный’ [СРГЗ: 101] используется как аргумент в пользу реальности незасвидетельствованного др.-рус. *дикатыи* ‘дииковатый’, ‘полудикий’ в новгородской берестяной грамоте № 877/572 [Янин, Зализняк 1999: 21]. Хотя *дикастый* как будто выглядит правдоподобно, следует заметить, что есть возможность взять это слово не из СРГЗ, а из иного источника: оно встречается в просторечии (например, как кличка собаки²⁰), а иногда даже в стихах: ... *такой дикастый Вдруг решил себя спасти* (Сергей Кофейный, «Бесы»²¹). Можно обратить внимание на такое слово с суфф. *-ast-*, как с.-хорв. диал. *dikast* ‘пестрый, о коро- ве’ [SP 5: 205, s. v. *dikovatъ*].

Несколько слов из словаря Л. Е. Элиасова проанализировано в одной из статей Ж. Ж. Варбот [1984; см. также Варбот 2012]²². Это, во-первых, *наскарүжник* ‘пересмешник’ и *наскарүжник* ‘зубоскал’ [СРГЗ: 235, 287], в которых усматриваются дериваты от основы *-скарүж-*, связываемой со **(s)ker-* ‘резать, драть’, развитие значения как у рус. *о-щёриться* [Варбот 1984: 15—16].

Данная пара слов скорее всего относится к упомянутому выше разряду слов-«двойчаток» типа *крючók* — *кючók*, что сразу вызывает большие сомнения. Ж. Ж. Варбот [1984: 15] отмечает, что в других словарях (кроме [СРГЗ]) *наскарүжник* и *наскарүжник* не встречаются. Однако не встречается только второе из двух, а первое неплохо засвидетельствовано. Слово имеется, в частности, в [Кривошапкин 1865]²³, и именно оттуда, скорее всего, «заимствовано» забайкальское *наскарүжник* у Элиасова, а *наскарүжник* — либо плод ошибки, либо выдумка. Достойным этимологизации можно признать лишь *наскарүжник*, и брать его следует у Кривошапки- на — конечно, не у Элиасова. Очень вероятно, что *наскарүжник* связано с синонимичным диал. *бескарүжник*, которое в [РЭС 3: 148] выводится из *бес-курүжник*, ср. *курүжиться*. Во всяком случае, возможную связь с *бескарүжник* стоит учесть.

Забайкальское *оплёка* ‘гнездо’ и ‘паз, с помощью которого доски скрепляются замком’ [СРГЗ: 267] послужило Ж. Ж. Варбот [1984: 18] основанием для новой мотивировки реконструкции праслав. **pletje* ‘плечо’ — как деривата от **pletq*, **plesti* ‘плести’. Не исключая этой возможности, следует заметить, что наличие *оплёка* ‘оплечье, вещь или знак на плече’ [Даль 2: 680] заставляет отнестись к забайк. *оплёка* с сомнением. Есть вероятность, что значения ‘гнездо’ и ‘паз’ придуманы Л. Е. Элиасовым на основе статьи

²⁰ См. <http://labrador.ru/ipb/index.php?showtopic=38325&st=3665>.

²¹ См. <http://www.stihi.ru/2009/11/09/8492>.

²² Одно из этих слов в действительности не из словаря Элиасова: *сопаться* ‘драться’. В книге [Варбот 2012] оно из соответствующего раздела изъято.

²³ См. также <http://andjusev.narod.ru/b/ergo11.htm>.

плечé у Даля: ‘место соединенья плечевой кости, лопатки и ключицы’ [Даль 3: 126]. Использование забайк. *оплэ́ка* для объяснения названия плеча нецелесообразно и к тому же избыточно. Неоправданно его использование для реконструкции праслав. **obpleka* [ЭССЯ 28: 210], которое к тому же неприемлемо фонетически (в данном случае -к- — результат «севернокривичской» рефлексии *-tj-, см. [Николаев 1988: 140] о рус. *бълоплекій, подоплэ́ка*).

Забайкальское *принуть* ‘нагреть, согреть’ [СРГЗ: 332] объяснено как элемент гнезда **pariti* — **prēti*, рус. *на́рить, преть* [Варбот 1984: 19]. Однако цитируемый Л. Е. Элиасовым презенс *принует* (*крыша железна принует*) вызывает сомнения. Он подразумевает инфинитив **приновать*. Если пренебречь тем, что *принуть* определено в СРГЗ как глагол совершенного вида, то от него ожидался бы презенс *принет*, ср. *сохнуть* — *сохнет, киснуть* — *киснет* и под. (в типе глаголов с -ну-, обозначающих постепенное усиление признака [Виноградов 1947: 438]). Расценить глагол *принуть* (во всяком случае, его описание в СРГЗ) как вполне надежный, конечно, нельзя.

Явных признаков недостоверности пока не удается найти у проанализированного Ж. Ж. Варбот забайк. *вы́рла* ‘поперечина у оглобель, к которой крепится борона’ [СРГЗ: 84]: возможно, дериват с суффиксом -*dlo* от **verti* ‘совать’, связанный со слвц. *vrlina* ‘доска, скрепляющая деревянный щит’ и т. п. [Варбот 1984: 17; РЭС 7: 221—222].

Есть основания думать, что не заслуживающий доверия словарь Элиасова и далее будет служить основанием для лексикологических и иных разысканий.

Так, для анализа древненовгородского *песец* (в грамоте № 724 [Зализняк 2004: 350]) на первый взгляд выглядит перспективным забайк. *песеня́та* ‘маленькие песцы, лисята’, ед. ч. *песенёнок* [СРГЗ: 296; Сиб. слов. 3: 222; СРНГ 26: 300]: оно как будто указывает, что *песёц* может или могло относиться к пушным зверям-непесцам²⁴. Но можно ли доверять этому слову? Ареал песцов — полярная тундра, хотя они и спускаются в поисках пищи на юг. Песец — полярная или арктическая (устар. «ледовитая») лиса. Естественно, что и размножаются песцы в тундре. Забайкальские *песеня́та* выглядят более чем сомнительно²⁵. И о каких «лисятах» идет речь: о детенышах полярной лисы (но их лисятами как будто не называют) или о детенышах обыкновенной лисы (*Vulpes vulpes*)? Слово снабжено у Элиасова длинной цитатой будто бы из уст сказителя Магая, но по содержанию очень походит на компиляцию сведений о видах песцов «по возрасту и времени года» из словаря Даля (возможно, и иных книжных источников), в частности, из статьи *пес* [Даль 3: 105]. Для русского языка слово *песеня́та*

²⁴ На этот пример внимание автора обратил П. В. Петрухин.

²⁵ Не внушает доверия и элиасовский *песёц* ‘сибирская лайка’: ... *песец весь белый, морда так и смотрела вперед* [СРГЗ: 297]. Обычный цвет песцов — белый.

выглядит необычно. Л. Е. Элиасов мог привлечь украинское *песеня́, песеня́та* ‘щенки’.

Могут ли наши представления о слове *чудь* обогатиться благодаря сведениям из соответствующей статьи СРГЗ? Оно здесь подается как слово женского рода, со значением ‘незнакомец, чужой человек’. В иллюстрациях находим: *чудь на квартире стал; про чудь разное говорили, потом узнали, что они к нам с каторги попали* [СРГЗ: 455; Сиб. слов. 5: 305]. Либо никуда не годится грамматическая характеристика слова, либо — что более вероятно — цитируемые контексты Л. Е. Элиасовым сочинены. Он мог опираться на лексикон Кривошапкина, где дается *чудь* ‘чужой, не свой’ и одновременно на словарь Даля: *чудь* ж., собирает. [Даль 4: 612].

Можно ли видеть в забайк. *ши́рые* ‘широкие приискательские шаровары’ [СРГЗ: 464; СРГС 5: 347] некое уникальное забайкальское слово? Представляется, что можно, но лишь в том смысле, что Л. Е. Элиасов «смастерил» его, взяв из статьи *брюки* словаря Даля определение «шаровары еще шире».

Не продолжая подобных примеров из СРГЗ, уместно сделать вывод, что выяснение происхождения слов из этого словаря относится не к этимологии как таковой, но к области лингвистических задач, составлением которых, «... как известно, занимаются у нас — правда, не в целях фальсификации — многие языковеды...» [Орел, Хелимский 1987: 131]²⁶. В случае с СРГЗ задача в том, чтобы в каждой статье этого словаря найти признаки фальсификации. Естественно, они могут и не найтись.

К сожалению, осталось без последствий пожелание: «... составителям СРНГ, когда они черпают лексический материал из словаря Элиасова, нужно рекомендовать удерживаться от насковозь лживых, кабинетной выделки иллюстраций. Но с чрезвычайной осторожностью нужно относиться и к самой трактуемой лексике...» [Журавлев 2003: 385]. Это пожелание остается в силе и *mutatis mutandis* актуально для всякого, кто привлекает данные СРГЗ, черпая их из самого этого словаря или через Сиб. слов., СРНГ или иных посредников.

По сообщению В. В. Шаповала, правдоподобные аналогии приемов «обогащения» СРГЗ, применявшихся Л. Е. Элиасовым, обнаруживаются в лексикографической работе по тюремному аргю Д. С. Балдаева²⁷, использовавшего для этой цели словарь Даля, в основном почему-то 1 и 4 том [Шаповал 2010]. Примером может служить жаргонное *рамжа* ‘остаток нереализованных краденых товаров’ [ББИ: 205], видимо, переписанное из диал. (херсонск.) *ра́мжа, ра́мша* ‘остатки товаров, не проданные на ярмарке’ [Даль 4: 57; Фасмер 3: 440]. Это слово «всплыло» и у Элиасова: *ра́мша*

²⁶ Приведенное соображение высказано при работе над упомянутым выше «Ятвяжским словариком». Его подлинность подвергается сомнению многими исследователями.

²⁷ Д. С. Балдаев широко известен и как собиратель тюремного фольклора и табуировок уголовников.

‘негодные товары’ [СРГЗ: 350]. Отец Д. С. Балдаева, известный бурятский фольклорист С. П. Балдаев, был другом Элиасова (много занимавшегося и фольклористикой), так что влияние составителя СРГЗ на Балдаева-младшего весьма вероятно. Как и Л. Е. Элиасов, Балдаев-старший пережил срок в Гулаге. В. В. Шаповал допускает, что в лексикографической деятельности Л. Е. Элиасова и Д. С. Балдаева присутствовал такой мотив, как показывание «фиги в кармане».

Л и т е р а т у р а

Аникин 1988 — А. Е. Аникин. О лингвогеографическом аспекте изучения русской сибирской лексики // *Этимология* 1985. М., 1988. С. 71—77.

Аникин 1990 — А. Е. Аникин. Тунгусо-маньчжурские заимствования в русских говорах Сибири. Новосибирск, 1990.

Аникин 2002 — А. Е. Аникин. Еще раз о «Словаре русских говоров Забайкалья» Л. Е. Элиасова // *Лексический атлас русских народных говоров* 1999. СПб., 2002. С. 30—46.

ББИ — *Словарь тюремно-лагерно-блатного жаргона: речевой и графический портрет советской тюрьмы / Авт.-составители Д. С. Балдаев, В. К. Белко, И. М. Исупов. Одинцово, 1992.*

Богораз 1901 — В. Г. Богораз. Областной словарь колымского русского наречия // *Сборник русского языка и словесности Академии наук*. СПб., 1901.

Бурыкин 2002 — А. А. Бурыкин. Замечания к проблеме лексического состава русских старожильческих говоров Забайкалья и некоторые соображения о роли ареальных критериев в этимологических исследованиях диалектной лексики иноязычного происхождения // *Лексический атлас русских народных говоров* 1999. СПб., 2002. С. 46—55.

Варбот 1984 — Ж. Ж. Варбот. Заметки по русской диалектной этимологии (забайкальские говоры) // *Этимологические исследования*. 1984. С. 14—20.

Варбот 2012 — Ж. Ж. Варбот. Исследования по русской и славянской этимологии. М., 2012.

Вендина 1998 — Т. И. Вендина. Символика цвета сквозь призму словообразования // *Лексический атлас русских народных говоров*. СПб., 1998. С. 11—31.

Виноградов 1947 — В. В. Виноградов. Русский язык. Грамматическое учение о слове. М., 1947.

Герд 1995 — А. С. Герд. Материалы для этимологического словаря севернорусских говоров // *Севернорусские говоры*. Вып. 6. СПб., 1995. С. 85—107.

Горячева 1985 — Т. В. Горячева. К этимологии некоторых восточнославянских метеорологических терминов // *Этимология* 1983. М., 1985. С. 69—82.

Даль — В. И. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка. 2-е изд. Т. 1—4. СПб.; М., 1880—1882 (М., 1955).

Дыбо 2015 — А. В. Дыбо. Несколько кыпчакских заимствований в славянских языках // <http://www.inslav.ru/zalizniak80/congratulations/Dybo.pdf> [2015].

Журавлев 2001a — А. Ф. Журавлев. Рец. на кн.: Аникин А. Е. *Этимологический словарь русских диалектов Сибири. Заимствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков* // *Русс. яз. в науч. осв.* 2001. № 2. С. 250—256.

Журавлев 2001б — А. Ф. Журавлев. Рец. на кн.: Словарь говоров старообрядцев (семейских) Забайкалья. Новосибирск, 1999. // Русск. яз. в науч. осв. 2001. № 2. С. 257—263.

Журавлев 2003 — А. Ф. Журавлев. Лексикографические фантомы. 5. СРНГ. О-П // Аванесовский сборник. К 100-летию со дня рождения Р. И. Аванесова. М., 2003. С. 382—389.

Зализняк 2004 — А. А. Зализняк. Древненовгородский диалект. 2-е изд., перераб. с учетом материала находок 1995—2003 гг. М., 2004.

ІБС — А. Астравух. Ідыш-беларускі слоўнік. Мінск, 2008.

Кононов 1969 — А. Н. Кононов. Заметки (II) тюрколога на полях «Словаря русских народных говоров» // Известия ОЛЯ. Т. 28. № 6. М., 1969. С. 531—538.

Кривошапкин 1865 — М. Ф. Кривошапкин. Енисейский округ и его жизнь. Приложение IV: Местные слова, употребляемые в Енисейском округе. СПб., 1865.

Лиханова 2013 — Н. А. Лиханова. «Словарь русских говоров Забайкалья» как источник межкультурной коммуникации // Региональные варианты национального языка. Улан-Удэ, 2013. С. 194—197.

Николаев 1988 — С. Л. Николаев. Следы особенностей восточнославянских племенных диалектов в современных великорусских говорах. 1. Кривичи // Балто-славянские исследования 1986. М., 1988. С. 115—154.

НОС₂ — Новгородский областной словарь. 2-е изд. СПб., 2010.

Орел, Хелимский 1987 — В. Э. Орел, Е. А. Хелимский. Наблюдения над балтийским языком польско-«ятвяжского» словарика // Балто-славянские исследования 1985. М., 1987. С. 121—134.

РЭС — А. Е. Анникин. Русский этимологический словарь. Вып. 1— М., 2007—

СГСЗ — Словарь говоров старообрядцев Забайкалья. Новосибирск, 1999.

Сиб. слов. — А. И. Федоров. Словарь русских говоров Сибири. Т. 1—5. Новосибирск, 1999—2006.

СРГЗ — Л. Е. Элиасов. Словарь русских говоров Забайкалья. М., 1980.

СлРГЮПр — Словарь русских говоров Южного Прикамья. Пермь, 2010—

СРНГ — Словарь русских народных говоров. Вып. 1— М.; Л., 1966—

СЯЯ — Э. К. Пекарский. Словарь якутского языка. [Л.], 1958.

Топоров — В. Н. Топоров. Прусский язык: Словарь. Т. 1 (А—D), Т. 2 (E—H), Т. 3 (I—K), Т. 4 (K—L), Т. 5 (L). М., 1975—1990.

Ткаченко 1985 — О. Б. Ткаченко. Мерянский язык. Киев, 1985.

Хелимский 2015 — Е. А. Хелимский. [Два ранее не публиковавшихся письма в «Вопросы языкознания»] // <http://www.inslav.ru/zalizniak80/congratulations/Anikin.pdf> [2015].

Шаповал 2010 — В. В. Шаповал. Критерии вычленения непомеченного слоя компиляции в словаре // Вопросы языкознания. 2010. № 3. С. 74—86.

Шаповал 2015 — В. В. Шаповал. Словарные материалы М. Ф. Кривошапкина как объект критики // Человек и язык в коммуникативном пространстве. Сб. научных статей. Лесосибирск, 2015. С. 162—168.

Шилов 2003 — А. Л. Шилов. Некоторые вопросы интерпретации севернорусских диалектизмов // Этимологические исследования. № 8. Екатеринбург, 2003. С. 87—93.

Шипова 1976 — Е. Н. Шипова. Словарь тюркизмов в русском языке. Алма-Ата, 1976.

ЭСРДС — А. Е. Анникин. Этимологический словарь русских диалектов Сибири. Заимствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков. 2-е изд., доп. М.; Новосибирск, 2000.

ЭСРДС-1997 — А. Е. Аникин. Этимологический словарь русских диалектов Сибири. Заимствования из уральских, алтайских и палеазиатских языков. Новосибирск, 1997.

ЭСРЯ — М. Фасмер. Этимологический словарь русского языка / Пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. Т. 1—4. 2-е изд. М., 1986—1987 (1-е изд.: М., 1964—1973).

ЭССЯ — Этимологический словарь славянских языков. Под ред. О. Н. Трубачева. Вып. 1— М., 1974—.

Янин, Зализняк 1999 — В. Л. Янин, А. А. Зализняк. Берестяные грамоты из новгородских раскопок 1998 г. // Вопросы языкознания. 1999. № 4. С. 3—27.

Dybo 1995 — A. Dybo. Die Namen des Zeigefingers in den türk- und den altaischen Sprachen // Laut- und Wortgeschichte der Türksprachen. Beiträge des internationalen Symposiums. Berlin, 1995. S. 17—41.

ODEE — The Oxford dictionary of English etymology. Oxford, 1996.

SP — Słownik prasłowiański. T. 1—8. Wrocław etc., 1974—2002.

References

Anikin 1988 — А. Е. Anikin. O lingvogeograficheskom aspekte izucheniya russkoy sibirskoy leksiki // Etimologiya 1985. Moskva, 1988. С. 71—77.

Anikin 1990 — А. Е. Anikin. Tunguso-man'chzhurskie zaimstvovaniya v russkikh govorakh Sibiri. Novosibirsk, 1990.

Anikin 2002 — А. Е. Anikin. Eshche raz o «Slovare russkikh govorov Zabaykal'ya» L. E. Eliasova // Leksicheskiy atlas russkikh narodnykh govorov 1999. St.-Peterburg, 2002. S. 30—46.

BBI — Slovar' tyuremno-lagerno-blatnogo zhargona: rechevoy i graficheskiy portret sovetckoy tyur'my / Avt.-sostaviteli D. S. Baldaev, V. K. Belko, I. M. Isupov. Odincovo, 1992.

Bogoraz 1901 — V. G. Bogoraz. Oblastnoy slovar' kolymckogo russkogo narechiya // Sbornik russkogo yazyka i slovesnosti Akademii nauk. St.-Peterburg, 1901.

Burykin 2002 — А. А. Burykin. Zamechaniya k probleme leksicheskogo sostava russkikh starozhil'cheskikh govorov Zabaykal'ya i nekotorye soobrazheniya o roli areal'nykh kriteriev v etimologicheskikh issledovaniyakh dialektnoy leksiki inoyazychnogo proiskhozhdeniya // Leksicheskiy atlas russkikh narodnykh govorov 1999. St.-Peterburg, 2002. S. 46—55.

Dal' — V. I. Dal'. Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka. 2-e izd. T. 1—4. St.-Peterburg; Moskva, 1880—1882 (Moskva, 1955).

Dybo 1995 — A. Dybo. Die Namen des Zeigefingers in den türk- und den altaischen Sprachen // Laut- und Wortgeschichte der Türksprachen. Beiträge des internationalen Symposiums. Berlin, 1995. S. 17—41.

Dybo 2015 — А. V. Dybo. Neskol'ko kypchakckikh zaimstvovaniy v slavyanskikh yazykakh // <http://www.inslav.ru/zalizniak80/congratulations/Dybo.pdf> [2015].

ESRDS — А. Е. Anikin. Etimologicheskii slovar' russkikh dialektov Sibiri. Zaimstvovaniya iz ural'skikh, altayskikh i paleoaziatskikh yazykov. 2-e izd., dop. Moskva; Novosibirsk, 2000.

ESRDS-1997 — А. Е. Anikin. Etimologicheskii slovar' russkikh dialektov Sibiri. Zaimstvovaniya iz ural'skikh, altayskikh i paleoaziatskikh yazykov. Novosibirsk, 1997.

ESRYa — M. Fasmer. Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka / Per. s nem. i dop. O. N. Trubacheva. T. 1—4. 2-e izd. Moskva, 1986—1987 (1-e izd. Moskva, 1964—1973).

- ESSYa — Etimologicheskii slovar' slavyanskikh yazykov. Pod red. O. N. Trubacheva. Vyp. 1— Moskva, 1974—.
- Gerd 1995 — A. S. Gerd. Materialy dlya etimologicheskogo slovarya severnorusskikh govorov // Severnorusskie govory. Vyp. 6. St.-Peterburg, 1995. S.85—107.
- Goryacheva 1985 — T. V. Goryacheva. K etimologii nekotorykh vostochnoslavjanskikh meteorologicheskikh terminov // Etimologiya 1983. Moskva, 1985. S. 69—82.
- IBS — A. Astravukh. Idysh-belaruski sloŭnik. Minsk, 2008.
- Khelimskiy 2015 — E. A. Khelimskiy. [Dva ranee ne publikovavshikhysya pis'ma v «Voprosy yazykoznanija»] // <http://www.inslav.ru/zaluzniak80/congratulations/Anikin.pdf> [2015]. S. 74—86.
- Kononov 1969 — A. N. Kononov. Zametki (II) tyurkologa na polyakh «Slovarya russkikh narodnykh govorov» // Izvestiya Otdeleniya literatury i yazyka. T. 28. № 6. Moskva, 1969. S. 531—538.
- Krivoshapkin 1865 — M. F. Krivoshapkin. Eniseyskiy okrug i ego zhizn'. Prilozhenie IV: Mestnye slova, upotrebyaemye v Eniseyskom okruge. St.-Peterburg, 1865.
- Likhanova 2013 — N. A. Likhanova. «Slovar' russkikh govorov Zabaykal'ya» kak istochnik mezhkul'turnoy kommunikacii // Regional'nye varianty nacional'nogo yazyka. Ulan-Ude, 2013. S. 194—197.
- Nikolaev 1988 — S. L. Nikolaev. Sledy osobennostey vostochnoslavjanskikh plemennykh dialektov v sovremennykh velikorusskikh govorakh. 1. Krivichi // Balto-slavyanskije issledovaniya 1986. Moskva, 1988. S. 115—154.
- NOS2 — Novgorodskiy oblastnoy slovar'. 2-e izd. St.-Peterburg, 2010.
- ODEE — The Oxford dictionary of English etymology. Oxford, 1996.
- Orel, Khelimskiy 1987 — V. E. Orel, E. A. Khelimskiy. Nablyudeniya nad baltijskim yazykom pol'sko-«yatvyazhskogo» slovarika // Balto-slavyanskije issledovaniya 1985. Moskva, 1987. S. 121—134.
- RES — A. E. Anikin. Russkij etimologicheskij slovar'. Vyp. 1— Moskva, 2007—.
- SGCZ — Slovar' govorov starobryadcev Zabaykal'ya. Novosibirsk, 1999.
- Shapoval 2010 — V. V. Shapoval. Kriterii vychleneniya nepomechennogo slova kompilyacii v slovare // Voprosy yazykoznanija. 2010. № 3. S. 74—86.
- Shapoval 2015 — V. V. Shapoval. Slovarnye materialy M. F. Krivoshapkina kak ob'ekt kritiki // Chelovek i yazyk v kommunikativnom prostranstve. Sb. nauchnykh statey. Lesosibirsk, 2015.
- Shilov 2003 — A. L. Shilov. Nekotorye voprosy interpretacii severnorusskikh dialektizmov // Etimologicheskije issledovaniya. № 8. Ekaterinburg, 2003. S. 87—93.
- Shipova 1976 — E. N. Shipova. Slovar' tyurkizmov v russkom yazyke. Alma-Ata, 1976.
- Sib. slov. — A. I. Fedorov. Slovar' russkikh govorov Sibiri. T. 1—5. Novosibirsk, 1999—2006.
- SIRGYuPr — Slovar' russkikh govorov Yuzhnogo Prikam'ya. Perm', 2010—.
- SP — Słownik prasłowiański. T. 1—8. Wrocław etc., 1974—2002.
- SRGZ — L. E. Eliasov. Slovar' russkikh govorov Zabaykal'ya. Moskva, 1980.
- SRNG — Slovar' russkikh narodnykh govorov. Vyp. 1— Moskva; Leningrad, 1966—.
- SYaYa — E. K. Pekarskiy. Slovar' yakutskogo yazyka. [Leningrad], 1958.
- Tkachenko 1985 — O. B. Tkachenko. Meryanskiy yazyk. Kiev, 1985.
- Toporov — V. N. Toporov. Prusskiy yazyk: Slovar'. T. 1 (A—D), T. 2 (E—H), T. 3 (I—K), T. 4 (K—L), T. 5 (L). Moskva, 1975—1990.
- Varbot 1984 — Zh. Zh. Varbot. Zametki po russkoy dialektnoy etimologii (zabaykal'skie govory) // Etimologicheskije issledovaniya. 1984. S. 14—20.

Varbot 2012 — Zh. Zh. Varbot. Issledovaniya po russkoy i slavyanskoj etimologii. Moskva, 2012.

Vendina 1998 — T. I. Vendina. Simvolika cveta skvoz' prizmu slovoobrazovaniya // Leksicheskiy atlas russkikh narodnykh govorov. St.-Peterburg, 1998. S. 11—31.

Vinogradov 1947 — V. V. Vinogradov. Russkiy yazyk. Grammaticheskoe uchenie o slove. Moskva, 1947.

Yanin, Zaliznyak 1999 — V. L. Yanin, A. A. Zaliznyak. Berestyanye gramoty iz novgorodskikh raskopok 1998 g. // Voprosy yazykoznaniiya 1999. № 4. S. 3—27.

Zaliznyak 2004 — A. A. Zaliznyak. Drevnenovgorodskiy dialekt. 2-e izd., pererab. s uchetom materiala nakhodok 1995—2003 gg. Moskva, 2004.

Zhuravlev 2001a — A. F. Zhuravlev. Recenziya na kn.: Anikin A. E. Etimologicheskii slovar' russkikh dialektov Sibiri. Zaimstvovaniya iz ural'skikh, altayskikh i paleo-aziatskikh yazykov // Russkii yazyk v nauchnom osveshchenii. 2001. № 2. S. 250—256.

Zhuravlev 2001b — A. F. Zhuravlev. Rec. na kn.: Clovar' govorov staroobryadcev (semeyskikh) Zabaykal'ya. Novosibirsk, 1999. // Russkii yazyk v nauchnom osveshchenii. 2001. № 2. S. 257—263.

Zhuravlev 2003 — A. F. Zhuravlev. Leksikograficheskie fantomy. 5. SRNG. O-P // Avanesovskiy sbornik. K 100-letiyu so dnya rozhdeniya R. I. Avanesova. Moskva, 2003. S. 382—389.

Резюме

Рассматриваемая в статье проблема заключается в том, что в «Словаре русских народных говоров», иногда также в словаре В. И. Даля и изредка в других диалектных словарях встречаются искаженные (вследствие ошибок при записи материала, опечаток и проч.) формы слов, становящиеся основой для заведомо неверных этимологических и иных толкований. Так, диалектизм *отсу́мивать* 'отвращать любовь' признан тюркизмом, связанным с тюрк. *süt* 'любовь', хотя в действительности речь идет об искаженном *отсу́шивать*, антониме слова *прису́иить* 'заставить изнывать любовью', ср. *суши́ть*. Решение проблемы усматривается в том, чтобы признать конъектуры для диалектных слов одним из средств русской этимологии. Особый аспект темы — «Словарь русских говоров Забайкалья» Л. Е. Элиасова. В статье утверждается, что в нем имеются фальсифицированные данные наподобие слова *сон* 'сладковатое мясо' вместо ожидаемого *сок* 'сладкое (= очень вкусное) мясо'.

Ключевые слова: диалектная лексика, этимология, искаженные формы, «Словарь русских говоров Забайкалья», фальсифицированные лексические данные

Статья получена 13.05.2015

ALEXANDR E. ANIKIN

TO THE PROBLEM OF RELIABILITY OF LEXICAL DATA IN RUSSIAN DIALECTAL LEXICOGRAPHY AND ETYMOLOGY

The problem considered in the article is the following: in the Russian dialect dictionaries (first and foremost, the "Dictionary of Russian Dialects", but also the dictionary of V. I. Dal' and occasionally others) we sometimes find distortions of lexical data (due to

errors in recording, typos, etc.) that lead to incorrect etymological and other solutions. For example, dial. *otsúmivat* 'avert love' has been explicated as a loan-word from Turkish *süm* 'love', when in reality we have to do with a distortion of *otsúshivat*, an antonym of *prisushít* 'make lovesick', cf. *sushít*. According to the article, the solution to the problem lies in allowing conjectures for dialectal words as one of the resources of Russian etymology. A special concern in this study is the «Dictionary of the Russian Dialects of Transbaikalia» by L.E. Eliasov. The article argues that it contains distorted lexical data such as *son* 'sweet meat' instead of expected *sok* 'very tasty meat'.

Keywords: dialect vocabulary, etymology, distorted forms, «Dictionary of Russian dialects of Transbaikalia», distortions of lexical data

Received on 13.05.2015

И. И. МАКЕЕВА

АКЦЕНТУАЦИЯ СТАРОПЕЧАТНЫХ МОСКОВСКИХ И КИЕВСКИХ ИЗДАНИЙ «НИКОЛИНА ЖИТИЯ»

Исследование и подготовка к публикации древнерусских текстов, входящих в многочисленные сборники XV—XVII вв. и в Торжественники, позволяет наблюдать изменения акцентуации, сделанные разными писцами в одном и том же произведении. Однако ввиду небольшого объема многих текстов наблюдения оказываются фрагментарными. Целостная картина акцентологической правки представляется при сопоставлении московских и киевских старопечатных изданий «Служб и жития Николая Чудотворца».

Первое московское «Николино житие» (так книга названа в документах Приказа книгопечатного дела — РГАДА, ф. 1182) появилось в 1640 г. Второе издание вышло в 1641 г., а идентичное ему третье — в 1643 г.¹ Затем последовал довольно большой перерыв: следующее «Николино житие» появилось только в 1662 г. (8°, 2 и 168 л.). В последние десятилетия XVII в. Московским печатным двором осуществлено еще несколько изданий: в 1679 г. (4°), 1688 г. (4°), 1694 г. (4°), 1696 г. (4°), 1699 г. (4°).

Первое киевское издание появилось лишь в 1680 г.² Затем последовали публикации 1700 г., 1738 г., 1746 г., 1747 г., 1751 г., 1757 г., 1761 г. и др.

В основу киевской публикации 1680 г. положено московское издание 1662 г. В нее вошел весь блок сказаний, состоявший из 16 текстов, известных еще в русской рукописной традиции. Более того, в киевское издание перенесено предисловие, в котором говорится о списке Московского Успенского собора, использованном при подготовке московского издания.

Раздел «Чудес» неслужебной части киевского издания дополнен четырьмя текстами, неизвестными в русской рукописной и старопечатной традиции: **Ч҃ДО Ѡ ИКОНѢ С҃ТОГѠ / Ніколаа юже Жидовинѣ далъ себѣ на/писати и вѣрчилъ ей свой всѣ вѣщи, / ѡ ѡиде въ пѣть; Ч҃ДО С҃ТОГѠ НИКОЛАА НА/писаное ѡ с҃тѣйшаго Патріархи Меѡѡдіа ѡ златѣ ѡ Жидовина нѣкоемѣ хр҃тіанинѣ / взаимѣ данномъ; Ч҃ДО С҃ТОГѠ НИКОЛАА Ѡ ДВОХ / Млнцахѣ идѣщихѣ до Аѡинѣ; Ч҃ДО С҃ТОГѠ ѠЦА**

¹ См. подробнее [Макеева 2011: 366—415].

² Службы, житие и чудеса Николая Чудотворца. Киев, тип. Киево-Печ. лавры, 1680 г., 4°.

НАШЕГѠ / Николаа, ѡ двоухъ сосѣдахъ. Пятый текст, отсутствовавший в московских изданиях и включенный в киевскую публикацию, где назван **ЧѢДО СТОГѠ ВѢЦА НАШЕГѠ / Николаа ѡ трехъ кѣпцахъ Ѡ поганъ потопленныхъ,** был хорошо известен в русской рукописной традиции, но в другой редакции. Обычно он назывался чудом о трех друзьях.

Шестнадцать сказаний, перенесенных в киевское издание из московского, были отредактированы. В целом правка, в основном касавшаяся грамматики, была небольшой, однако некоторые тексты (чудеса о ковре и о злате) правлены более прочих сказаний.

Намного больше изменений справщики внесли в акцентуацию киевского издания. Сопоставлению акцентуации в сказаниях о чудесах в московском издании 1662 г. и киевском издании 1680 г. посвящена данная статья³.

Общие принципы постановки акцентных знаков схожи в обеих книгах. К числу отличий относится функция стоящего над начальной гласной слова *исо* как акцентного знака в московском издании (**агрикъ**) и одновременно как акцентного (**акоже, йма**) и не как иктусного знака (**агриковѣ, идѣте, (союз) й**) в киевском издании, где в той же позиции может оказаться спиритус⁴. Поэтому у некоторых слов с начальной гласной не всегда можно определить место ударения. Например, у некоторых слов а. п. *b* и неодносложных слов: **на ѡдрѣ** — **на ѡдрѣ** (чудо об Агрике), **оумѣ** — **оумѣ** (чудо о срацине), **во ѡмѣ** — **въ оумѣ** (чудо о ковре) при **оумомѣ** (Житие) в обоих изданиях, **на ѡмѣ** — **на / оумѣ** (Житие), **йцѣ** — **йцѣ** (чудо о монастыре), **ѡлень** — **ѡлень** (чудо о ковре).

Эпизодически в книге 1662 г. как акцентный знак используется камора: **чадо, лѣто, лѣта, сѣть, тѣло, лѣпо, рѣкъ, сѣце, всѣхъ, всѣмъ, пѣтъ, мѣжа, мѣжъ, вѣкъ, чѣдо, дѣло, дѣлъ, цѣло, мѣстѣ, в... мѣсто, вѣше, вѣмъ, сѣтъ, вѣдъ, соломѣна, тѣхъ, тѣхъ, сѣхъ, вѣдѣ.** Очень редко такой же знак используется в киевском издании (как след московского оригинала?): **Тѣло** (Житие, глава «О погребении...»), **Крѣвю** (Похвала 1).

³ Далее при цитировании примеров ссылки даются не на лист, а на конкретный текст; названия сказаний упрощены. Как дополнительный материал приводятся сведения из других произведений неслужебной части, входящих в оба издания. Это так называемое Метафрастово житие (далее *Житие*), Сказание о перенесении мощей св. Николая из Мир Ликийских в Бари (*ПМ*), Слово похвальное св. Николаю (*Похвала 1*), Слово похвальное на перенесение мощей св. Николая (*Похвала 2*). В парах словоформ первым следует фрагмент из московского издания 1662 г., вторым — из киевского издания 1680 г. Иная подача материала оговаривается. По возможности сохраняется деление на слова, имеющееся в обеих книгах, и заглавная буква киевского издания. Однако есть немало случаев неясного (слитного или раздельного) напечатания.

⁴ Не в начале слова в заголовке и после инициала, начинающего текст, *исо* может стоять над любой гласной и выполнять декоративную функцию: **ПОВѢСТЬ Ѡ ЧѢДСИ...**, **Нѣ мною...**

В московском издании может быть поставлена вариация над предложениями **по, на, до, за, ко, во, со: вѡ градѣ, вѡ градѣ, вѡ ѡвѣтели, кѡ бл҃гѡмѡ бѣѡ** (*чудо о Петре*); **дѡ землѣ** (*чудо о монастыре*); **вѡ йма, сѡ страхомѣ** (*чудо об Агрике*); **пѡ чинѣ, Пѡ врѣмени** (*ПМ*). В киевском издании над предложениями **по, на, до, за** знак не ставится, а «московским» **ко, во, со** соответствуют **къ (кѣ), въ (вѣ), съ (сѣ): вѡ градѣ — въ градѣ** (*чудо о ковре*). При этом в обеих книгах возможно слитное написание предложения со следующим словом.

В киевском издании перед клитиками **же, бо, ми, ти, ли** часто ставится вариация, а не оксия: **Бѣ / же, Тѣ же, вѣ вѡ, Ѣгда же, Ѣгдаже, рече ми, Речеже, Рече же, речеже, рече же, рекѡ бо, рцы ми, йсцѣлѣма, восхитѣма, свободѣ ма, Онаже, Емѡ/же, Они же, Ониже** и др. при **Оу же бо, оу же / бо, Ѣгда же, псы же, Благодарю ти, Ѣгда же, ты бо, вина бо, Вины же, мечѡ же, ты ли, Попѡ же, Петра же** (2 раза), **помози ми** (неоднократно), **повѣда ми, въ своѡ си, повелѣ же, Тогда же, Жена же**. Кажется, что отчасти постановка знака зависит от наличия пробела: при слитном написании клитики (то есть при отсутствии пробела) чаще ставится оксия, при раздельном — вариация. Однако ситуацию осложняют многочисленные случаи неясности в отношении слитного / раздельного напечатания слов.

В киевском издании встречается постановка апострофа — комбинации спиритуса и вариации над конечной гласной **и** в прилагательных, причастиях и местоимениях в форме мн. ч. именительного (винительного) падежа, в существительных в форме ед. ч. местного падежа, редко родительного: **везвѡжнѣи, живѡщѣи, прѡчѣи, Овѣи, Посланѣи, йнѣи же, дождѣвнѣи, домашнѣи, ѡ избавленѣи, въ самарѣи, въ покажнѣи, въ... писанѣи, Рѣсстѣи, Мрѣи, въ веселѣи, ѡ сотворенѣи, Епифанѣи, по ѡ пѣтѣи, вневѣжествѣи, ѡ... Василѣи, въ ѡчествѣи** и др. Можно было бы рассматривать этот знак как маркирующий позицию конца слова, имеющего на конце две одинаковые буквы. Однако есть случаи его постановки над **и** в середине слова и после другой гласной: **краи** (тв. мн. ч.; в московском издании **краи**), **въ Рай** (в московском издании **вѣ рай**), **невѣрный, хромый, нѣмый, свой, прикоснѣшѣи, прѡчѣихъ, съ прѡчѣими, Вѡинѡм** (дат.). В прилагательных и некоторых существительных он скорее указывает на «некраткость» гласного (**и**, но не **й**), дифференцируя омонимичные формы (например, вин. и местн. падежи **въ рай — въ рай**), хотя **гѡркой смѣрти**. Но при использовании буквы **й** это лишнее. Постановка знака не соответствует и второстепенному ударению. Над начальной гласной комбинация спиритуса и вариации поставлена в корне **ѣх-** (*чудо о половчине*) в начале слова (**й ѣхѣ** — 2 раза) и при наличии пробела после приставки (**ѡ йхѣвѣ**). Ср. **Прѣхѣвѣ**. Возможно, здесь вариация является иктусной.

В обоих изданиях над традиционно ставится над однобуквенными формами местоимений **й, ѡ / ѡ** (см. *чудеса об Агрике, о Дмитрие, о злате, о Симеоне, о ковре*). Формам **ймѣ, ѡже** московского издания с таким же знаком в киевском «Николине житии» соответствуют формы с **исо ймѣ, ѡже**.

Два акцентных знака встретились в сложных словах как в московском издании, так и в киевском: великомѣченикѡмъ — Великомѣчникомъ (тв.) (чудо о муже), многѣтствомъ — мнѡго/дѣтствомъ (тв.) (Похвала 1), многюдѣсенъ — мнѡгочдѣсѣ (чудо о трех иконах).

Акцентные знаки регулярно проставляются в московском издании и менее регулярно — в киевском. В московском издании, где меньше сокращенных (под титлом) написаний слов и слов с выносной буквой, встречается постановка акцентного знака над согласной, предшествующей ударной гласной (дѣшю, вѣдѣ). В киевском издании акцентный знак в сокращенно написанном слове ставится над гласной за титлом (Глѣти). В словах с выносной буквой ударение не ставится, если она является помехой для акцентного знака. Часто ударение отсутствует в страдательных причастиях прошедшего времени, которые пишутся с двумя -ни-, из которых одна — выносная буква: положѣномъ, наполнѣнамъ, хотя плѣнѣнны.

Основной массив текста в акцентном отношении одинаков в обоих изданиях: полза, прѣзидникъ, черпати, страшенъ, страшнымъ (тв.), вѣды (вин.), в ... вѣды, в вѣдахъ, вѣсити, на волнахъ — на влнахъ, волнами — влѣнами, влѣшеса, поманѣтый, перстомъ — перстѡ (тв.), трѣпетенъ, словеса, въ ... мѣста, оуѣченіе, избавленіе, помышленіе, забвенію, дреманію — дрѣманію, на разрѣшеніе, волхвованіа, послѣчаю, проститъ, воспранѣвъ — воспранѣвѣ, изсѣкнетъ, крамолити, двѣри — Двѣри, къ двѣремъ — къ двѣрѣ (так!), въ рѣкѣ — в рѣкѣ, тѣлеса, жадаетъ, силенъ, дѡлженъ, держиши, ѡбдержитъ — ѡбдержитъ, до торгоа, ѡзыкомъ — ѡзыкомъ и др. Одинаковое ударение можно предполагать, когда в киевском издании слово имеет выносную букву: сирѡтамъ — сирѡта, положилъ — положи (ниже положилъ в обоих изданиях), положѣное — положѣное, по вѣдамъ — по вѣдѣ; на ... вѣдахъ — на ... вѣдѣ, испѡни — испѡни.

Для более полного представления о том, какой была акцентологическая правка, ниже приведен материал из двух сказаний о чудесах св. Николая. Он разделен на группы: 1. Имена; 2. Глаголы; 3. Неизменяемые части речи (наречия, предлоги и др.). Далее следуют словоформы с одинаковым ударением в обеих книгах, без акцентного знака в одном издании и с лексической правкой в киевском издании.

Чудо о Петре (лл. рѣи об. — рѣи московского издания и лл. би — па киевского издания). 1: к плѡтьстѣи — к плѡтьстѣи, сѣдомъ — сѣдомъ (тв.), житѣ — житѣ, житѣ — житѣ, житѣмъ — житѣмъ, мѣтвами — мѣтвами, вѣмѣвахъ — въ / мѣтвахъ, постѣ — постѣ (дат.), оуѣ/шитель — оуѣши (кустода) // ѣшитѣ, никѡеже — никѡеже, часѣ — часѣ, въ самарин — въ самарин, въ ... самарин — въ ... самарин, нарѣкѣ (своею) — на рѣкѣ, в рѣцѣ — в рѣцѣ (местн.), ѡ неже — ѡ неже, (тебѣ) / самогѡ — самѡгѡ, въ покѡнни — въ покѡнни, хвалѣ — Хвалѣ, инниже — инниже;

2: военачалствѣа — военачалствѣа, плачѣа — плачѣа, оуслѣшахъ — оуслѣшахъ, послѣшай — послѣшай, мѣ/длитъ — мѣлитъ, ѡ вѣрзѣтѣа —

Ѡ верзѣтсѧ, да помѡлитсѧ — да помлѣйтсѧ, припадаѧ — припадаѧ, повѣ-
да — повѣда, слава — слава;

3: ниже — ниже, второе — второе (нар.), а може — а може.

Одинаковое ударение: за рѡкѡ — за / рѡкѡ, въ... скорби, в скорбѣхъ,
впадѣши — впадѣши, временемъ (тв.), во... тѣснотахъ, сотвориши, со-
твори (пов.), достигѣ.

Чудо о ковче (лл. рѣѡ — рѣѡ об. московского издания и лл. рѣѡ об. — рѣѡ
киевского издания). 1: христѣнина — хрѣтѣнина, на слышаніе — на слышаніе
(2 раза), слышаніе — слышаніе, житѣа — житѣа, земнымъ — земнымъ
(дат.), трѡдѡвъ — трѡдовъ, Ѡ семь златникъ — Ѡ семь златни^к, шѣсть злат-
никъ — шѣсть златникъ, шѣсть златникъ — шѣст^к златни^к, самагѡ — са-
магѡ (род.-вин.), иногѡ — иногѡ, софѣи — Софѣи, просфоры — Просфѡры⁵;

2: работѡущихъ — работѡущихъ (2 раза), работѡти — работѡти, не
послабѡщѡ — непослабѡщѡ (дат.), не могѣи — немогѣи, прибли/жившѡсѧ
же — Прибли/жившѡсѧ, Ѡ даси — Ѡдаси, вѡдаси — вдаси, в даси —
вдаси, идеши — идеши, данѡ — данѡ, не / достѡаше — недостѡаше,
видѡхѡ — видѡхѡ (2 раза), видѡщи — видѡщи, невѣдый — невѣдый,
да Ѡстѡпиши — да Ѡстѡпиши, сотворитѡ — сотвори^т, напѡлнѡсѧ — на-
полнѡсѧ, напѡлнѡстѡсѧ — напѡлнѡстѡсѧ, хва/лаще — хвалѡще, непѡлѡ-
читѡ — не полѡчитѡ;

3. посреда — посреда, Ѡ давна — Ѡ давна.

Одинаковое ударение: слышати, слышашѣ, слышѡхѡ, слышѡхѡ^м, слы-
шавѡ (2 раза), жадаѣтѡ, помѡщникомъ — помѡщникѡ^м (тв.), на помѡщъ —
на помѡщъ, помѡщника, жѣно (зв.), на припѡдѡ, завѣтѡ, сотвори^т, со-
творишѡ — сотворишѡ, дѣлати, видиши (2 раза), видѣвшѣи — видѣв-
шѣи, видѣвши, видѣ, видѣшѡ — видѣшѡ, не видѣмъ — невидѣмъ, торгѡ
(род.), погѡбиши, бесѣдѡющѡ, прославишѡ, изъ глѡбинѣи, кѡплѣнѡе, свѣ-
телѡ — свѣтелѡ, свѣтлы (вин.), прѣимши, старѡца чѣстѡ, чѣстѡ мѡжа.

Без акцентного знака в киевском издании: прѣимѡ — прѣимѡ^м,
прѣидѣ — прѣидѣ, на истѡчѣники водѣныѡ — на истѡчѣники водѣныѡ, чѣтѣныѡ —
Чѣтѣныѡ, Приближившѡсѧ — приближившѡсѧ.

Ударение при редакторской правке в киевском издании: повѣдахѡ —
повѣдающѣи.

Анализ акцентных различий московского издания «Николина жития»
1662 г. и киевского издания 1680 г. следует начать с характеристики от-
тяжки ударения на предлог в словах акцентной парадигмы с. В московском
издании ситуация сложная: имеются как примеры оттяжки ударения, так и
ее отсутствия. По-видимому, взаимодействует сразу несколько факторов:
лексический, слитного/раздельного написания предлога, собственно ак-
центологический. Часто встречающееся в разных сказаниях существитель-

⁵ Случай ѣпохвалѡми — ѣ похвѡми с пропуском слога в киевском издании мо-
жет быть интерпретирован по-разному: похвѡ[ла]ми, что кажется более вероят-
ным, и похвѡ[ла]ми.

ное **пѣмощь** обычно не имеет оттяжки, при этом над отдельно написанным предлогом ставится вариация: **на пѣмощь** (неоднократно; в киевском издании **на пѣмощѣ, на пѣмощѣ**). Пример оттяжки ударения при слитном написании предлога с существительным **напомощь** в московском издании встретился в *чуде о злате*. Без оттяжки, с вариацией над отдельно стоящим предлогом написаны следующие словоформы: **за рѣкъ** (2 раза), **въ время** (*чудо о Петре*); **до нощи, по морю, по морю ѿкъ по сѣхъ** (*чудо о Симеоне*); **по сѣхъ** (*чудо о трех иконах*); **на зѣмлю** (4 раза; *чудо о царе Стефане 2*); **по рѣдѣ, по рѣдѣ** (*чудо о половчине*); **въ ймѣ** (*чудо об Агрике*); **ѿ части, на / ногѣ** (*Житие*), **по чинѣ** (*ПМ*), **на мѣжа, въ градѣ** (*чудо о ковре*). При этом некоторые из этих лексем встречаются с оттяжкой ударения на предлог, обычно написанный слитно с существительным: **пѣсѣхъ, ѿ по морю, за рѣкъ, навечерю** (*чудо об Агрике*); **нарѣкъ своєю** (*чудо о Петре*); **за рѣкъ, намори** (*чудо о Дмитрии*); **поморию, за рѣкъ** (2 раза), **поморию ѿки пѣсѣхъ** (*чудо о трех иконах*); **порѣдѣ** (*Житие*)⁶. Сохраняется оттяжка ударения у слов **наполы** (*чудо о Симеоне*), **подробнѣ** (*чудеса о попе Христофоре и о Дмитрии*). Кроме того, в московском издании в *Житии* встретилось **вѣзѣ / крове** (в киевском **вѣзѣ крове**), **на срѣце** (в киевском **на срѣце**), в *Похвале 1* — **на / нѣбо** (в киевском издании **на нѣбо**), в *ПМ* — **въ дни** (в киевском издании **въ / дни**).

В киевском издании оттяжки ударения на предлог уже нет (**пѣсѣхъ ѿ по морю; за рѣкъ; по рѣдѣ; по-/морю ѿки пѣсѣхъ, ѿ части, подробнѣ** и др.). Исключением являются **наполы** (*чудо о Симеоне*), **по морю** (*чудо о срацине*), **пѣсѣхъ** (*чудо о Симеоне*). В примерах с оттяжкой можно видеть как реликты старой акцентуации, так и влияние московского оригинала. Таким образом, если в московском издании еще достаточно сильны позиции оттяжки ударения на предлог в словах акцентной парадигмы *с*, то в киевском издании они уже почти утрачены.

В обеих книгах сохраняется **нѣмощно** (*Житие*), при лексической правке в киевском издании **нѣ могѣи** — **нѣмощенѣ** (*чудо о половчине*).

В киевском издании ударение изменено в **натѣ** (*чудо о половчине*; в московском **на тѣ**); **намѣ** (*чудо о детице*, где ниже **намѣ**, и *чудо о злате*; в московском издании **на мѣ**), **на мѣ** (*Житие*; в московском **на мѣ**); **наны** (*ПМ*; в московском издании **на ны**).

Правка акцентуации в киевском издании представлена в словах разных частей речи. Особенно многочисленны акцентные различия у существительных и глаголов.

Имена существительные

В сказаниях о чудесах и в других произведениях неслужебной части «Николина жития» имеется большая группа разночастотных существи-

⁶ В следующем московском издании 1679 г. оттяжки ударения на предлог уже нет.

тельных, последовательно различающихся ударением. Среди них есть как производные, так и непроизводные имена, а также заимствования⁷: **болѣзнь** — **болѣзнь** (чудеса об Агрике, о половчине, о царе Стефане 1 и 2; *Житие*), **трапѣза** — **трапѣза** (чудеса об Агрике, о трех иконах, о царе Стефане 1; *Житие*; *Похвала 1*; *ПМ*), **юноша** — **юноша** (чудеса о юноше Николе, о муже, о монастыре), **оужасть** — **оужасть** (чудеса об Агрике, о срацине, о муже), **оужасти** — **оужасти** (чудо о Дмитрии), **степенъ** — **стѣпень** (*Житие*)⁸, **лѣтѣрѣа** — **лѣтѣрѣа** (чудеса об Агрике, о юноше Николе), **архімандриты** — **Архімандриты** (им.) (*ПМ*), **впатокъ** — **в Пятокъ** (*Житие*), **оутѣшитель** — **оутѣшій** (кустода) // **оутѣшитель** (чудо о Петре), **оутѣшителю** — **оутѣшителю** (чудо о злате), **избавитель** — **изба/витель** (*Житие*), **промысленика** — **промыслѣника** (*Житие*), **златникъ** — **златникъ** (чудеса о злате, о ковре; *Житие*; *Похвала 1*), **клеветницы** — **клеветницы** (им.) (*Житие*), **сткланница** — **сткланница** (чудеса об Агрике, о муже), **сѣницы** — **сѣницы** (им.), **сѣницъ** — **сѣницъ** (чудо о царе Стефане 2), **шѣница** — **шѣница** (кустода) // **шѣница** (*Житие*), **по прилѣчаю** — **по прилѣчаю** (*Житие*; ср. одинаковое послѣчаю в чуде о Петре), **милостыню** — **млѣтыню** (чудо о половчине), **млѣна** — **Млѣна**, **безмилостыни** — **безмлѣтыни** (*Житие*), **ходатаа** — **ходотѣа** (*Житие*), **ходатайствомъ** — **ходотѣйство**^М (тв.) (*Похвала 2*), **ѣллинствѣ** — **ѣллинствѣ** (*Житие*; ср. там же прил. **ѣллинскѣа** — **ѣллинскѣа**), **жилице** — **жилице** (*Житие*), **житіе** — **житіе** (чудеса о Петре, о ковре, о трех иконах, о половчине, о царе Стефане 1 и 2; *Житие*), **плодыже** — **Плоды же** (вин.) (*Житие*), **плоды** — **плоды** (вин.) (*Похвала 1—2* раза), **плода** — **плода** (*Житие*)⁹, **творецъ** — **Творецъ** (чудо о злате), **творца** (род.) — **Творца** (чудо о детице), **вражда** — **вражда** (чудо о царе Стефане 2), **срѣвствѣ** — **срѣвство** (*Житие*), **глы** — **глы** (им.?, вин.), **глаголы** — **глы** (вин., тв.) (*Житие*), **просфоры** — **Просфоры** (чудо о ковре), **копѣемъ** — **Копѣемъ** (тв.) (*Похвала 1*), **смѣа** — **смѣа** (род.) (*Житие*, *ПМ*), **владію** — **в ладію** (чудо о детице; ср. производное существительное **въ... ладіица** — **въ... ладіица**, **въ ладіица** — **въ ладіица** в чуде о срацине), **свободѣ** — **свободѣ** (чудо о царе Стефане 2), **по долгѣ** — **по долгѣ** (*Житие*), **нѣколико** — **нѣколико** (дней), **Нѣколико** — **Нѣколико** (же /дній) (чудо о половчине), **вочеловѣченіа** — **вочлѣвѣченіа** (чудо о половчине)¹⁰.

⁷ Здесь и далее частотные слова приводятся только в словарной форме: существительные в именительном падеже ед. ч., глаголы — в инфинитиве.

⁸ Последнее слово представлено следующими словоформами: **ѿ степенѣ** / **на степенѣ** — **ѿ степенѣ на** / **стѣпенѣ**; **степенѣмъ** — **стѣпенѣмъ**.

⁹ Без акцентного знака в киевском издании **плоды** — **плды** (тв.) (*Житие*).

¹⁰ Едва ли имеет другую акцентовку в киевском издании существительное **Икона**. В нем над начальной гласной стоит исо, в котором оксия может не быть иктусной; в московском издании слово последовательно акцентуировано: **иконѣ** — **Иконѣ** (чудо о юноше Николе 3 раза, чудо о половчине), **три** ... **иконы** — **три**

Правка ударения в киевском издании в одних словоформах обусловлена тем, что в акцентных микросистемах изданий существительные относятся к разным акцентным парадигмам: **житіє, плодъ, творецъ, вражда, глаголъ, просфора, копіє, смій** — см. [Зализняк 2014: 232, 462, 582, 157, 496, 189, 231, 241]. У других слов правка отражает новое ударение, иногда тоже соответствующее другой а. п.: **Архімандриты, Пáтокъ, оутѣшитель, ѡзбавитель, златникъ, сѣница, ходотай, сѣрѣство** [Там же: 526, 491, 549, 478, 204, 235, 428]. В московском издании появилось новое ударение у слова **шѣница** [Там же: 207].

Некоторые акцентно различающиеся слова характерны соответственно для восточной и западной зоны: **трапѣза — трапѣза, жилище — жылище** [Зализняк 1985: 225, 289]. Ударение **бѣлѣзнь, юноша, житіє** отмечается в других близких по времени старопечатных книгах, изданных на той же территории, в частности, в первом томе «Книги житий святых» Димитрия Ростовского, вышедшем в 1711 г. (второе изд.) в той же Киево-Печерской лавре: **лежѣ въ бѣлѣзни** (Житие Арефы Печерского). Некоторые акцентные варианты киевского издания «Николина жития» встречаются и в великорусских источниках: **литѣргіа, прилѣчай, ѣллинство** [Зализняк 2014: 593, 236, 431].

Особую группу среди производных составляют имена существительные на *-ние*, у которых акцентные различия связаны с тематизацией ударения в производящих глаголах в киевском издании: **слышаніє — слышаніє** (чудо об Агрике), **слышаніа — слышаніа** (чудо о злате), **на слышаніє — на слышаніє** (2 раза), **слышаніє — слышаніє** (чудо о ковре, ПМ), **въ срѣтеніє — въ / стрѣтеніє** (ПМ), **воздвигеніа — Воздвигеніа** (Житие), **въ поканіи — въ поканіи** (чудо о Петре); возможно, **надѣаніє — надѣаніє** (чудо о злате), **сѣатела — сѣатела** (Житие) и др. При этом отмечаются словоформы с одинаковым ударением: **послѣшаніє¹¹ — послѣшанієм** (чудо о царе Стефане 1), **видѣніє** (чудо о царе Стефане 1 и 2), **оукрашеніє** (чудо о трех иконах), **раздааніємъ** (Похвала 1), с новым ударением **ѡве/рзѣніа — ѡ ве/рзѣніа** (род.) (Похвала 1).

Видимо, такова же причина правки ударения в **плаваніємъ — пла/в́аніємъ** (чудо о муже), **плаваніє — плаваніє** (вин.), **Плаваніа — Плаваніа**, **плаваніа — плаваніа** (Житие), хотя глагол **плавати** с тематизацией ударения в неслужебной части «Николина жития» не отмечен¹¹.

ѡконы, три ѡконы — три ѡконы, ѡконы — ѡконы (вин.), **ѡконами — ѡконами, ѡ ѡконы — ѡ ѡконы** (чудо о трех иконах). При этом имеются словоформы с одинаковым ударением в обоих изданиях: **ѡконы — ѡконы, сѣд ѡконѣ — сѣю ѡконѣ, ѡконы — ѡконы** (род.) (чудо о трех иконах). Неясна акцентная парадигма существительного **сѣрдце**. В московском издании оно, скорее всего, акцентуировано по а. п. *с*; в киевском издании слово может относиться к а. п. *в* или *с*. Оно печатается с выносной буквой и не имеет акцентного знака: **сѣрдце — сѣрдце** (чудеса об Агрике, о юноше Николе), **сѣрдѣ — сѣрдѣ** (вин.) (чудо о злате, Житие).

¹¹ Новое ударение **плаванію** есть в Чуд., а тематизация ударения у глагола отмечена в Хлын. [Зализняк 2014: 223, 254] (сокращения даны по цитируемой книге).

Изменение ударения в киевском издании можно предполагать у существительных **моли́тва** и **це́рковь**, однако различия отмечены только в формах мн. ч. при стандартном написании под титлом форм ед. ч.¹²: **мѣтвами** — **мѣтва́ми**; **ѡмѣтвахъ** — **въ** / **мѣтвахъ** (*чудо о Петре*), **мѣтвами** — **мѣтва́ми** (*чудеса о царе Стефане 1 и 2, о половчине*), ср. производное прилагательное **моли́твенный** — **мѣтвенный** (*чудо о царе Стефане 1*); **цѣрква́мъ** — **цѣрква́мъ** (*Похвала 1*), **цѣркви же** — **цѣркви́же** (вин.) (*ПМ*) при формах ед. ч. **цѣркви** — **цѣркви** (дат., местн.) (*чудо о злате*). Об акцентуации слова **це́рковь** (**це́ркы**) в целом и в отдельных формах (**це́рковъ**, **це́рковью**) см. [Зализняк 2014: 537].

У существительного **имѣ** по-разному акцентуированы формы именительного и винительного падежей ед. ч.: **ѡмѣ** — **ѡмѣ́** / **ѡмѣ́** (*чудеса об Агрикее, о Дмитрии, о злате, о срацине, о царе Стефане 1; Житие; ПМ*). В остальных формах ударение, видимо, одинаковое: **ѡмѣнемъ** (*чудеса о Симеоне, о ковре*), **ѡмѣна́**, **поѡмѣни** — **поѡмѣни** (*Житие*). Ударение **имѣ** отмечается в староукраинском и старобелорусском языках [Зализняк 1985: 225] и в великорусских памятниках [Зализняк 2014: 597].

У нескольких существительных в киевском «Николине житии» отмечено колебание ударения, то есть на фоне словоформ с одинаковой акцентуацией в обоих изданиях в книге 1680 г. встретилось иное ударение:

мѣчникъ — **мѣчникъ** (*чудо о попе Христофоре, 5 раз*). Слово есть только в этом тексте, причем в киевском издании имеются словоформы с ударением на корне **мѣчникъ** (2 раза), **мѣчника** — возможно, следы московского оригинала;

вѣтрило — **вѣтрило** (*чудо о Симеоне*). Суффиксальное ударение является новым [Зализняк 2014: 439]. Оно встретилось один раз. В остальных сказаниях (*чудеса о Дмитрии, о муже*) в киевском издании ударение такое же, как в московском: **вѣтрило**, **вѣтрила**, **вѣтриловъ**. То же самое в *Житии*: **вѣтрила** — **вѣтрила**; **вѣтрила** (вин.);

помѣщникъ — **помѣщникъ** (*чудо о Дмитрии*). Такое ударение в киевском издании отмечено только в этом сказании; оно встречается в псковском источнике [Зализняк 2014: 481]. Слово частотное, и обычно оно имеет одинаковое ударение **помѣщникъ** в обоих изданиях (см. *чудеса о злате, о ковре, о половчине*);

корабленицы — **корабленицы** (*чудо о Симеоне*). Такое же ударение **корабленицы** в киевском издании встретилось в *Житии* в «Чуде св. Николая, како избавил корабль от потопа»: **корабленицы** — **Корабленицы**¹³. Однако в другой главе того же *Жития* («О шествии в Палестину») в киевском издании акцентуация слова совпадает с московской, правда, в других формах: **Корабленицы**, **ѡ Корабленикъ**, **корабленико**^М (дат.), **съ** / **корабленики**, **кораблениковъ**. Ср. **Корабленаго древа**, **корабленикъ потребы**;

¹² См., например, **моли́твою** — **мѣтвою** (*чудо о ковре*).

¹³ Оно встречается в великорусском памятнике [Зализняк 2014: 474].

злѡба — злѡба̀, злѡбѣ́ — злѡбѣ́ (дат.) (*Житие*), хотя есть примеры с одинаковым ударением в обоих изданиях злѡбы — злѡбы, на злѡбѣ́ — на злѡбѣ́ (*Житие*);

ѡ́ вѣсѣ́дѣ — вѣсѣ́дѣ (чудо о царе Стефане 1) при одинаковом ударении вѣсѣ́дѣ (*Житие*).

У слова **вечера**, напротив, на фоне регулярного разного ударения **вѣчерѧ** — **вечѣрѧ** один раз отмечено одинаковое **вѣчерѧ**: на вѣчерѧ — на вѣчерѧ; вѣчерю — вѣчерѣ (чудо о трех иконах), на́вечерю — навечѣрю (ниже ѡ́ годѣ вѣчерѧ — ѡ́ годѣ вѣчерѧ); на вѣчерѧ — на вѣчерѧ (чудо об Агрике); на вѣчерѧ — на вѣчерѧ (чудо о муже). Не исключено, что **вѣчерѧ** осталось от московского оригинала.

В киевском издании после акцентной правки оказалась непростая картина акцентуации существительных а. п. *b*. Вероятно, имеет место дефинализация ударения, а в некоторых формах — его выравнивание, хотя иногда нельзя исключить другую акцентную парадигму слов.

С большей или меньшей вероятностью дефинализацию ударения можно предполагать для хорошо засвидетельствованных слов, таких как **часѣ**, **пѣть**, **глава** и некоторых других. Частотная форма **чѧса** (род. ед. ч.), **чѧсы** (вин. мн. ч.) или **чѧсѣ́** (местн.) в киевском издании соответствует словоформам с флексийным ударением в московском издании (*чудеса о попе Христофоре, о Петре, о злате, о Симеоне, о срацине, о муже, о царе Стефане 2*). Флексийного ударения в этом слове в неслужебной части «Николина жития» не встретилось.

Только наосновное ударение имеется в киевском издании в словоформах **сѣрдѡмѣ** — **сѣ́ сѣрдѡмѣ**, **ѡ́ сѣрдѡ** — **ѡ́ сѣрдѡ**, **сѣрдѡвѣ** — **сѣрдѡвѣ**, **ѡ́ сѣрдѡ** — **ѡ́ сѣрдѡ** (*чудеса о злате, о юноше Николе, о ковче, о царе Стефане 2*), **сѣрдѡ** — **сѣрдѡ**, **сѣрдѡ** — **сѣрдѡ** (вин.), **сѣрдѡ** во **кѣ** сѣрдѡмѣ — **Сѣрдѡ** во **кѣ** сѣрдѡмѣ (*Житие*)¹⁴; **сѣрдѡмѣ** — **сѣрдѡмѣ** (тв.) (*чудо о Петре; ПМ*), **сѣрдѡ** — **сѣрдѡ** (*Житие 2* раза). Здесь вероятна дефинализация и обобщение сдвинутого ударения¹⁵. Возможно, сюда же **щитѡмѣ** — **щитѡмѣ** (тв.) (*Похвала 1*), **пѡстѣ** — **пѡстѣ** (дат.) (*чудо о Петре*), **вождѣмѣ** — **вождѣмѣ** (дат.) (*чудо о царе Стефане 2*), хотя наосновное ударение у второго и третьего слова отмечается и в великорусских источниках; см. [Зализняк 2014: 530, 541].

У остальных слов отмечается колебание ударения. Существительное **пѣть** в родительном, дательном и местном падежах в киевском издании

¹⁴ Такое же наосновное ударение имеется в первом томе второго издания (1711 г.) «Книги житий святых», опубликованной в Киеве: **сѣрдѡ**, **сѣ́ великимѣ сѣрдѡмѣ**, **сѣ́ велики́ сѣрдѡмѣ** (Житие Павла Препростого), **безъ сѣрдѡ** (Страдание св. мученика Арефы), **по сѣрдѡ** (Житие Арефы Печерского). Не относилось ли это существительное к а. п. *a*?

¹⁵ Наосновное ударение у обоих слов встречается в великорусских памятниках; см. [Зализняк 2014: 464, 465]. У существительного **сѣрдѡ** не исключена а. п. *a*.

имеет наосновное ударение пѣти; в московском издании флексивное ударение пѣти (чудеса о Дмитрии, о Симеоне, о юноше Николе, о трех иконах, о монастыре, о царе Стефане 2; Житие; Похвала 1). Однако в Житии в киевском издании встретилось пѣти. В творительном падеже в обоих изданиях флексивное ударение пѣтѣмъ (чудо о монастыре). У существительного глава наряду с формами с вероятной дефинализацией есть словоформы с флексивным ударением: главѣ — Главѣ (чудо о злате; Похвала 1); главѣ — главѣ (чудо о царе Стефане 2); глава — глава, главѣю — главѣю (чудо о половчине) при главѣ (чудо о злате), главы (род.) (чудеса о Дмитрии, о детице), над главѣю — на Главѣю (чудо о трех иконах). У слова корабль флексивное ударение представлено в разных формах, в том числе и в местном падеже ед. ч.: корабль, близъ корабль — близъ Корабль, въ корабль — въ / Корабль, въ корабль — въ Корабль, въ корабль — въ Корабль, кораблю — Кораблю, въ корабль — въ корабль, въ корабль (чудеса о Дмитрии, о Симеоне, о трех иконах, о муже; Житие; Похвала 1). И только в чуде о Дмитрии встретилось въ ко/рабль — въ Корабль, кораблю — кораблю. У слова среда в обоих изданиях имеется флексивное ударение на средѣ цркви (Житие) при Ѡсредѣ — Ѡсредѣ (чудо о царе Стефане 1; Житие), на/средѣ — насредѣ (чудо о царе Стефане 2; аналогично у производных предлогов).

У частотных существительных ж. р. страна, хвала, похвала в киевском издании встретилось только наосновное ударение при флексивном в московском издании: вѣ... странѣ — въ... странѣ, во странѣ — въ странѣ, на странѣ — на странѣ, на Ѡнѣ странѣ — на Ѡнѣ странѣ, страна — страна, страны — страны (род.), странѣ — странѣ (дат.), в... странѣ — в... странѣ, странамъ — страна, во... странѣ — въ... странѣ, во... странѣ — въ странѣ, на странѣ — на странѣ и др. (чудеса об Агрике, о попе Христофоре, о Симеоне, о срацине, о детице, о царе Стефане 1 и 2, о муже, о монастыре; Житие; Похвала 1); хвалѣ — Хвалѣ, хвалѣ — хвалѣ, хва/лѣ — хвалѣ (чудеса о Петре, о Дмитрии, о срацине, о детице, о муже; Житие; ПМ); эпохвалами — ѣ похвалами (так!), похвалами — пухвалами, похвалами — похвалами, въ похвалѣ — въ похвалѣ, похвалы ради — похвал ради, похвала — похвала (чудеса о ковче, о трех иконах; Житие; Похвала 1). У этих существительных можно предполагать устойчивую (лексикализованную) дефинализацию, если только в киевском издании они не относились к другой акцентной парадигме.

Более гипотетично предположение о дефинализации ударения в редко фиксируемых словах а. п. b: въ татѣвѣ — въ татѣвѣ (чудо о злате), царю — Царѣ, царю — Царю, црю — Царѣ (3 раза) (зв.) (Житие), молвы — мѣлвы (вин.) (Житие), ср. другие формы: молвами — мѣлвами (Житие), молвами — мѣлвами (Похвала 1), молвѣже — мѣлѣ же (чудо о муже), пвалки — пвалки (вин.) (Похвала 1), полцы (им.) (чудо о царе Стефане 2). Возможно, сюда же въ галлю — въ Галлю (чудо о срацине) и формы именительного и винительного падежей существительных слѣга и жена, у которых в других формах осталось флексивное ударение: слѣги — слѣги

(им.) при **слѣга** (чудеса о трех иконах, о царе Стефане 2), **слѣгамъ** (чудо о злате), **жены** — **Жѣны** (им. и вин.) (Житие, ПМ — по 2 раза) при одинаковом ударении **жѣно** (чудо о ковре), **женами** (Житие) и в других формах (чудеса о ковре, о срацине, об Агрике, о Петре). У славянизмов наосновное ударение может быть книжным: **брады** — **брáды** (род.) (чудо о Дмитрии), **стѣда** — **стѣда** (чудо о царе Стефане 2), **срѣвrà** — **срѣвѣра** (чудо о муже, Похвала 1), **млекà** — **млѣка** (Житие), **бразды** — **брáзды** (вин.) (ПМ).

Неясно, можно ли связывать с дефинализацией наосновное ударение в киевском издании в словоформе **врачѣмъ** — **врáчѣмъ** (дат.) при **врáчѣеве** в обеих книгах (чудо о юноше Николе)¹⁶.

Дефинализация ударения в киевском издании отмечается на фоне ее отсутствия у других существительных а. п. *b*; ср. оканчивающиеся на гласные разные формы слов **винò** (чудеса об Агрике, о ковре, о трех иконах, о муже), **свѣщà** (чудеса об Агрике, о юноше Николе и др.), **бѣдà** (чудеса о Дмитрии, о Петре, о юноше Николе, о злате), **рабѣ** (чудеса о ковре, о Симеоне, о злате), **мечь**, **попѣ** (чудо о попе Христофоре), а также словоформы **конà** (чудеса о злате и о половчине), **дворà** (чудо об Агрике), **лѣкнì** (род.) (чудо о срацине), **торгà** (чудеса о ковре, о злате)¹⁷, **числà** (чудо о ковре), **коврà** (чудо о ковре), **животà** (чудеса о Симеоне, о ковре), **женнхѣ** (Житие) и др.

В форме местного падежа мн. ч. **во ѱлмѣхъ** — **въ ѱáлмѣхъ** (ПМ) в московском издании представлено новое ударение, а в киевском возвращено прежнее; см. [Зализняк 2014: 14].

Разное ударение (флексионное — наосновное) оказалось в слове а. п. *b* **стрѣами** — **стрѣамнì** (Житие).

Правка акцентуации на западный вариант представлена в форме дательного падежа мн. ч. существительного ср. р. а. п. *b* **вѣсламъ** — **вѣслáмъ** (чудо о Симеоне) при **вѣслò** (Житие), **вѣсла** — **вѣсла** (вин.) (чудо о Дмитрии) в обоих изданиях. См. [Зализняк 2014: 14]. В словоформе **по... сѣлw** — **по... сѣлw^м** (ПМ) изменения нет. На западный вариант ударение изменено в форме мн. ч. **лицà** — **Лицà** (Житие)¹⁸ [Там же].

Наосновное ударение московского издания заменено в киевском на флексионное в словоформе с новой флексией **стражей** — **стражѣй** (чудо о срацине 2 раза).

У существительных а. п. *c* словоформы с разным ударением представлены слабо. Как кажется, правка акцентуации в киевском издании прежде всего затронула формы косвенных падежей имен м. р. (ò-склонения и ÿ-склонения):

¹⁶ Как результат дефинализации отмечается **врачю** (зв.) [Зализняк 2014: 585].

¹⁷ См. в чуде о ковре сохранение ударения в существительном при его правке в предлоге: **посредѣ торгà** — **посредѣ торгà**.

¹⁸ Следует отметить отсутствие дефинализации в формах ед. ч. этого слова: **лицè** (чудо о Петре), **лицѣ** (чудо об Агрике), **лицà** (Житие).

дрѣги (вин.) (чудо о муже), \bar{W} дрѣгѣвъ — \bar{W} дрѣговъ (Житие), дрѣгѣмъ — дрѣгомъ (дат.) (чудо об Агрике);

рѣды — рѣды (вин.) (чудо о царе Стефане 2), рѣды (Похвала 1);

крѣги (Похвала 1);

во... дѣмы, въ дѣмы при редакторской правке в̑ дѣмъ (Житие) в киевском издании; дѣмы (ПМ);

дѣры (2 раза; вин.), дарѣвъ — дарѣвъ (чудо о царе Стефане 2), дарѣвъ — дарѣвъ (2 раза; чудо о половчине), дѣры (тв.) (чудо о срацине; Похвала 2), ѡдарѣхъ — ѡ дарѣхъ (Похвала 1);

во ѡбразѣхъ — въ ѡбразѣхъ (ПМ);

звѣрѣмъ — звѣрѣмъ (чудо о царе Стефане 2);

кнѣзи — Кнѣзи (им.) (Похвала 2), кнѣземъ — Кнѣземъ (дат.) (чудо о половчине), кнѣей — Кнѣей (ПМ), кнѣзю — Кнѣзю, кнѣзь — Кнѣзь (чудо об Агрике), кнѣа — Кнѣа (ПМ);

на вѣсы — на вѣсы (Житие), вѣсы (вин.) (ПМ), вѣсѣмъ (дат.) (Житие);

вѣлки — вѣки // (им.) (чудо о царе Стефане 1) при одинаковом вѣлки (вин.) (Похвала 1);

власы — власы (вин.) (чудо о детище, Житие 2 раза) при власы — Власы (чудо о Дмитрии);

градѣ (вин.) (ПМ), с акцентным знаком только в киевском издании по... градѣ^М — по... Градѣмъ (ПМ), хотя в московском издании можно предположить флексивное ударение, не поставленное из-за выносной буквы.

По этим немногочисленным примерам видно, что предпринятая в киевском издании акцентологическая правка реализует тенденцию к наосновному ударению этих существительных в разных формах. Ср. к̑ ѣретикѣ^М — к̑ ѣретикѣмъ (чудо о царе Стефане 1), к̑ ѣретикѣмъ — к̑ ѣретикѣ^М (чудо о царе Стефане 2). В именительном и винительном падежах в обоих изданиях ударение наосновное. Из этой схемы выпадают кнѣзи — Кнѣзи, на вѣсы — на вѣсы, вѣсѣмъ, вѣлки — вѣки и славянизм власы — власы. Отступления есть как в московском издании, так и в киевском.

Та же тенденция к изменению ударения с флексивного, каким оно было в московском издании, на наосновное реализована в акцентуации косвенных падежей существительного pluralia tantum мощи: мѣщи — Мѣщи (им.) (Житие), мѣщи — Мѣщи (вин.) (ПМ), мѣщи — Мѣщы (им.) (ПМ), мѣщы — Мѣщи (им.) (ПМ), мѣщей — Мѣщей (Житие; Похвала 2; ПМ — неоднократно), мѣщей — Мѣщей (ПМ — неоднократно), мѣщѣ^М — мѣщѣ^М (чудо о царе Стефане 2), с правкой окончания ѣ мѣщѣмъ — съ Мѣщѣми (ПМ).

У существительного мѣжъ в винительном падеже мн. ч. в московском издании ударение наосновное, в киевском — наосновное и флексивное: трѣ мѣжы — трѣ мѣжѣ (чудо о попе Христофоре; Житие), трѣ мѣжы — трѣ мѣжы, трѣ мѣжи — Трѣ мѣжѣ, на мѣжи — на мѣжѣ, на мѣжи — на мѣжѣ (Житие), мѣжи — мѣжѣ (ПМ), трѣ ... мѣжы (чудо о детище), трѣ

мѣжы — три **мѣжи**, **мѣжи** (им.)¹⁹, **Мѣжи**, **мѣжы** — **мѣжи** (*Житие*). Колебание имеется также в род.-винительном падеже мн. ч. с новым окончанием: **Мѣжѣй** — **мѣжѣй** (*Житие* 3 раза), **мѣжѣй** — **мѣжѣй** (*Житие*). В дательном и местном падежах мн. ч. в обоих изданиях одинаковое флексийное ударение: **Мѣжѣмъ** — **Мѣжѣмъ**, **мѣжѣмъ** — **мѣжѣмъ**, **къмѣжѣмъ** — **къмѣжѣмъ**, **ѡмѣжѣхъ** — **ѡмѣжѣхъ** (*Житие*). Таким образом, основные изменения в акцентуации в киевском издании сделаны в винительном падеже, и в итоге в этой форме ударение колеблется. В целом в парадигме мн. ч. слова **мѣжъ** преобладает флексийное ударение, что отличается от акцентуации других существительных а. п. с киевского издания.

Слово **люди** имеет акцентологическую правку в форме дательного падежа мн. ч.: **людѣмъ** — **людѣмъ** (*чудо об Агрике*), **людѣмъ** — **людѣмъ** (*чудо о царе Стефане 2*), **людѣмъ** — **людѣмъ** (*чудо о муже; Похвала 1; ПМ*). Без акцентного знака в киевском издании **налюдѣхъ** — **на людѣхъ** (*ПМ*), хотя при выносной букве здесь можно предположить флексийное ударение. В остальных формах ударение одинаковое: **людѣй** (*чудо о царе Стефане 1*), **людѣй** — **людѣй** (*чудо о половчине*), **людѣе** — **людѣе**, **на... люди**, **людми** (*чудо о царе Стефане 2*).

В акцентуации форм местного падежа ед. ч. имен существительных ж. р. -ѣ-склонения реализуется противопоставление: в восточной зоне (и в московском издании) флексийное ударение, в западной зоне (и в киевском издании) наосновное ударение: **въ честѣи** — **въчѣсти** (*ПМ*), **внощѣи же** — **внощѣи же** (*чудо о Симеоне*), **въ ношѣи** — **въношѣи** (*чудо о половчине*). Без акцентного знака в московском издании **во / плоти** — **воплѣти** (*Похвала 1*). При этом форма местного падежа на -у существительного м. р. **въ домѣ** имеет одинаковое ударение в обоих изданиях (*чудеса о трех иконах, о срацине, о муже, о детище*).

В акцентуации существительных **ръка** и **нога** в киевском издании, видимо, имеет место дефинализация ударения. У первого слова она отмечается в формах дв. ч.: **въ рѣкѣ** — **въ рѣкѣ** (местн.) (*чудо об Агрике*), **въ рѣкѣ** — **въ рѣкѣ** (*чудо о царе Стефане 2* — 2 раза, однако ниже в обоих изданиях **въ рѣкѣ ѡмыѣи**), **ѡ рѣкѣ** — **ѡ рѣкѣ** (*чудо о попе Христофоре 3* раза). В ед. ч. сдвиг ударения отмечается реже: **въ рѣцѣ** — **въ рѣцѣ** (**вѣѣи**) (местн.; или здесь изменение формы?), **въ рѣцѣ** — **въ рѣцѣ** (*Житие*) при **въ... рѣцѣ** — **въ рѣцѣ**, **въ рѣцѣ** (местн.) (*чудеса о царе Стефане 2, об Агрике*), **на рѣцѣ** (*чудо о детище*), **ръки** (род. ед.?) (*чудо о ковре*)²⁰. У малочастотного слова **нога** сдвиг ударения влево также имеется в дв. ч.: **междѣ ногѣ** — **междѣ ногѣ** (*чудо о половчине*), **на ногѣ** — **на ногѣ** (вин.) (*Житие*).

¹⁹ Последняя словоформа входит в словосочетание, во втором слове которого в киевском издании есть правка: **мѣжи ѡ жены** — **мѣжи ѡ жѣны**.

²⁰ Остальные формы вполне обычны: **ръкѣ** (вин.) (*чудо о Петре*), **ръцѣ** (вин.) (*чудо об Агрике 3* раза), **въ рѣкѣхъ** — **въ рѣкѣхъ** (*чудо о Дмитрии*), **ѡ рѣкѣ** — **ѡ рѣкѣ** (*чудо о Симеоне*), **ръкама** (*чудеса об Агрике, о юноше Николе, о Симеоне; Житие*).

Другое ударение в киевском издании появилось в винительном падеже существительного **зѣмля**: **на зѣмлю** — **на зѣмлю** (*Житие, чудо о царе Стефане 2*) при **на зѣмлю** — **на зѣмлю** (*Житие*).

Правка ударения сделана в словоформе **въ... временѣхъ** — **въ... вре́менѣхъ** (*чудо о попе Христофоре*). Флексивное ударение, которое было в московском издании и встречается реже [Зализняк 1985: 283], в киевском издании сменила обычная энклиноменная акцентовка.

Имена существительные ж. р. с суффиксом *-от(a)* в акцентном отношении образуют две подгруппы: в одну входят слова с одинаковой акцентуацией в обоих изданиях, в другую — с разной. Одинаковое ударение имеют: **высотѣ**, **навысотѣ** (*чудо о царе Стефане 1; Житие, Похвала 2*), **во... тѣснотѣхъ**, **тѣснотѣ** (*чудеса о Петре, о царе Стефане 1*), **теплотѣ** (*чудо о царе Стефане 1*), **нищетою**, **нищеты**, **къ нищетоу** — **къ нищетоу**, **нищетоу**, **нищеты** (*чудеса о половчине, о царе Стефане 2; Житие*), **широтѣ**, **широтѣ** (местн.) (*чудеса о половчине и о царе Стефане 2*), **вѣлпотѣ**, **лѣпоты** (*Житие*), **красоты** (род.), **красотѣ**, **красотѣ** (дат.) (*Житие*), **простотою** — **прѣстотою** (*Похвала 1*), **ѡстротою** (*Похвала 1*), **чистотоу** — **чѣтотоу**, без акцентного знака в киевском издании **чистотою** — **чѣтотою** (*Житие*), **слѣпотою** (*Похвала 2*).

Группа слов с разным ударением представлена тремя существительными с суффиксом *-от(a)*: **доброты** — **доброты** (род. ед. ч., вин. мн. ч.), **добротоу** — **добротоу**, **добротѣ** — **добротѣ**, **къ... добротоу** — **къ / ... добротоу**, **добротами** — **добротами** (*чудо о царе Стефане 2; Похвала 1 и 2; Житие*); **щедроты** — **щедроты** (им.), **щедротѣ** — **щедротѣ** (*чудо о половчине; Житие*); **ѡ работы** — **ѡ работы**, **работѣ** — **работѣ**, **работы ради** — **работы ради** (*чудеса о злате, о Симеоне, о муже*). Неясна акцентуация слова **сирота**, представленного словоформами **сиротами** — **сиротами** (*чудо о злате*).

Разное ударение имеют существительные с суффиксом *-ин(a)*. В паре **сѣдина** — **сѣдина** (*Житие*), **сѣдинѣ** — **сѣдинѣ** (*ПМ*) новая акцентовка по а. п. *b* представлена в московском издании, а в парах **хлѣвины** — **хлѣвины** (род.) (*чудо о Дмитрие*) и **по кончинѣ** — **по кончинѣ** (*чудо о муже*), хотя **кончины** (род.) (*чудо о детище*) — в киевской книге 1680 г.²¹ Ударение в паре **храминѣ** — **храминѣ**, **храминѣ** — **храминѣ**, **въхраминѣ** — **въхраминѣ**, **храмины** — **храмины** (род.) (*чудеса о Дмитрие, о злате, о муже; Житие*) характерно соответственно для восточной и западной зоны [Зализняк 1985: 225]. Часто встречающееся существительное **глубина** акцентуировано одинаково в обоих изданиях.

²¹ Акцентовка по а. п. *b* представлена в первом томе второго киевского издания (1711 г.) «Книги житий святых» Дмитрия Ростовского: **на кончинѣ**, **прежде кончинѣ** (*Житие Андрея Юродивого*), **кончинѣ** (+1), **до кончины**, **кончины** (*Страдание св. мученика Арефы*).

Колебание ударения отмечено в киевском издании у слова **пѣчина**. Это частотное существительное обычно имеет в обеих книгах одинаковое новое ударение **пѣчина**: **ѡпѣчинѣ** — **ѡ пѣчинѣ**, **ѡ пѣчинѣ** — **ѡ пѣчинѣ**, **ѡ пѣчинѣ**, **пѣчинѣ**, **на... пѣчинѣ**, **пѣчиною** (*чудеса о Дмитрии, о муже; Житие* — 4 раза, *Похвала 1*)²². На этом фоне встретилось флексийное ударение: **ѡ пѣчинѣ** — **ѡпѣчинѣ** (*чудо о трех иконах*), **ѡпѣчинѣ** — **ѡпѣчинѣ** (*Житие*), **пѣчина** — **пѣчина** (*Житие*, глава «Сказание о трех мужах»).

Одинаковое ударение отмечено у слова **тишина**: **ѡтишинѣ**, **тишинѣ** (род.), **ѡ тишинѣ** (*Житие; Похвала 1*).

В киевском издании ударение было изменено в некоторых приставочных производных существительных.

В акцентуации имен м. р. картина достаточно разнородная. В этой группе очень хорошо представлены существительные **народъ** и **ѡтрокъ**, менее репрезентативно существительное **законъ**. У всех слов в московском и киевском изданиях разные ударения: **сѡ ѡтроки** — **сѡ ѡтрѡки**, **ѡтрокѡмъ** — **ѡтрѡкмъ** (дат.), **ѡтроцы** — **ѡтрѡци** (им.), **ѡтрока** — **ѡтрѡка** (род.-вин.), **ѡтрокъ** — **ѡтрѡкъ**, **ѡтрокъ** — **ѡтрѡкъ**, **ѡтрока** — **ѡтрѡка** (род.-вин.), **ѡтрокѡ** — **ѡтрѡкъ** (2 раза) и др. (*чудеса об Агрике, о злате, о срацине, о монастыре; Житие*); **нарѡды** — **нарѡды** (вин.), **ѡнарѡда** — **ѡ нарѡда**, **нарѡда** — **нарѡда**, **нарѡдъ** — **нарѡдъ**, **нарѡдъ** — **Нарѡдъ**, **Нарѡди** — **Нарѡды** (им.), **нарѡдъ** — **нарѡдъ** (вин.), **ѡ на/рѡдъ** — **ѡнарѡдъ** (*чудеса об Агрике, о девице; Житие; ПМ*); **законъ** — **законъ** (вин.), **ѡзаконѣ** — **ѡ законѣ**, **позаконѣ** — **по законѣ**, **законѡмъ** — **законѡмъ**, **законѡ** — **законѡ** (вин.) (*чудеса о срацине, о половчине, о царе Стефане 2; Житие*). Отступлений от такой акцентовки не отмечено, за исключением **нарѡди** — **на рѡди** (им.) (*ПМ*, л. Ѡд, Ѡѣ). Акцентовка **ѡтрокѡ** характерна для западной зоны [Зализняк 1985: 289]; **нарѡдъ** имеется в старобелорусском языке [Там же: 225]. Производное прилагательное от слова **народъ** имеет одинаковое ударение в обоих изданиях: **нарѡдное** (*Житие*). У прилагательного, образованного от существительного **законъ**, и у наречия сохраняется разное ударение: **законѡнѡ** — **Законѡнѡ**, **законѡнѡ** — **законѡнѡ** (*Житие*); ср. акцентуацию причастия **ѡзаконѡнаѡ** — **ѡзаконѡнаѡ** (вин. субст.) (*Житие*).

Разное ударение отмечено также у существительного **причетъ** — **причетъ** (им.) (*ПМ*), которое встретилось один раз.

У слова **воздѡхъ** в киевском издании ударение колеблется. В *Житии* оно сначала встретилось с одинаковым ударением **на воздѡхъ**, затем с разным **на воздѡсѣ** — **на вѡздѡсѣ**²³.

²² Исконное ударение **пѣчина**; см. [Зализняк 2014: 181].

²³ Такое же колебание имеется в «Книге житий святых» Димитрия Ростовского (т. 1, 1711 г.): **по вѡздѡхѡ**, **по воздѡхѡ**, **на воздѡсѣ**, **на вѡздѡсѣ** (*Житие Андрея Юродивого*), **воздѡхѡ** (*Страдание св. мученика Арефы*).

Приставочное существительное **йскѹпъ**, находящееся только в *чуде о половчине*, в московском издании имеет ударение на первом слоге. В киевском издании слово сначала напечатано точно так же — с *исо* над первой буквой, но здесь этот знак может не быть иктусным. На л. **Чѣ**, об. киевского издания появилось **йскѹпъ**, **йскѹпѣ**.

Другие существительные этой группы, представленные одним-двумя примерами, имеют одинаковое ударение: **сосѣдомъ** — **сосѣдомъ** (дат.), **сосѣды** (вин.), **сосѣди** — **сосѣды** (им.), **сосѣдомъ** — **сосѣдомъ** (дат.), **Сосѣди** — **Сосѣды** (*чудеса об Агрике, о муже, о Дмитрии*), **прѣмыслѣ** (*чудо о царе Стефане 2*), **навѣтомъ** (тв.), **навѣта** (род.) (*чудо о царе Стефане 1; Похвала 1*), **вѣзраста** (род.) (*чудо о царе Стефане 1*), **рѣзѣмы** (им.), **рѣзѣмомъ** (тв.) (*чудеса о царе Стефане 1, о трех иконах*), **собѣръ** — **собѣръ**, **собѣръ** (*чудо о трех иконах*), **на приплѣдѣ**, **завѣтъ** (*чудо о ковре*), **Ѡ потѣпа**, **въ залѣгѣ**, **Ѡ притвѣръ** — **въ / притвѣръ** (*Житие*), **помѣстѣ** (вин.) (*ПМ*), **пѣдвигѣ** (*чудо о царе Стефане 2*), **Ѡблацы** — **Ѡблаци** (*чудо о Симеоне*) и др.

По-разному (соответственно а. п. *a* и *c*) и без отступлений акцентуировано существительное с приставкой *не-* **недѣгъ** — **недѣгъ** (*чудеса о злате, о трех иконах; Житие; ПМ*)²⁴.

Производные приставочные существительные ж. р. *-ѣ*-склонения представлены слабо, поэтому целостная картина их акцентуации не складывается. Одинаковое ударение в обоих изданиях отмечено у слов **прѣлестѣ**, **пѣкостѣ** — **пѣкостѣ** (*Житие*), **по...** **пѣчести**, **пѣчести** (вин.) (*чудо о трех иконах; Житие*), **къ постѣли** (*чудо о царе Стефане 2*), **сѣвѣстѣю** (*Житие*), **прѣповѣдѣ** — **прѣповѣдѣ** (*чудо о царе Стефане 2*), **пѣвѣстѣ** (*чудо о царе Стефане 1*). При одинаковом **зѣвѣстѣ**, **зѣвѣсти** (дат.) (*чудо о царе Стефане 1; Житие*) в производном прилагательном ударение изменено: **Зѣвѣстныѣ...** **Ѡчи** — **Зѣвѣстныѣ...** **Ѡчи** (им.) (*Житие*). Разное ударение у слова **нѣнавѣстѣ** — **нѣнавѣстѣ** (*чудо о царе Стефане 1*). У существительного **напѣстѣ** колебание ударения: **напѣсти** — **напѣсти** (2 раза; *чудо о злате*), **Ѡ напѣсти** — **Ѡнапѣсти** при одинаковом **Ѡнапѣсти** (*Житие*).

Существительное **пѣмощѣ** обычно акцентуировано именно так в обоих изданиях, в том числе и в предложно-падежных словосочетаниях (*чудеса о Дмитрии, о детище, о половчине, о ковре, о царе Стефане 1 и 2; Житие*). Отступления отмечены в *чуде о злате*, где в московском издании имеется оттяжка ударения на предлог **напѣмощѣ** при **на пѣмощѣ** в киевском, и в *чуде о срацине*, где в киевском издании представлено отклонение по а. п. **напѣмощѣ** при обычном **на пѣмощѣ** в московской книге.

Акцентуация существительного **зѣповѣдѣ** не совсем ясна, поскольку в неслужебной части «Николина жития» встретилось **Ѡ зѣповѣдѣй** — **Ѡ зѣповѣдѣй** (*Житие*) при одинаковом **зѣповѣди** (вин.) (*чудо о детище*).

²⁴ Ср. одинаковое ударение в производном прилагательном **недѣгъжнѣ** — **недѣгъжнѣ** (дат.) (*Похвала 2*).

В связи с этим целесообразно привести формы родительного падежа мн. ч. других имен ж. р. этого же склонения: **скорбѣй** — **скѡрбей** (*чудо о детице; Житие*), **страстѣй** — **страстѣй** (*Житие 2* раза; *Похвала 1*), **ѿ нощѣй** — **ѿ нощѣй** (*чудо о царе Стефане 2*), **смертѣй** в московском издании в *чуде об Агрике* без эквивалента в киевской публикации. Показательные в акцентном отношении формы творительного падежа мн. ч. существительных ж. р. -ѣ-склонения также имеют разное ударение: **почестмѣ** — **пѡчестми** (*чудо о трех иконах*), **дань/мѣ** — **данѣми** (*чудо о царе Стефане 1*), **свѣтлостмѣ** — **свѣтлостѣми** (*Похвала 1*), **вещь/мѣ** — **вещѣми** (*ПМ*). Возможно, то же ударение в паре **страстмѣ** — **страстѣми** (*чудо о царе Стефане 2*). Из других форм отмечено одинаковое ударение **ѿ скѡрбѣхъ** — **ѿ скѡрбѣхъ** (*чудо о Петре*).

Приставочные имена существительные ж. р. -ѣ-склонения имеют одинаковое ударение: **порѣка** (*чудо о половчине*), **повѣдами**, **повѣда** (*чудо о царе Стефане 2; Житие*), **ѿ рады** (вин.) (*ПМ*). У одного слова акцентуация по изданиям различается: **завѣсѣ** — **завѣсѣ** (*Житие*).

В киевском издании ударение изменено в именах существительных на -анинъ/-янинъ: **ѡравитѣне** — **ѡравитѣне**, **ѡравитѣнинъ** — **ѡравитѣнинъ** (*чудо о попе Христофоре*), **христѣнина** — **хрѣтѣнина** (*чудо о ковче*), **хрѣтѣнинъ** — **хрѣтѣнинъ**, **хрѣстѣнина** — **хрѣтѣнина**, **хрѣстѣнѡмъ** — **хрѣтѣнѡмъ** (*чудо о срацине*), **хрѣтѣнинъ** — **Хрѣтѣнинъ** (*чудо о половчине*), **гражданина** — **гражданина**, **граждане** — **Граждане** (им.), **ѿ граждѣнъ** — **ѿ граждѣнъ** (*Житие*), **бѡране** — **Баране** (им.) (*ПМ*). Новое ударение в киевском издании у слов **христианинъ**, **гражданинъ** и, видимо, **баране**.

Следует отметить еще некоторые имена существительные с одинаковой акцентуацией в обоих изданиях: **дѣла** (вин.) (*чудо о злате*), **матѣжа** (*чудо о царе Стефане 2*), **матѣжъ** (*Житие*), **воиѡ** (*Житие*; ср. **вои** (род.) там же), **матерей** — **матерей** (*Житие*), **въ рѣсинѣ** — **въ Рѣсинѣ** (*чудо о половчине*).

Имена прилагательные

Среди имен прилагательных, как и среди существительных, тоже есть группа слов, акцентуация которых различается в московском и киевском изданиях «Николина жития». Среди них довольно большую группу составляют прилагательные, производные от существительных с суффиксом -ство, имеющие в московском издании накоренное ударение, а в киевском — суффиксальное: **бжѣственое** — **Бжѣственное**, **Бжѣственомѣ** — **Бжѣственномѣ**, **бжѣственомѣ** — **Бжѣтвенномѣ**, **бжѣственнѣй** — **Бжѣтвеннѣй**, **бжѣтвеннагѡ** — **Бжѣтвеннагѡ**, **бжѣтвеннаѡ** — **Бжѣтвеннаѡ**, **Бжѣтвенный** — **Бжѣтвенный** и др. (*чудеса о Дмитрии, о царе Стефане 2; Житие* — неоднократно)²⁵,

²⁵ В московском издании слово часто пишется с выносной и без акцентного знака **бжѣтвенный**.

вѡинственъ — воинственъ (чудо о царе Стефане 2), свѡйственъ — свой/ственъ, свѡйственъ — свойственъ (чудо о царе Стефане 1), торжѣ/ственое — торжественное (вин.) (ПМ), таинственала — таинственала (Похвала 1), таинственое — таинственное (Похвала 2), ѿ оубѡйственагѡ — ѿ оубѡйственагѡ (Похвала 1), нечѡвьственыа — нечѡвьственыа (им. мн. ч.) (Житие), дѡблественый — доблественный (Похвала 1); ср. в наречиях дѡблественѡ — доблественѡ (чудо о царе Стефане), дѡблественѣ — доблественѣ (Житие), тождественѡ — тождественѡ (Житие). Остальные прилагательные: вѡри вѣтрениа — вѡри вѣтрениа (чудо о Симеоне), полѣзнаа — полезная (чудо о царе Стефане 2)²⁶, прѣточномѡ — прѣточномѡ (чудо о муже), молѣтвеный — молитвенный (чудо о царе Стефане 1), въ мѣртвеномѣ — въ мертвенномѣ (Житие), незлѡбивый — незлѡбивый (чудо о царе Стефане 1)²⁷, сребранѡ — сребранѡ (вин.) (ПМ), не ѡстово — не ѡстово (прил.? вин.?) (Житие), ѡсманѣтескимъ — Исмаиѣтескимъ (так! дат.) (ПМ), ѡллинскѣа — ѡллинскѣа (Житие). Возможно, сюда же мѣтнѡгѡ — мѣтнѡгѡ (чудо о злате) без знака ударения в московском издании при выносной букве.

Правка акцентуации в киевском издании сделана также в прилагательных а. п. с. Флексивное ударение, которое было в московском издании, заменено на предфлексивное: болный (2 раза) — болный, болный (им. субст.) (чудо о юноше Николе), во вѡзѣй слѡвѣ — въ вѡзѣй слѡвѣ (Житие), чюждѣхъ — чюждѣхъ (род.) (Житие), при редакторской правке чюжагѡ — чюжагѡ (род.) (Житие), ѿ простѣхъ — ѿ простѣхъ (Житие), Мѣрскѣа (... слѡвы) — Мѣрскѣа, мѣрскѣхъ (страстѣй) — мѣрскѣхъ (Житие), младѣи — младѣй (им. субст.) (ПМ), драгѣми — драгѣми, драгагѡ — драгагѡ (ПМ), к плѡтьстѣй — к плѡтьстѣй (чудо о Петре), плѡтскаго — плѡтскаго (Житие), плѡтскѣма — плѡтскѣма (тв.) (Житие), земнымъ — земнымъ (дат.), земнаа — земнаа, земны^х — земныхъ (чудо о ковче; Житие, Похвала 1)²⁸, морскагѡ — морскагѡ, (ѿ глѡбини) морскѣа — морскѣа, морскѣю — морскѣю, морскѣми — мѡрскѣми, морскѣй — мѡрскѣй (чудеса о Дмитриѣ, о трех иконах, о муже; Житие)²⁹; в киевском издании нередко без акцентного знака из-за выносной буквы честный (ѡзѡграфѣ) — чѣтный, чѣтѣй (пѡмѡти) — чѣтѣй, чѣтѣхъ — чѣтѣхъ, чѣтѣхъ — чѣтѣхъ, чѣтѣхъ — чѣтѣхъ, чѣтною — чѣтною, чѣтѣа — чѣтѣа, чѣтѣа — чѣтѣа (чудеса о трех иконах, о царе Стефане 2; Житие неоднократно; Похвала 1; ПМ), всечестный — всечѣтный (чудо о детище), всечестный —

²⁶ Ударение *пѡлезный* засвидетельствовано в первом томе второго киевского издания (1711 г.) «Книги житий святых» Димитрия Ростовского.

²⁷ Ср. ударение в имени существительном *злѡба* — *злѡба* (Житие).

²⁸ В чуде о царе Стефане 2 при правке в киевском издании *земныхъ* — *земныхъ*, *земнагѡ* — *земнагѡ*.

²⁹ Без акцентного знака в московском издании *глубины морскѣа* — *глубины мѡрскѣа* (чудо о Дмитриѣ).

всѣчѣтныа (им.) (ПМ), **прѣчѣтнѣю** — **Прѣчѣтнѣю** (Похвала 2). Здесь же можно привести прилагательное а. п. *b* (откл. к *c*) **хроми́н** — **хро́мый**, **хроми́н** — **хроо́мый**, **хромы́мъ** — **хро́мы**^М (чудо о царе Стефане 2; Похвала 2; ПМ). Для некоторых словоформ (**вля́зѣй**, **чю́ждыхъ**, **дра́гими**, **зѣмныхъ**) не исключено воздействие фактора книжности на постановку предфлексии ударения [Зализняк 1985: 195]. Одинаковую акцентуацию имеют словоформы **свобо́днымъ** — **свобо́днымъ** (тв.), **свобо́дныа** (род. ж. р.) (Житие), **ро́дныхъ** — **ро́дныхъ** (чудо о царе Стефане 2), **(вѣ) тѣ́мныа** (Житие), **стра́шнымъ** (тв.) (чудо о Симеоне), **тѣ́жкихъ** (чудо о Петре) и др.

В московском издании у двух прилагательных имеется колебание ударения при отсутствии акцентного знака в книге 1680 г.: **(на) ѿсто́чники** **водныа** — **во́ныа** (чудо о ковче), **во́днѣй** (чудо о муже) в обоих изданиях; **ко гра́скомъ** — **к гра́скомъ** (Житие), с наосновным ударением как в книжной форме **в... гра́дстѣмъ** — **в... Гра́дстѣ**^М (ПМ).

Изменена акцентуация прилагательного а. п. *a* **малый**: **ма́лымъ** — **Малы́мъ** (дат.) (чудо о половчине), **въ ма́лаа** — **въ малáа** (чудо о срацине), **ѿ ма́лаа** — **ѿ малáа** (чудо о злате). Однако в чуде о монастыре при редактировании киевского издания в прилагательном оказалось наосновное ударение: **ма́ло** — **ма́лоє**. Флексийное ударение в этом слове имеется в староукраинском и старобелорусском языках [Зализняк 1985: 225]³⁰, и в киевском издании оно появилось как западный вариант вместо восточной наосновной акцентовки.

Из-за принадлежности к разным акцентным парадигмам имеет другое ударение **на є́дино**^М / **(мѣ)стѣ** — **на є́дино́мъ** (чудо о юноше Николе). Однако второй случай **на /є́динѣ** — **нає́динѣ** (чудо о царе Стефане 2) демонстрирует колебание ударения в московском издании и вероятную дефинализацию в киевском.

Нечленных (кратких) прилагательных в сказаниях о чудесах немного; их акцентуация вполне стандартна и одинакова в обеих книгах. Разное ударение в словоформе **красѣнъ** — **кра́сенъ** (чудо об Агрике)³¹.

В других произведениях неслужебной части «Николина жития» в акцентуации нечленных прилагательных проведена правка. В формах мн. ч. и ж. р. флексийное ударение заменено на наосновное: **мѣ́ра вѣщъ** — **мѣ́ра вѣщъ** (сказ.), **те́плы... слѣзы** — **тѣ́плы... слѣзы** (вин.), **лю́та... вѣра дохнѣвши** — **лю́та... вѣра дѣхнѣвши**, **свѣ́тла пáмáть** — **свѣ́тла пáмáть** (сказ.; 2 раза) (ПМ); сюда же **чѣ́на... є́сть вѣщъ** — **чѣ́на... є́сть вѣщъ** (Похвала 2), где в киевском издании с вероятностью можно предполагать

³⁰ Колебание ударения в этом слове представлено во втором киевском издании «Книги житий святых» Димитрия Ростовского (т. 1, 1711 г.): **не малóе врѣ́мá** (Житие Дионисия Ареопегита), **в ма́ломъ, малáго мѣ́нца, в ма́лыхъ, в малыє, малыми, по ма́лѣхъ** (Страдание св. мученика Арефы), **малыхъ** (Житие Павла Препростого).

³¹ В следующем киевском издании «Николина жития» 1700 г. еще сохраняется **кра́сенъ**, а в публикации 1738 г. ударение изменено на **красѣнъ**.

наосновное ударение. Процесс изменения ударения типа *жива̀* → *жи́ва* свойствен западной зоне [Зализняк 1985: 291—292].

Такая же замена флексийного ударения на наосновное сделана в форме род.-винительного падежа нечленного прилагательного а. п. *б добра̀ спѣтника* — *дѣбра сопѣтника* (род.-вин.) (*Житие*). Вероятно, в этой правке отражена дефинализация ударения. В предикативе *добро* в обоих изданиях флексийное ударение: *Добро̀ ѣсть... проповѣдати* — *Добро̀ ѣсть... проповѣдати* (*чудо о Дмитрии*), *добро̀* — *добро̀* (*ПМ*).

Хотя в киевском издании акцентный знак не поставлен из-за выносной буквы, изменение ударения можно предполагать в *чуде о Дмитрии* в форме род.-винительного падежа м. р. *мокра̀* — *мо̀ра* и в *чуде о детище* в другой форме того же прилагательного: *дѣтнице лежа̀ще мокро̀* — *дѣтнице лежа̀що мо̀ро̀*.

Разное ударение имеется в формах сравнительной и превосходной степени имен прилагательных: *горѣ̀* — *го̀рѣ* (*чудо о половчине*), *ѣзвѣстнѣ̀* — *ѣзвѣстнѣ̀* (*Житие*), *ѣзраднѣйшій* — *ѣзраднѣйшій*, *множа̀е* — *множа̀е* (*чудо о царе Стефане 1*), *ѡ... множа̀й/шыхъ* — *множа̀йшихъ* (*чудо о царе Стефане 2*), *Мѡдрѣйши* — *Мѡдрѣй/ши* (*Житие*), *нѡжнѣйшей* — *нѡжнѣйшей* (*чудо о царе Стефане 2*), *праведнѣйши* — *прѣнѣйши* (*Похвала 1*), *смирѣннѣйша̀* — *смирѣннѣйша̀* (*чудо о царе Стефане 2*), *сѣцѣннѣйшій* — *сѣценнѣйшій* (*Похвала 1*), *сѣцѣннѣйшій* — *сѣценнѣйшій* (*Похвала 1*), *Ѣцѣннѣйшій* — *Ѣценнѣйшій* (*ПМ*), *сѣцѣннѣйшее* — *сѣценнѣйшее* (им.) (*ПМ*); в сложном слове *Ѣголювѣзнѣйшимъ* — *Ѣголювѣзнѣйшимъ* (*чудо о царе Стефане 1*). Одинаковое ударение в *горча́йшей* (дат. ж. р.) (*чудо о царе Стефане 2*), *честнѣйшагѡ* (*чудо о царе Стефане 2*), *крѣпча́йши* (*так!*) — *крѣпча́йшій* (*Похвала*), *свѣтлѣйшій* (*чудо о царе Стефане 2*), *старѣйшій* (*чудо о половчине*).

Местоимения

Правка акцентуации местоимений в киевском издании связана, во-первых, с дефинализацией ударения, во-вторых, с принадлежностью слова к другой акцентной парадигме, в-третьих, с акцентуацией слов по территориальным моделям.

По-разному акцентуированы формы родительного, род.-винительного и дательного падежей ед. ч. относящихся к а. п. *б* притяжательных местоимений *мой*, *твой*, *свой*, которые встречаются в *чудесах об Агрике, о Петре, о Дмитрии, о злате, о ковре* и др., в *Житии, Похвалах, ПМ*. В московском издании ударение конечное, в киевском — предконечное: *своег̀* — *своег̀*, *моег̀* — *мо́ег*, *твоег̀* — *тво́ег*, *своем̀* — *сво́ем*, *твоем̀* — *тво́ем*, *моє̀* — *мо́е*, *своє̀* — *сво́е* и др. Такая же акцентуация встретилась в форме родительного падежа дв. ч. *твоєѝ* — *тво́ею* (*чудо о попе Христофоре*). В одном случае в киевском издании оказалось два знака:

один соответствует ударению московского издания, второй — киевского: **своєѧ̀** — **своѧ̀** (*Похвала 1*). Правка акцентуации в киевском издании обусловлена дефинализацией ударения.

По той же причине изменена акцентуация местоимения **сам(ый)**, относящегося к а. п. с. Конечное ударение, которое было в книге 1662 г., стало предконечным: **самогò** — **самáгw** (*чудеса о Петре, о ковре; Житие*), **самогò** — **самóгw** (*чудо о половчине, Житие, Похвала 1*), **самогò бо** — **самóго бо** (*Житие*), **за самогò** — **за самóгw** (*Похвала 1*), **самомѸ** — **самóмѸ** (2 раза) (*чудеса о царе Стефане 1, о половчине*). Однако имеются отступления — акцентовка по а. п. а: **Ѡсамыхъ** — **Ѡ самыхъ**, **Ѡ самагw** (**корѧѧ**) — **Ѡ самаго** (*Житие*).

С конечного на предконечное изменено ударение частотного и встречающегося во всех текстах местоимения **сѧй**, обычно употребленного в форме винительного падежа мн. ч. ср. р.: в московском издании **сѧ̀**, **сѧ̀**, в киевском — **сѧ**. Конечное ударение в киевском издании осталось в *чудесах о ковре, о злате*: **сѧ̀** (вин. мн. ч.), **сѧ̀** (род. ж. р.).

Возможно, с дефинализацией связано изменение ударения с конечного на предконечное в **каковòже** — **какòво же** (*чудо о царе Стефане 2*), **и́знегò** — **и́знэгw** (*чудо о юноше Николе*), **Ѡ неáже** — **Ѡ неáже** (*чудо о Петре*).

К разным акцентным парадигмам относятся местоимения **дрѧгѧй** и **сицевый**. В московском издании оба слова акцентуированы по а. п. с (**дрѧгѧй**, **сицевый**), а в киевском — по а. п. а (**дрѧгѧй**, **сицевый**): **дрѧгѧю** — **дрѧгѧю**, **дрѧгѧѧ** — **дрѧгѧѧ** (*чудо об Агрике*), **дрѧгѧю** — **дрѧгѧю**, **дрѧгѧй** — **дрѧгѧй** (*чудо о попе Христофоре*), **въдрѧгѧй** — **въдрѧгѧй** (*чудо о Дмитрии*), **дрѧгѧю** — **дрѧгѧю** (*чудо о злате*), **дрѧгѧй** — **дрѧгѧй**, **дрѧгѧѧ** — **дрѧгѧѧ** (*чудо о царе Стефане 2*) и др.; **Ѡицевáѧ** — **Ѡицевáѧ** (вин. ср. р. 2 раза), **сицевáѧ** — **сицевáѧ** (им. ср. р.) (*Житие*). У обоих слов в киевском издании есть отступления (следы московского оригинала?): **По дрѧгѧю** — **Подрѧгѧю** (*чудо о срацине*), **дрѧгѧгw** (*чудо о царе Стефане 2*), **дрѧгѧй** (*Похвала 1*); **Ѡицевáѧ** (вин. ср. р.) (*Житие*).

Великорусской инновацией является флексионное ударение в местоимении **и́ный**, которое оно имеет в московском издании [Зализняк 1985: 224]. В киевском «Николине житии» справщики заменили инновацию на наосновную акцентовку **и́ный**. Различие **и́ный** — **и́ный** проведено последовательно: **и́ныѧ** — **и́ныѧ** (*чудо об Агрике*), **и́ниже** — **и́нѧй же** (*чудо о Петре*), **и́ного** — **и́наго** (*чудо о ковре*), **и́номѸ** — **и́номѸ** (*чудо о царе Стефане 1*), **Ѡи́ныѧ** — **Ѡи́ныѧ** (*чудо о царе Стефане 2*), **и́ныхъ** — **и́ныхъ**, **и́нѧю** — **и́нѧю** (*чудо о муже*) и др.

Территориальная акцентовка представлена в изданиях в местоимении **таковый**. Ударение **таковый** характерно для восточной зоны, **такòвый** — для западной [Зализняк 1985: 225]: **такòвѸ же** — **такòвѸ же** (дат. м. р.), **такòвѸ** — **такòвѸ** (вин. ж. р.), **такòво бо ѣсть** — **такòво бо ѣсть** (*чудо о царе Стефане 1*), **таковый** — **Та/кòвый** (*чудо о царе Стефане 2*), **таковáго** — **таковáгw** (род.), **таковый** — **такòвый**, **таковыѧ** — **такòвыѧ** (род. ж. р.),

ўтаковѣмъ — ўтаковѣмъ, таковыа — Таковыа (вин.) (*Житие*). Однако в киевском издании имеется много отступлений, когда ударение осталось флексийным: таковà (им. ж. р.) (*чудо о царе Стефане 1*), таковомъ (чудо о царе Стефане 2), таковаа (им., вин. ср. р. — неоднократно), таковаа (им. ж. р.), Таковомъ, таковѣ (вин.), таковаго — таковагъ, таковыми (*Житие*), таковà (род.-вин. м. р.) (*Похвала 1*), таковаго (*ПМ*). Есть также без московского соответствия таковомъ (дат.) (*чудо о царе Стефане 1*).

Западной инновацией, отразившейся в киевском издании, является ударение в словоформе никомъже — никомъже [Зализняк 1985: 225].

Колебание ударения имеется в обоих изданиях в местоимении (ни)кий: никѣго же — никѣгоже (*чудо о попе Христофоре*), никѣаже — никѣаже (*чудо о Петре*), никѣаже — ни коѣаже (*чудо о юноше Николе*), коѣю — коѣю (*чудо о половчине*).

В московской книге встретилось отступление еще в одной форме: ѣюже — ѣюже (*чудо о муже*) при одинаковом ѣюже (*Житие*).

Другое ударение в киевском издании у местоимения нѣкоторый — нѣкотѣрый (*чудо о муже*).

Неясна в целом акцентуация местоимения онъ, поскольку есть формы с одинаковым ударением и с исправленным разным, а исо в киевском «Николине житии» может не быть иктусным: ѡного — ѡного, ѡного — ѡного (*чудо о ковре*), ѡнѣхъ — ѡнѣхъ (*чудо о муже*), ѡнѣхъ — ѡнѣхъ, ѡвонѣ странѣ — ѡвонѣ / странѣ (*чудо о царе Стефане 2*).

Имена числительные

Эта часть речи представлена небольшим количеством слов. Из них только одно встречается часто и с разным ударением в московском и киевском изданиях. Это числительное вторѣй — вторѣй, в книге 1662 г. относящееся к а. п. с: вторѣй (2 раза) — вторѣй, вторѣй, вторѣгъ — вторѣгъ, вторѣ — ѣвторѣе, вторѣ — вторѣе и др. (*чудеса о царе Стефане 2, о половчине; Житие*). Различие проведено последовательно. Флексийное ударение относится к великорусским инновациям, отсутствующим в староукраинском и старобелорусском языках; см.: [Зализняк 1985: 224].

Кроме того, правка сделана в словах шестѣе — шестѣе (вин. в сост. числ.) (*ПМ*), десѣтѣю — десѣтѣю (*чудо о Дмитрии*; ср. трѣде/сѣтъ — три/десѣтъ в *чуде о попе Христофоре*); двѣма — двѣма (*чудо о Симеоне*); ѡ ѡвѣю странѣ — ѡ / ѡвѣю странѣ (*чудо о царе Стефане 2*).

Неизменяемые части речи (наречия, предлоги, частицы)

С акцентуацией прилагательных связано ударение образованных от них наречий. У ряда слов причиной изменения стала принадлежность произво-

дящих прилагательных к разным акцентным парадигмам: *й̑з̑млада* — *й̑змлада* (*Житие*), *й̑злнха* — *й̑злн̑ха* (*Житие*), *Ѡ давн̑а* — *Ѡ дав̑на* (*чудо о ковре, Житие*), *надолзѣ* — *надолзѣ̑* (*Житие*, хотя в чуде о ковре одинаково *на/ долзѣ* — *на долзѣ̑*). У наречий на -о от прилагательных а. п. *б хитро̑* — *хитро̑* (*Житие*), *выстро̑* — *выстро̑* (*Житие; чудо о детище*) изменение ударения в киевском издании обусловлено дефинализацией или связано с процессом *жив̑а* → *жив̑а*, в который включены эти прилагательные. Ср. одинаковое *свѣтл̑а* — *свѣтл̑о* (*чудо о половчине*), *чѣтн̑а* — *чѣтн̑а* (*Похвала 1*). Особо *высоко̑* — *высо̑кѡ* (нар.?) (*Житие*).

Акцентуацией числительного обусловлено ударение в наречии *втор̑ое* — *втор̑ое* (*чудо о Петре*).

В акцентуации наречия *сѣл̑о*, *сѣл̑ѡ* в московском издании и *сѣл̑о*, *сѣл̑ѡ*, *зѣл̑о*, *зѣл̑ѡ* в киевском отражена лексикализованная дефинализация. Возможно, с дефинализацией ударения связана правка *горѣ* — *горѣ̑* (*чудо о Симеоне*), *вездѣ̑* — *вездѣ̑* (*ПМ*), *Ѡ ѡскон̑и* — *Ѡ ѡскон̑и* (*чудо о злате*, выше в обоих изданиях *Ѡ ѡскон̑и*), *вопрек̑и* — *вопрек̑и* (*чудо о попе Христофоре*), *посредѣ̑* — *посредѣ̑* (*чудеса о царе Стефане 2, о муже, о ковре*), *посред̑и* — *посредѣ̑* (*чудо об Агрике*), *средѣ̑* — *средѣ̑* (*чудо о муже*, ниже в обоих изданиях *средѣ̑*), *посред̑и* — *посред̑и* (*Житие 2 раза*), *послѣд̑и* — *послѣд̑и* (*Житие*), *послѣд̑иже* — *послѣд̑и же* (*Житие*).

Новое ударение в киевском издании *кромѣ̑* — *крѡмѣ̑* (*чудо о половчине*), *ниже̑* — *ниже̑* (*чудо о Петре, Житие 3 раза*), *никѡли же̑* — *никѡли / же̑* (*чудо о трех иконах*), *никѡлиже̑* — *никѡли же̑* (*Житие*) [Зализняк 2014: 591, 210, 249].

Другие слова с изменением ударения в киевском издании: *ѡможе̑* — *ѡможе̑* (*чудо о Петре*), *развѣ̑* *тогѡ* — *развѣ̑* *тогѡ* (*чудо о срацине*), *развѣ̑* — *развѣ̑* (*чудо о царе Стефане 1*), *нѣкогда̑* — *нѣкогда̑*, *нѣкако̑* — *нѣкако̑* (*Житие*).

Сложные слова

Ударение изменено также в сложных словах, причем в основном в тех, где вторым корнем является -образ-: *бл̑гоѡбраз̑ны* — *бл̑гоѡбраз̑ны* (*Житие*), *свѣтоѡбраз̑на̑* (л̑ч̑а) — *свѣтоѡбраз̑на̑* (*Похвала 2*), *многѡѡбраз̑на̑* — *многѡѡбраз̑на̑* (вин.), *многѡѡбраз̑нѡ* — *многѡ ѡбраз̑нѡ* (*Похвала 1*); *бл̑госодѣлован̑и̑* — *бл̑госодѣлован̑и̑* (*чудо о муже*), *Перводѣлател̑а̑* — *Перводѣлател̑а̑* (вин.) (*Похвала 1*), *бл̑годар̑ственѡ* — *бл̑гартвѣнно*, *доброглагол̑ивагѡ* — *доброгл̑ивагѡ* (*Похвала 2*), *пѣснослов̑ите̑* — *пѣснослов̑ите̑* (пов.) (*Житие*). Осталось прежнее ударение в слове *д̑шепол̑езными̑* (*Житие*), тогда как в *пол̑езный̑* — *пѡлезный̑* оно разное.

Имена собственные

Без анализа приводятся различающиеся акцентологически в московском и киевском изданиях имена собственные, топонимы и под.: **въ самарѣи** — **въ самарѣи**, **вѣ... самарѣи** — **въ... самарѣи** (чудо о Петре); **софѣи** — **Софѣи** (чудо о ковче), **сѣгѣа софѣи** — **сѣгѣа Софѣи** (чудо о трех иконах), **сѣгѣа софѣи** — **сѣгѣа Софѣи** (чудо о детище); **ѡеѡфанѣ**, **ѡеѡфане**, **ѡеѡфановѣ** — **ѡеѡфанѣ**, **ѡеѡфанѣ** (зв.), **ѡеѡфановѣ** (чудо о трех иконах); **анаѡтаѡѣа** — **Анаѡтаѡѣа** (чудо о трех иконах); **ѣтѣгалѣа** — **ѣтѣгалѣа** (чудо о детище), **во ѣтѣгалѣи** — **въ ѣтѣгалѣи** (Житие); **сѣрѣа** — **Сѣрѣа** (чудо о детище); **товѣа** — **Товѣа** (чудо о царе Стефане 2); **ѡвѡнѣ странѣ дѣнаа** — **ѡвѡнѣ / странѣ дѣнаа** (чудо о царе Стефане 2); **михѣанѣ** — **Михѣанѣ** (чудо о царе Стефане 2); **въ рѣсѣи** — **въ Рѣсѣи** (чудо о половчине); **въ вѣзантѣи** — **въ вѣ/зантѣи** (чудо о муже), **ѡ вѣзантѣю** — **ѡ Вѣзантѣю** (Житие); **ѡ... фрѣгѣи** — **въ... / Фрѣгѣи** (2 раза) (Житие); (при) **алеѣѣи** — **Алеѣѣи** (ПМ); **рѡссѣи** — **Рѡссѣи** (род.) (ПМ); **ѡкорѣѣна пола** — **ѡ Корѣѣна пола** (ПМ).

Из многократно повторяющихся в тексте словоформ по-разному акцентуированы имя собственное **Агрѣкѣ** и производное прилагательное в чуде об Агрѣке³². В московской традиции в имени и в прилагательном ударение на первом слоге (**агрѣкѣ**, **агрѣковѣ**), в киевской — на втором слоге (**Агрѣкѣ** или **Агрѣкѣ**, **Агрѣковѣ**)³³.

Последовательно по-разному акцентуирована форма звательного падежа имени святителя: **никѡлаѣ** в московском издании, **Нѣколѣѣ** (**Нѣколѣѣ**) — в киевском.

Глаголы

Акцентуация глаголов в киевском издании «Николина жития» 1680 г. по сравнению с московским 1662 г. изменена достаточно сильно. Правка сделана как в группах глаголов, так и в отдельных словах.

Одной из таких групп были глаголы с суффиксом *-ова-*, у которых в киевском издании ударение изменено на суффиксальное. Их наибольшее количество отмечено в двух чудесах о царе Стефане, меньше в Житии. Некоторые глаголы представлены только причастиями, а некоторые — отглагольными существительными, в которых сохраняется тот же принцип акцентуации, какой был у производящего слова. Как правило, правка не была последовательной: на фоне форм с разным ударением встречаются

³² Первоначально в греч. тексте было прил. ἄγροκος, на месте которого появилось имя **агрѣкѣ** уже в старших (XII в. и XIII в.) списках сказания.

³³ В киевском издании на л. 70 после стандартного **Агрѣкѣ** появляется написание с буквой **ы** (**Агрѣкѣ**).

одинаково акцентуированные словоформы (у разных глаголов в разном количестве):

вѣсѣдѣюща — **вѣсѣдѣюща** (род.-вин.) (*Чудо о Симеоне*), **вѣсѣдѣющымъ** — **вѣсѣдѣющимъ** (дат.), **вѣсѣдоваста** — **вѣсѣдоваста** (ср. ударение слова **ѣ** **вѣсѣдѣ** — **вѣсѣдѣдѣ** в этом же тексте), **вѣсѣдовахѣ** — **вѣсѣдовахѣ** (*чудо о царе Стефане 1*); **не вѣсѣдовалъ** — **невѣсѣдовалъ**, **вѣсѣдѣющымъ** — **вѣсѣдѣющимъ**, **повѣсѣдоваше** — **повѣсѣдоваше** (*Житие*). Одинаковое ударение в обоих изданиях **вѣсѣдовати** (*чудо о царе Стефане 1*), **вѣсѣдѣюща** (*чудо о ковре*);

не вѣрровахѣ — **невѣрровахѣ** (*чудо о срацине*). Одинаковое ударение **вѣрр** **рр** **ова** **ша** (*чудо о срацине*), **да не вѣррѣетъ** (*чудо о муже*);

дѣррѣши — **дѣррѣши** (*чудо о царе Стефане 1*), **дѣррѣтъ** — **дѣррѣтъ** (*чудо о царе Стефане 2*), **дѣррѣю** — **дѣррѣю** (*Житие*). Возможно, одинаковое ударение **по дѣррѣннѣи** — **по дѣррѣннѣи** (*Житие*);

не ѣззѣсѣдѣванна — **не ѣззѣсѣдованна** (мн. ср. р.) (*чудо о муже*);

непо/мѣлова — **не помилова** (*чудо о царе Стефане 2*); отглагольное существительное **мѣлованѣа** — **мѣлованѣа** (род.?) (*чудо о царе Стефане 2*). Одинаковое ударение **помѣлетъ** (*чудо о половчине*), **помѣлованъ** — **помѣлованъ** (*чудо о царе Стефане 2*);

пѣзднѣющихъ — **пѣзднѣющихъ** (*чудо об Агрике*), **пѣзднѣющихъ** — **пѣзднѣющихъ**, **пѣзднѣовати** — **пѣзднѣовати** (ПМ), **пѣзднѣюще** — **пѣзднѣюще** (2 раза) (*Похвала 2*). Одинаковое ударение **пѣзднѣовати** — **пѣзднѣовати** (*чудо о половчине*), **пѣзднѣюще** (*Похвала 2*);

слѣдовати — **слѣдовати** (ПМ), **послѣдѣющаго** — **Послѣдѣющаго** (*чудо о царе Стефане 2*), **послѣдѣютъ** — **послѣдѣютъ** (*чудо о половчине*), **послѣдѣи** — **послѣдѣи** (*Житие*), **послѣдова** — **послѣдовалъ** (*Похвала 1*);

ратѣи — **ратѣи**, (**раны**) **ѡ ратѣемыхъ** — **ѡ / ратѣемыхъ** (*чудо о царе Стефане 2*);

возрѣдовашасѣ — **возрадовашасѣ**, **вѣрѣдовасѣ** — **возрадовасѣ** (ПМ). Одинаковое ударение **рѣдоватисѣ** (*чудо о царе Стефане 2*); без акцентного знака в киевском издании **ѡврадованъ** — **ѡврадова** (*чудо о царе Стефане 1*); производное существительное **рѣдованѣе** — **радванѣе** (*Похвала 1*);

сѣтѣтъ — **сѣтѣтъ**, **сѣтованнымъ** — **сѣтованнымъ** (тв.), **сѣтованное** — **сѣтованное** (*Житие*); отглагольное существительное **сѣтованѣе** — **сѣтованѣе** (*чудо об Агрике*), **сѣтованѣа** — **сѣтованѣа** (род.) (*Житие*);

трѣвѣши — **трѣвѣши** (*чудо о юноше Николе*), **трѣвѣа** — **трѣвѣа** (*чудо о царе Стефане 1*), **трѣвѣющымъ** — **трѣвѣющимъ** (*чудо о муже*), **трѣвѣетъ** — **трѣвѣетъ**, **къ трѣвѣющымъ** — **къ трѣвѣющымъ** (*Житие*), **трѣвѣютъ** — **трѣвѣютъ** (ПМ).

Однокоренные глаголы на **-ова-** с разными приставками акцентуированы по-разному, но одинаково в обоих изданиях: **препоѣсѣтсѣа**, **ѡполсѣетсѣа** — **ѡ полсѣетсѣа** (*чудо о царе Стефане 2*), **преѣзовѣиловалъ** (*Житие*), **ѣззѣѡвилѣсѣа** — **ѣззѣѡвилѣсѣа** (*чудо о трех иконах*).

На суффиксальное изменено ударение глаголов на *-(ство)ва-*: **вѣнствѣющѣ** — **вѣнствѣющѣ** (дат.) (*Житие*), **дѣйствѣемаа** — **дѣйствѣемаа** (*чудо о царе Стефане 2*), **ѣретѣчествѣющѣхъ** — **ѣретѣчѣствѣющѣхъ** (*чудо о царе Стефане 1*), **житѣлствѣвати** — **житѣлствѣвати** (*чудо о царе Стефане 2*), **мѣдрѣствѣють** — **мѣдрѣствѣють** (*чудо о царе Стефане 2*), **мѣдрѣствѣюща** — **мѣдрѣствѣюща** (род.-вин.?) (*Житие*), **способѣствѣемъ** — **способѣствѣемъ**, **способѣствѣйте** — **способѣствѣйте** (пов.) (*Житие*), **царѣствова** — **царѣствова** (*чудо о трех иконах*), **црѣтвовати** — **црѣтвовати**, **црѣтѣвѣющѣи градѣ** — **црѣтѣвѣющѣи градѣ** (*чудо о царе Стефане 2*), **царѣствовавшѣхъ** — **црѣтѣвовавшѣхъ** (род.) (*Житие*); без знака **шѣствѣовавъ** — **шѣствѣовавъ** (*чудо о царе Стефане 2*). В киевском издании в нескольких случаях поставлено по два акцентных знака. Неясно, отражает ли это колебание ударения или один знак соответствует второстепенному ударению.

Схожая картина представлена в акцентуации сложных глаголов на *-(ство)ва-* и с суффиксом *-ова-*: **военачалѣствѣа** — **военачалѣствѣа** (*чудо о Петре*), **милосѣрдовавъ** — **млрдѣовавъ**, **млрдѣа** — **Млрдѣа** (*чудо о царе Стефане 2*), **блгодѣрѣствовахѣ** — **блгодарѣствовахѣ** (*Житие*), **многотрѣдѣствовавшѣа** — **многотрѣдѣствовавшѣа** (род.-вин.), **страннопрѣемствѣа** — **страннопрѣемствѣа** (*так! — Похвала 1*); одинаковое Ѡ **новодарѣвавшѣхъ** — **Ѡноводарѣвавшѣхъ**; отглагольное существительное **блгѣосѣдѣлованѣа** — **блгѣосѣдѣлованѣа** (*чудо о муже*).

В небольшой группе малочастотных глаголов ударение одинаковое в обоих изданиях: **непрѣвадати**, **мѣровати** (*чудо о царе Стефане 2*), **поспѣшѣствоваше** (*Житие*), **даторжѣствѣють** (*Похвала 2*), **прѣнаписѣющѣи**, **восписѣетсѣа**, **прѣвѣрѣвавшѣа**, **разлѣкѣешѣи** (*Похвала 1*), **нзвѣствѣоваше** (*чудо о злате*), **ликѣствѣющѣ** (*чудо о трех иконах*), а также в паре **ликѣствѣющѣ** — **ликѣствѣющѣ** (*Похвала 2*).

У глагола **показѣвати(сѣа)** в московском издании ударение суффиксальное, в киевском — накоренное: **пѣказѣетсѣа** — **показѣетсѣа** (*чудо о срацине*), **показѣетъ** — **показѣетъ**, **показѣетъ** — **показѣетъ** (*Житие*), **показѣетсѣа** — **Показѣетсѣа** (*ПМ*); в имперфекте обратное соотношение **показѣоваше** — **показѣоваше** (*чудо о царе Стефане 1*). Одинаковое ударение в обоих изданиях в причастии **показѣа** (*чудо о царе Стефане 1*), а также в однокоренном глаголе **сказѣетсѣа** (*Житие*), хотя при лексической правке в киевском издании **кажѣ** — **показѣа** (*чудо о злате*).

У большой группы разночастотных глаголов в киевском издании отмечена тематизация ударения. При этом обычно сохраняются формы с такой же акцентовкой, какая была в московском издании, то есть без тематизации. В группу таких слов входят:

спѣдѣвати — **спѣдѣвати** (*чудеса о царе Стефане 2, о половчине*), **спѣдѣисѣа** — **спѣдѣисѣа** (*ПМ*), **спѣдѣлѣени** — **спѣдѣлѣени**, **спѣдѣивѣисѣа** — **спѣдѣивѣисѣа** (*Житие*)³⁴ при **спѣдѣимсѣа** — **спѣдѣимсѣа** (*Похвала 2*);

³⁴ Дополнительные сведения из *Жития*, *ПМ* и *Похвал* для этих глаголов приводятся только в случае их малой частотности.

послѣшати — **послѣшатѣ** (чудеса об Агрике, о Петре, о злате, о Симеоне, о царе Стефане 1 и 2). Формы с тематизацией господствуют при редком одинаковом ударении: **преслѣшати** (чудо о царе Стефане 2);

слышати — **слышатѣ** (чудеса об Агрике, о Петре, о половчине). Форм с тематизацией меньше, при этом отглагольное существительное в киевском издании имеет ударение **-шѣ́-**; одинаковое ударение в глагольных формах в чудесах об Агрике, о ковре, о срацине, о трех иконах, о детище, о половчине, о муже, о монастыре, о царе Стефане 1 и 2;

(про)славити(сѧ) — **(про)славѣти(сѧ)** (чудеса о Петре, о Симеоне, о трех иконах). Чаще прочих форм разное ударение отмечается в причастии **славаще** — **славѣще** (чудеса об Агрике, о попе Христофоре, о Дмитрии, о юноше Николе, о срацине, о муже). Одинаковое ударение в чудесах о злате, о Симеоне, о трех иконах, о монастыре, в том числе **славаще** (чудо о трех иконах);

наполнитисѧ — **наполнѣтисѧ**, **исполнити** — **исполнѣти**, **исполню** — **исполню** (чудеса об Агрике, о злате, о ковре, о трех иконах, о половчине, о царе Стефане 2). Словоформ с тематизацией больше; одинаковое ударение в чуде о царе Стефане 2; без акцентного знака **исполни** — **исполни**;

вѣдати — **вѣдатѣ** и приставочные (чудеса о Дмитрии, о попе, о юноше Николе, о срацине, о трех иконах, о злате, о монастыре, о Петре, о детище, о половчине, о царе Стефане 2). Формы с тематизацией господствуют; одинаковое ударение в чудесах о Симеоне, о муже, о царе Стефане 2, в том числе в причастии **оувѣдано** — **оувѣданѡ** (Житие);

видѣти — **видѣти** (чудеса о юноше, о трех иконах, о ковре, о детище, о царе Стефане 1). Форм без тематизации больше; одинаковое ударение в чудесах о злате, о ковре, о трех иконах, о детище, о половчине, о муже, о монастыре. В чуде об Агрике, которое начинается раздел «Чудес» в обеих книгах, в разных формах этого глагола тематизация не встретилась;

плакати — **плакѣти** (чудеса о Петре, о трех иконах; Житие). Одинаковое ударение в обоих изданиях отмечается чаще; см. чудеса об Агрике, о детище, о муже, о монастыре;

прибли/жившѣсѧ же — **Прибли/жившѣжесѧ** (чудо о ковре), в том же тексте без акцентного знака в киевском издании **Приближившѣсѧ** — **приближившѣсѧ**;

оуготовалъ — **оуготовалъ** (Житие);

насытисѧ — **насытѣсѧ** (Житие);

возвысивсѧ — **возвысѣвсѧ** (Похвала 1) при одинаковом **высѣщѣсѧ** (чудо о царе Стефане 2);

бгопомаза/ннѣй — **Бгопомазаннѣй** (чудо о царе Стефане 2), отглагольное существительное **помазанѣемъ** — **помазанѣемъ** (Житие), одинаковое ударение **помаза** (аор.) (чудо о юноше Николе).

Возможно, тематизация имеет место в **оуготовисѧ** — **оуготовѣсѧ** (пов.) (чудо о царе Стефане 2).

У одних из приведенных глаголов тематизация ударения отмечается широко (*слѣшати, слышати, вѣдати, видѣти, плакати, мазати*), у других она известна на северо-западе (*сподобити, славити, -полнити, приближитиса, оуготовати, возвыситиса*); см. [Зализняк 2014: 283, 266, 336, 271, 269; 288, 289, 303, 295, 261, 312].

По-видимому, тематизацией обусловлена правка ударения в киевском издании у глаголов на *-яти*. Однако в глагольных формах акцентовка нередко одинакова в обоих изданиях, а сдвиг ударения представлен в отглагольном существительном:

Ѡ чаа/вшымса — Ѡчаавшимса (чудо о Симеоне), чааше — чааше (Житие) при *чаати, Ѡ чаавшымса — Ѡчаавшимса (Житие)*; отглагольное существительное *Ѡчааніемъ — Ѡчааніемъ (Житие)*;

надѣаса — надѣаса, надѣахѣса — надѣахѣса (Житие), отглагольное существительное *надѣаніе — надѣаніе (чудо о злате)*;

дѣаше — дѣаше, дѣахѣ — дѣахѣ (Житие), содѣаша — содѣаша (ПМ), содѣашаса — содѣашаса (чудо о детище, ПМ), содѣа — содѣа (чудо о царе Стефане 2), содѣа/са — содѣаса (чудо о царе Стефане 1), содѣавшѣ — содѣавшѣ (чудо о трех иконах);

каашеса, покаатиса (Житие) при *раскааніа — раскааніа (Житие), въ покааніи — въ покааніи (чудо о Петре)*;

насѣалъ — насѣалъ (Похвала 1) при *сѣатела — сѣатела (Житие)*.

В киевском издании изменено ударение глагола *вѣдѣти*: *вѣдѣ — вѣдѣ (чудо о юноше Николе), невѣдый — не вѣдый (чудо о ковре), вѣдый — вѣдый (чудо о срацине), вѣдаше — вѣдаше (Житие), не вѣдѣще — не вѣдѣще (чудо о половчине), не / вѣдѣще — невѣдѣще, вѣдѣще — вѣдѣще, свѣдѣще — свѣдѣще, вѣдѣщымъ — вѣдѣщымъ, свѣдѣщымъ — свѣдѣщымъ (дат.) (Житие)³⁵*; одинаковое ударение *оувѣдѣли (Житие)*. Отглагольное существительное *невѣдѣніа — невѣдѣніа (род.), на ѡвѣдѣніе — на/оувѣдѣніе (Житие)*.

Последовательно проведено различие в акцентуации глагола *глаголати*, относящегося к разным акцентным парадигмам (*a* и *c*), и в его приставочных производных. В московском издании акцентуация корневая *глаголати*, а в киевском — суффиксальная *глаголати* (*чудеса об Агрике, о попе Христофоре, о Петре, о злате, о Симеоне, о юноше Николе, о ковре, о трех иконах, о царе Стефане 1 и 2, о детище*). Такое различие сохраняется во всех формах, даже если в одном издании или в обоих слово написано под титлом. Соответствующее ударение *по глаанію — по глаанію* имеет отглагольное существительное, встретившееся только в *Житии*.

С принадлежностью глаголов к разным акцентным парадигмам связано изменение ударения в *да Ѡстѣпінши — да Ѡстѣпінши (чудо о ковре); оустроима — оустроима (чудо об Агрике), оустроити — оустроити (чудо*

³⁵ Ср. ударение при лексической замене: *видѣвъ — вѣдѣвъ, вѣдаше — вѣдаше (Житие)*.

о царе Стефане 2), оўстроиша — оўстроиша (ПМ); Їзволіса — Їзволіса (чудо о царе Стефане 2), њзволнвшѣ — њзъ/волнвшѣ (Житие); присвоиша — присвоиша (Житие); Ѡ верзѣтса — Ѡ верзѣтса (чудо о Петре), без знака в киевском издании Ѡверзѣтса — Ѡверзѣса (чудо о половчине); оўсѣгѣвиль — оўсѣгѣвиль (Похвала 1). Неясно, сюда ли непрестаа — непрестаа (чудо о попе Христофоре), ѡвесчадатса — ѡвесчадатса (чудо о царе Стефане 2), не оўщедри — не оўщедри (аор.) (чудо о царе Стефане 2). В паре восхити ма — восхитима (чудо об Агрике) другое ударение может быть связано с переходом слова в новую а. п. с или с тематизацией. В других глаголах представлено колебание ударения: оўтишити — оўтишити (Житие) при одинаковом оўтишимъ — ѣтиши^М (там же), Ѡ стоиши — Ѡстоиши (Похвала 1) при одинаковом ударении стоитъ (чудо о Петре); впадѣши — в падѣши (чудо о злате) при впадѣши — впадѣши (чудо о Петре); помолнвѣса — помолнвѣса (чудо об Агрике), да помолнѣса — да помолнѣса (чудо о Петре) при молнѣса (чудо о ковре), ѡмолнѣт — ѡмолнѣт (чудо о царе Стефане 2), молнѣтса — мѣтѣтса (пов.) (Житие).

Разное ударение в глаголе творити. В московском издании оно последовательно флексивное (а. п. с), а в киевском — флексивное или наосновное (а. п. б): сотвори́тъ — сотвори́т, сотвори́тъ — сотвори́тъ, твори́тъ — твори́тъ, сотвори́тъ — сотвори́тъ, твори́мса — твори́мса, твори́тъ — твори́тъ, твори́тъ — твори́т, сотвори́тъ — сотвори́тъ и др. (чудеса о ковре, о срацине, о детице, о царе Стефане 2, о половчине; Житие; ПМ); сотвори́мъ — сотвори́мъ, твори́мса — твори́мса, твори́те — твори́те, твори́, твори́ти, твори́вѣ, твори́мса — твори́мса, твори́те — твори́те, сотвори́ю, сотвори́тъ и др. (чудеса о царе Стефане 1 и 2, о половчине).

К разным акцентным парадигмам относится глагол -лѣчити, хотя его акцентуация колеблется. Отступления отмечены не только в киевском издании (от новой а. п. б), но и в московском (от а. п. с): неполѣчитъ — неполѣчитъ (чудо о ковре), полѣчатъ — полѣчатъ, полѣчимъ — полѣчимъ, полѣчатъ — полѣчатъ (ПМ), полѣчимъ — полѣчимъ (Житие) при полѣчити (ПМ). То же в разлѣчимса — разлѣчимса (Житие).

Колебание имеется в акцентовке глагола -пѣстити: Ѡпѣщѣ — Ѡпѣщѣ, Ѡпѣстиши — Ѡпѣстиши, пѣститъ — пѣститъ, Ѡ пѣщенъ (чудо о половчине), Ѡ пѣстиши — Ѡпѣстиши (Житие).

Акцентуация глагола -ложити в московском и киевском изданиях также соответствует разным акцентным парадигмам (с и б соответственно): прѣложатса — прѣложатса (чудо о царе Стефане 2), приложимъ — приложимъ (1 л. мн. ч.) (чудо о половчине), положатъ — положатъ, да полж/жатса — да положатса, прѣложитъ — прѣложитъ (ПМ) при наложити, приложн, положилъ, положеное (чудо о злате), Ѡложивъ (чудо о срацине), положивъ (чудо о царе Стефане 2; Житие), возложилъ — возложилъ, низложилъ (Похвала 1).

Вероятно, к разным акцентным парадигмам относится глагол **-зрѣти**: в московском издании у него новая а. п. а с неподвижным ударением на начальном слоге, в киевском — а. п. с, но в обеих книгах с отступлениями: **оўзриши** — **оўзрѣши**, (ѣгда...) **вѣзримъ** — **воззрѣмъ** (чудо о половчине), **призри** (пов.) (Житие, Похвала 1), **не презрѣ** — **не прѣ/зрѣ** (ПМ), **оўзрѣвъ** — **ѡзрѣвъ**, **воззрѣвъ** (чудо о юноше Николе).

Разные акцентные парадигмы у глагола **прѣимати**: **прѣемлютъ** — **прѣемлютъ** (Похвала 2), **ѡ ѣмла** — **ѡ ѣмла** (Похвала 1), **прѣемлюще** — **прѣемлюще** (чудо о царе Стефане 1), **прѣимаше** — **прѣимаше** (чудо о царе Стефане 2), хотя одинаковое **прѣемлеша** (чудо о юноше Николе), возможно, оставшееся от оригинала. При грамматической правке в киевском издании **прѣемлюще** — **прѣемлютъ** (чудо о трех иконах).

Неясно, можно ли предполагать разные акцентные парадигмы в **прѣстѣннѣ** — **Прѣдѣстѣнѣ** (пов.) (Житие), **востѣни** — **Востѣни** (пов.) (чудо о Симеоне) при **востѣни** (чудо о злате)³⁶.

В некоторых глаголах в киевском издании представлено новое ударение: **мѣдлитъ** — **медлитъ** (чудо о Петре), с грамматической правкой **не медливъ** — **немедлитъ** (чудо о половчине), ср. одинаковое ударение в причастии **незамѣдленый** (чудо о половчине); **припадаати** — **припадаати** (чудо о царе Стефане 1), **припадаа** — **припадаа** (чудеса о Петре, о срацине, о муже), **припадахъ** — **припадахъ** (чудо о царе Стефане 2), **припадающа** — **припадающа** (род.-вин.) (Житие); **ползаше** — **ползаше**, **ползаа** — **ползаа** (кустода), // **ползаа** (основной текст), а также разные формы **ползающій** — **ползающы** (чудо о юноше Николе). Такая же правка в паре **работати** — **работати**: **работа** — **работа** (аор.), **работящихъ** — **работящихъ** (2 раза), **работати** — **работати**, **работящимъ** — **работящимъ** (дат.?), **ѡ работящихъ** — **ѡ работящихъ** (чудеса о Симеоне, о ковре, о муже; Житие), ср. существительное **работа** — **работа**.

Изменено ударение в глаголах **вечерѣти** — **вечерѣти** (чудо о царе Стефане 1), **оўчредѣти** — **оўчрѣдѣти** (чудо о трех иконах), **торгати** — **торгати** (чудо о половчине). В акцентуации **Разгнѣвавжеса** — **Разгнѣ/вѣвавжеса** (чудо о попе), **непрогнѣвайса** — **непрогнѣ/вѣвайса** (чудо о деице) при одинаковом **гнѣваешиса** (чудо о половчине), **не гнѣвайса** (Житие) в киевском издании имеется колебание ударения. Акцентовка **гнѣвѣтиса** встречается и в великорусских памятниках [Зализняк 2014: 263]. В киевском издании не исключена тематизация.

Одинаковое ударение у **братишиса**, **почерпстѣ**, **трепещю** — **трепещѣ** (Житие), **ѡбдержитъ** — **ѡбдержитъ** (чудо о злате), **ѡбдержитъ** — **ѡбдержитъ** (Житие 2 раза). Сохраняется в обоих изданиях исконное ударение **чѣрпачи** (чудо об Агрике). Также одинаковое ударение имеет глагол **защитити**, при этом его разные формы акцентуированы по а. п. а и с (?): **защититъ** — **защититѣ** (чудо о злате), **защитилъ** — **защитилъ** (Похвала 1).

³⁶ В киевском издании 1700 г. в чуде о Симеоне ударение изменено на **Востѣни**.

Из-за отсутствия в киевском издании во многих формах акцентного знака неясна акцентовка глагола **прѣяти**: **прѣймѣ** — **прѣймѣ** (чудеса о злате, о ковре), **прѣймѣ** — **прѣймѣ** (чудо о царе Стефане 2), **прѣймѣте** — **Прѣймѣте** (Житие) при разном ударении в **прѣймемъ** — **прѣймѣмъ** (чудо о половчине). Без акцентного знака **прѣймешѣ** — **прѣймешѣ** (чудо о царе Стефане 1), **прѣймемъ** — **прѣймемъ** (чудо об Агрике), **прѣймемъ** — **прѣймемъ** (чудеса об Агрике, о ковре), **прѣймемъ** — **прѣймемъ** (чудо о половчине 2 раза). Одинаковое ударение **вѣзмѣтъ** — **вѣзмѣтъ** (ПМ).

У нескольких глаголов (в основном а. п. а) разное ударение отмечено в аористе: **оукрадеса** — **оукрадеса** (чудо о царе Стефане 2), **сѣде** — **сѣде**, **вѣдѣ** — **вѣдѣ** (чудо о юноше Николе). У глагола **ѡвѣстѣти** (чудо о монастыре) с одинаковым конечным ударением в инфинитиве в аористе ударение разное: **ѡвѣстеса** — **ѡвѣстеса** (чудо о Дмитрии), **ѡвѣстѣ** — **ѡвѣстѣ** (чудо о злате), **ѡвѣстеса** — **ѡвѣстеса** (чудо о муже); ср. отглагольное существительное **ѡвѣстеніе** — **ѡвѣстеніе** (Житие).

У некоторых словоформ имеется колебание: **вѣрже** — **верже** (чудо о попе Христофоре; Житие), **поверже** — **поверже** (Житие), **возвѣрже** — **возверже** (чудо о половчине) при **вѣрже** (Житие); **подвижеса** — **подвижеса** (Житие) при **подвиже** (чудо о царе Стефане 2), **воздвѣже** (Житие); **и ѣторже** — **и ѣторже**, **стѣорже** — **ѣторже** (чудо о половчине) при **и стѣорже** (Житие). У глагола **постичѣти** / **постигнѣти** отступление есть в обеих книгах: **постѣже** — **постѣже** (чудо об Агрике) при **постѣже** (чудо о злате), **постѣже** (чудеса о срацине, о царе Стефане 2), **постѣже** — **постѣже** (чудо о срацине), **достѣже** (чудеса о Петре, о царе Стефане 2; Житие — 2 раза).

Разное ударение в одной глагольной форме встретилось у слов **крыѣше** — **крыѣше** (чудо о царе Стефане 2); **смѣѣше** — **смѣѣше** при **смѣѣши** (Житие); **прѣсимъ** — **прѣсѣмъ** (чудо о половчине). В парах **ѡдасѣ** — **ѡдасѣ**; **ѡдасѣ** — **ѡдасѣ**; **ѡдасѣ** — **ѡдасѣ** (чудо о ковре), **не дасѣ** — **не дасѣ** (чудо о половчине) в московском издании книжное ударение.

Правка акцентуации затронула причастия прошедшего времени. Если в московском издании у *-ен*-причастий глаголов а. п. а и б ударение накоренное, то в киевском издании оно изменено на суффиксальное: **оукрашенъ** — **оукрашенъ** (чудо об Агрике; Житие — 3 раза) при одном примере **оукрашенъ** (Житие) в киевском издании; ср. **красѣса** (чудо о царе Стефане 2), **красѣщемъ** (чудо о муже); при лексической правке в киевском издании **оукрашена** — **ѡволчѣна** (род.-вин.) (чудо о царе Стефане 1)³⁷; **оуѡзвенъ** — **оуѡзвенъ** (чудо о царе Стефане 2; в Житии инфинитив с одинаковым ударением **оуѡзвѣти**); **въ вѣрженомъ** — **въ вѣрженномъ** (дат.) (чудо о Симеоне), **низвѣржени** — **низвержѣни**, **привѣрженѣ** — **приверженъ** (Житие), **въ вѣрженѣ** — **въ вѣрженѣ** (дат. ж. р.) (чудо о муже), **и зверженаѡ ѡчеса** — **и зъ/верженнаѡ ѡчеса** (им.), **и зверженаѡ твоѡ ѡчеса** — **и зверженѣ-**

³⁷ Другие глагольные формы, одинаковые в обоих изданиях: **оукрасѣ** (Житие), **оукрасѣша** (ПМ), **оукрасѣвый** (Похвала 2).

наѡ твоѡѡ ѡчесѡ (им.) (чудо о царе Стефане I); ѡторженѣ (бѡше... цркви) — ѡторженѣ (ПМ); ѡсѡжденѣ — ѡсѡжденѣ (вин.), сподобленѣ — сподобленѣ (им.; у глагола тематизация ударения), предѡбренѣ — предѡбренѣ, оузаконенаѡ — оузаконенаѡ (Житие); раслабленыхъ — раслабленныхъ (Похвала 2); возлюбленнаго — возлюбленнаго (Похвала 1), без знака в киевском издании возлюблена — возлюблена (род.-вин.) (Житие), пре/возлюбленѣ — пре возлюбленѣ (чудо о монастыре), расслаблено — расслаблено (чудо о юноше Николе), наполненаѡ — наполненаѡ (чудо о злате).

Одинаковое ударение в обоих изданиях в причастиях оустроенѣ, оумоленѣ (Житие), восхощенѣ (чудо о половчине), похощенѣ (чудо о срацине) при разной акцентровке глаголов, а также в причастиях ношеное (чудо о злате), кшпленое (чудо о ковре), скорчени (чудо о юноше Николе) и др.

В -ен-причастиях от глаголов а. п. с суффиксальное и флексивное ударение московского издания изменено в киевском на корневое, хотя имеются отступления в членной и нечленной форме: (тѡлесѡ) положена — положена (чудо о детище) при положеное (чудо о злате), затворенѣ — затворенѣ (дат.), всаженѣ — в саженѣ (дат.) (чудо о злате), всаженѣ — всаженѣ (Житие), пренесенѣ — пренесенѣ (дат. м. р.) (чудо о муже), принесены быша мѡщи — принесены быша мѡщи (ПМ) при донесена (сказ. ж. р.) (чудо о муже), без знака при/несѣ — принесенѣ (ПМ), двѣри... за/ключены — двѣри... за/ключены (чудо о детище). Видимо, сюда же оубиенѣ — оубиенѣ; оубиенѣ — оубиенѣ (чудо о монастыре). Ср. одинаковое ударение принесенѣ (чудо о срацине), измленѣ — измленѣ (чудо о муже), надрченѣ (чудо об Агрике), повелѣно (Житие), поршченое — поршченое (чудо о Симеоне), обложенѣ (чудо о Петре), без знака положеномѣ — положеномѣ, положеное — положеное (чудо о злате) при разной акцентуации глагола, ѡпшченѣ (чудо о половчине) также при разной акцентуации глагола и др.

В целом правка, сделанная в киевском «Николине житии», соответствует тенденции западной зоны к суффиксальному ударению во всех группах -ен-причастий при некотором количестве причастий с корневым ударением; см. [Зализняк 1985: 340]. Так акцентуированы словоформы при лексической правке в киевском издании разраженѣ (ѡ зѣмлю) — оударенѣ (чудо о половчине), измненѣ (чудо о муже) при добавлении слова. Московское издание при достаточном количестве отступлений следует восточному типу акцентровки: в членных и нечленных причастиях от глаголов а. п. b ударение на корне, в членных причастиях от глаголов а. п. c ударение суффиксальное, в нечленных — флексивное.

В -н-причастиях от глаголов а. п. с имеющаяся в московской публикации восточная модель акцентровки изменена в киевском издании на западную³⁸: созданѣ — созданѣ (чудо о царе Стефане I; Житие), создана —

³⁸ Соответственно модель промежуточная между I подв. и окс. (проданѣ, проданѡ, проданѡ, проданы) и модель II бар. (проданѣ, продана, продано, проданы). См. [Зализняк 1985: 345—348].

создана (ж. р.) (чудеса об Агрике, о Дмитрии), создани есмь — создани есмь (ПМ); баше дано злато — баше дано злато (чудо о злате), дано — дано (чудо о ковре; Житие), предани быша — предани быша (Житие). Сюда же ѡкованъ — ѡкованъ (чудо о половчине). Однако одинаковое ударение в призва/на (род.-вин.) (чудо о царе Стефане 1).

Новое префиксальное ударение московского издания, характерное для восточной зоны, заменено на предфлексивное, отмечаемое в памятниках западной зоны, в посланъ — посланъ (чудо о Стефане 2); послани есмь — послани есмь, без знака Пбслани — Пбслани (Житие). В причастии по/знанъ — познани при отсутствии акцентного знака в киевском издании можно предполагать одинаковое старое ударение.

Разное ударение (в московском издании сдвинутое влево — корневое) в показаннаго — показаннаго (чудо о злате), связаны — связаны (Житие), связана — связана (род.-вин.) (чудо о царе Стефане 1). Книжная акцентовка в одинаковых ѡклеветани (Житие), избраннымъ (дат.) (Житие).

В киевском издании в -л-причастиях ударение изменено на отмечаемое в западной зоне предфлексивное: възда — въздалъ (чудо о половчине), оумерлъ — оумерлъ (чудо о монастыре)³⁹, пожи — пожилъ (Похвала 1), родила — родила (чудо о трех иконах), пребыви бысте оуменё — пребыви бысте оуменё (Житие), без акцентного знака в киевском издании пребывлъ — пребывъ (чудо о половчине). Одинаковое ударение в предала (дв. ч.) в чуде об Агрике.

Ударение московского издания сохранено в киевском издании в действительных причастиях прошедшего времени: собравъ, положивъ, пославъ (чудо о царе Стефане 2), подавъ (чудо о половчине), издавъ, предавъ (Житие), пребывъ, избывъ (чудо о злате), пстивъ — пстивъ, вксивъ — вксивъ (чудо о половчине), призвавъ (чудо о злате), призвавъ — призвавъ (чудо о ковре), без знака в одном издании призвавъ — призвавъ (чудо о царе Стефане 2). В членном причастии ударение разное: избавивый — избавивый (Житие).

Правка ударения сделана в некоторых других причастиях. В действительных причастиях наст. времени от глаголов а. п. а в московском издании ударение на корне, измененное в киевском издании на суффиксальное: правашъ — правашъ, праваша — праваша (род.-вин.) (Житие) при одинаковом исправити (Житие), не пославашъ — непославашъ (чудо о ковре), смыслашхъ — смыслашхъ (чудо о царе Стефане 1), видашци — видашци (чудо о ковре). Возможно, это связано с тематизацией, которая есть у видѣти в «Николине житии», а у смыслити отмечается в северо-западных памятниках; см. [Зализняк 2014: 299]. В причастии от глагола а. п. b такая же правка: хвалашце — хвалашце (чудо о ковре),

³⁹ При редакторской правке в киевском издании ѡ змерше (чудо о монастыре).

хвѣлащеса — хвалѣщеса (*Житие*)⁴⁰, хотя одинаково слѣжащаго (*чудо о злате*).

При обычном могѣи (*чудо о царе Стефане 2; Житие*) встретилось не могѣи — немогѣи (*чудо о ковре*). Ср. невѣдый — не вѣдый (*чудо о ковре*), вѣдый — вѣдый (*чудо о срацине*) при разной акцентровке глагола. Изменено ударение в страдательных причастиях настоящего времени знѣ/емыѣ — знаемыѣ (вин.) (*Житие*), ѡвѣдимымъ — ѡвѣдимымъ (дат.), за ѡвѣдимыѣ — за ѡвѣдимыѣ (*Житие*), ѡвѣдимымъ — ѡвѣдимымъ (дат.) (*Похвала 1*), некрадомо — не/крадомо (вин.) (*Житие*). В большинстве примеров разное ударение в причастии и прилагательном (не)видим(ый): невидимъ — невидимъ, ѡвидимыѣ — ѡвидимыѣ (*чудо о царе Стефане 2*), (сила) невидимѣ — невидимѣ (*чудо о половчине*), видимое — видимое (*чудо о муже*), невидимъ — невидимъ (*чудо о юноше Николе*), невидимъ — невидимъ (2 раза) (*чудо о срацине*) при одинаковом невидимъ — невидимъ (*чудо о злате*), невидимъ — невидимъ (*чудо о монастыре*), невидимъ — невидимъ (*чудо о ковре*); ср. нар. невидимо — невидимо (*чудо о половчине*). Это связано с тематизацией ударения в глаголе, как и у славымый — славымый в *Житии* и *ПМ*, хотя славымы в *Похвале 1*.

Судить об акцентровке глагола ити в киевском издании затруднительно, во-первых, из-за иктусной и неиктусной функции исо в книге, во-вторых, из-за частого отсутствия акцентного знака. См. одинаковое ѡ иде (*чудеса об Агрике, о Петре, о злате, о Симеоѣ, о ковре, о юноше Николе, ПМ*), идеши (*чудо о юноше Николе*), иди — Иди (*чудо о Петре*), ѡ иде — ѡ иде (*чудо о монастыре*), иде — иде, да идетъ — да идетъ (*чудо о трех иконах*), иди — иди (*чудо о Петре*). Тем не менее в московском издании глагол относится к а. п. b, в киевском — к а. п. c: идеши — идеши (*чудо о ковре*), да идетъ — да идетъ (*чудо о трех иконах*), идете — идете (кустода) // идете (так! *Житие*), идите — идите (*Житие*), идите — идите (*чудеса об Агрике, о попе Христофоре*). Разное ударение в аористе: иде — иде (*чудеса о Дмитрии, о трех иконах, о злате 2 раза*), иде же — иде же (*чудо о трех иконах*).

У приставочных глаголов одинаковое ударение: в презенсе старое найдетъ (*чудо о половчине*), пойдеша (*чудо о половчине*) при внидѣ — внидѣ (*чудо о Петре*), другие случаи без акцентного знака в киевском издании: пойдѣ — пойдѣ (*Житие*), не прійдетъ — не прійдетъ (*чудо о царе Стефане 2*), прійдетъ — прійдетъ (*чудо о половчине*); императив ѡ иди (*чудо о половчине*), поиди — Поиди (*чудо о Симеоѣ*), поиди, по иди — поиди (*чудо о юноше Николе*), по идите — поидите (*чудо о монастыре*), без акцентного знака изыди — изыди (*чудо о Петре*); аорист прейде (*чудо о царе Стефане 2; Житие*), дбиде (*чудо о попе Христофоре*), без акцент-

⁴⁰ Другие формы глагола: да похвалимы — да похвалимы (*Похвала 2*), хвалѣтса (*чудо о детице*), хвалимы (*чудо о половчине*), похвалѣше (*чудо о царе Стефане 1*).

ного знака **дѣйде** — **дойде** (чудо о ковре), **снѣде** — **снѣйде** (Житие), **пѣйде** (чудеса об Агрике, о срацине), **прѣйде** (Житие), **ѣзыде** (чудо о ковре), **ѣзыде** — **ѣзыйде** (чудо о юноше Николе), **ѣнѣде** — **ѣнѣйде** (чудо о юноше Николе). Только у одного приставочного глагола в аористе разное ударение: в *Житии* зафиксировано **прѣйде** — **прѣйде** (2 раза), хотя обычно в киевском издании эта словоформа не имеет акцентного знака: **прѣйде** — **прѣйде** (чудеса о попе, о ковре, о трех иконах, о царе Стефане 2, о половчине, о муже; Житие — 3 раза).

У приставочных инфинитивов ударение как разное, так и одинаковое: **ѣзыти** — **ѣзыйти** (Житие), **ѣзыти** — **ѣзыти** (Житие; ПМ), **ѣзыти** — **ѣзыйти** (чудо о Петре), **дойти** — **дойти** (чудо о ковре), **прѣйти** — **прѣйти** (чудо о половчине).

Киевское издание «Николина жития» 1680 г. отделяет от ставшего его оригиналом московского издания 1662 г. небольшой промежуток времени. Тем не менее еще сохранявшаяся в московской книге оттяжка ударения на предлог у существительных а. п. с в киевской публикации существует уже в качестве исключений. Об утрате оттяжки свидетельствует также московское издание 1679 г. Акцентологическая правка в киевском издании затронула все части речи и большое количество слов. Изменения ударения связаны с принадлежностью слов к разным акцентным парадигмам в микросистемах двух изданий «Николина жития», использованием территориальных (восточных и западных) акцентных вариантов, отражением процессов, происходивших на востоке и западе восточнославянской территории. В книге 1680 г. чаще встречается новое ударение. Московское издание более стабильно, в нем редко отмечаются колебания ударения; в киевском издании их гораздо больше. Если отступление совпадает с изданием 1662 г. и оказывается единичным при нескольких словоформах с одинаковым ударением, то в нем можно предполагать след московского оригинала. Это тем более вероятно, что есть сходство в орфографии (употреблении дублетных букв), слитном / раздельном написании слов, особенно предлогов с существительными и приставок с глаголами. В следующих московских изданиях акцентуация почти не меняется, хотя в книге 1679 г. тексты были отредактированы. В киевских изданиях 1700 г. (изредка) и 1738 г. проведено изменение акцентуации в сторону ее сближения с «московской». Исследование этой правки — тема отдельной статьи.

Л и т е р а т у р а

Зализняк 1985 — А. А. Зализняк. От праславянской акцентуации к русской. М., 1985.

Зализняк 2014 — А. А. Зализняк. Древнерусское ударение: Общие сведения и словарь. М., 2014.

Макеева 2011 — И. И. Макеева. Рукописная и старопечатная традиции сказаний о чудесах Николая Мирликийского // Русская агиография: Исследования, Материалы. Публикации. Т. 2. СПб., 2011. С. 366—415.

References

Makeeva 2011 — I. I. Makeeva. Rukopisnaya i staropechatnaya tradicii skazaniy o chudesakh Nikolaya Mirlikiyskogo // Russkaya agiografiya: Issledovaniya, Materialy. Publikacii. T. 2. St.-Peterburg, 2011. S. 366—415.

Zaliznyak 1985 — A. A. Zaliznyak. Ot praslavyanskoy akcentuacii k russkoy. Moskva, 1985.

Zaliznyak 2014 — A. A. Zaliznyak. Drevnerusskoe udarenie: Obshchie svedeniya i slovar'. Moskva, 2014.

РЕЗЮМЕ

Первое киевское издание «Николина жития» опубликовано в 1680 г. В его основу положено четвертое московское издание 1662 г. Тексты жития и сказаний о чудесах были отредактированы, но незначительно. Очень сильно изменена акцентуация, и акцентную микросистему книги 1680 г. уже следует охарактеризовать как микросистему западного типа. В статье подробно рассматриваются изменения ударения в словах разных частей речи, а внутри них — в разных группах слов. Изменения ударения обусловлены употреблением западных акцентных вариантов, принадлежностью слов к разным акцентным парадигмам в микросистемах двух изданий, отражением нового ударения и процессов, происходивших на востоке и западе восточнославянской территории.

Ключевые слова: старопечатные издания, акцентуация, редактирование.

Статья получена 12.03.2015

IRINA I. MAKEEVA

ACCENTUATION IN THE OLD-PRINT EDITIONS OF THE "LIFE OF ST. NICHOLAS" ISSUED IN MOSCOW AND KIEV

The first Kiev edition of the Life of St. Nicholas, issued in 1680, was based on the fourth Moscow edition of 1662. The text itself was emended only insignificantly but the accentuation was changed significantly. The accentuation microsystem of the edition of 1680 should be characterized as one of the western type. The article considers in detail the changes of accent in words of different parts of speech, and within them in different groups of words. Changes of accent are due to different factors: use of western accentuation variants, membership of words to different accent paradigms in the microsystems of the two editions, reflection of new accents or of processes specific to the East and the West of the East Slavic area.

Keywords: Old printing editions, accentuation, editing.

Received on 12.03.2015

В. В. ИСТРАТИЙ

**РУССКИЕ ИЗДАНИЯ «АПОФЕГМАТ» Б. БУДНОГО
И ФОРМИРОВАНИЕ НОРМ РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО
ЯЗЫКА В XVIII В.**

Среди первых книг гражданской печати — по преимуществу инженерных и технических руководств, учебных и прочих прикладных изданий — выделяются своим содержанием несколько книг, которые должны были не только просвещать и учить своего читателя, но и развлекать его, служить для него средством интересно и с пользой провести досуг. Таких книг было немного, все они стали известны русскому читателю и обрели популярность еще в допетровское время. Это «История о разорении града Трои», впервые напечатанная в 1709 г., сборник коротких историй из жизни античных философов и правителей «Апофегмата» (первое издание — 1711 г.), два перевода басен Эзопа — «Эзоповы притчи» (1712) и «Зрелище жития человеческого» (1712), а также «История о разорении последнем Иерусалима» (1713).

Все эти книги были опубликованы в тех самых переводах, которые уже давно имели хождение в рукописях. Некоторые из них были выполнены в конце XVII в.; например, басни Эзопа для «Зрелища жития человеческого» А. Виниус перевел в 1674 г. [Быкова 1955: 507]. Другие же появились значительно раньше: например, перевод биографии Эзопа, помещенный в «Эзоповых притчах» 1712 г., был создан в 1607 г. [Тарковский 1975: 7—9], а для публикации «Истории о разорении града Трои» в 1709 г. был использован отредактированный вариант перевода XVI или, возможно, даже конца XV в. [Творогов 1971].

Разумеется, язык этих переводов был церковнославянским и сохранял все книжные элементы морфологии и синтаксиса. Кроме того, некоторые из них были несвободны от буквализма и подвержены значительному влиянию оригинала¹. Другими словами, язык этих сочинений, напечатанных гражданским шрифтом в начале XVIII в., был весьма далек от языка новых переводов Петровской эпохи и не отвечал требованиям простоты и понятности, которые сам Петр предъявлял к языку новых изданий.

¹ В частности, речь идет о переводе «Истории о разорении града Трои» [Творогов 1971: 64—65] и «Житии по природе остроумного Есопа», помещенном в «Эзоповых притчах» [Тарковский 1975: 30].

Очевидно, эти тексты не нуждались в серьезной переработке: новая культура принимала их в прежнем виде, причем принимала достаточно долго, до конца XVIII в., поскольку все они активно переиздавались и при Петре, и в послепетровское время. Последнее издание древнерусского перевода «Истории о разорении града Трои» вышло в 1817 г., последнее издание «Истории о разорении последнем Иерусалима» — в 1809 г., последнее издание «Апофегмат» — в 1788 г. [Быкова, Гуревич 1955: 89, 142; Сводный каталог 2006: 131].

Как правило, эти сочинения переиздавались без значительных исправлений. В силу своей очевидной архаичности они расценивались как наследие старой культуры и потому, по всей видимости, не рассматривались издателями как заслуживающие серьезной правки, а исследователями — как ценный материал по истории русского литературного языка XVIII в. Но, возможно, правка именно этих текстов отражает изменения, значимые для норм литературного языка в тот период, когда производилось их исправление.

Истории редактирования одного из таких текстов, а именно изданиям «Апофегмат» (первое появилось в 1711 г., а последнее — в 1788 г.), и посвящена настоящая статья. При этом «Апофегматы» прошли через две серьезные правки в 1712 и 1788 гг. Далее мы рассмотрим, каковы были языковые особенности петровского перевода «Апофегмат» и каким исправлениям он подвергался в дальнейшем.

1. Польский оригинал и первые русские переводы «Апофегмат»

Сборник под заглавием «*Krótkich a węzłowatych powieści, które po Grecsku zowią Apophthegmata*» впервые увидел свет в Вильно в 1599 г. Автором книги был польский писатель Беняш Будный, известный своими переводами с латыни: на рубеже XVI—XVII вв. было опубликовано несколько поздних произведений Цицерона в его переводе — *Księgi o starości* (Wilno, 1596), *Księgi o przyjaźni* (Wilno, 1603), *O powinnościach* (Wilno, 1606) [Małek 2011: 11—12].

«Апофегматы», которые стали самой популярной книгой Будного, представляют собой сборник коротких историй об античных и средневековых философах, правителях, полководцах и других знаменитых людях. Книга состоит из четырех неравных по объему частей: первая часть содержит 300 рассказов о философах, вторая — 126 историй из жизни античных и польских государственных деятелей, третья — 44 рассказа о спартанцах и последняя — 17 рассказов о знаменитых женщинах [Ibid.: 13].

Неизвестно, какими источниками пользовался Будный при составлении сборника, была ли в его распоряжении готовая компиляция или же он обращался к отдельным сочинениям. В некоторых случаях содержание повестей и порядок их следования позволяют предположить, что среди источников «Апофегмат» были «Изречения царей и полководцев» и «Изре-

чения спартанцев» Плутарха и книга Диогена Лаэртского «О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов» [Никанорова 2001: 43—47; Анушкин 1971: 128].

Многие апофегмы сопровождаются поясняющими комментариями Будного, иногда довольно пространными. Кроме того, зачастую в подтверждение своих мыслей или для подкрепления содержащегося в апофегме поучения Будный приводит цитаты из античных поэтов. Особенно часто он цитирует Овидия, Горация и Ювенала. В некоторых случаях он дает только латинскую цитату, в других — сопровождает ее польским переводом [Małek 2011: 35—40].

«Апофегматы» сразу приобрели широкую популярность среди читателей, о чем свидетельствует значительное число переизданий: второе издание сборника появилось в начале XVII в., третье и четвертое — в 1614 г., оба они содержали новые апофегмы и дополнения к старым. Позднее книга переиздавалась (иногда с изменениями и дополнениями) еще семь раз; последнее издание относится к 1642 году [Małek 2011: 14—17].

Во второй половине XVII в., когда в Польше интерес к книге Будного уже начал угасать, она приобрела популярность у русских читателей. В это время в России много переводили польскую литературу, в том числе сборники коротких нравоучительных или забавных повестей: «Фацеции», «Римские деяния», «Великое зеркало». В числе этих переводов оказались и «Апофегматы». Очевидно, сначала книгу Будного в России читали на польском языке, о чем свидетельствует рукопись конца XVII в. из библиотеки князя Д. М. Голицына, содержащая польский текст «Апофегмат», записанный кириллическими буквами [Сазонова 1992: 95].

Затем появляются и переводы. Согласно исследованиям Э. Малек, во второй половине XVII в. появилось два независимых русских перевода «Апофегмат». Более поздний из них дошел в большом количестве копий, в то время как первый — лишь в одном списке [Małek 2011: 20—21]. Этот первый перевод отличается бóльшим буквализмом в следовании за польским оригиналом [Сазонова 1992: 95], чем, очевидно, и объясняется его меньшая популярность.

2. Первое издание 1711 г.

В марте 1711 г. «Апофегматы» «повелением царского величества» были напечатаны гражданским шрифтом под заглавием «Краткихъ, витіеватыхъ и нравоучителныхъ повѣстей. книгі три. Въ нихъ же, положены различныя вопросы, и отвѣты, житія, и поступки, пословицы и бесѣдованія различныхъ філософовъ, древнихъ»². В этом издании представлен новый, третий

² Ссылки на издания «Апофегмат» 1711, 1712 и 1788 гг. далее приводятся в тексте с указанием номера страницы.

русский перевод книги Беняша Будного. Однако выполнен он был не непосредственно для публикации, а лет за десять до этого, на рубеже XVII—XVIII вв. Сохранился рукописный вариант первой части «Апофегмат» в этом переводе, относящийся к концу XVII — началу XVIII в. [Małek, Nikolajew 2012: 35—36].

Обращает на себя внимание состав первого русского издания сборника, которое оказалось значительно короче своего оригинала. В нем полностью отсутствует четвертая часть, содержащая рассказы о мудрых женах. Но если это сокращение можно было бы приписать воле переводчика или редактора, то отсутствие главы о Сократе, с которой начинается первая часть, а также некоторых других отдельных апофегм заставляет предположить, что для перевода использовался дефектный польский экземпляр. На это же указывает и заглавие печатной версии, которое в действительности представляет собой не общее название сборника, а заголовок первой части, содержащей рассказы о философах. Э. Малек и С. И. Николаев, указывая на состав издания, крайнюю неупорядоченность его орфографического и пунктуационного оформления, высказали предположение, что подготовка его проходила в большой спешке. Вероятно, часть тиража была напечатана позднее, причем в процессе печатания в текст продолжали вноситься исправления: сохранившиеся экземпляры первого издания «Апофегмат» содержат некоторые расхождения, в основном касающиеся графики [Małek, Nikolajew 2012: 40].

Интересные сведения о подготовке книги к печати дает ее кавычный экземпляр, обнаруженный Л. И. Сазоновой в собрании библиотеки Московской Синодальной типографии. В рукопись была «киноварью внесена обширная языковая и стилистическая правка» [Сазонова 1992: 96], которая, по наблюдениям Э. Малек и С. И. Николаева, устраняла маркированные высокие книжные и просторечные элементы [Małek, Nikolajew 2012: 36—39].

Однако, несмотря на предварительные исправления, язык первого издания «Апофегмат» не свободен ни от просторечия, ни, в особенности, от книжных, церковнославянских форм и конструкций. В нем большим количеством примеров представлены практически все морфологические и синтаксические элементы, характерные для книжного языка рубежа XVII—XVIII вв.

Среди форм прошедшего времени здесь преобладают простые претериты, хотя и незначительно: на 680 форм прошедшего времени на -л приходится 665 форм аориста и 77 форм имперфекта (ср.: *восхотѣ* (51), *обрѣтохъ* (79), *возвестїша* (103); *прїсѣдяше* (25), *казняху* (80), *возвращаешя* (103); но: *ругался* (39), *не вїдалъ* (39), *говарївали* (44), *остерегла* (116) и т. д.). В 10 случаях употреблен перфект со связкой: *нѣкто рече ему* (Анаксагору. — В. И.): *се афїнянь лїшїлся еси* (61); *напрасно сіе ты сотворїлъ, что насъ къ себѣ прїзвалъ еси* (69); *Прежде времяни не былъ еси, и по маломъ часѣ не будеши. Каково сѣмя, отъ негоже родїлся еси; кую*

пішу матери твоя *пріимать еси*, въ чемъ *зтворень былъ еси*... (100) и т. д. Во всех десяти примерах речь идет о формах 2 л. ед. числа; здесь такое употребление диктовали грамматические руководства, в частности «Грамматика» Мелетия Смотрицкого в редакции Ф. Поликарпова, см. [Кутина 1978: 259], где в парадигме прошедших времен 2 лицо оформлял старый перфект. Кроме того, один раз встретилась форма давнопрошедшего времени: *Обыкль бѣ* глаголати, яко желѣзо ржа снѣдаеть (16).

Среди инфинитивов незначительно преобладают формы на *-ть*, которые встретились в тексте 443 раза (53,7%); примеров употребления форм на *-ти* чуть меньше — 382 (46,3%). Ср.: *хваіть* (1), *наказать* (3), *говорить* (3, 8), но *избрати* (14), *служіти* (15), *отдаліти* (18) и т. д. Возвратные инфинитивы используются преимущественно с книжными суффиксами: на 73 формы с *-ти* приходится только 10 форм на *-ть*: *ліиітіся* (8), *не разбітіся* (15), *прісмотрітіся* (28), но *дівітца* (11), *пужатся* (31), *осмотрітца* (65) и т. д.

Глагольные формы 2 лица наст. времени чаще употребляются с книжными окончаниями: на 88 случаев употребления форм на *-ши* (56,4%) — 68 форм на *-шь* (43,6%). Примеры: *желаеши* (12), *бѣжіши*, *имѣеши* (14), *вдаеіся* (26), *не ліиіііся* (28) и т. д.; ср.: *научаешъ* (12), *не пужаешся* (15), *красішся* (31) и т. д.

Двойственное число встретилось в тексте 6 раз, при этом лишь в одном случае форма не поддерживается числительным *два* или парностью называемых предметов: Неудобнѣ между *двома пріятелма* судъ судіть, неже между непріятелма (55); Нѣкому говорлівому чловѣку рече; есть ли бы ты *моіма ушіма* слышалъ, молчалъ бы (68); Тімонъ бо и ученікъ его діоскорідъ *бѣста* однооки (90); Паче же предъ *очіма* восхотѣль имѣти ту вещь... (124); воздѣвъ *руцѣ* къ небеси рече (127); отъ *двою* *слу* избірая, лучше избрахъ меньшее сло (152).

В функции деепричастия преимущественно употребляется несогласованная форма им. падежа м. рода ед. числа, например: онъ же венере потакнулъ, которая обѣщанія [так!] свое исполніла, *исходатаіствовавъ* ему елену (14); Богатые купцы *желая* болшіхъ богатствъ, и все *вѣрря* караблю, въ нѣшету пріходять (148) и т. д. Однако следует отметить, что в большинстве случаев эти формы относятся к существительным м. рода ед. числа: О чемъ король *разгнѣввся*, *сѣдя* у стола, велѣль арістіппу... (12).

Согласованные причастия в деепричастной функции уступают несогласованным по количеству употреблений, но тоже используются довольно активно: Арістіппъ смолчалъ ему перво, аки *не слышавыи*... (11); дохтуры *хотяще* недугъ тѣлесныи отдаліти, много претяять болнымъ (18); есть ли красішся *идыи* къ мушінамъ, непотребно (31); Красота добро кратко, *подшедши* подъ лѣта, / Малѣеть, и своего лішается цвѣта (57) и т. д.

Формы с суффиксом *-аши/-ѣши-* употребляются в «Апофегматах» как в значении превосходной, так и в значении сравнительной степени. При этом значение превосходной степени преобладает: суперлатив — 22 слу-

чая, компаратив — 12. Примеры: Кто отъ людей *крѣпчайшии* (5); всѣхъ *счастливѣйшее* есть въ счастья умереть (16); всѣхъ вещи *труднѣйшии*, таїну умолчати (80) и т. д.; но: что есть *острѣйшее* меча (52); Кірѣ *старѣйшии* царь персидскїи (118); Кіру *юнѣйшему* хотящу сразітїся съ непрїятеlemъ, совѣтова... (119) и т. д.

Широко употребляется оборот «дательный самостоятельный», встретившийся 40 раз: Случїся *ему караблешествующу въ корїнѣвѣ*, велїа буря на мори, и мало не разбїтїся караблю, въ томъ страху и арїстїппъ побледнѣлъ. то відѣвъ едїнь отъ карабленнїкъ *морю утїшївиуся*, рече... (15); Гуселнїкъ, иже бѣ мужїкъ что дубъ, ї на гуслѣхъ їгралъ бездѣлно, *всѣмъ не хваляцымъ*, едїнь токмо діогенъ похвалялъ, *многїмъ же чюдяцымъ*, чего ради то творїтъ, рече... (30); *Мїмошедшымъ же днемъ, королю просящу отвѣта*, еще лишнїхъ днєи испроси (Симонид. — В. И.) на размышленїе (86) и т. д.

Используется в «Апофегматах» и *простое отрицание* (всего 23 примера): *Нїчто добро дѣюще*, о слѣ промышляють (40); Речено бысть ему (Диогену. — В. И.), когда и кто по смерти тя погребетъ, яко *нїедїнаго раба имѣши* (42); емуже рече александръ, что се діогене, яко не воззрїши на мя, аки бы *нїкогда я тебѣ надобенъ былъ* (43) и т. д. Однако эта конструкция явно осознается переводчиком как архаичная, потому что встречается она относительно редко, а нормой является двойное отрицание: Человѣка разумнаго знакъ, *нї кого до бѣды не прївестъ* (1); на не прїстоїное дѣло *нїкогда не соїзволяи* (6) и т. д.

Конструкция «еже + инфинитив», уже в «Грамматике» М. Смотрицкого 1619 г. определенная как грецизм [Грамматики 2000: 429], в первом издании «Апофегмат» встретила 10 раз, ср.: Фалїсь мїлїтїискїи, вопрошенъ бывъ, что есть неудобнѣйшее; повѣда то, *еже познати* самого себе (45); велїко мїлосердіе есть, *еже* о глупомъ *мїлосердовати* (93); царское дѣло *еже* добро творїтъ, а слая пореченїя *терпѣть* (113), см. также 68, 69 — 3 примера, 77, 96, 150.

Книжный оборот «да + презент» используется и в значении повелительного наклонения (35 примеров), и в качестве придаточного цели (42 примера): рече ему король діонїсіи. *да скажетъ* что отъ філософїи. на то арїстїппъ отвѣщаль: и то чудо, что желаеши *да повѣмъ* отъ філософїи (12); рече (Аристотель. — В. И.): *да* ему *сыщутъ* вїна; которое прївозятъ изъ лезвы и родїса (21). Ср.: вопрошающу его, иже продаетъ, что умѣетъ, *да вѣсть* какъ бы его купцу похвалїти, рече діогенъ... (41); антїсѣенъ учїтель діогеновъ, всѣхъ ученїковъ восхотѣ отъ себя прочъ отогнать кромѣ діогена, егоже постоянства ради, оставїтъ не можаше. Іногда и жезломъ претя *да отїдетъ*. емуже діогенъ преклонївъ главу свою рече: не имаша такова тверда жезла *да отлучїтъ* меня отъ тебя (43—44) и т. д.

Для текста первого издания «Апофегмат» обычным является употребление связки в составном именном сказуемом, глагол *быть* при этом спрягается: азъ *есмь* человекъ, убо діогенъ *нѣсть* человекъ (26); аще не бы азъ

быль, обвинень бы *еси* былъ (9); Разумныи, всегда *естъ* полезень отчїзнѣ (79); Служебнїки невѣрныи, *суть* утробы вредїтелны въ дому (99) и т. д. Сохраняется связка и в причастном обороте: Позванъ *бывъ* на пїръ, не восхотѣ (25); На пїру *сыи* ядыше калачь (32); Плѣнена его ⟨Диогена. — В. И.⟩ *бывша*, изведоша продать (41) и т. д.

Часто встречаются формы церковнославянских местоимений: не правду ли *азъ* рекохъ... (13); еже нѣсть у мене, то у иныхъ бы взялъ (12); Самъ *себе* ни хвали, ни хули (22); хочещи *мя* быти твоїмъ должнїкомъ (109); вїжу *тя* быти подсмотршїка (28); еліко долѣе о томъ размышляю, толїко являеть *ми ся* вещь неудобнѣша (87); готовъ есмь *ти* азъ вспомогалство учїнїтъ (26); аще премудрости сподобїтїся хочещь, прїими *ю*, и научїся ея (100); *тои* слабѣе, иже нїчего не можетъ въ себѣ утайти (5); О женїтвѣ *сїцевъ* повѣда совѣтъ (80) и т. д. Однако в тексте используются и некнижные варианты этих местоимений.

Переводчик «Апофегмат» употребляет ряд книжных наречий: увѣдавъ же яко бѣ фїлософъ, *абїе* повелѣ его свободно пустїти (28); столпы, которые еще и *до днесъ* во егїптѣ, въ рїмѣ, въ царѣ градѣ стоятъ (141); Гнѣвлївыи челоувѣкъ *стло* безобразенъ (2); самая старость не творїтъ разумна ни кого, но *токмо* ученїе и искусство (51); едїнъ *точїю* віазъ нїчтоже взя съ собою (53); инои бо *овогда* въ рѣчь входїтъ на кошунство (53); повелѣ *толїко* дать, *елїко* хочеть (112); Не буди тамо, *идѣже* гордость владѣеть (5—6) и т. д.

Очень частотны в тексте различные книжные служебные слова: не разумѣеть, *аще* и со тшанїемъ слушаеть (10—11; всего 83 примера с *аще*); Нѣцїи болши въ то время гнѣваются, *егда* наказуютъ своїхъ (3; всего 175 примеров, при этом вариант *когда* встретился только 18 раз); нѣцїи суть тако скупїи, *акї бы* имъ здѣ вѣчно жїть. Инїи же щедри, *акї бы* имъ утре умереть (20; всего 13 раз); Едїнъ владѣлецъ, хотя имѣлъ градъ непреборїмыи, *обаче* добровольно здался александру (112; всего 10 раз); подобаеть же болши слушати, *неже* глаголати (73; всего 34 раза); слыхъ того ради боюсь, *яко* сли въ дѣлѣхъ своїхъ, а добрыхъ, *яко* слымъ сообщаются (45; всего 209 раз); Убожество учтївое лучши грады правїтъ, *ибо* оно есть учїтель всѣхъ художествъ (91; всего 22 раза); *їже* глаголетъ, *яже* хочеть. / Услышїтъ, *яже* не хочеть (79; всего 81 пример, относительное местоимение *їже* сохраняет свою парадигму); Просящымъ кїрїнеаномъ, *да бы* законы имъ предалъ, не восхотѣ (4; всего 68 раз); Ученїи *бо* скоро відїтъ, что за чѣмъ идетъ (19; всего 79 раз); Тои *убо* вопрошенъ, како кто пїянство остудїти можетъ (88; всего 9 раз).

Что касается параллельных именных форм, то здесь церковнославянские и русские формы также употребляются с приблизительно одинаковой частотностью.

Среди конкурентных форм имен существительных множественного числа очевидный перевес в одну из сторон наблюдается в дательном и творительном падежах. В дательном падеже формы на *-ам* / *-ям* встретились

соответственно 17 и 7 раз, при том что формы на *-ом /-ем* — 24 и 44 раза. Ср.: *ученікамъ*, *къ друзьямъ* (19), *къ дѣламъ* (23), *гостямъ* (25), *къ жителямъ* (32), *філософамъ* (35), *къ поступкамъ* (37), *по берегамъ* (119), *парьянамъ* (131), *королямъ* (144) и т. д.; но при этом: *къ слушателемъ* (3), *человѣкомъ* (15), *неволникомъ* (25), *чадомъ своимъ* (48), *пріятелемъ* помогаль (62), *княземъ* и *велможемъ* (93), *сыновомъ* (120).

В творительном падеже окончания *-ами/-ями* употреблены 35 и 6 раз, *-ы/-и* — 10 и 1 раз. Ср.: *полками* (25), *съ грѣхами* (35), *съ мѣшками* (37), *богатствами* (64), *воями* (73), *судіями* (134), *дѣлами* (141), *казначѣями* (143); но: честными *дѣлы*, *со други* своими (37), *съ прочіими философы* (69), *съ воіны* (117), *краткіми словесы*, иными изрядными *пріимты* (138). Кроме того, достаточно часто употребляются формы на *-ми*: *обѣщанми* (17, 18), *даянми* (18), *съ непріятелми* (55), *со ласкателми* (64), *возжелѣннми* (84) и т. д.

Однако в местном падеже варианты одинаково частотны: *-ѣхъ/-ехъ* — 29 / 5, *-ахъ/-яхъ* — 22 / 2. Ср.: *въ добродѣтелехъ* (4), *о трехъ вещехъ* (6), *на пѣрахъ* (32), *во всякіхъ пріпадахъ* (39), *въ наученіяхъ* (66), *на многіхъ бояхъ* (136), *при полкахъ* (117), *о вѣтрахъ* (147); *въ дву тѣлѣсѣхъ* (20), *о словесѣхъ* (23), *въ людехъ* (30), *въ рабѣхъ* (32), *въ дѣлѣхъ* (45), *въ воехъ* (111), *на многіхъ мѣстѣхъ* (149).

Прилагательные мужского рода в именительном и винительном падежах чаще употребляются с книжными окончаниями: *-ыи (-ии)* — 199 раз, *-ои (-еи)* — 40. Примеры: *пріказъ отцовскои* (1), *корабль разбоііичеи* (13), *вѣтїи непослѣднеи* (35), *служілои* нарядъ (103), *сапожнікъ убогои* (103), *челяднікъ хозяйскои* (105). Во многих случаях формы на *-ои/-еи* представляют собой субстантивированные прилагательные: *лакомои* (1), *стряпчеи* (9), *богатои* (29), *служівои* (110), *постелнічеи* (120), *вінної* (143; ср. тут же: *невинныи*). Но при этом: *гнѣвлівыи* *человѣкъ* (2), *недугъ тѣлесныи* (18), *страшныи* *грѣхъ* (24), *злыи* *знакъ* (31), *бракъ супружескїи* (31), *древнїи* *дохторъ* (66), *супостатъ домашнїи* (99), *на престоль царскїи* (120), *верховныи* *судъ* (146) и т. д.

То же распределение наблюдается и среди форм родительного и винительного падежей ед. числа м. и ср. рода: *-аго (-яго)* — 138, *-ого (-его)* — 56. Ср.: *-аго / -яго*: *благороднаго* *человѣка* (1), *отъ короля польскаго* (29), *въ ядовїтаго свѣрѣя* (30), *лїшняго* *гулянья* (40), *дни послѣдняго* (49), *чюжсаго* *сла* (55), *преславнаго* *стїхотворца* (115), *отъ утрешняго* *дни* (140); *-ого / -его*: *стряпчегого* (11), *жестокого* *закона* (19), *нічегого* *хорошего* (36), *мѣлкога* *разума* (72), *отъ малого* *человѣка* (100), *града рїмскаго* (105), *воеводскаго* *повелѣнїя* (151). Окончание *-ова* встретилось только в местоимениях: *какова* *мѣста* (23), *такова* *тверда* *жезла* (43), *имѣнїя* *нікакова* (47), *безъ порока* *какова* (64) — всего 13 примеров.

Среди форм родительного падежа ед. числа женск. рода, напротив, преобладают русские варианты, ср.: *-ои (-еи)* — 39, *-ыя (-ія)* — 19. Примеры: *-ои / -еи*: *отъ податнои* *госпожи* (33), *ненавісти* *пріятельскои* (45), *отъ овчеи* *волны* (72), *жены* *богатои* (80), *изъ памяти* *людскои* (115), *протївнои*

стороны (117); *-ья /-ия*: отъ *пространныя* рѣчи, *добрыя* славы (2), *высокія* мысли (4), *пріродныя* добродетели (32), отъ *истінныя* любви (45), отъ *честныя* жены (86), *велікія* славы (91), чести *плотскія* (100).

Еще более очевидный перевес в сторону русских форм наблюдается в окончаниях именительного и винительного падежей прилагательных во множественном числе: *-ые (-ие)* — 117, при этом *-ья (-ия)* — 17, *-ьи (-ии)* — 48. Ср. *-ые /-ие*: *сосуды скляннічныя* (5), *подтворныя* денги (35), *порозжіе* мѣшки (37), *крѣпкіе* богачи (59), *скверныя* нравы (88), *лішніе* пріхоти (111), *кувшінчіки гліняныя* (124), на *велікіе* службы (131), *новыя* уставы (140); *-ья /-ия*: *простыя* яди (15), сабли *оловяныя* (37), за *слыя* поступки (79), *благія* нравы (96), *сосуды хрусталныя* (106), *доброжеланія* *человѣчскія* (117), за *многія* тысящи (118), *служівыя* люди (140); *-ьи /-ии*: люди *добротніи* (18), *лжівіи* человекы (20), *догадлівыи* пословицы (45), *мнімыи* (50), во *иныи* дни (115), мужіе *добріи* (134), послы *лакедемонстіи* (151).

Кроме того, 12 раз в тексте встретились формы прилагательных мн. числа ср. рода винительного падежа на *-ая*: Сеи платонъ бѣ *человѣкъ* добродѣтельнъ сѣло, и *плотская* возжелѣнія имѣ въ себѣ умерщвлена (4); ты имѣши сілу, *слая* глаголати: азъ же имамъ мочь, того не слушати (14); таковыи надежни суть *добраго* воздаянія за своя *честная* дѣла (79) и т. д.

Итак, в петровском переводе «Апофегмат» книжные церковнославянские формы употребляются наравне с некнижными. При этом среди первых широко представлены и «признаки книжности» — те формы и конструкции, посредством удаления которых из текстов, написанных на гибридном церковнославянском языке, по мнению В. М. Живова, создавался «простой» язык Петровской эпохи. Это простые претериты, формы инфинитива на *-ти*, формы 2 л. ед. числа наст. врем. на *-ши*, формы превосходной степени на *-иши/-ѣиши-*, оборот «дательный самостоятельный», простое отрицание, оборот «*еже* + инфинитив» и т. д., см. [Живов 1986; 1988].

Соотношение форм позволяет заключить, что, с одной стороны, язык первого издания «Апофегмат» славянизирован в гораздо меньшей степени, чем жанрово и тематически схожие переводы XVII в. Например, в «Фацициях» — сборнике нравоучительных рассказов, переведенном на русский язык с польского в 1680 г., — соотношение форм прошедшего времени выглядит следующим образом: аорист — 84,9 %, имперфект — 4,0 %, перфект без связки — 11,1 % [Хабургаев, Рюмина 1971: 69]. В «Апофегматах» наблюдается совершенно иная картина: имперфект — 4,90 %, но при этом аорист³ — 47,27 % и перфект без связки — 47,83 %.

Однако, с другой стороны, едва ли языковой облик первого издания «Апофегмат» отвечал тем требованиям, которые предъявлялись к языку новых переводов Петровской эпохи, оказавшихся в числе первых изданий

³ Формы перфекта со связкой 2 л. ед. числа рассматривались как формы аориста, поскольку такое употребление диктует грамматика М. Смотрицкого.

гражданской печати. В «Апофегматах» на «признаки книжности» приходится половина форм, тогда как, например, в изданной в 1708 г. «Книге о способах, творящих водохождение рек свободное» имеется всего лишь одна форма аориста [Круглов 2004: 37].

3. Второе издание 1712 г.

Меньше чем через год после первого издания, в феврале 1712 г., сборник Беньяша Будного был напечатан во второй раз. Теперь книга получила название «Апофөгмата то есть краткихъ. вітєватыхъ и нравочітелныхъ рѣчи. кнѣги три...», под которым выходили и все последующие ее переиздания, за исключением последнего.

Второе издание сборника почти полностью совпадает с первым: начиная с 19-ой страницы «не только текст, но и набор совпадает с первым изданием» [Быкова, Гуревич 1955: 128]. Однако текст первых 18-ти страниц подвергся довольно существенной правке, как содержательной, так и языковой.

Во-первых, текст был заметно сокращен: из него были исключены комментарии к апофегмам и нравоучительные выводы из приводимых историй. Приведем некоторые примеры:

Нѣкоему глаголавшу: яко многіе тя хвалять. отвѣща: Что сло сотворіхъ.

Являя, яко люди скоряе то хвалять, что есть слое, а не доброе.

Повѣда, яко люди добротнїи избїрають себѣ предстатели и заступнїковъ сілныхъ и праведныхъ, а слїи *человѣцы* толко сілныхъ *щутъ на праведныхъ не смотря* (1711, 18).

Нѣкоему рекшу, многіе тя хвалять. отвѣща: что сло сотворіхъ.

Повѣда. яко люди добротнїи избїрають себѣ предстатели и заступнїковъ сілныхъ и праведныхъ, а слїи протївно (1712, 18).

В некоторых случаях в текст, наоборот, вводились пояснения, ср.:

ПЛАТОНЪ мудрецъ авїнеїскїи, ученїкъ сократовъ, иже перво званъ бысть арїстонъ, по томже отъ шїроты груди Платонъ прозванъ бысть (1711, 2).

О парїсѣ королевїчѣ троянскомъ пішутъ, яко три богїни. юнона, мїнерва, и венера, далїся на разсужденїе его, кая изъ нїхъ лучши (1711, 14).

...для которой (Елены. — *В. И.*), по томъ и троя разорена бысть; о семь кто хоцетъ, чти стїхотворца (1711, 14).

ПЛАТОНЪ мудрецъ авїнеїскїи, ученїкъ сократовъ, иже перво званъ бысть арїстонъ, по томже отъ шїроты груди Платонъ [то есть шїрокїи] прозванъ бысть (1712, 4).

О парїсѣ королевїчѣ троянскомъ пішутъ, яко три [по ихъ тогда словѣрству] богїни. юнона, мїнерва, и венера, далїся на разсужденїе его, кая изъ нїхъ лучши (1712, 14).

...отъ которой, по томъ и троя разорена бысть, по гнѣву юноны и мїнервы: о семь кто хоцетъ, чти баснотворца (1712, 15).

Остальные исправления касаются собственно языка перевода. В целом правка велась в тех же направлениях, что и при подготовке первого издания: при редактировании устранялись стилистически маркированные слова и конструкции, и книжные, и некнижные. Ср.:

1. Устранение некнижной лексики: *скасць людскои* (1711, 1) → *рѣчамъ чужімъ* (1712, 3); Жена добрая, рада за мужа умереть, а *ліхая* рада бы его скоряе уморіть (1711, 1) → ... а *сляя* рада его скоряе уморіть (1712, 3); чужее *хватають* (1711, 1) → чужее *похіцають* (1712, 3); въ наказаніи *лішку не переполніть* (1711, 3) → въ наказаніи *мѣру не потеряль* (1712, 5); Нѣкоему *лаюцу* его, молча (1711, 14) → Нѣкоему *слововацу* его (1712, 15).

2. Устранение славянизмов и архаизмов: *едіножды* (1711, 2) → *нѣкогда* (1712, 5); чѣмъ разнітся *вѣдуць* отъ *невѣдуца* (1711, 11) → чѣмъ разнітся *ученыи* отъ *неученаго* (1712, 12); се *нѣсть* філософу *лѣть* (1711, 11) → сіе *нѣсть* філософу *прілічно* (1712, 12); *повѣдалъ* (1711, 13) → *сказаль* (1712, 13).

Некоторые исправления можно назвать уточняющими, например: *чти стіхотворца* (1711, 14) → *баснотворца*⁴ (1712, 15); *міръ* братскіи крѣпчиши есть, паче всѣхъ крѣпчаішихъ стѣнь (1711, 16) → *любовь* братская... (1712, 16); Егда возвѣщено бысть ему, яко нѣщии отъ слыхъ хвалять его, на то *рече*... (1711, 17) → на то *отвѣца* (1712, 17); дохтуры хотяще недугъ тѣлесныи отдаліти, много претяють болнымъ, много дають неукусныхъ *вещеи* (1711, 18) → много дають неукусныхъ *лекарствъ* (1712, 18) и т. д.

Наконец, ряд исправлений касается связности текста — в этих случаях вводятся или устраняются служебные элементы, например: *Егда* вопросіль его діонісії король сікілійскіи (1711, 12) → Вопросіль его діонісії король сіцілійскіи (1712, 12); аще не бы азъ былъ, обвинень бы еси былъ. *онъ же на то сіце отвѣцаль*. та ми есть прібыль... (1711, 9) → аще бы азъ не былъ, то обвіненъ бы ты былъ. *онъ же отвѣца*: та ми есть прібыль (1712, 10); нѣчему дівітца, и пірь когда хочю имѣти, повара наімую (1711, 11) → нѣчему дівітца, и пірь *бо* когда хочю имѣти, повара наімую (1712, 12) и т. д.

Все рассмотренные исправления носят исключительно редакторский характер и ожидаемы при редактировании любого текста. Однако при подготовке второго издания «Апофегмат» была проведена еще и правка иного характера, представляющая для нас особый интерес. Речь идет о «признаках книжности». В некоторых случаях редактор, готовивший второе издание «Апофегмат», заменял книжные формы некнижными, ср.:

1. Из текста был устранен единственный случай употребления плюсквамперфекта: *Обыкль бѣ* глаголати, яко желѣзо ржа снѣдаетъ (1711, 16) → *Обыкль* глаголати, яко желѣзо ржа снѣдаетъ (1712, 17).

2. В одном случае форма аориста была заменена перфектным причастием: не правду ли азъ *рекохъ* (1711, 13) → не правду ли я *рекъ* (1712, 14).

⁴ *Баснотворец*, согласно [СлРЯ XVIII, 1: 147—148], — ‘писатель, излагающий мифологическое сказание, воспевающий мифических персонажей и их деяния’; в данном отрывке речь идет об «Илиаде» Гомера.

3. Один раз форма превосходной степени исправлена на положительную: *Філософъ истінныи не боітся смерти, и могутственнѣйшему правду говоріть можетъ* (1711, 8) → *Філософъ истінныи не боітся смерти, и могутственному правду говоріть можетъ* (1712, 10).

4. В одном случае согласованное полное причастие в деепричастной функции было заменено краткой формой муж. рода: *Арїстіппъ смолчалъ ему перво, аки не слышавыи* (1711, 11) → *Арїстіппъ смолчалъ ему перво, аки не слышавъ* (1712, 12).

5. В двух случаях устраняются архаичные формы местоимений: (1) ... то самъ *мя* научаешь (1711, 12) → ... то бы самъ *меня* наказалъ (1712, 13); (2) не правду ли *азъ* рекохъ (1711, 13) → не правду ли *я* рекъ (1712, 14).

6. Достаточно последовательной правке подвергаются книжные союзы, ср.: *Облічаемъ былъ въ томъ, яко* въ своемъ дѣлѣ къ суду стряпчего употреблялъ, нанявъ его, *аще и* самъ філософъ (1711, 11) → *Облічаемъ былъ въ томъ, что* въ своемъ дѣлѣ къ суду стряпчего употреблялъ, нанявъ его, *а* самъ філософъ (1712, 13), всего 7 случаев исправления союза *яко*.

7. В двух случаях местоимение *ся* преобразуется в постфикс: (1) *я* его наказать не хошу, *разгнѣвахъ бо ся* (1711, 3) → *я* его наказать не хошу, *разгнѣвахся бо* (1712, 5); (2) *аще бы ся ты научіль* сію ядь вкушати (1711, 15) → *аще бы ты научілься* сію ядь вкушати (1712, 16).

Интересно, что при этом второе издание «Апофегмат» демонстрирует изменения и прямо противоположного характера: в некоторых случаях «признаки книжности» не устраняются, а напротив, вводятся в текст, заменяя некнижные формы и конструкции. Ср.:

1. Четыре раза формы прошедшего времени на *-л* были заменены формами аориста: (1) *Просящымъ кірінеаномъ, да бы законы имъ предалъ, не восхотѣлъ. повѣдая...* (1711, 4) → *Просящымъ кірінеаномъ, да бы законы имъ предалъ, не восхотѣ* предати, повѣдая (1712, 6); (2) *Вопрошень, что ему корысти изъ той філософїи, отвѣцалъ. Та мнѣ корысть...* (1711, 8) → *Вопрошень, что ему корысти изъ філософїи; отвѣца. Та мнѣ корысть...* (1712, 9); (3) *онъ же (Аристипп. — В. И.) на то сіце отвѣцалъ. та ми есть прїбыль...* (1711, 9) → *онъ же отвѣца: та ми есть прїбыль* (1712, 10); (4) *началъ* облічати арїстіппа (1711, 11) → *начатъ* облічати арїстіппа (1712, 12)⁵.

2. В одном случае форма инфинитива на *-ть* заменяется формой на *-ти*: *Онъ же (Антисфен. — В. И.) вопрошень. кое ученіе всѣхъ потребнѣйшее, сказа: сла отлучїтсѧ* (1711, 17) → ...сказа: сла *отлучїтїся* (1712, 17)⁶.

3. Дважды в текст вводится конструкция «*еже* + инфинитив»: (1) *Не благороднаго человекѧ дѣло, въ очи хвалїть, а за очи хулїть* (1711, 1) →

⁵ Форму *начатъ*, очевидно, следует классифицировать как аорист, а не страдательное причастие, в противном случае в предложении отсутствует личная форма глагола.

⁶ Это исправление, строго говоря, было предпринято еще в рамках первого издания: в экземпляре БАН, который, по мнению Э. Малек и С. И. Николаева, был отпечатан раньше, представлена форма на *-ть*, а в экземпляре РНБ — уже на *-ти*.

Не благороднаго челоуѣка дѣло, *еже* въ очи кого *хвалитъ*, а за очи *хулитъ* (1712, 3); (2) Челоуѣка разумнаго знакъ, ні кого до бѣды *не прівестъ* (1711, 1) → Челоуѣка разумнаго знакъ, *еже* бы ни кого до бѣды *не прівестъ* (1712, 3).

4. При редактировании устраняется также конструкция с двойным отрицанием: *аще бы ся ты научилъ сію ядь вкушати, никогда бы мучителю не работалъ* (1711, 15) → *аще бы ты научился сію ядь вкушати, никогда бы мучителю работалъ* (1712, 16).

Кроме того, к замене двойного отрицания простым, возможно, следует отнести еще два примера: (1) на не прістойное дѣло *нікогда не соізволяи* (1711, 6) → на непрістойное дѣло *не соізволяи* (1712, 7); (2) на торгу за слова безъ денегъ *нічего не продають* (1711, 18) → на торгу за слова *не продають* (1712, 18).

Исправления, устраняющие и вводящие «признаки книжности», практически совпадают по количеству. Однако второй тип замен кажется несколько более последовательным: почти все примеры упрощения единичны (за исключением правки союзов). Таким образом, при подготовке второго издания «Апофегмат» насыщенный «признаками книжности» текст частично исправлялся и в сторону еще более строгого соблюдения старых книжных норм.

4. Последнее издание 1788 г.

При Петре I в России вышло пять изданий книги Беняша Будного. Вслед за вторым изданием 1712 года в 1716 г. были напечатаны третье и четвертое, одно в Москве, другое в Петербурге. Пятое издание вышло в Петербурге в 1723 г.

Популярность сборника сохранялась и в дальнейшем: об этом свидетельствуют и многочисленные рукописные копии древнерусских и петровского переводов, и переиздания книги, появившиеся после 20-летнего перерыва. В послепетровское время «Апофегматы» выдержали еще 6 изданий: в 1745 г. книга была напечатана в Петербурге «против 1-го издания 3-м тиснением», счет изданий при этом велся от первого петербургского издания 1716 г. В том же 1745 г. сборник был издан еще раз, затем переиздавался в 1765 (СПб., Венеция) и в 1781 (СПб.) годах. Кроме того, некоторые апофегмы из книги Будного были включены в такие популярные издания, как «Товарищ разумный и замысловатый...» П. Семенова (1764), «Письмовник» Н. Г. Курганова (1769), «Пересмешник» М. Д. Чулкова (1789) [Сазонова 1992: 97—98; Никанорова 2001: 43].

Разумеется, уже в середине XVIII в. язык «Апофегмат» казался слишком архаичным. 7 августа 1747 г. В. Н. Татищев писал И. Д. Шумахеру, очевидно, имея в виду как раз первое послепетровское переиздание 1745 г.: «В Апофегматах перевод неприличной неким несмысленным или высоко-

умным церковником высокой славенской язык, котораго мало люди разумеют, а паче люди неученые» [Татищев 1990: 326]. Однако все переиздания продолжали выходить без изменений и содержали все тот же перевод Петровского времени.

Возможно, такое «терпимое» отношение к языку петровского перевода объяснялось спецификой читательской аудитории, среди которой были популярны «Апофегматы» во второй половине XVIII в. Образованную часть российского общества сборник уже не мог заинтересовать ни своей «занимательностью», ни тем более «полезностью»: в этой среде на смену старой литературе давно пришла новая, ориентированная на западноевропейские каноны, а вместе с ней и новые переводы античных памятников. У массового же читателя «Апофегматы» продолжали пользоваться неизменной популярностью. Н. И. Новиков свидетельствует, что сборник Будного до конца столетия оставался «в уважении у чтецов из небогатых людей» (цит. по [Блок 1965: 76]). В той же среде обращались и многочисленные списки «Апофегмат». Как показывают записи на сохранившихся печатных и рукописных экземплярах книги, среди ее читателей были священники, семинаристы, купцы, чиновники, даже крестьяне [Сазонова 1992: 97]. По всей видимости, в этой среде архаичность перевода «Апофегмат» расценивалась скорее как его достоинство, чем как недостаток. По мнению В. В. Виноградова, специфические особенности книжно-славянского языка «в XV—XVIII вв. представляли собою как бы квинтэссенцию литературности для низших социальных слоев города, приобщившихся к книжной культуре» [Виноградов 1958/1978: 105].

Тем не менее, популярность книги делала целесообразным появление ее нового перевода или, по крайней мере, новой редакции старого. Последнее и произошло в 1788 г., когда в Москве увидело свет издание «Апофегмат», подготовленное Д. П. Тростиным и содержащее современную редакцию петровского перевода книги, которая теперь была напечатана под заглавием «Собрание нравоучительных, кратких и замысловатых речей. В трех частях, в которых помещены так же различные вопросы и ответы, жизни и поступки, пословицы и разговоры древних философов, знатных государей и других знаменитых мужей».

Долгое время считалось, что это издание содержало не редакцию, а новый перевод сборника [Сопиков 1816: 455; Сводный каталог 2006: 130—131], однако С. И. Николаев показал, что речь здесь идет именно о редакции. Основным источником ошибочной версии о новом переводе послужила цензурная ведомость конца 1780-х гг., где было указано, что рукопись «Собрания нравоучительных речей...» в ноябре 1787 г. представил переводчик Дмитрий Тростин. Однако сфера занятий адъютанта математики Дмитрия Петровича Тростина, как и книги, которые он издал позднее («Собрание нравоучительных речей» было его первым опытом), заставляют усомниться в том, что он владел польским языком и мог осуществить перевод сборника Б. Будного [Николаев 1993: 388—389]. Содержательно и

структурно издание 1788 г. повторяет предшествующие: в нем также отсутствуют четвертая книга с рассказами о мудрых женщинах, начальная глава о Сократе, отдельные апофегмы, а также все комментарии и примеры, исключенные при подготовке второго издания книги. Едва ли эти пропуски не были бы восстановлены, если бы редактор сверялся с оригиналом. Тростин же, напротив, вслед за редактором, готовившим второе издание 1712 г., исключал из книги некоторые апофегмы, иногда изменял порядок следования эпизодов, а кроме того, убрал из нее почти все уцелевшие стихотворные вставки, возможно, затрудняясь переложить их на современный язык.

Обращение же к тексту тростинского издания позволяет заключить, что в действительности оно «оказывается все тем же петровским переводом, в котором обновлена лексика и устранены устаревшие глагольные формы» [ИРЛ 1995: 92—93].

Еще одним подтверждением того, что издание Тростина представляет собой отредактированный перевод Петровской эпохи, могут служить ошибки редактора, вызванные тем, что он плохо понимал некоторые формы и конструкции этого архаичного перевода.

Например, он допускает ошибку, исправляя предложение с простым отрицанием: *діогенъ рече арістіппу, аще бы ты научілся сію ядь вкушати, нікогда бы мучітелю работаль* (1712, 16) → тогда Діогенъ сказаль Аристиппу, ежели бы научился ты эту пищу ѣсть, то *нікогда бы мучитель не работаль* (1788, 25).

Сложности вызывают у редактора и устаревшие словообразовательные модели. Так, например, слово *градец* ‘городок’ он заменяет словом *согражданин*, в результате чего смысл апофегмы теряется, ср.:

Пріѣхавъ во градъ мінду, и узрѣвъ ворота сѣло веліки, изрядно строены, самыи же *градець* не велікъ, рече (Диоген. — В. И.) къ жітелямъ, господа міндіана, затворіте врата, да вашъ *градець* ими не убѣжѣтъ (1712, 32).

Пріехавши въ городъ Минду, увидѣль большія ворота, и великолѣпно выстроенныя, *хозяйинъ* же оныхъ был не велик, сказаль жителямъ; господа Миндіане, затворите ворота, что бы вашъ *согражданинъ* не убѣжалъ (1788, 53).

Постоянные трудности Тростин испытывает с глаголом *имати*. В петровском переводе он используется в качестве вспомогательного для образования форм 1-го сложного будущего времени (Егда хочешь изыти изъ дому, перво помысли что *имаши творіти* (1712, 83)), а также в модальных конструкциях со значением долженствования (Тотъ солонъ {...} вопрошень бысть, почто не положѣлъ въ законѣ; како *имать казненъ быти*, иже отца своего убіеть (1712, 50)). Тростин часто путает эти значения, как произошло в следующем примере, где редактору не помогло даже однотипное строение конструкций:

О да бы люди размышляли, что *имуть размышляти*. разумѣли, еже по-

Да размышляютъ люди о томъ, о чемъ *размышлять будутъ*, да разумѣ-

требно есть разумѣти. Відѣли еже
имать видѣмо быти. слышали, еже по-
добааетъ имъ слышать. творїли, еже
имать быти творїмо... (1712, 99).

ють, что разумѣть имъ должно, да ви-
дятъ то, что *видно быть можетъ*, да
слушаютъ, что надобно имъ слышать,
да дѣлають, что *должно быть содѣ-
яно...* (1788, 169).

Иногда же Тростин делает неожиданные ошибки в лексике. Например, в следующем отрывке он не понял, что слово *красный* употреблено в значении ‘красивый’. В результате смысл апофегмы оказался искажен: пропало противопоставление *красивый* — *безобразный*, ср.:

Юношѣ *красну* идушу на пїрь бесѣ-
довати, сїце рече: узрїши яко безобра-
зень оттуда возвратїшїся (1712, 32).

Нѣкоторому молодому челоуѣку,
идушему на пирь и *въ лицѣ закраснев-*
шемуся, сказалъ слѣдующїя слова: уви-
дишь, что ты оттуда возвратишїся без-
образень (1788, 53—54).

Ошибки такого рода позволили С. И. Николаеву заключить, что Тростин «к своей достаточно несложной работе относился не очень внимательно и допускал небрежности» [Николаев 1993: 390]. Однако в любом случае язык тростинской редакции кардинально отличается от языка предшествующих изданий. И она, безусловно, заслуживает названия перевода в том смысле, что здесь «Апофегматы» были переведены с церковнославянского языка на русский литературный язык конца XVIII в.

Разумеется, морфологические и синтаксические «признаки книжности», такие как простые претериты, двойственное число, причастие в деепричастной функции, обороты «дательный самостоятельный», *еже* + инфинитив, *да* + презенс, были полностью устранены из текста, поскольку они уже давно перестали быть принадлежностью литературного языка.

Последовательность Тростина в его стремлении приблизить текст к современным нормам особенно ярко проявилась в лексической правке. Практически во всех случаях он заменяет церковнославянские по происхождению и традиционно-книжные варианты на стилистически нейтральные. Это касается не только местоимений и союзов, но также существительных, прилагательных и глаголов. Замене при этом подвергались не только окончательно устаревшие книжные элементы, ср.: *рече* (1712, 5) → *сказалъ* (1788, 5), *увѣдати* (1712, 5) → *узнать* (1788, 6), *емлетъ* (1712, 11) → *беретъ* (1788, 16), *глаголахъ* (1712, 23) → *произносилъ* (1788, 38), *сѣмо* (1712, 28) → *сюда* (1788, 45), — но и те славянизмы, которые еще использовались в качестве лексических средств «высокого штиля», ср.: *сребро* (1712, 10, 13) → *серебро* (1788, 15, 21), *злато* (1712, 14, 22) → *золото* (1788, 22, 36); *очи* (1712, 3) → *глаза* (1788, 1), *вящїая* (1712, 6) → *великая* (1788, 8), *сугуба* есть (1712, 6) → есть *двокая* (1788, 8), *нарецися* (1712, 8) → *назваться* (1788, 10), *повѣда* (1712, 8) → *говорилъ* (1788, 11), *едїножды* (1712, 14) → *однажды* (1788, 21), *узрѣвъ* (1712, 14) → *увидѣлъ* (1788, 21), *вкушати* (1712, 16) → *ѣсть* (1788, 25), по *ланїтъ* (1712, 27) → по *щекѣ* (1788, 44) и т. д.

Значительны изменения в синтаксисе перевода, в частности в области порядка слов. Тростин последовательно устранял из текста архаичные конструкции, нехарактерные более для литературного языка. Например, замечены подвергались случаи постпозитивного употребления определений, ср.: *сыну послушну* (1712, 3) → *послушному сыну* (1788, 2), *сосуды стклянічныя* (1712, 7) → *стеклянные сосуды* (1788, 9), *пїръ честныи* (1712, 12) → *честный пирь* (1788, 19), *водою чїстїтелною* (1712, 24) → *чистою водою* (1788, 40), *дрованосъ нѣкїй* (1712, 27) → *одинъ дрованосъ* (1788, 44), *мужїкъ дородный* (1712, 30) → *дородной мужикъ* (1788, 49), *сіломъ медовымъ* (1712, 30) → *медовымъ силкомъ* (1788, 50), *люди обычныя* (1712, 32) → *обыкновенные люди* (1788, 53), *на мѣстѣхъ скверныхъ* (1712, 36) → *въ безчестныхъ мѣстахъ* (1788, 60), *человѣку смышленному* (1712, 37) → *разумному человѣку* (1788, 63), *о любви слои* (1712, 40) → *о страстной любви* (1788, 66), *нравовъ добрыхъ* (1712, 44) → *хорошихъ нравовъ* (1788, 74), *судїею добрымъ* (1712, 45) → *хорошимъ судьею* (1788, 75) и т. д.

Изменяется порядок слов и в словосочетаниях с управлением: здесь зависимые элементы переносятся в постпозицию, ср.: *до бѣды не прївѣсть* (1712, 3) → *не доводитъ до погибели* (1788, 1), *мѣру не потерялъ* (1712, 5) → *не потерялъ мѣры* (1788, 5), ни опасается *мїлости лїшїтїся* (1712, 10) → *не опасается лишенїя милости* (1788, 14), *нача его ноги лобызать* (1712, 15) → *началь цѣловать его ноги* (1788, 24), *не меня вїнїте* (1712, 15) → *вините не меня* (1788, 24), *палкою ударївъ его* (1712, 27) → *ударивъ его палкою* (1788, 44), да и *здравїя не лїшїтїся* (1712, 28) → *да не лишишься своего здравїя* (1788, 46), *гуслями промышляти* (1712, 30) → *промышлятъ гуслями* (1788, 49), *только тѣхъ хвалятъ* (1712, 33) → *хвалятъ только тѣхъ* (1788, 54), *добродѣтель похваляї* (1712, 62) → *хвали добродѣтель* (1788, 102) и т. д.

Тростин последовательно исправляет случаи постпозитивного расположения сказуемого по отношению к зависимым от него словам. Такой порядок слов был характерен как для церковнославянских текстов XVII в., так и для переводов Петровской эпохи с латыни, немецкого и даже французского языков [Ковтунова 1969: 97—98; Литвина 1999: 128]. К концу XVIII в., однако, он уже был устаревшим, и потому в последнем издании «Апофегмат» подвергся правке, ср.: Другу такъ добро *дѣлаи*, чтобъ тебѣ безъ убытка *было* (1712, 3) → Прїятелю *дѣлай* добро такимъ образомъ, чтобъ ты самъ *былъ* безъ убытка (1788, 3); Создателю всѣхъ, духъ и премудросте, тебѣ душу мою *предаю* (1712, 4) → Создателю всѣхъ, Духъ и премудросте, Тебѣ *предаю* душу мою (1788, 3); Нѣкогда купїлъ себѣ куропать за пять ефїмковъ, нѣкто же ему то въ лакомство *вмѣнїлъ* (1712, 11) → Нѣкогда купилъ онъ себѣ куропатку за пять ефимковъ, то сіе нѣкто ему *вмѣнилъ* въ лакомство (1788, 16—17); Онъ же (Антисфен — В. II.) вопрошень. кое ученїе всѣхъ потребнѣшее, сказа: сла *отлучїтїся* (1712, 17) → Вопрошень будучи: какое ученїе всѣхъ потребнѣе? Сказал: *удалятьсѣ* отъ зла (1788, 27); рече: человѣка *ищу*, являя, яко не возможно человѣка и въ

велікомъ множествѣ *сыскать* (1712, 24—25) → На то сказалъ онъ: *ищу* челоуѣка, симъ доказывалъ, что не можно и въ великомъ множествѣ *сыскать* челоуѣка (1788, 41); Тогда сами на себя гнѣватіся *начінаемъ*, егда на свое сло *гнѣваемся* (1712, 74) → Мы сами на себя тогда *начинаемъ* сердиться, когда *сердимся* на свое зло (1788, 124) и т. д.

Схожие изменения производятся внутри составного глагольного сказуемого, где постпозиция спрягаемой формы (или предикатива) исправляется на препозицию, ср.: долго ли *учітїся восхоцетъ* (1712, 6) → долго ли *будетъ учиться* (1788, 7); слыхъ людеи нравы *сносіти можетъ* (1712, 7) → *можетъ терпѣть* злыхъ людей нравы (1788, 10); *нарїцатїся можетъ* (1712, 9) → *можетъ назваться* (1788, 14); *слушати его не восхотѣша* (1712, 25) → *не хотѣли его слушать* (1788, 40—41); чтобъ инымъ *говорїть досталось* (1712, 67) → что бы и другимъ *досталось говорить* (1788, 111); не всегда *гнѣватїся подобаетъ* (1712, 71) → не всегда *должно строго поступать* (1788, 117); егда самъ себе *познавати начахъ* (1712, 71) → какъ самага себя *началъ познавать* (1788, 118); во всемъ *угодїти можетъ* (1712, 79) → во всемъ *можетъ угодить* (1788, 132); котораго господїнъ *взять вельѣль* (1712, 105) → за что хозяинъ *вельѣль взять его* (1788, 181) и т. д.

Но кроме обновления языка «Апофегмат» Тростин преследовал и иные цели. Язык новой редакции должен был остаться литературным, то есть, он должен был обладать теми характеристиками книжности, «литературности», которые сформировались к концу XVIII в.

Проявлялось это, прежде всего, в устранении просторечных слов, а также слов, приобретших разговорную окраску. Например, Тростин производит замену *въ другорядѣ* (1712, 27) → *въ другой разъ* (1788, 44). Относительно наречия *вдругорядѣ* в «Словаре Академии Российской» указано, что оно используется «в просторечном употреблении» [САР₁ 1789—1794: II, 765]. Другим примером может служить замена *уморїть* (1712, 3) → *погубить* (1788, 2). Глагол *уморить* во второй половине XVIII в. развивает переносное значение, представленное в разговорных сочетаниях *уморить со скуки, уморить с тоски, уморить со смеху*, последнее из которых было настолько употребительным, что получило истолкование в «Словаре Академии Российской» [САР₁ 1789—1794: IV, 313]. Стилистический статус этого значения, а также производных слов *уморительный, умора* (ср. толкование во втором издании академического словаря: «Умора. Говорится о смехе и значит: весьма много, чрезвычайно. *Смеяться до умору*» [САР₂ 1806—1822: VI, 971]), очевидно, и стали причиной замены глагола *уморить* на лишенный разговорной окраски глагол *погубить*.

Однако Тростин не просто хотел устранить из текста «Апофегмат» слова и выражения, казавшиеся ему грубыми или недостаточно литературными, он стремился к определенному изяществу изложения и поэтому старался даже стилистически нейтральные слова заменить синонимами, которые считал более книжными, ср.: *помѣшкавъ* (1712, 12) → *помедливъ*

(1788, 19), *ушель* рукъ разбоінічѣхъ (1712, 14) → *избѣжалъ* рукъ разбойническихъ (1788, 22), *пужаюся* (1712, 16) → *скорблю* (1788, 25), *пужаешся* (1712, 16) → *соболѣзнуешь* (1788, 25), *паче укусныхъ* (1712, 16) → *нежели пріятную* (1788, 26), *боюся* (1712, 17) → *опасаюсь* (1788, 28), *харчу* (1712, 18) → *съѣстнова припасу* (1788, 29), *разнітся* (1712, 20) → *различествуетъ* (1788, 32), *чюдїся* (1712, 22) → *удивлялся* (1788, 36), *сызнова* (1712, 27) → *опять* (1788, 44), *червякъ* (1712, 28) → *червь* (1788, 46) и т. д.

С этой же целью — облагородить язык перевода — он включает в текст различные вводные конструкции, характерные для письменного языка, ср.: *такъ* (1712, 3) → *такимъ образомъ* (1788, 3), *сіце* (1712, 4) → *слѣдующимъ образомъ* (1788, 4), *едїначе* (1712, 7) → *одинакимъ образомъ* (1788, 9), *сіце* (1712, 11) → *такимъ образомъ* (1788, 16), *однакожъ* (1712, 11) → *по крайней мѣрѣ* (1788, 17—18), *тако* (1712, 15) → *такимъ образомъ* (1788, 25), *подобно* (1712, 18) → *равнымъ образомъ* (1788, 30).

Иногда он заменяет слова описательными конструкциями, кажущимися ему более красивыми: *у людеи велможныхъ* (1712, 9) → *въ обществѣ знатныхъ* (1788, 13), *тебѣ негодно* (1712, 12) → *для тебя кажется противно* (1788, 19), *сілѣтъ* (1712, 17) → *силу получаетъ* (1788, 27), *тѣмъ пітался* (1712, 20) → *тѣмъ себѣ хлѣбъ снискивалъ* (1788, 33), *сѣло разболѣлся* (1712, 21) → *здѣлался весьма больнь* (1788, 34), *по малѣ же времени* (1712, 21) → *по прошествїи малаго времени* (1788, 34), *черни* (1712, 25) → *простаго народа* (1788, 41) и т. д.

Особенно любопытным кажется пристрастие Тростина к существительным на *-ние*, *-ость* и *-ство*, которые он обильно вводил в текст своей редакции «Апофегмат» с теми же стилистическими задачами. Особенно часто он пользовался существительными на *-ние*: всего он включил в текст 160 таких слов. Обычно они заменяли существительные, однако в ряде случаев использовались для преобразования различных причастных оборотов, в частности, оборота с дательным самостоятельным. Ср.:

безъ бою (1712, 3) → *безъ сраженїя* (1788, 2), *прїказъ* (1712, 3) → *приказанїе* (1788, 2), *утѣха* (1712, 3) → *утѣшенїе* (1788, 2), *мука* (1712, 3) → *мученїе* (1788, 2), *прїбавка* (1712, 6) → *умноженїе* (1788, 7), *во обычаи* (1712, 6) → *въ обыкновенїе* (1788, 8), *основа* (1712, 8) → *основанїе* (1788, 10), *местъ* (1712, 8) → *мищенїе* (1788, 11), *азъ имамъ мочь* (1712, 15) → *я въ состоянїи* (1788, 23), *уставу* (1712, 17) → *установленїю* (1788, 27), *на свою красу* (1712, 20) → *для украшенїя своего* (1788, 32), *яко малои надеждѣ быть да оздравѣтъ* (1712, 21) → *что мало надежды было о его выздоровленїи* (1788, 34), *волю* (1712, 21) → *желанїе* (1788, 35), *вдаватїсь въ лишнюю рѣчь* (1712, 23) → *употреблять многоглаголанїе* (1788, 38), *по обычаю* (1712, 27) → *по обыкновенїю* (1788, 44), *морю утїшївшуся* (1712, 15) → *по прошествїи уже бури* (1788, 25); да ему сыщутъ вїна; которое прївозятъ изъ лезвы и родїса: прїнесену же бывшу, вкусїль родїскаго (1712, 21) → *Сыщите вина, которое привозятъ изъ Лезвы и Дориса, по принесенїи Дорискаго вина, отвѣдавши сказаль...* (1788, 34—35).

Существительных на *-ство* и *-ость* было введено значительно меньше — 30 и 14 соответственно. Например: *разнь* (1712, 5) → *разность* (1788, 6), *въ ніцету* (1712, 8) → *въ убожество* (1788, 11), *въ великіе бѣды* (1712, 26) → *въ великія опасности* (1788, 43), *сігкліть* лакедемонскіи (1712, 140) → *правительство* Лакедемонское (1788, 153).

Как видно из примеров, такие исправления, как правило, касались слов стилистически нейтральных и лишь в редких случаях были вызваны необходимостью заменить устаревшее или просторечное слово. Таким образом, существительные на *-ние*, *-ость* и *-ство* включались в текст с определенным стилистическим заданием — придать ему книжный, «литературный» облик.

Заключение

«Апофегматы» Беняша Будного не относились ни к серьезной литературе, ни к сочинениям, значимым в идеологическом плане. Эта книга и создавалась, и переводилась, и печаталась как хотя и поучительное, но легкое, развлекательное чтение. Именно в этом качестве она и была популярна. Язык «Апофегмат» не был объектом серьезной стилистической обработки ни при создании перевода петровского времени, ни при его последующем редактировании в начале и в конце XVIII в. Поэтому можно предположить, что в различных редакциях отразились самые основные и самые распространенные тенденции в развитии норм русского языка, характерные для времени, к которому относится правка.

Правка Петровской эпохи, результаты которой представлены на первых 18-ти страницах второго издания 1712 г., подтверждает значимость для языкового сознания этого времени тех морфологических и синтаксических показателей, которые принято называть «признаками книжности». Именно эти элементы стали объектом исправления при подготовке второго издания «Апофегмат», как это было и при редактировании «Географии генеральной», «Истории Петра Великого» и «Библиотек» Аполлодора. Однако в «Апофегматах» исправления были не всегда последовательны. Интересно, что в ряде случаев редактор не исключает, а напротив, вводит «признаки книжности» в текст. Причины такой редактурой могут быть различны: влияние на выбор форм мог оказать жанр текста, его изначально упрощенный характер, или же можно предположить, что «Апофегматы» оказались затронуты противоположной тенденцией — расширением сферы употребления церковнославянского языка, которое отметила для Петровской эпохи Л. Л. Кутина [1978: 252]. Ответ на вопрос, какие факторы в действительности оказывали влияние на выбор тех или иных форм, помогут получить только дальнейшие исследования правленных текстов Петровской эпохи.

Что же касается последней редакции «Апофегмат», подготовленной Д. П. Тростиным, то в ней особенно интересны изменения, связанные с воплощением того стилистического задания, которое ставил перед редакто-

ром текст. Язык последнего издания книги Будного, конечно, не может служить примером образцового литературного языка, так как содержит многочисленные ошибки и погрешности. Однако правка демонстрирует отчетливое стремление редактора сделать язык перевода не только понятным, но еще и красивым, литературным. С этой целью используются различные вводные, описательные обороты, а также многочисленные существительные с книжными славянскими суффиксами, которые должны были придать тексту необходимую литературность. Но если в начале XVIII в. стремление к правильности, книжности предполагало выбор определенно-го языкового регистра, языкового кода, набор параметров которого был достаточно строго закреплен, то в конце XVIII в. книжность создавалась за счет ограниченного набора стилистических средств, в принципе не обязательных и используемых в тексте, написанном на полифункциональном, общем для всех письменных жанров литературном языке.

Источники

1711 — Краткихъ, витіеватыхъ и нравоучительныхъ повѣстей. кнігі три. Въ нихъ же, положены различныя вопросы, и отвѣты, житія, и поступки, пословицы и бесѣдованія различныхъ філософовъ, древнихъ. Переведены с полскаго на славенской языкъ. Повелѣніемъ же царскаго величества Напечатаны въ москвѣ лѣта Господня 1711 въ мартѣ.

1712 — Апофегмата то есть краткихъ. витіеватыхъ и нравоучительныхъ рѣчей. кнігі три. Въ нихъ же, положены различныя вопросы, и отвѣты, житія, и поступки, пословицы, и разговоры различныхъ древнихъ філософовъ. Переведены съ полскаго на славенской языкъ. Повелѣніемъ же царскаго величества Напечатаны въ москвѣ лѣта Господня 1712 въ Февралѣ.

1788 — Собрание нравоучительныхъ, краткихъ и замысловатыхъ рѣчей. Въ трехъ частяхъ, въ которыхъ помѣщены такъ же различные вопросы и отвѣты, жизни и поступки, пословицы и разговоры древнихъ Философовъ, знатныхъ Государей и другихъ знаменитыхъ мужей. М., 1788.

Литература

Анушкин 1971 — А. И. Анушкин. «Апофегматы» Беняша Будного // Книга. Исследования и материалы. М., 1971. Сб. 22. С. 127—135.

Блок 1965 — Г. П. Блок. К характеристике источников «Словаря русского языка XVIII века» (художественная литература первой половины века) // Материалы и исследования по лексике русского языка XVIII века. М.; Л., 1965. С. 43—86.

Быкова 1955 — Т. А. Быкова. Затерянное издание «Зрелища жития человеческого» // Описание изданий гражданской печати. 1708 — январь 1725 г. Приложение II. М.; Л., 1955. С. 504—514.

Быкова, Гуревич 1955 — Т. А. Быкова, М. М. Гуревич. Описание изданий, напечатанных при Петре I. Три сводных каталога. М.; Л., 1955—1972.

- Быкова, Гуревич 1955 — Описание изданий гражданской печати. 1708 — январь 1725 г. / Сост. Т. А. Быкова и М. М. Гуревич. М.; Л., 1955.
- Виноградов 1958/1978 — В. В. Виноградов. Основные проблемы изучения образования и развития древнерусского литературного языка // В. В. Виноградов. История русского литературного языка. М., 1978. С. 65—154.
- Грамматики 2000 — Грамматики Лаврентия Зизания и Мелетия Смотрицкого. М., 2000.
- Живов 1986 — В. М. Живов. Новые материалы к истории перевода «Географии генеральной» Бернарда Варения // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. 1986. № 3. С. 246—260.
- Живов 1988 — В. М. Живов. Смена норм в истории русского литературного языка XVIII века // *Russian Linguistics*. 1988. Vol. 12. P. 3—25.
- ИРЛ 1995 — История русской переводной художественной литературы. Древняя Русь. XVIII век. Т. I. Проза. СПб., 1995.
- Ковтунова 1969 — И. И. Ковтунова. Порядок слов в русском литературном языке XVIII — первой трети XIX в. М., 1969.
- Круглов 2004 — В. М. Круглов. Русский язык в начале XVIII века: Узус петровских переводчиков. СПб., 2004.
- Кутина 1978 — Л. Л. Кутина. Последний период славяно-русского двуязычия в России // *Славянское языкознание. VIII международный съезд славистов*. Загреб — Люблина, сентябрь 1978 г. Доклады советской делегации. М., 1978. С. 241—264.
- Литвина 1999 — А. Ф. Литвина. К вопросу о синтаксисе текстов на «простом» языке начала XVIII века // *Russian Linguistics*. 1999. Vol. 23. P. 123—136.
- Никанорова 2001 — Е. К. Никанорова. Исторический анекдот в русской литературе XVIII века: Анекдоты о Петре Великом. Новосибирск, 2001.
- Николаев 1993 — С. И. Николаев. Из истории русских изданий «Апофегм» Беняша Будного // *ТОДРЛ*. Т. XLVIII. СПб., 1993. С. 388—390.
- САР₁ 1789—1794 — *Словарь Академии Российской*. СПб., 1789—1794.
- САР₂ 1806—1822 — *Словарь Академии Российской, по азбучному порядку расположенный*. СПб., 1806—1822.
- Сазонова 1992 — Л. И. Сазонова. Апофегматы // *Словарь книжников и книжности Древней Руси*. СПб., 1992. Вып. 3 (XVII в.). Ч. 1. А—З. С. 94—98.
- Сводный каталог 2006 — Сводный каталог русской книги XVIII века. 1725 — 1800: в 6-ти т. СПб., 2006. Т. 1.
- СлРЯ XVIII — *Словарь русского языка XVIII века*. Вып. 1—6. Л., 1984—1991. Вып. 7—20. СПб., 1992—2013.
- Сопиков 1816 — В. С. Сопиков. Опыт российской библиографии. СПб., 1816. Ч. IV.
- Тарковский 1975 — Р. Б. Тарковский. Старший русский перевод басен Эзопа и переписчики его текста. Л., 1975.
- Татищев 1990 — *Научное наследство*. Том XIV. Василий Никитич Татищев. Записки. Письма. 1717—1750 гг. М., 1990.
- Творогов 1971 — О. В. Творогов. Древнерусский перевод «Троянской истории» Гвидо де Колумна и издание 1709 г. // *ТОДРЛ*. Т. XXVI. Л., 1971. С. 64—71.
- Хабургаев, Рюмина 1971 — Г. А. Хабургаев, О. Л. Рюмина. Глагольные формы в языке художественной литературы Московской Руси XVII века (К вопросу о понятии «литературности» в предпетровскую эпоху) // *Филологические науки*. 1971. № 4. С. 65—76.

Małek 2011 — E. Małek. Первый древнерусский перевод Апофегмат Беняша Будного: Исследование и издание текста. Łask, 2011.

Małek, Nikolajew 2012 — E. Małek, S. Nikolajew. «Апофегматы» Беняша Будного в переводе Петровского времени. Łódź, 2012.

References

Anushkin 1971 — A. I. Anushkin. «Apofegmaty» Benyasha Budnogo // Книга. Issledovaniya i materialy. Moskva, 1971. Sb. 22. S. 127—135.

Blok 1965 — G. P. Blok. K kharakteristike istochnikov «Slovyara russkogo yazyka XVIII veka» (khudozhestvennaya literatura pervoy poloviny veka) // Materialy i issledovaniya po leksike russkogo yazyka XVIII veka. Moskva; Leningrad, 1965. S. 43—86.

Bykova 1955 — T. A. Bykova. Zatoryannoe izdanie «Zrelishcha zhitiya chelovecheskogo» // Opisanie izdaniy grazhdanskoy pechati. 1708 — yanvar' 1725 g. Prilozhenie II. Moskva; Leningrad, 1955. S. 504—514.

Bykova, Gurevich 1955 — Opisanie izdaniy grazhdanskoy pechati. 1708 — yanvar' 1725 g. / Sost. T. A. Bykova i M. M. Gurevich. Moskva; Leningrad, 1955.

Bykova, Gurevich 1955 — T. A. Bykova, M. M. Gurevich. Opisanie izdaniy napechatannykh pri Petre I. Tri svodnykh kataloga. Moskva; Leningrad, 1955—1972.

Grammatiki 2000 — Grammatiki Lavrentiya Zizaniya i Meletiya Smotrickogo. Moskva, 2000.

IRL 1995 — Istoriya russkoy perevodnoy khudozhestvennoy literatury. Drevnyaya Rus'. XVIII vek. T. I. Proza. St.-Peterburg, 1995.

Khaburgaev, Ryumina 1971 — G. A. Khaburgaev, O. L. Ryumina. Glagol'nye formy v yazyke khudozhestvennoy literatury Moskovskoy Rusi XVII veka (K voprosu o ponyatii «literaturnosti» v predpetrovskuyu epokhu) // Filologicheskie nauki. 1971. № 4. S. 65—76.

Kovtunova 1969 — I. I. Kovtunova. Poryadok slov v russkom literaturnom yazyke XVIII — pervoy treti XIX v. Moskva, 1969.

Kruglov 2004 — V. M. Kruglov. Russkiy yazyk v nachale XVIII veka: Uzus petrovskikh perevodchikov. St.-Peterburg, 2004.

Kutina 1978 — L. L. Kutina. Posledniy period slavyano-russkogo dvuyazychiya v Rossii // Slavyanskoe yazykoznanie. VIII mezhdunarodnyy s'ezd slavistov. Zagreb — Lyublyana, sentyabr' 1978 g. Doklady sovetskoy delegatsii. Moskva, 1978. S. 241—264.

Litvina 1999 — A. F. Litvina. K voprosu o sintaksise tekstov na «prostom» yazyke nachala XVIII veka // Russian Linguistics. 1999. Vol. 23. P. 123—136.

Małek 2011 — E. Małek. Первый древнерусский перевод Апофегмат Беняша Будного: Исследование и издание текста. Łask, 2011.

Małek, Nikolajew 2012 — E. Małek, S. Nikolajew. «Апофегматы» Беняша Будного в переводе Петровского времени. Łódź, 2012.

Nikanorova 2001 — E. K. Nikanorova. Istoricheskiy anekdot v russkoy literature XVIII veka: Anekdoty o Petre Velikom. Novosibirsk, 2001.

Nikolaev 1993 — S. I. Nikolaev. Iz istorii russkikh izdaniy «Apofegm» Benyasha Budnogo // Trudy Otdela Drevnerusskoi Literatury. St.-Peterburg, 1993. T. 48. S. 388—390. SAR1 1789—1794 — Slovar' Akademii Rossiyskoy. St.-Peterburg, 1789—1794.

SAR2 1806—1822 — Slovar' Akademii Rossiyskoy, po azbuchnomu poryadku raspolzheniyu. St.-Peterburg, 1806—1822.

- Sazonova 1992 — L. I. Sazonova. Apofegmaty // Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevney Rusi. St.-Peterburg, 1992. Vyp. 3 (XVII v.). Ch. 1. A—Z. S. 94—98.
- SIRYa XVIII — Slovar' russkogo yazyka XVIII veka. Vyp. 1—6. Leningrad, 1984—1991. Vyp. 7—20. St.-Peterburg, 1992—2013.
- Sopikov 1816 — V. S. Sopikov. Opyt rossiyskoy bibliografii. St.-Peterburg, 1816. Ch. IV.
- Svodnyy katalog 2006 — Svodnyy katalog russkoy knigi XVIII veka. 1725 — 1800: v 6-ti t. St.-Peterburg, 2006. T. 1.
- Tarkovskiy 1975 — R. B. Tarkovskiy. Starshiy russkiy perevod basen Ezopa i perepischiki ego teksta. Leningrad, 1975.
- Tatishchev 1990 — Nauchnoe nasledstvo. Tom XIV. Vasiliy Nikitich Tatishchev. Zapiski. Pis'ma. 1717—1750 gg. Moskva, 1990.
- Tvorogov 1971 — O. V. Tvorogov. Drevnerusskiy perevod «Troyanskoy istorii» Gvido de Kolumna i izdanie 1709 g. // Trudy Otdela Drevnerusskoi Literatury. T. XXVI. Leningrad, 1971. S. 64—71.
- Vinogradov 1958/1978 — V. V. Vinogradov. Osnovnye problemy izucheniya obrazovaniya i razvitiya drevnerusskogo literaturnogo yazyka // V. V. Vinogradov. Istoriya russkogo literaturnogo yazyka. Moskva, 1978. S. 65—154.
- Zhivov 1986 — V. M. Zhivov. Novye materialy k istorii perevoda «Geografii general'noy» Bernarda Vareniya // Izvestiya AN SSSR. Seriya literatury i yazyka. 1986. № 3. S. 246—260.
- Zhivov 1988 — V. M. Zhivov. Smena norm v istorii russkogo literaturnogo yazyka XVIII veka // Russian Linguistics. 1988. Vol. 12. P. 3—25.

Резюме

Статья посвящена формированию норм русского литературного языка в XVIII в. Материалом исследования послужили три редакции одного текста — «Апофегмат» Беняша Будного. «Апофегматы» — популярный сборник коротких занимательных рассказов об античных философах и правителях, переведенный с польского языка. С 1711 по 1788 г. он выдержал 11 изданий на русском языке и дважды подвергался редактированию. Перевод «Апофегмат», представленный в первом издании 1711 г., был выполнен в соответствии с языковыми нормами конца XVII в. ПРАВКА, внесенная в текст при подготовке второй редакции 1712 г., отражает процесс формирования «простого языка» Петровской эпохи. Последняя редакция 1788 г. выполнена в соответствии с нормами русского литературного языка конца XVIII в.

Анализ правки 1712 г. подтверждает теорию В. М. Живова о формировании «простого языка» Петровской эпохи путем устранения из текстов, написанных на гибридном церковнославянском языке, ряда грамматических форм, слов и синтаксических конструкций. Обширная лексическая, синтаксическая и стилистическая правка, предпринятая Д. П. Тростиним при подготовке последнего издания «Апофегмат» 1788 г., преследовала две задачи: исправить текст в соответствии с нормами конца XVIII в. и придать ему определенную «литературность».

Ключевые слова: история русского литературного языка, языковая правка, признаки книжности

Статья получена 07.04.2015

VICTORIA V. ISTRATY

**RUSSIAN EDITIONS OF THE B. BUDNY'S "APOPHTHEGMATA"
AND THE FORMATION OF STANDARD RUSSIAN LANGUAGE NORMS
IN THE 18th CENTURY**

The paper deals with the development of the norms of the Russian standard language in the 18th century. The study is based on three editions of one text — the Russian translation of the Bieniasz Budny's "Apophthegmata", a popular collection of short stories about ancient philosophers and governors. Between the years 1711 and 1788 eleven editions of "Apophthegmata" appeared in Russian, two of them newly revised. The language of the first edition (1711) conforms to the norms of the end of the 17th century. The second edition (1712) reflects the process of forming the "simple" language in the Petrine period. The last revision, of 1788, was based on the norms of the end of the 18th century.

The analysis of the editorial changes in the 1712 edition confirms V. M. Zhivov's theory of the formation of the "simple" language during the Petrine period by means of a process of shearing certain forms, words and syntactic constructions ("markers of bookishness") from the texts written in hybrid Slavonic. Extensive lexical, syntactic and stylistic corrections made by Dmitry Trostin in 1788 pursued two aims: to bring the text into accord with the norms of the end of the 18th century and to make the style of the text more "literary".

Keywords: history of the Russian standard language, language editing, the markers of bookishness

Received on 07.04.2015

ПОЛЕМИКА

М. Н. ШЕВЕЛЕВА

НЕКОТОРЫЕ СООБРАЖЕНИЯ ПО ПОВОДУ КНИГИ Д. В. СИЧИНАВЫ «ТИПОЛОГИЯ ПЛЮСКВАМПЕРФЕКТА. СЛАВЯНСКИЙ ПЛЮСКВАМПЕРФЕКТ» (М., 2013)

Недавно вышедшая книга Д. В. Сичинавы о плюсквамперфекте — фундаментальное исследование грамматической категории плюсквамперфекта в языках мира в типологическом аспекте и на этом фоне — славянского плюсквамперфекта и его истории от праславянского состояния до современности; главное внимание в «славянской» части монографии уделяется восточнославянскому (вост.-слав.) ареалу, судьбе древнерусского плюсквамперфекта в вост.-слав. языках, в особенности — его «наследникам» в русском языке нового времени. Книга Д. В. Сичинавы сразу вызвала большой интерес, стала событием для грамматистов как типологов, так и славистов-русистов; для последних, возможно, в особенности, поскольку до сих пор в исторической русистике таких обобщающих исследований судьбы вост.-слав. плюсквамперфекта на широком фоне типологических данных не было, а интерес к плюсквамперфекту за последние 10 лет в русистике резко возрос. Книга написана так ясно, ярко и увлекательно, что заставляет читателя следить за развитием авторской мысли с неослабевающим вниманием буквально от начала и до конца. Это редкое свойство для научных сочинений подобного рода — комплименты излишни — книга действительно написана замечательно.

Появлению этой увлекательной книги предшествовал ряд статей автора о плюсквамперфекте и его реликтах в русском языке — как отмечает сам Д. В. Сичинава, статьи эти, пополненные новым материалом и откорректированные с учетом позднейших наблюдений и соображений автора, легли в основу ряда разделов монографии. Новая книга обобщает и углубляет идеи предшествующих работ автора, в том числе и взгляд на проблемы, которые были предметом нашей с ним (и его соавтором П. В. Петрухиным) дискуссии о древнерусском плюсквамперфекте на страницах журнала «Русский язык в научном освещении» ([Петрухин, Сичинава 2006; 2008; Шевелева 2007; 2008; 2009]).

Мне бы хотелось сейчас посмотреть на книгу Д. В. Сичинавы с позиции исторической русистики — того, что дают идеи этой работы для понима-

ния процесса истории славянского плюсквамперфекта в вост.-слав. диалектной зоне и собственно в истории русского языка. При этом сразу же надо сказать, что славянская и древнерусская проблематика, как указывает и сам автор (с. 13), присутствует во всей книге, а не только во 2-ой её части, непосредственно посвященной славянскому плюсквамперфекту. Более того: вся типологическая часть исследования важна для реконструкции истории древнерусского плюсквамперфекта.

1. Книга Д. В. Сичинавы очевидно продемонстрировала перспективность привлечения типологических данных и обращения к диахронической типологии и грамматической семантике для исторической русистики. При всей тривиальности этого тезиса, практическую его реализацию мы встречали нечасто, и всегда апелляция к грамматической типологии оказывалась очень продуктивна. Достаточно вспомнить замечательные работы Ю. С. Маслова о типологии славянских временных систем, перестройке славянской, и в частности древнерусской, системы времен, славянской сопоставительной аспектологии [Маслов 2004], обращение к типологическим параллелям из европейских языков в грамматических очерках книги о древнерусском языке П. Я. Якубинского [1953: п. 492, 709 и др.] и, конечно же, предложенную А. А. Зализняком трактовку древнерусской ситуации в области прошедших времен, снимающую казавшиеся прежде непримиримыми противоречия между показаниями древнерусских бытовых и оригинальных книжных (летописных) текстов: уход аориста и имперфекта в сферу пассивного знания при сохранении возможности грамматически правильного их употребления в литературных текстах и вытеснение их в живой речи превратившимся в универсальный претерит перфектом — ситуация, сходная с современными французским и сербохорватским языками и отражающая, очевидно, аналогичную стадию эволюции временной системы, общего ареального процесса, характерного для многих языков Европы [Зализняк 2004: 173—174], об ареальном характере вытеснения старых претеритов перфектом см. также [Маслов 1984/2004: 293—302]. Именно при описании эволюции древнерусской глагольной системы обращение к общей и ареальной типологии оказалось особенно перспективным.

В этом русле выполнено и исследование Д. В. Сичинавы о плюсквамперфекте. Надо сказать, что в собственно типологической 1-ой части книги уклон в диахроническую грамматическую семантику очевиден: в центре внимания автора проблемы типологии развития полисемии плюсквамперфекта, грамматикализации и деграмматикализации тех или других значений формы и др. Этим работа особенно ценна для историка-русиста.

1.1. Открывающая книгу первая глава (1.1.) о свойствах и семантике плюсквамперфекта — базовая для всего исследования. Здесь описывается типология развития значений плюсквамперфекта в языках мира. Показано, как на основе таксисного значения и значения результирующего состояния в прошедшем (которые Д. В. Сичинава считает правильным рассматривать

отдельно, а не как единый кластер, поскольку «устойчивость этого кластера из двух значений не является универсальной» (с. 27—28)) развиваются вторичные значения плюсквамперфекта: прекращенная ситуация, аннулированный результат и проксиматив ('чуть было не', 'совсем было'), дистанцированное прошедшее — давнопрошедшее, экспериенциальное значение — в силу часто возникающей связи его с действием, которое ныне уже не осуществляется, и известные в языках мира модальные и эвиденциальные значения плюсквамперфекта [Сичинава 2013: 21—39]. Здесь же рассматривается вопрос о дискурсивных функциях плюсквамперфекта, детальному описанию которых посвящен отдельный раздел ниже (1.3.). Как пишет автор, практически неизвестны языки, где форма плюсквамперфекта не развивала бы «хотя бы одно дополнительное значение» (с. 32), — для «плюсквамперфекта характерен целый ряд устойчивых вторичных употреблений» (с. 21). Семантический механизм развития этих значений показан в книге очень хорошо, описан тонко и аккуратно; не менее изящно, с привлечением большого, в том числе и древнерусского материала разобраны дискурсивные функции плюсквамперфекта в разделе 1.3. (с. 104—124). Эти основополагающие разделы книги о типологии семантики и функций плюсквамперфекта заслуживают самых высоких похвал — это сделано очень интересно, тонко, точно и убедительно.

Обращу внимание на то, что значения прекращенной ситуации, аннулированного результата (и проксиматива) и давнопрошедшего совершенно справедливо трактуются как вторичные значения плюсквамперфекта. В обобщающей главке об общих закономерностях и механизмах развития этого круга значений «зоны неактуального прошедшего» (1.1.2.10) Д. В. Сичинава вполне сочувственно цитирует точку зрения Т. А. Майсака — С. Г. Татевосова, согласно которой «антирезультативность является, по всей видимости, прагматической импликатурой, появление которой определяется тем, что Плюсквамперфект противопоставляет два временных плана — актуальный, включающий момент речи, и неактуальный», использование говорящим формы плюсквамперфекта позволяет слушающему домысливать отмененность результата, поскольку в случае его сохранения был бы употреблен перфект, — так возникает антирезультативность, которая «легко снимается, если этого не требует коммуникативный контекст» [Майсак, Татевосов 2001] — см. [Сичинава 2013: 41—42]. В конце всей книги, подводя общие итоги, Д. В. Сичинава еще раз возвращается к идее Т. А. Майсака — С. Г. Татевосова о импликатурной природе вторичных значений плюсквамперфекта и говорит об аргументах в ее пользу еще более определенно [Сичинава 2013: 346]. Такая трактовка механизма развития значений «зоны неактуального прошедшего» представляется очень реалистичной.

Кстати, в главке о значении «прекращенной ситуации» (1.1.2.3.) Д. В. Сичинава разбирает литовский материал, где «значение 'неактуальной ситуации' как будто бы пересекается со значением 'перфект в прошедшем' (или

является его прагматической импликатурой)» [Сичинава 2013: 28—29] — еще один аргумент в пользу гипотезы о имплицатурной природе значений зоны «неактуального прошедшего». При этом здесь базой для развития такого значения оказывается результативное значение плюсквамперфекта; думаю, еще очевиднее это для антирезультативного значения, легко возникающего в соответствующем контексте на базе результативного (см. об этом [Маслов 2004: 442; Шевелёва 2007: 217, 237—240] и др.), ср. выше [Майсак, Татевосов 2001]). Поэтому сомнения Д. В. Сичинавы относительно того, из какого изначального значения могли бы вытекать вторичные имплицатурные (может быть, значения «давнего прошедшего»?) [Сичинава 2013: 346—347], как кажется, более вероятно решать в пользу значения «перфекта в прошедшем» (смещенно-перфектного, результативного).

В заключающей семантический раздел книги главке о диахроническом развитии плюсквамперфекта (1.1.3.) говорится о направлении эволюции по пути полной утраты таксисной семантики и семантики «результативности в прошедшем» и эксплуатации трех основных типов вторичных значений: 1) значений зоны «неактуального прошедшего», 2) ирреальных, 3) эвиденциальных [Сичинава 2013: 42—43]. «Неактуальные» значения плюсквамперфекта, как мы видим, стоят в этом ряду вторичных значений имплицатурной природы, в ходе исторического развития во многих языках вытесняющих первичные значения формы и подвергающиеся грамматикализации.

Мое пристальное внимание к трактовке проблемы типологии значений плюсквамперфекта и взаимоотношений результативного значения с антирезультативным и другими значениями сферы «неактуального прошедшего» связано с нашей прежней полемикой по вопросу о семантике древнерусского плюсквамперфекта (см. [Шевелева 2007; 2008; Петрухин, Сичинава 2006; 2008]). Общая типология этой проблематики, как она представлена в новой книге Д. В. Сичинавы, — все, что мы обсудили выше, — представляется мне достоверной и убедительной. Антирезультативные и другие значения зоны неактуального прошедшего трактуются как вторичные, развившиеся из устойчивых контекстных имплицатур таксисного и результативного значений плюсквамперфекта. Разногласий в общей трактовке эволюции семантики плюсквамперфекта у нас нет.

1.2. Главным пунктом разногласий в нашей полемике был вопрос о спектре значений древнерусского не книжного («сверхсложного») плюсквамперфекта, а именно о наличии/отсутствии у него первичного результативного значения. Как мне представляется, оно изначально было свойственно и новой не книжной форме типа *далъ есмь былъ* и лишь со временем утратилось в части вост.-слав. диалектов (большой части великорусских, включая говоры литературного типа), уступив место значениям из сферы «неактуального прошедшего», развившимся из контекстных имплицатур (причем если значения антирезультативного типа возможны в соответствующем контексте и у старой «книжной» формы типа *далъ бѣ / баше*, то значение дистанцированного прошедшего развивается, судя по всему, ис-

ключительно у новой формы, чему могло способствовать переосмысление ее морфологической структуры) [Шевелева 2007: 218—220 и др.; 2008: 217—220; 2009].

Общей типологии эволюции семантики плюсквамперфекта, как она представлена в книге Д. В. Сичинавы, эта концепция вполне соответствует. Вопрос остается в том, в чем состоит специфика развития новых, так называемых «сверхсложных» форм плюсквамперфекта и их соотношения с формами «старыми» по данным типологии. Второй вопрос — о хронологии соответствующих семантических изменений в вост.-слав. ареале. Решение последнего вопроса, естественно, связано с интерпретацией данных памятников древней письменности и современных говоров.

Обратимся сначала к общему вопросу о специфике сверхсложных форм плюсквамперфекта. В книге Д. В. Сичинавы им посвящен большой и очень важный для всей монографии раздел «Ареальная типология: сверхсложная форма плюсквамперфекта в Евразии» (1.4.). Устанавливается существование двух больших ареалов употребления сверхсложного плюсквамперфекта (т. е. с аналитическим вспомогательным глаголом): европейский и азиатский, при этом славянская зона оказывается на стыке этих двух ареалов и трактуется как третий ареал, совмещающий черты первых двух (с. 165—166). Однако по семантике славянский сверхсложный плюсквамперфект все-таки ближе к западноевропейскому (см. с. 166, 127 и др.), поэтому, думается, правильнее считать эту зону периферией европейского ареала, тем более что Д. В. Сичинава даже предполагает, что именно вост.-слав. область могла стать исходной точкой перестройки системы прошедших времен в языках Европы (с. 157, 166) (об этой гипотезе см. ниже, 3.2).

Ареал развития сверхсложного плюсквамперфекта в Европе «достаточно четко коррелирует с утратой аналитическим перфектом своего первоначального значения достигнутого состояния или важного для говорящего события, после чего эта форма начинает означать просто прошедшее время» (с. 129), т. е. с ареалом превращения перфекта в претерит — см. об этом выше в связи с работами [Маслов 1984/ 2004: 293—302; Зализняк 2004: 174]. Таким образом, развитие древнерусского нового «сверхсложного» плюсквамперфекта оказывается включенным в ареальную проблематику перестройки системы прошедших времен, где простое прошедшее вытесняется бывшим перфектом.

Перейдем к самому главному — семантике сверхсложного плюсквамперфекта. Как показано в книге Д. В. Сичинавы, для вспомогательного глагола сверхсложных форм характерна эволюция в «показатель «ретроспективного сдвига»» (с. 130—135), а для самих форм — развитие в направлении утраты таксисной и результативной семантики и специализации на значениях из сферы неактуального прошедшего: «Оказывается, что для европейских сверхсложных форм эта семантика характерна в целом более, чем для «регулярных» плюсквамперфектов с прошедшим временем вспомогательного глагола (которые в Западной Европе почти всегда тоже су-

ществуют в тех же языках). Прежде всего, для западноевропейской сверхсложной формы не характерно таксисное значение ⟨...⟩ Нечасто встречается и такое специфическое именно для плюсквамперфекта значение, как перенос семантики перфекта в план прошедшего ⟨...⟩» (с. 136—137). Такая ситуация характерна для большинства романских и германских языков, имеющих сверхсложную форму, — в книге приводится обширный показательный материал (см. с. 137—150). Обратим при этом внимание: здесь говорится о явном преобладании у сверхсложной формы вторичных «неактуальных» значений и о редкой представленности — нехарактерности, т. е. оттеснении на периферию — первичных значений, но не о полном отсутствии последних. Несомненно, речь идет об очевидной тенденции вытеснения прежних значений плюсквамперфекта у сверхсложной формы вторичными «неактуальными», но, как следует из текста книги, далеко не во всем ареале этот процесс достиг своего полного завершения.

Обращает на себя внимание ситуация во французском языке и северных диалектах итальянского, где сверхсложная форма вытесняет устаревший прежний плюсквамперфект в разговорной речи, тогда как в литературных текстах продолжает употребляться старый плюсквамперфект — старая и новая (сверхсложная) формы в этих системах синонимичны и распределение между ними исключительно «регистрово-стилистическое» [Сичинава 2013: 135—136]. Сверхсложный плюсквамперфект здесь вполне возможен в первичных (таксисном и результативном) значениях: «В обоих этих базовых употреблениях сверхсложное прошедшее синонимично французскому плюсквамперфекту, образованному при помощи аориста — *passé antérieur*, и противопоставляется ему только как регистровый вариант (относясь к *temps de discours*, к временам, связанным с дейктическим центром, согласно дихотомии Бенвениста)» [Сичинава 2013: 136]. Д. В. Сичинава называет такую ситуацию во французском литературном и североитальянских диалектах «специфической», поскольку для других языков Европы, имеющих сверхсложную форму, ее синонимия со старым плюсквамперфектом нехарактерна, — но обратим внимание: это именно те языки, устройство системы прошедших времен в которых, по мысли А. А. Зализняка, обнаруживает максимальное сходство с ситуацией в раннедревнерусском [Зализняк 1995: 155; 2004: 174]! Распределение старых книжных и новых разговорных форм прошедшего времени с изначальной синонимией тех и других — и в это распределение изначальное включались и старые книжные / новые некнижные (сверхсложные) формы плюсквамперфекта — так же ведь могло быть и в раннем древнерусском, если в отношении распределения простых претеритов / перфекта французская и древнерусская системы аналогичны. Д. В. Сичинава пишет, что «⟨е⟩если оставить указанные факты (т. е. ситуацию во французском и североитальянских диалектах. — М. Ш.) в стороне», то для европейских сверхсложных форм в целом характерно закрепление значений из зоны «неактуального прошедшего» (с. 136, см. также с. 137—143). Но для исторической руси-

стики никак нельзя «оставлять в стороне» эти факты глагольных систем, максимально сходных по устройству с древнерусской.

Кроме того, обратим внимание, что и во французском языке тенденция к развитию у сверхсложного плюсквамперфекта «неактуальных» значений и постепенному вытеснению первичных значений на периферию обнаруживается со времени первых фиксаций этой формы: «⟨с⟩ древнейших фиксаций (для старофранцузского это XII век) мы видим прежде всего именно значения отмененного результата и прекращенной ситуации» (с. 137), тогда как первичное результативное значение сверхсложной формы «употребляется все реже и для разговорной речи нехарактерно» (с. 136). Значит, в этой системе работает та же характерная для всего европейского ареала сверхсложной формы тенденция, но работает она медленнее, специфическое распределение временных форм повествования / разговорной речи, возможно, способствует длительному сохранению такой стадии эволюции системы временных форм с регистровым распределением синонимичных старой и новой (сверхсложной) форм плюсквамперфекта.

В процессе эволюции перфекта и отношении его к старым простым претеритам «⟨д⟩ для Руси XI—XIII в., по-видимому, можно предполагать стадию, близкую к современному французскому языку» [Зализняк 2004: 174] — тем более мы должны быть внимательны к данным французского. Другой приводимый А. А. Зализняком аналог древнерусской ситуации с распределением прошедших времен — современный сербохорватский язык, переживающий, очевидно, сходную с раннедревнерусским стадию процесса перестройки временной системы [Там же: 174]. И в сербохорватском, как и во французском, сверхсложная форма может факультативно употребляться в результативных контекстах [Сичинава 2013: 151—152], хотя гораздо более характерно для нее антирезультативное употребление [Там же: 152—153], — видимо, несколько более продвинутая стадия того же процесса эволюции семантики сверхсложной формы, чем во французском, но в целом сходная.

В западнославянских языках (чешском, словацком, старопольском), имеющих сверхсложный плюсквамперфект, первичная результативная и даже таксисная семантика для него тоже возможна [Там же: 150—151] (подробнее о материале славянских языков в книге см. ниже).

Данные исследования Д. В. Сичинавы показывают, что для всего европейского ареала сверхсложных форм плюсквамперфекта, включая славянский, характерна тенденция к эволюции семантики формы по пути специализации на выражении антирезультативных и других значений сферы «неактуального прошедшего», однако темпы этого процесса неодинаковы в разных языках и не везде первичные значения плюсквамперфекта у сверхсложной формы полностью утрачены. Как следует из приводимых в книге материалов, везде «неактуальные» значения отмечаются у сверхсложного плюсквамперфекта уже с первых его фиксаций, но не всегда это означает «мгновенное» расхождение его семантики со старым плюсквамперфектом

и невозможность их синонимичного употребления. Различия в темпах реализации общей тенденции эволюции и специфика протекания этого процесса, видимо, обусловлены какими-то дополнительными обстоятельствами в конкретных языковых системах.

Итак, типологически для древнерусского языка стадия развития нового плюсквамперфекта в его соотношении со старым, аналогичная таковой во французском или современном сербохорватском, вполне возможна и даже вероятна. Решить вопрос о том, какова была в действительности ситуация в древнерусскую эпоху, можно только на основании данных памятников.

2. Как уже говорилось выше, главным пунктом нашей полемики был вопрос о наличии у древнерусского не книжного плюсквамперфекта результативного значения — это отмечает и Д. В. Сичинава в новой книге (с. 197)¹. Он пишет о нехарактерности для др.-рус. сверхсложной формы типичного для книжного плюсквамперфекта значения «результатирующее состояние в прошлом» и о «текстологической и контекстуальной неоднозначности» приводимых мной примеров этого значения формы из Киевской и Суздальской летописей (КЛ и СЛ) [Сичинава 2013: 196—197].

Не буду сейчас возвращаться к этим неоднократно обсуждавшимся примерам (см., например: [Шевелева 2008: 233—236]), хотя не все они мне кажутся ненадежными. Добавлю некоторые факты.

В поле зрения нашей дискуссии, к сожалению, не попал один из древнейших примеров не книжной формы (если не самый ранний) из Поучения Владимира Мономаха (ПВМ).² Пример читается после рассказа Мономаха о своей жизни и непосредственно после описания «охот» (в котором основной нарративной формой оказывается превратившийся в претерит перфект, синонимичный аористу: *олень ма одинъ болъ. а ѿ в. лоси // идинъ ногама топталъ. а други рогома болъ. вепрь ми на бедръ мечь ѿталъ. медвѣдь ми оу колѣна подъклада оукусилъ. лютыи звѣрь скочилъ ко мнѣ на бедры и конь со мною поверже*, л. 83 и др.) — в заключающем этот рассказ обращении Мономаха к детям и читателям. Как показал А. А. Гиппиус, есть все основания возводить этот фрагмент к первоначальной части ПВМ, составление которой с наибольшей вероятностью может быть отнесено к зиме 1099/1100 гг. [Гиппиус 2003: 89—91]. Вот этот пример:

Да не зазрите ми дѣти мои. но инъ кто прочеть не хвалю бо са ни дерзости своего. но хвалю Ба и прославляю млт ѿ него. иже ма грѣшнаго и худаго селико лѣ^м сблю^о ѿ тѣхъ часъ смртныхъ и не лѣнива ма былъ створилъ худаго на вса дѣла члвчѣкаа потребна (ПВМ, л. 83).

¹ Как справедливо отмечает автор [Сичинава 2013: 197], многие другие высказанные в ходе полемики замечания (в частности, о необходимости различать формы плюсквамперфекта и синтаксические конструкции с полнозначным бытийным глаголом и др.) в данной работе учтены.

² Об обеих формах плюсквамперфекта в ПВМ см. подробнее [Шевелева 2015].

Завершая этим обращением рассказ о своей жизни, воинских и охотничьих подвигах, Мономах благодарит Бога за то, что Он уберег его от всех смертельных опасностей (*сблю*^о 'сохранил, уберег' — видимо, аорист *сблюде*, менее вероятно — причастие *сблюдь*, но в любом случае в перфектном значении сохранения результата на момент речи) и создал его (до всех описанных событий — в момент начала его жизни) не ленивым и способным преодолеть все испытания. Плюсквамперфект *быль створишь* здесь имеет значение перфектности, смещенной в прошлое: сохраненным результатом оказывается вся последующая жизнь Мономаха, только что перед этим описанная. Употребление плюсквамперфекта здесь задает регресс (ведь события, явившиеся проявлением дарованных ему Богом качеств, уже были описаны), что тем более важно в контрасте с формой *сблюде*, относящей результирующее состояние к моменту речи ('уберег, сохранил — до сегодняшнего дня'), *быль створишь* же относит начало результирующего состояния к моменту, предшествующему времени описанных событий.

Вряд ли реалистично предполагать, что это состояние мыслилось говорящим как аннулированное к моменту речи. Значения из сферы неактуального прошедшего (прекращенной ситуации, антирезультатива или давно прошедшего) мне представляются здесь маловероятными. Вряд ли Мономах хочет сказать, что в данный момент обращения к детям и читателям он утратил дарованное Богом трудолюбие, вряд ли хочет представить дарованные ему добродетели прекратившими существование. Даже если принять во внимание завещательный жанр этого текста, такая трактовка кажется мало приемлемой. Кроме того, надо учесть, что устоявшиеся представления о коннотациях завершения жизни в ПВМ во многом преувеличены — в значительной мере они связаны с литературными источниками этого сочинения, в действительности же, как показал А. А. Гиппиус, Поучение писалось Мономахом отнюдь не в старческом возрасте, когда князь был еще полон сил [Гиппиус 2003: 69—71]. Но даже если бы это было связано с коннотациями «старости», повторю, мало вероятно, чтобы Мономах в этом прославлении милости Бога употребил форму *быль створишь*, желая указать на прекращение существования «сотворенного».

Таким образом, в этом старейшем примере древнерусский плюсквамперфект имеет смещенно-перфектное значение действия, результат которого отнесен к некоторому предшествующему основной линии событий моменту в прошлом. Контекст этот, по-видимому, очень архаичен: обратим внимание на древнерусский книжный архаизм — частицу *но < нь*, позднее вытесненную в таком значении частицей *ни*, см. [Зализняк 2008: 260—268] (ср. характерное примечание издателя Лавр. летописи Е. Ф. Карского: «По смыслу более подходит *ни*»), — тоже свидетельство в пользу отражения в этом фрагменте архаичных разговорных древнерусских черт. Думаю, этот контекст можно считать подтверждением того, что в ранний период древнерусский книжный плюсквамперфект все-таки мог выражать первичное результативное значение.

В значениях антирезультативного типа некнижный плюсквамперфект встречается в древнерусских памятниках, безусловно, чаще (но ведь и в старофранцузском подобные значения преобладают у сверхсложной формы уже с первых её фиксаций — см. выше!), при этом некнижная форма в соответствующих контекстах оказывается синонимична книжной. Показателен с этой точки зрения пример из рассказов о печерских старцах в Повести временных лет (ПВЛ) под 1074 г. по Лавр. списку — один из древнейших примеров древнерусской «сверхсложной» формы — он детально анализируется в книге Д. В. Сичинавы (с. 192—193). Некнижный плюсквамперфект здесь употреблен в прямой речи — рассказе старца Исакия о том, как он был прельщен бесами и впоследствии после тяжелой болезни выздоровел только благодаря стараниям Феодосия Печерского:

Исакии же рѣ^т. Се оуже прелстил ма юси быль дьяволе. сѣдаци на юдино^м мѣстѣ. а оуже не има^м са затворити в печерьѣ. но има^м та побѣдити хода в манастырѣ (ПВЛ, 1074 г., Лавр., л. 65 об.).

Как справедливо отмечает Д. В. Сичинава, этот пример хорошо показывает, что главное в значениях др.-рус. плюсквамперфекта «неактуального» типа — именно эта «неактуальность прошедшего», которая не сводится к «прерванному» или «отмененному» действию (как у современной русской частицы *было*): «Данной фразой Исакий не пытается отрицать сам факт «прелести» (...), но решительно проводит черту между своим прошлым и настоящим, прежней жизнью, где имела место «прелесть», и новой» [Сичинава 2013: 192]. Это очень точная интерпретация, позволяющая обобщить известные в русистике трактовки семантики древнерусского некнижного плюсквамперфекта в подобных «антирезультативных» (в широком смысле) контекстах. Вполне вероятно, что этот пример восходит к Начальному своду конца XI в., хотя читается он только в Лавр. списке: в РА списках Лавр. группы, а также во всех списках Ипат. группы, отражающих 2-ю редакцию ПВЛ, читается перфект *прельстиль еси* — очевидно, специальное подчеркивание с помощью сверхсложного плюсквамперфекта дистанцированности от настоящего здесь было факультативно. И дело тут не только в типологически возможной факультативности употребления плюсквамперфекта — в этом контексте «черта между прошлым и настоящим», противопоставление прошедшей ситуации положению дел в момент речи уже задана самим контекстом: *а оуже не има^м са затворити в печерьѣ, но има^м та побѣдити хода в манастырѣ* — Исакий говорит, что теперь уже ситуация иная и не будет так, как было тогда в прошлом. В этом примере есть и форма плюсквамперфекта в описанном «неактуальном» значении, и контекст противопоставления настоящему — мы не можем сказать, что это противопоставление задается исключительно самой формой.

Однако показательность данного примера всем сказанным не исчерпывается — полезно посмотреть на него в более широком контексте рассказа о старце Исакии, где употребляется и книжный плюсквамперфект. Ср. в продолжении нашего рассказа — когда бесы снова стали искушать Исакия,

он уже не поддается прелести и говорит им, фактически повторяя сказанное выше, но с другой формой:

*Гл̑шетъ бо к нимъ. Аще ма бѣсте прелстили в печерьъ первое. понеже не вѣдахъ кознии ваши^x и лукавства. нонѣ же имамъ Г̑а Г̑с̑ Х̑а и Ба моѣго и м̑тву ѡца моѣго Феодосѣа. надѣюса [на Х̑а] има^m побѣдити [ва^c] (ПВЛ, 1074 г., Лавр., л. 66) — контекст, как мы видим, предельно схож с приведенным выше контекстом с книжной формой *прелстил ма еси былъ* (та же ситуация, тот же глагол и противопоставление настоящему задано так же — *нонѣ же има^m...*!), но употреблена в нем форма старого плюсквамперфекта.*

Сходный контекст обнаруживается и в конце рассказа об Исакии, когда бесы признают свое поражение:

*И не могоша юму ничтоже створити и рѣша юму. Исакие побѣди¹ юси на^c. ѡнже рѣ^ч какоже бѣсте мене вы [первое — из РА списков] побѣдили въ образѣ Г̑с̑ Х̑овѣ и въ ан^лстѣмь недостоици [су]ще того видѣнъа. но се поистѣнѣ являетеся топерво въ образѣ звѣринѣмь и скотыемь и змеами и гадо^m. аци же и сами юсте (ПВЛ, 1074 г., Лавр., л. 66 об.) — точно так же о той прежней «аннулированной» теперь победе бесов Исакий говорит в плюсквамперфекте, но, как и в предыдущем примере, это плюсквамперфект книжный, а противопоставление положению дел в момент речи во всех этих трех контекстах с обеими формами плюсквамперфекта эксплицировано сходными средствами контекста (здесь: *но се... топерво*). Показательно, что, как и в примере с книжной формой *прелстил ма юси былъ*, в версии списков Ипат. группы вместо плюсквамперфекта читается перфект: *и вы первѣ мене побѣдили есте* (Ипат., л. 72 об.) — совершенно так же, как в случае с книжной формой, плюсквамперфект здесь может быть заменен перфектом, поскольку противопоставление настоящему и «отмена» результата задается контекстом.*

Эти примеры из рассказа о старце Исакии в ПВЛ явно свидетельствуют о синонимии старой и новой форм плюсквамперфекта и употреблении их в сходных контекстных условиях.

На то же указывает и пример из рассказа ПВЛ об избрании преемника Феодосия Печерского под тем же 1074 г. (рассказ предшествует рассказам о печерских старцах, читается во всех старших списках ПВЛ и определенно восходит к Начальному своду 90-х гг. XI в.). В этом примере в несомненно «антирезультативном» значении во всех старших списках ПВЛ используется книжный плюсквамперфект, в поздних РА списках замененный на книжный:

Рѣ^ч же имъ Феодосиѣ. Се азъ по Б̑жью повелѣнью нареклъ бѣхъ Иакова. се же вы свою волю створити хочете. И послушавъ ихъ предасть имъ Стевана. да будетъ имъ игумень (ПВЛ, 1074 г., Лавр., л. 63 — НПЛмл: нареклъ бѣх, л. 98; Ипат: нареклъ бѣхъ, л. 69 — ср. РА: нареклъ былъ). Старый плюсквамперфект здесь может быть возведен к Начальному своду — он представлен во всех старших списках ПВЛ (различия связаны только с

формой связки *бахъ / бѣхъ*). Значение аннулированного результата несомненно: Феодосий отменяет свое прежнее решение о назначении Иакова, заменяя его по просьбе братии на Стефана, — для переписчиков РА списков XV в. более приемлемым в таком контексте оказывается «сверхсложный» плюсквамперфект, но в исконном тексте конца XI в. явно была старая форма.

Таким образом, раннедревнерусские тексты киевского происхождения указывают на то, что старый и новый плюсквамперфекты в эту эпоху синонимичны — по крайней мере, в киевской диалектной зоне; различия между ними, очевидно, регистровые — как старой книжной и новой разговорной форм — аналогично различиям аориста / *-л-*прошедшего³. Вряд ли есть основания говорить о том, что древнерусский некнижный плюсквамперфект уже семантически оторвался от книжного, полностью утратил первичные значения и специализировался исключительно на выражении вторичных «неактуальных». Тенденция такого развития, несомненно, была достаточно сильной, но вряд ли она в XI—XII вв. достигла своего завершения — по крайней мере, в южнодревнерусских диалектах киевского типа. Возможно, на северо-западе (в древненовгородском и древнепсковском диалектах) ситуация была более продвинутой и этот разрыв с исконной семантикой «перфекта в прошедшем» был достигнут уже в раннедревнерусскую эпоху (см. об этом: [Шевелева 2007: 230—232]) — возможно, в северо-западной вост.-слав. зоне более продвинут был и весь процесс перестройки системы прошедших времен (о некоторых свидетельствах в пользу этого см.: [Шевелева 2009а: 171]). Однако для киевской и ростово-суздальской зон и впоследствии говоров Центра — Центр, как мы знаем, по многим параметрам наследует южнодревнерусские особенности киевского типа — такая грамматикализация вторичных антирезультативных значений древнерусского плюсквамперфекта осуществится, видимо, только в позднедревнерусскую эпоху. Для московских грамот XIV—XVI вв., примеры из которых приводятся в книге Д. В. Сичинавы (с. 196—197), это, вероятно, уже так (ср. также данные московских летописей XV—XVI вв. в [Шевелева 2009]).

В разделе книги, посвященном древнерусскому плюсквамперфекту, при всей точности семантических наблюдений автора, недостает учета возможности диалектной неоднородности вост.-слав. ареала уже в раннюю эпоху и диахронического развития на протяжении XI—XV вв.

3. В связи с вопросом о судьбе древнерусского плюсквамперфекта в вост.-слав. ареале встает проблема интерпретации данных современных украинского и белорусского языков (литературных и говоров) и западно-русских памятников XV—XVII вв. С этим тесно связан и вопрос об исто-

³ Обратим в связи с этим внимание на использование сверхсложной формы у Мономаха в наименее книжной части текста — после описания «охот», где преобладает разговорное прошедшее на *-л-* (см. выше).

рии плюсквамперфекта в западнославянских языках — чешском, словацком, польском.

3.1. Белорусскому и украинскому плюсквамперфекту в книге Д. В. Сичинавы посвящен специальный раздел (2.7.), где обсуждаются также данные старобелорусских и староукраинских памятников. Замечания о словацком, чешском, польском содержатся как в этом разделе, так и в других частях книги (в связи с семантикой славянских сверхсложных форм — с. 150—151, в сопоставлении с древнерусским плюсквамперфектом — с. 197 и др.).

Можно согласиться с тем, что рассмотренные в [Жукова, Шевелева 2010] примеры сверхсложного плюсквамперфекта из Пересопницкого Евангелия XVI в. во многом следуют польскому тексту (см. об этом [Сичинава 2013: 299]): приведенные в статье [Петрухин 2013] материалы из работы Я. Янова (1925) в этом убеждают, хотя надо иметь в виду, что гипотеза Я. Янова об исключительно западнославянском (польском, в свою очередь переведенном с чешского) источнике перевода Пересопницкого Евангелия все-таки не получила всеобщего признания — вопрос о переводе этого памятника не столь однозначен (ср., например: [Алексеев 1999: 203]), поскольку переводчик, возможно, использовал в своей работе сразу несколько источников. Однако представленные для сопоставления фрагменты из Пересопницкого Евангелия и польского текста действительно убеждают в том, что, по крайней мере в приведенных примерах, сверхсложные формы староукраинского (простомовного) текста соответствуют тем же формам польского перевода Евангелия (см. [Петрухин 2013: 80]). Польский источник старобелорусского перевода памятника «Страсти Христовы» был очевиден всегда (см. [Жукова, Шевелёва 2010: 173]). Большое количество полонизмов и в украинской, и в белорусской «простой мове» несомненно — собственно, сама специфика этих новых литературных языков Юго-Западной Руси XV—XVII вв. состоит в сочетании местных диалектных, церковнославянских и польских элементов, известно и чешское влияние на «простую мову» (см., например: [Соболевский 1980: 61—92; Толстой 1963/1988; Успенский 2002: 388—392] и др.). Д. В. Сичинава пишет о сомнительности привлечения «западнорусских памятников, которые оба переведены с польского и калькируют свойственные для этого языка употребления плюсквамперфекта» (с. 197); кроме того, говорится об отмечавшемся влиянии «западнославянских (польских и чешских) форм на семантику сверхсложной формы в украинской и белорусской «простой мове»» (с. 299, там же ссылки на работы о влиянии чешского на формы плюсквамперфекта в языке Ф. Скорины и других переводах с чешского, ср. с. 297 — о польском влиянии).

В случаях прямого калькирования в конкретном переводе с этим, конечно, надо согласиться; в отношении общего влияния на широкое употребление сверхсложного плюсквамперфекта в переводных текстах на «простой мове» (см. [Жураўскі 1988: 212; Анічэнка, Жураўскі 1988] и др.) — в значительной степени, видимо, тоже.

Однако остается вопрос: как соотносятся с этим позднейшие украинские и белорусские данные, в том числе диалектные. В книге Д. В. Сичинавы рассмотрен белорусский и украинский плюсквамперфект на материале параллельных корпусов НКРЯ с привлечением данных других источников и имеющихся лингвистических описаний. Показано, что, вопреки распространенным в лингвистике XX в. представлениям, и в украинском, и в белорусском языках плюсквамперфект (типа укр. *пішов був* и белор. *пайшоў быў*) является живой формой — он употребляется как в литературных текстах, так и в разговорной, в том числе диалектной речи, при этом сохраняет некоторые «формальные и семантические архаизмы по сравнению с русским *было*, а также особенности семантической сочетаемости» [Сичинава 2013: 296, см. также 297—313]. Главный формальный архаизм — это возможность сохранения согласования, утраченного в великорусских говорах Центра в XVII в. (с. 298—303) (впрочем, сохраняющегося в северновеликорусских говорах — аналогично украинско-белорусским формам, см. [Пожарицкая 1996; 2015] и др.). С точки зрения семантики украинские и белорусские формы имеют принципиальное отличие от русских конструкций с *было*: они могут выражать не только антирезультативные значения, но и значения «перфекта или результата в прошедшем (то есть предшествующего действия, не отмененного и не нарушенного другим действием в прошедшем)» [Сичинава 2013: 307], а также значение «давнепрошедшего», в том числе семантически связанного с ним экспериенциального значения (типа 'однажды было так, что') [Там же: 306—310]. Результативное значение плюсквамперфекта отмечается и в современных художественных украинских и белорусских текстах, ср. примеры укр.: *...одночасно я втямила, що цей мужчина — хто він там не є — вже скільки зупинок нависав був наді мною...* (Оксана Забужко) 'одновременно до меня дошло, что этот мужчина — кто бы он ни был — уже несколько остановок нависал надо мной...'; белор.: *Каторыя не пайшлі былі з-за год сваіх на вайну, сядзелі сабе ў сваім гарадку* (Кузьма Черный) 'Те, кто из-за возраста не пошел на войну, сидели себе в своем городке' [Сичинава 2013: 308] — и в диалектных записях, ср. приведенные у Д. В. Сичинавы (с. 310) примеры экспериенциального и таксисного значений из работы [Толстая 2000], а также приведенные в [Жукова, Шевелева 2010] примеры результативного значения из записей украинских диалектных текстов типа: *...до ліса вуна не ўспіла, потому шо были ййі ўлапали* 'до леса она не успела (добежать), потому что её схватили' и под. [Жукова, Шевелева 2010: 178—179].

Возникает вопрос: откуда это архаичное значение взялось у украинского и белорусского плюсквамперфекта, если его не было в древнерусском? Под влиянием польского? Предположим, в «простой мове» XV—XVII вв. это так, а позднее? Предположим даже, что в литературной традиции это сохранившийся полонизм (хотя такое предположение сомнительно), а в современной разговорной речи, в говорах — тоже исключительно польское влияние? Весьма уязвимое предположение, тем более если учесть, что

в современном польском плюсквамперфект в живой речи практически перестал употребляться, см. [Сичинава 2013: 150—151]. Ведь мы (в работе [Жукова, Шевелева 2010] и др.) потому и предполагали возможность отражения в простомовных текстах XV—XVI вв. живых особенностей употребления юго-западного сверхсложного плюсквамперфекта, что они соответствуют современным диалектным данным, — именно поэтому, а не потому, что эти памятники дают какие-то уникальные, отличающиеся от всего известного в вост.-слав. письменности данные (как предполагается в [Петрухин 2013: 79]). Уникальность этих источников — в высокой частоте рассматриваемой формы, что идет, видимо, от польских оригиналов, но сама возможность употребления в нетипичных для великорусских говоров Центра значениях, представленных при этом в современных украинском и белорусском языках, — только ли от польского это идет? Эти вопросы остаются, на них в книге не дается ответа.

Кстати, Д. В. Сичинава не отрицает возможности результативного значения и у севернорусской формы типа *утонул был* (с. 199), но это тоже остается без типологической и диахронической интерпретации. Каков генезис такого употребления сверхсложного плюсквамперфекта в вост.-слав. зоне, какого рода вторичное развитие для результативного значения, если это не архаизм, можно предполагать и к какому времени его возводить — и разве это соответствует типологии эволюции плюсквамперфекта?

Очень недостает в этом разделе о сверхсложной форме в вост.-слав. зоне такого же обстоятельного исследования с привлечением типологических данных, какое мы видели в I части книги на материале романских и германских, да и других языков. Однако материал вост.-слав. языков, крайне интересный, оставлен почти без диахронической перспективы.⁴ Автор совершенно справедливо признает, что в этой области еще многое предстоит сделать, расширив и углубив границы и фактического материала

⁴ Надо отметить также очень интересный материал по модальному употреблению белорусского и украинского плюсквамперфекта, отличающийся от русского литературного *было* (с. 310—313). Замечу, что любопытный пример из сочинения Г. Квитки-Основьяненко со значением долженствования, сохраненный в авторском переводе писателя-билингва (Д. В. Сичинава трактует это как результат грамматической интерференции — переноса украинского употребления на русский перевод), ср.: *Іще було унятерить подобало за таковое злодіяніе* — «Еще было подобало унятерить за таковое злодеяние» (с. 312) — находит фактически точное соответствие в примере с некнижным плюсквамперфектом в Житии Стефана Пермского — сочинении Епифания Премудрого конца XIV в.: *сим ли хвалиши сѧ, и канне, мнѡгобѡжїе вѡда, и мнѡгы бѡггы нарицаєши, имѣже было подобало постыдѣти сѧ* (ЖСП, 703 об.) (см. [Духанина 2008: 14]). Поскольку имеющиеся сведения о Епифании Премудром позволяют предполагать его связь с северо-восточной зоной, видимо, в конце XIV в. такое употребление плюсквамперфекта было возможно и в этой диалектной системе — некнижные русизмы и диалектизмы встречаются в ЖСП в немалом количестве.

ла, и его теоретической интерпретации. Пока нам предложены весьма красноречивые данные белорусского и украинского языков и их корректное синхронное описание.

3.2. Материал западнославянских языков также обсуждается в книге весьма лаконично. Отмечается, что для западнославянских (чешск., словацк., польск.) сверхсложных форм характерны как таксисные и результативные (в особенности для польского), так и вторичные значения, прежде всего значение дистанцированного прошедшего [Сичинава 2013: 150—151, 299], при этом указывается, со ссылкой на работу [Чернов 1961], что для сверхсложного плюсквамперфекта древнечешских памятников — как и для древнерусских — не характерно типичное для книжного плюсквамперфекта результативное значение [Сичинава 2013: 197]. Т. е. для древнечешского это значение мало типично, но известно, и, видимо, даже под его влиянием распространилось в западнорусских переводах с чешского на «простую мову» — см. выше о предполагаемом влиянии семантики чешских форм на новый плюсквамперфект в переводах Ф. Скорины и др. [Там же: 299]. Для польских сверхсложных форм «характерны, в отличие от древнерусского, таксисные и результативные значения» [Там же], впрочем, с XVIII в. сама форма начинает исчезать из живой речи и сейчас практически не употребляется [Там же: 151].

Замечу, что ситуация в древнечешском оказывается весьма сходной с таковой в древнерусских памятниках (как, обратим внимание, и в других звеньях глагольной системы: в типах употребления имперфекта совершенного вида [Маслов 1984/2004: 172]⁵, в формировании итеративных корреляций глаголов НСВ, до сих пор регулярно представленных в чешском и севернорусских говорах, а в XV—XVIII вв. и в говорах великорусского Центра — см. об этом, например, в [Шевелева 2012]). При этом чешский сверхсложный плюсквамперфект все-таки мог выражать результативное значение, хотя оно для него, как отмечают исследователи, тоже значительно менее характерно, чем значения сферы «неактуального прошедшего». Думаю, очень вероятно, что сходная ситуация была и в древнерусском раннего периода, хотя, возможно, уже не на всей древнерусской территории (исключая псковско-западноновгородскую зону). Последующее сближение южнодревнерусских говоров киевского типа со средневеликорусскими и отрыв их всех от западнорусских, легших в основу украинского и белорусского языков, приводят к формированию разных (центральный великорусский / украинско-белорусский) путей развития сверхсложного плюсквамперфекта. Поэтому сохранение в белорусско-украинской зоне плюсквамперфекта, в том числе, хоть и реже, в первичных значениях, мо-

⁵ Как пишет Ю. С. Маслов, «(о)ба языка — древнерусский и древнечешский — обнаруживают поразительное сходство в этом вопросе, вплоть до деталей» [Маслов 1984/2004: 172].

жет быть следствием не только польского влияния (см. выше), но и общности ареального развития. Все это еще требует всестороннего исследования.

Вообще материал западнославянских языков в вопросе о плюсквамперфекте для русистики крайне важен. И словацкий, и чешский, и польский показывают типологически закономерную эволюцию семантики сверхсложного плюсквамперфекта от первичных значений к вторичным значениям сферы «неактуального прошедшего» (см. [Сичинава 2013: 17—43] и др. — см. выше), но при этом исконные значения не утрачены окончательно — эти системы отражают определенную стадию такой эволюции. Материал этих западнославянских языков подтверждает, что указанное семантическое развитие нового сверхсложного плюсквамперфекта могло идти разными темпами и полный разрыв новой формы с первичной результативной семантикой для славянских языков «безаористного» типа совсем не обязателен, более того — он, кажется, представлен реже (прежде всего в русских говорах Центра и северо-запада), нежели системы без разрыва с первичными значениями.

В связи с проблемами ареальной типологии развития плюсквамперфекта Д. В. Сичинава выдвигает гипотезу о том, что именно древнерусский ареал мог стать в Европе «исходной точкой (по крайней мере хронологической)» как в распространении изменения перфекта в претерит (и соответственно, утраты старых простых претеритов и перестройки системы прошедших времен), так и в развитии сверхсложного плюсквамперфекта по пути разрыва с первичными значениями [Сичинава 2013: 157, то же 166]. Гипотеза интересная и привлекательная, только обоснований для нее пока всё же вряд ли достаточно. Собственно, основана она на двух положениях: первое — это показания старейших известных древнерусских памятников, в которых Д. В. Сичинава не видит надежных примеров результативного значения нового плюсквамперфекта [Там же: 157], — этот вопрос мы уже обсуждали выше (см. 2.); второе — это положение о чрезвычайно ранней утрате в вост.-слав. ареале простых претеритов, а главное — гипотеза Г. А. Хабургаева об изначальном отсутствии здесь имперфекта [Там же: 156—157]. По мнению Д. В. Сичинавы, гипотеза Г. А. Хабургаева, ставящая под сомнение существование имперфекта в вост.-слав. зоне когда бы то ни было, поддерживается многими авторами — с этим никак нельзя согласиться. Оригинальная и смелая идея Г. А. Хабургаева о том, что «принадлежность имперфекта как глагольной формы системе восточнославянских диалектов хотя бы и дописьменного времени не может быть доказана» [Горшкова, Хабургаев 1981: 335, 332], см. также [Хабургаев 1991], практически не имеет серьезных сторонников и не получила развития. Дело в том, что сама эта идея, весьма остроумная, вряд ли может быть доказана, так как основана она на отсутствии свидетельств (следов) существования имперфекта в вост.-слав. диалектах [Горшкова, Хабургаев 1981: 332; Хабургаев 1991]. Опровергнуть ее можно, найдя такие свидетельства (и подобные попытки, замечу, уже предпринимались — см. [Галинская 2006]), —

надежно доказать только фактом отсутствия таких в современном языке нельзя. Напомню в связи с этим, что семантически правильное, явно грамматически мотивированное, сходное с древнечешским, но при этом отличное от старославянского употребление в древнерусских памятниках имперфекта совершенного вида (см. [Маслов 1984/2004: 141—175; Зализняк 2008: 94—106]) свидетельствует против данной гипотезы.

Однако гипотеза Г. А. Хабургаева базируется на очень важной идее вероятности существования позднепраславянских морфологических диалектных различий, в том числе в системе глагола [Хабургаев 1991: 43]. Г. А. Хабургаев предложил идею членения позднепраславянского ареала на две крупные диалектные зоны — северную и южную, не совпадающие с традиционным выделением трех групп славянских языков, — и работал над выявлением общих морфологических изоглосс, объединяющих древнерусский и древнепольский глагол, — в позднепраславянскую эпоху, по его мысли, эти диалекты объединялись в рамках северной диалектной зоны (будущие чешские и словацкие диалекты, по мысли Г. А. Хабургаева, тяготели к зоне южной) [Там же]. Предположение об отсутствии имперфекта в северных позднепраславянских диалектах — это только одно звено разрабатываемой Г. А. Хабургаевым концепции позднепраславянских изоглосс в области системы глагола, оставшейся, к сожалению, незавершенной. Оно, я думаю, нуждается в корректировке (напомню, Г. А. Хабургаев предлагал считать имперфект позднепраславянской инновацией, связанной только с южной зоной [Хабургаев 1991]), что не умаляет перспективности общего направления исследования.

Если исходить из концепции Г. А. Хабургаева, раннюю перестройку системы прошедших времен надо предполагать для всей восточнославянской-лехитской зоны [Хабургаев 1990; 1991], — но с точки зрения эволюции семантики сверхсложного плюсквамперфекта, как мы знаем, это не так. Не исключено, что действительно распространение нового типа системы прошедших времен в Европе (с изменением 'перфект' > 'претерит', утратой аориста и имперфекта и эволюцией сверхсложного плюсквамперфекта в сторону «неактуального прошедшего») шло, как предполагает Д. В. Сичинава, со славянского востока, но эта гипотеза требует еще всестороннего обоснования.

И в связи с проблемой ареального развития плюсквамперфекта в славянском мире никак нельзя пренебрегать фактами сходства древнерусской (и более поздней западнорусской) и современной русской северовосточной глагольных систем с чешско-словацкой в её развитии — в разных звеньях системы (см. выше). Как писал когда-то Ю. С. Маслов по поводу сходства употребления имперфекта сов. вида в древнерусских и древнечешских памятниках, вряд ли это сходство можно объяснить только влиянием книжных традиций — «<г>ораздо вернее будет предполагать, что в обоих языках отмеченное сходство явилось не плодом каких-либо влияний и заимствований, а отражением общности отправных материалов

и сходства во внутренних законах развития этих языков» [Маслов 1984/2004: 172]; аналогичные мысли высказывал П. С. Кузнецов по поводу сходства развития русских и чешских итеративов типа *нашивать* / чеш. *nosivati* [Кузнецов 1953: 266]. Сходство в развитии плюсквамперфекта здесь вписывается в общую проблему сходства эволюции глагольных систем — с точки зрения ареальной типологии и славянской лингвогеографии эта проблема тоже еще требует пристального внимания.

В славянской части истории плюсквамперфекта еще немало предстоит сделать.

4. Остановлюсь на некоторых обсуждаемых в книге Д. В. Сичинавы вопросах, непосредственно не связанных с проблематикой нашей полемики.

4.1. Д. В. Сичинава выдвигает и обстоятельно обосновывает гипотезу о происхождении славянского условного наклонения с аористом вспомогательного глагола (типа *бухъ+I*) из некогда существовавшего плюсквамперфекта такого вида (см. раздел 2.1, с. 169—186). Обращается внимание на оставшийся нерешенным в сравнительно-историческом языкознании вопрос о том, почему аорист глагола *быти* (*быхъ, бы...*) стал обозначать ирреальность, и на неудовлетворительность предлагаемого А. Вайаном и его последователями решения о чисто формальной контаминации *bitь-* и *бухъ-* форм и как следствия этого утраты формами типа *бухъ* своей аористой семантики [Сичинава 2013: 173, 175]. Предполагается, что аналитические формы с *bitь* и с *бухъ* изначально существовали независимо. Традиционная версия о этимологической связи вспомогательного *bi-* с индоевропейским опативом [Мейе 1951: 213—214; Иванов Вяч. Вс. 1981: 177—178 и др.] поддерживается, однако Д. В. Сичинава соглашается и с гипотезой Г. А. Хабургаева о том, что *bitь*-формы сослагательного наклонения могли быть исключительно южнославянским образованием и изначально отсутствовали в диалектах севера Славии — в западно- и восточнославянских [Хабургаев 1991: 42—43], см. [Сичинава 2013: 170, 181, 183]. Формы со вспомогательным глаголом типа *бухъ* Д. В. Сичинава предлагает считать развившимися из плюсквамперфекта с вспомогательным глаголом в аористе, существовавшего в праславянскую эпоху «по крайней мере в большинстве диалектов» наряду с плюсквамперфектом с вспомогательным *běaxъ* и *bě* [Сичинава 2013: 183]. Типологически возможность развития семантики условного наклонения хорошо подтверждается [Там же: 179—184]; кроме того, типологически очень вероятно существование плюсквамперфекта с аористом вспомогательного глагола [Там же: 177] и нет «никаких оснований считать аналитическую *бухъ*-форму инновацией по отношению к другим аналитическим формам славянского глагола» [Там же: 181].

Возникновение этой формы славянского условного наклонения Д. В. Сичинава предлагает отнести к очень раннему времени (не исключается даже раннепраславянская датировка) (с. 182), при этом для диалектов,

в которых уже существовало сослагательное наклонение с *bimь*, этот процесс превращения плюсквамперфекта в условное наклонение поддерживался их контаминацией; там же, где *bimь*-форм не было, он мог проходить и независимо (с.183).

Изложенная гипотеза очень интересна: предлагается семантическое типологически обоснованное объяснение эволюции аориста вспомогательно-го глагола в показатель ирреального наклонения. Кроме того, приводятся подтверждающие данные славянских языков: старочешские примеры плюсквамперфекта со связкой *бухъ* (*bu...*), которые, по мнению Д. В. Сичинавы, надо считать архаизмом (с. 176—177); аналогичные примеры из древнерусских памятников — из Софийского Пролога рубежа XII—XIII вв. с формами условного наклонения *идѣль сѧ бы*, *ѡвергъ сѧ бы* в значении плюсквамперфекта [Крысько 2011: 830—831], см. [Сичинава 2013: 178]; частичное сохранение плюсквамперфектной семантики в сербохорватских и верхнелужицких формах сослагательного наклонения со вспомогательным *bych* (в.-луж. *bih*) [Там же: 184—185].

Неясными все же остаются некоторые вопросы и с трансформацией семантики формы *by*, изначально аористной, и с хронологией. Изложенная гипотеза предлагает объяснять все изменения в рамках контаминации двух аналитических форм и семантической эволюции плюсквамперфектной семантики в условную. Однако хорошо известны случаи употребления в условном значении и самостоятельного бытийного глагола — как в форме *би* (это Д. В. Сичинава обсуждает в связи с вопросом о происхождении её из оптатива [Там же: 173], см. [Мейе 1951: 214]), так и в форме *бы* — последнее в книге не обсуждается. Между тем такие случаи засвидетельствованы даже в старославянских памятниках [Вайан 1952: 282], еще больше примеров в древнерусских — обычно их считают архаизмом, ср.: «Кроме сложных форм сослагательного наклонения, древнерусский язык имел форму 3-го л. ед. этого наклонения без форм причастия со значением *было бы*: *оже бы ми баба жива* (приписка писца в Прологе XIV в. Син. № 239)» [Соболевский 1907/2004: 245]; «[и]меется, кроме того, единственный пример древнейшей конструкции — с простым *бы* вместо *бы было* (или *бы былъ*): *аже бы ти годьнь 752* (XI/XII вв.)» [Зализняк 2004: 143]; см. также [Пичхадзе 2010], где приводятся примеры из старейших вост.-слав. памятников и отмечается, что такие конструкции с простым *бы* «восходят к глубокой древности» [Там же: 21], ср.: *аще бы лихъ законъ гречьскыи, то не бы баба твоя пришла* (ПВЛ, Лавр., 987 г., л. 37 об.), *доуче бы имъ да быша доброу другоу поручили* («Вопрошание Кирика» [РИБ VI: 51]), *абы ми капля оума, негли глоубина вазни* 'пусть бы у меня [была] капля ума...' в «Пчеле» [Пчела I: 17.20] и др. [Пичхадзе 2010: 21—22]. В рамках гипотезы о развитии сослагательного *бы+л-* из плюсквамперфекта такое употребление объяснить непросто, если только опять не предполагать вторичный перенос семантики оптативного *би* на изолированное *бы* в результате контаминации *би+л-* с *бы+л-*.

С другой стороны, предложенная гипотеза трактует примеры употребления форм типа *wdělsa by* из памятников XII—XIII вв. в значении плюсквамперфекта как реликтовый архаизм (см. выше) — однако такие примеры встречаются и в более поздних памятниках XV—XVI вв., где они скорее являются результатом вторичных смещений выходящей из употребления формы книжного плюсквамперфекта с сослагательным наклонением (утрачивающим согласование вспомогательного глагола), с одной стороны, и с разговорным плюсквамперфектом — с другой.

С вопросами хронологии предполагаемого развития плюсквамперфекта с *byxъ* в условное наклонение остаются и другие проблемы. Ведь гипотеза Д. В. Сичинавы предлагает отнести эту эволюцию к очень раннему времени. При этом предполагается, что сослагательное наклонение *byxъ+l* развилось в праславянском все же позже, чем *bimъ+l*. Возникает вопрос, как тогда была устроена глагольная система тех диалектов, где не существовало *bimъ+l*, ограниченного зоной праславянского Юга. Надо ли так понимать, что там вообще длительное время отсутствовал ирреалис? Этот вопрос, замечу, может быть еще с большим основанием адресован и гипотезе Г. А. Хабургаева о диалектной ограниченности форм типа *bimъ+l*, поскольку Г. А. Хабургаев относил это диалектное различие, как и противопоставление диалектных зон Севера / Юга, к позднепраславянской эпохе.

С другой стороны, реалистично ли едва ли не к раннепраславянскому периоду возводить эволюцию плюсквамперфекта в условное наклонение, если *by*-формы сослагательного наклонения имеют ограниченный ареал распространения, указывающий скорее на позднепраславянское членение славянских диалектов? Да и хронология возникновения самого славянского плюсквамперфекта, как и перфекта, не с такой очевидностью может быть отнесена к раннему времени (ср., например, взгляд на славянские аналитические прошедшие времена как на поздно морфологизировавшиеся образования [Топоров 1961: 40—41, 49]), — а здесь речь идет уже о последующей эволюции одной из его форм.

Немало вопросов еще остается. Тем не менее предложенная Д. В. Сичиной гипотеза о происхождении славянского сослагательного наклонения с *by* заслуживает серьезного внимания.

4.2. В связи с вопросом о типологии развития систем с несколькими формами плюсквамперфекта Д. В. Сичинава рассматривает северо-западный русский и белорусский причастный плюсквамперфект типа *был пришедши* (*byў прышоўшы*), развившийся вместе с новым причастным перфектом [Сичинава 2013: 59—60, 303—304]. Для этой формы характерно прежде всего значение «результатив в прошедшем» и «перфект в прошедшем», хотя спорадически может развиваться и значение аннулированного результата [Там же]. При этом отмечается, что при сосуществовании в системе двух форм плюсквамперфекта они обнаруживают тенденцию к семантической дифференциации: тип *был пришел* — неактуальное прошедшее, тип *был пришедши* — перфект (результатив) в прошедшем.

Надо заметить в связи с этим, что системы с сосуществованием двух форм плюсквамперфекта (*был+-л-* и *был+-ши*) для севернорусских говоров мало характерны: по данным диалектологов, нового причастного плюсквамперфекта в говорах, сохранивших древнерусский плюсквамперфект (*был+-л-*), как правило, нет — см. [Пожарицкая 1996: 158—162; Трубинский 1963; 1969; 1969а; Кузьмина 1993: 142—163] и др.⁶

Говоря о сосуществовании в северных русских диалектах «дв(ух) плюсквамперфектн(ых) форм с разным — результативным и антирезультативным — значением» [Сичинава 2013: 303], Д. В. Сичинава опирается на работу [Рыко 2002], посвященную причастному перфекту (плюсквамперфекту) в одном западнорусском (торопецком) говоре. О формах плюсквамперфекта типа *был+-л-* в этой работе упоминается только в связи с синонимией конструкций с *было* и *бывало* в описываемом говоре, обе эти конструкции автор называет «старым плюсквамперфектом» и приводит всего один единственный пример конструкции с *было*: *Ај, расказывали, стар’инни л’уд’и была гъман’ил’и, тап’ер’-та н’ет н’ичова, а ран’шы фс’е гъвар’ил’и* [Рыко 2002: 183 (примеч. 11)]. Именно этот пример и приводит Д. В. Сичинава как иллюстрацию употребления в говоре формы *был+-л-* в значении ‘неактуальная (хабитуальная) ситуация в прошедшем’ [Сичинава 2013: 60], при этом орфографическая передача его как *были гомонили* — явная неточность. За фонетической записью *была* (с твердым *л*) стоит, конечно, несогласованное *было*, и скорее всего пример восходит к конструкции с самостоятельным бытийным глаголом *было* ‘существовала такая ситуация’, а не к древнерусскому плюсквамперфекту. Параллелизм с аналогичной конструкцией с *бывало* (*быала ја пачустъвъль бал’ез’н’, а гд’е што бал’ит, н’а знају* — этот пример А. И. Рыко тоже называет «старым плюсквамперфектом» [Рыко 2002: 183]) — также свидетельствует в пользу синтаксического происхождения обеих структур.

Надежных свидетельств реального сосуществования двух форм плюсквамперфекта (*был+-л-* и *был+-ши*) в рамках одного говора в [Сичинава 2013] не приводится — видимо, в имеющихся диалектологических описаниях их нет. По всей видимости, даже если таковые обнаружатся, системы такого рода будут редкостью — возможно, результатом междиалектных влияний. Обсуждая развитие семантики двух плюсквамперфектных форм в русских говорах, эту нетипичность их реального «сосуществования» в одной системе следует учитывать.

4.3. Хочется отметить чрезвычайно интересный «сюжет» книги Д. В. Сичинавы, связанный с частицами / вводными словами *было* и *бывало* в русском языке с XVIII в. до современности и в других вост.-слав. языках (разделы 2.3.—2.6.). Если конструкции с *было* могут быть наследием древнерусского плюсквамперфекта (хотя, как совершенно справедливо отмечается, они

⁶ С диахронической точки зрения, видимо, правильнее говорить, что для систем с развившимся причастным перфектом (плюсквамперфектом) нехарактерно сохранение древнерусского плюсквамперфекта.

могут восходить и к синтаксическим конструкциям с независимым *было* [Сичинава 2013: 289]), то конструкции с исконно самостоятельным глаголом *бывало* на протяжении достаточно длительного времени обнаруживают тенденцию к сближению с конструкциями с *было* [Там же: 281—295]. Д. В. Сичинава оценивает это сближение структур изначально разного уровня грамматикализации как на первом этапе втягивание *бывало* в орбиту *было*-конструкций, впоследствии же вновь возвращение их (обеих) к статусу «полусамостоятельных глагольных словоформ, передающих широкий спектр значений из зоны неактуального прошедшего» (с. 295). Особенно интересны данные о сближении *было* и *бывало* — из русского языка XVIII в., севернорусских говоров, а также украинского и белорусского языков. Как *было* может выступать в функции *бывало*, ср. примеры из сатиры Кантемира: *Когда было выедет, всяк долой с дороги...* (Сатира II, 1743); *Как было грамотники у нас читать станут!* (Сатира IX, 1738) [Сичинава 2013: 230], аналогичные примеры известны в севернорусских говорах и в украинском, — так и *бывало* (укр. *бувало*) могло употребляться в функции *было* — с нейтрализацией итеративной семантики: «Близость внутренней формы конструкций с *было* и *бывало* поддерживалась, по крайней мере отчасти, несколько иной, чем в современном русском языке, семантикой глагола *бывать*, в которой в ряде контекстов отсутствовал тот итеративный оттенок, который присущ ему теперь...» [Там же: 227], примеры из языка XVII и XVIII вв.: *бывал солдат, бывал наш братъ мужичий сынъ* (1637) [а теперь изменил социальный статус, став царем], *оплечье бывало низано жемчугомъ* (1683) [а теперь жемчуга нет] и др. [Там же: 227—228].

Последнее наблюдение о том, что «*бывать* еще не устоялось как итеративное образование от *быть*» [Там же: 227] — по данным языка XVII—XVIII вв. — очень ценно. Замечу, что аналогичная ситуация отмечается и для древнерусского периода — и сохраняется по русским говорам и в украинском языке (см. [Шевелева 2012: 146—155], о украинском и русском фольклорном материале см. [Потебня 1941: 84]). Приводимые Д. В. Сичиной данные подтверждают основанные на более раннем материале предположения об эволюции семантики глагола *бывати*, изначально отличной от современной, и свидетельствуют о длительном сохранении семантически архаичного употребления *бывать* в диалектной системе русских говоров Центра (литературного типа), а по северным говорам и в украинском — окказионально и до современности.

Книга Д. В. Сичиной завершается изящным «Постскриптумом о плюсквамперфекте» (раздел 2.8.): тонким анализом метафорического употребления лингвистического термина «плюсквамперфект» в современном русском языке, подтверждающим релевантность для современного языкового сознания именно тех семантических признаков понятия «плюсквамперфект», которые были выявлены в ходе всего проведенного автором исследования. Ярко и интересно написанный текст.

В заключение следует определить перспективы исследования плюсквамперфекта, где, по мнению автора, еще остается немало белых пятен, в том числе и в отношении восточнославянской диалектной зоны. С этим полностью можно согласиться — как и с надеждами автора на то, что эта книга смогла приблизить решение задачи «создания всестороннего описания плюсквамперфекта» (с. 350). Книга открыла много нового и интересного материала, дала много тонких наблюдений и трактовок, предложила целостную концепцию устройства и эволюции категории плюсквамперфекта, наметила перспективы последующим исследованиям.

Остались еще нерешенные и даже спорные проблемы, но мне кажется, что между нашими взглядами на историю вост.-слав. плюсквамперфекта нет непримиримых противоречий. Наша долгая дискуссия о плюсквамперфекте, как кажется, оказалась продуктивной: она способствовала выработке более точного знания.

Л и т е р а т у р а

- Алексеев 1999 — А. А. Алексеев. Текстология славянской Библии. СПб., 1999.
- Анічэнка 1957 — У. В. Анічэнка. Формы плюсквамперфекта ў беларускай пісьменнасці XV—XVI ст. // Ученые записки Мозырского пед. института. Вып. 1. 1957.
- Анічэнка, Жураўскі 1988 — У. В. Анічэнка, А. І. Жураўскі. Беларуская лексіка ў выданнях Ф. Скарыны // Францыск Скарына і яго час. Энцыклапедычны даведнік. Беларуская савецкая энцыклапедыя. Минск, 1988.
- Вайан 1952 — А. Вайан. Руководство по старославянскому языку. М., 1952.
- Галинская 2006 — Е. А. Галинская. Об одном реликте древнеславянского имперфекта в русском языке // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 2006. № 6. С. 47—60.
- Гиппиус 2003 — А. А. Гиппиус. Сочинения Владимира Мономаха: опыт текстологической реконструкции. I. // Рус. яз. в науч. осв. 2003. № 2 (6). С. 60 — 99.
- Горшкова, Хабургаев 1981 — К. В. Горшкова, Г. А. Хабургаев. Историческая грамматика русского языка. М., 1981.
- Духанина 2008 — А. В. Духанина. Морфологические нормы в сочинениях Епифания Премудрого (система глагола). Автореф. дис... канд. филол. наук. М., 2008.
- Жукова, Шевелева 2010 — Т. С. Жукова, М. Н. Шевелева. «Новый» плюсквамперфект в памятниках Юго-Западной Руси XV—XVI вв. и современных украинских говорах в сравнении с великорусскими // Фонетика и грамматика: настоящее, прошедшее, будущее (Вопросы русского языкознания. Вып. XIII). М., 2010. С. 171—191.
- Жураўскі 1988 — А. І. Жураўскі. Дзеяслоў // Мова беларускай пісьменнасці XV—XVI стст. Минск, 1988. С. 170—271.
- Зализняк 1995 — А. А. Зализняк. Древненовгородский диалект. М., 1995.
- Зализняк 2004 — А. А. Зализняк. Древненовгородский диалект. Изд. 2-е, переработанное с учетом находок 1995—2003 гг. М., 2004.
- Зализняк 2008 — А. А. Зализняк. «Слово о полку Игореве»: взгляд лингвиста. Изд. 3-е, дополн. М., 2008.

- Иванов Вяч. Вс. 1981 — Вяч. Вс. Иванов. Славянский, балтийский и ранне-балканский глагол. Индоевропейские истоки. М., 1981.
- Ипат. — Полное собрание русских летописей. Ипатьевская летопись. М., 1998. Т. II.
- Крысько 2011 — В. Б. Крысько. Морфологические особенности житийной части Софийского пролога // Славяно-русский Пролог по древнейшим спискам. Т. II. Указатели. Исследования. М., 2011. С. 798—837.
- Кузнецов 1953 — П. С. Кузнецов. Историческая грамматика русского языка. Морфология. М., 1953.
- Кузьмина 1993 — И. Б. Кузьмина. Синтаксис русских говоров в лингвогеографическом аспекте. М., 1993.
- Лавр. — Полное собрание русских летописей. Лаврентьевская летопись. Вып. 1—3. М., 1997. Т. I.
- Майсак, Татевосов 2001 — Т. А. Майсак, С. Г. Татевосов. Ядерные формы глагольной парадигмы // Багвалинский язык. Грамматика. Тексты. Словари. М., 2001. С. 345—366.
- Маслов 1984/2004 — Ю. С. Маслов. Очерки по аспектологии // Ю. С. Маслов. Избранные труды: Аспектология. Общее языкознание. М., 2004. С. 21—302.
- Маслов 2004 — Ю. С. Маслов. Избранные труды: Аспектология. Общее языкознание. М., 2004.
- Мейе 1951 — А. Мейе. Общеславянский язык. М., 1951.
- НПЛмл — Новгородская первая летопись младшего извода // Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950.
- ПВЛ — Повесть временных лет (см. Лавр., Ипат., НПЛмл).
- ПВМ — Поучение Владимира Мономаха (см. Лавр.).
- Петрухин 2013 — П. В. Петрухин. К прагматике сверхсложного прошедшего времени в восточнославянской письменности // Wiener Slawistischer Jahrbuch. Neue Folge. 2013. 1. 74 — 98.
- Петрухин, Сичинава 2006 — П. В. Петрухин, Д. В. Сичинава. «Русский плюсквамперфект» в типологической перспективе // Вереница литер: К 60-летию В. М. Живова. М., 2006. С. 193—214.
- Петрухин, Сичинава 2008 — П. В. Петрухин, Д. В. Сичинава. Еще раз о восточнославянском сверхсложном прошедшем, плюсквамперфекте и современных диалектных конструкциях // Рус. яз. в науч. осв. 2008. № 1 (15). С. 224—258.
- Пичхадзе 2010 — А. А. Пичхадзе. Средства выражения императивной и оптативной семантики в древнерусских и старорусских прескриптивных памятниках // ВЯ. 2010. № 5. С. 14—24.
- Пожарицкая 1996 — С. К. Пожарицкая. Отражение эволюции древнерусского плюсквамперфекта в говорах севернорусского наречия Архангельской области // Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования 1991—1993. М., 1996. С. 268—279.
- Пожарицкая 2015 — С. К. Пожарицкая. Славянский плюскварперфект и его эволюция в некоторых севернорусских говорах // Исследования по славянской диалектологии. 17: Судьба славянских диалектов и перспективы славянской диалектологии в XXI веке. М., 2015. С. 373—403.
- Потебня 1941 — А. А. Потебня. Из записок по русской грамматике. Т. IV. М.; Л., 1941.
- Рыко 2002 — А. И. Рыко. Причастия на *-ши* в одном западнорусском говоре торопецкого региона // Рус. яз. в науч. осв. 2002. № 2 (4). С. 171—193.

Сичинава 2013 — Д. В. Сичинава. Типология плюсквамперфекта. Славянский плюсквамперфект. М., 2013.

Соболевский 1907/2004 — А. И. Соболевский. Лекции по истории русского языка. 4-е изд. М., 2004.

Соболевский 1980 — А. И. Соболевский. История русского литературного языка. Л., 1980.

Толстая 2000 — М. Н. Толстая. Форма плюсквамперфекта в украинских закарпатских говорах: место вспомогательного глагола в предложении // Балто-славянские исследования 1998—1999. М., 2000. С. 134—143.

Толстой 1963/1988 — Н. И. Толстой. Взаимоотношение локальных типов древнеславянского литературного языка позднего периода (вторая половина XVI—XVII вв.) // Н. И. Толстой. История и структура славянских литературных языков. М., 1988. С. 52—87.

Топоров 1961 — В. Н. Топоров. К вопросу об эволюции славянского и балтийского глагола // Вопросы славянского языкознания. Вып. 5. М., 1961. С. 35—70.

Трубинский 1963 — В. И. Трубинский. Особенности употребления прошедшего совершенного в русских говорах // Ученые записки ЛГУ. № 322. (Сер. Филологические науки, № 68). 1963. С. 160—170.

Трубинский 1969 — В. И. Трубинский. Балтийские и восточнославянские формы нечленного действительного причастия в системе глагольных времен // Вопросы теории и истории языка: Сборник статей, посвященный памяти Б. А. Ларина. Л., 1969.

Трубинский 1969а — В. И. Трубинский. Об особенностях системы глагольных времен в русских говорах Карелии // Ученые записки ЛГПИ им. А. И. Герцена. Т. 366. Гуманитарные науки. Л., 1969.

Успенский 2002 — Б. А. Успенский. История русского литературного языка (XI—XVII вв.). М., 2002.

Хабургаев 1990 — Г. А. Хабургаев. К проблеме реконструкции праславянской системы претеритов // Закономерности языковой эволюции: Всесоюзная научная конференция, г. Рига, апрель 1990 г. Тезисы докладов. Рига, 1990. С. 74—76.

Хабургаев 1991 — Г. А. Хабургаев. Древнерусский и древнепольский глагол в сравнении со старославянским (К реконструкции праславянской системы претеритов) // Исследования по глаголу в славянских языках. История славянского глагола. М., 1991. С. 42—54.

Чернов 1961 — В. И. Чернов. Плюсквамперфект в истории русского языка сравнительно с чешским и старославянским языками. Дисс. ...канд. филол. наук. ЛГПИ им. А. И. Герцена. Л., 1961.

Шевелева 2007 — М. Н. Шевелева. «Русский плюсквамперфект» в древнерусских памятниках и современных говорах // Рус. яз. в науч. осв. 2007. № 2 (14). С. 214—252.

Шевелева 2008 — М. Н. Шевелева. Еще раз о истории древнерусского плюсквамперфекта // Рус. яз. в науч. осв. 2008. № 2 (16). С. 217—245.

Шевелева 2009 — М. Н. Шевелева. Плюсквамперфект в памятниках XV—XVI вв. // Рус. яз. в науч. осв. 2009. № 1 (17). С. 5—43.

Шевелева 2009а — М. Н. Шевелева. «Согласование времен» в языке древнерусских летописей (к вопросу о формировании относительного употребления времен и косвенной речи в русском языке) // Рус. яз. в науч. осв. 2009. № 2 (18). С. 144—174.

Шевелева 2012 — М. Н. Шевелева. Еще раз о бесприставочных итеративах на *-ыва/-ива-* типа *хаживать* в истории русского языка // Рус. яз. в науч. осв. 2012. № 1 (23). С. 140—178.

Шевелева 2015 — М. Н. Шевелева. О некоторых глагольных формах в «Починении» Владимира Мономаха и языке Киева на рубеже XI—XII вв. // Slověne=Словѣне. International journal of Slavic Studies. 2015. Vol. 4. № 1—2. С. 564—577.

Якубинский 1953 — Л. П. Якубинский. История древнерусского языка. М., 1953.

References

- Alekseev 1999 — A. A. Alekseev. Tekstologiya slavyanskoy Biblii. St.-Peterburg, 1999.
- Anichenka 1957 — U. V. Anichenka. Formy plyuskvamperfekta ŭ belaruskay pis'mennasci XV—XVI st. // Uchenye zapiski Mozyrskogo ped. instituta. Vyp. 1. 1957.
- Anichenka, Zhuraŭski 1988 — U. V. Anichenka, A. I. Zhuraŭcki. Belaruskaya leksika ŭ vydaniyakh F. Skaryny // Francysk Skaryna i yago chas. Encyklydedychny davednik. Belaruskaya savetskaya encyklypedyya. Minsk, 1988.
- Chernov 1961 — V. I. Chernov. Plyuskvamperfekt v istorii russkogo yazyka sravnitel'no s cheshskim i staroslavjanskim yazykami. Diss. ...kand. filol. nauk. LGPI im. A. I. Gercena. Leningrad, 1961.
- Dukhanina 2008 — A. V. Dukhanina. Morfologicheskie normy v sochineniyakh Epi-faniya Premudrogo (sistema glagola). Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Moskva, 2008.
- Galinskaya 2006 — E. A. Galinskaya. Ob odnom relikte drevneslavjanskogo imperfekta v russkom yazyke // Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 9. Filologiya. 2006. № 6. S. 47—60.
- Gippius 2003 — A. A. Gippius. Sochineniya Vladimira Monomakha: opyt tekstologicheskoy rekonstrukcii. I. // Russkiy yazyk v nauchnom osveshchenii. 2003. № 2 (6). S. 60 — 99.
- Gorshkova, Khaburgaev 1981 — K. V. Gorshkova, G. A. Khaburgaev. Istoricheskaya grammatika russkogo yazyka. Moskva, 1981.
- Ivanov Vyach. Vs. 1981 — Vyach. Vs. Ivanov. Slavyanskiy, baltiyskiy i rannebal-kanskiy glagol. Indoevropskie istoki. Moskva, 1981.
- Ipat. — Polnoe sobranie russkikh letopisey. Ipat'yevskaya letopis'. Moskva, 1998. T. II.
- Khaburgaev 1990 — G. A. Khaburgaev. K probleme rekonstrukcii praslavyanskoy sistemy preteritov // Zakonomernosti yazykovoy evolyucii: Vsesoyuznaya nauchnaya konferenciya, g. Riga, aprel' 1990 g. Tezisy dokladov. Riga, 1990. S. 74—76.
- Khaburgaev 1991 — G. A. Khaburgaev. Drevnerusskiy i drevnepol'skiy glagol v sravnenii so staroslavjanskim (K rekonstrukcii praslavyanskoy sistemy preteritov) // Issledovaniya po glagolu v slavyanskikh yazykakh. Istoriya slavyanskogo glagola. Moskva, 1991. S. 42—54.
- Krys'ko 2011 — V. B. Krys'ko. Morfologicheskie osobennosti zhitiynoy chasti Sofiy-skogo prologa // Slavyano-russkiy Prolog po drevneyshim spiskam. T. II. Ukazateli. Issledovaniya. Moskva, 2011. S. 798—837.
- Kuznecov 1953 — P. S. Kuznecov. Istoricheskaya grammatika russkogo yazyka. Morfologiya. Moskva, 1953.
- Kuz'mina 1993 — I. B. Kuz'mina. Sintaksis russkikh govorov v lingvogeograficheskom aspekte. Moskva, 1993.

Lavr. — Polnoe sobranie russkikh letopisey. Lavrent'yevskaya letopis'. Vyp. 1—3. Moskva, 1997. T. I.

Maysak, Tatevosov 2001 — Т. А. Maysak, S. G. Tatevosov. Yadernye formy glagol'noy paradigmy // Bagvalinskiy yazyk. Grammatika. Teksty. Slovarei. Moskva, 2001. S. 345—366.

Maslov 1984/2004 — Yu. S. Maslov. Ocherki po aspektologii // Yu. S. Maslov. Izbrannyye trudy: Aspektologiya. Obshchee yazykoznanie. Moskva, 2004. S. 21—302.

Maslov 2004 — Yu. S. Maslov. Izbrannyye trudy: Aspektologiya. Obshchee yazykoznanie. Moskva, 2004.

Meye 1951 — A. Meye. Obshch斯拉vianskiy yazyk. Moskva, 1951.

NPLml — Novgorodskaya pervaya letopis' mladshogo izvoda // Novgorodskaya pervaya letopis' starshego i mladshogo izvodov. Moskva; Leningrad, 1950.

Petrukhin 2013 — P. V. Petrukhin. K pragmatike sverkhslazhnogo proshedshego vremeni v vostochnoslavianskoy pis'mennosti // Wiener Slawistischer Jahrbuch. Neue Folge. 2013. 1. 74 — 98.

Petrukhin, Sichinava 2006 — P. V. Petrukhin, D. V. Sichinava. «Russkiy plyuskvamperfekt» v tipologicheskoy perspektive // Verenica liter: K 60-letiyu V. M. Zhivova. Moskva, 2006. S. 193—214.

Petrukhin, Sichinava 2008 — P. V. Petrukhin, D. V. Sichinava. Eshche raz o vostochnoslavianskom sverkhslazhnom proshedshe, plyuskvamperfekte i sovremennykh dialektnykh konstrukciyakh // Russkiy yazyk v nauchnom osveshchenii. 2008. № 1 (15). S. 224—258.

Pichkhadze 2010 — A. A. Pichkhadze. Sredstva vyrazheniya imperativnoy i optativnoy semantiki v drevnerusskikh i staroruskikh preskriptivnykh pamyatnikakh // Voprosy yazykoznaniiya. 2010. № 5. S. 14—24.

Potebnya 1941 — A. A. Potebnya. Iz zapisok po russkoy grammatike. T. IV. Moskva; Leningrad, 1941.

Pozharickaya 1996 — S. K. Pozharickaya. Otrazhenie evolyucii drevnerusskogo plyuskvamperfekta v govorakh severnorusskogo narechiya Arkhangel'skoy oblasti // Obshch斯拉vianskiy lingvisticheskiy atlas. Materialy i issledovaniya 1991—1993. Moskva, 1996. S. 268—279.

Pozharickaya 2015 — S. K. Pozharickaya. Slavyanskiy plyuskvamperfekt i yego evolyuciya v nekotorykh severnorusskogo govorakh // Issledovaniya po slavyanskoy dialektologii 17: Sud'ba slavyanskikh dialektov i perspektivy slavyanskoy dialektologii v 21 veke. Moskva, 2015. S. 373—403.

PVL — Povest' vremennykh let (sm. Lavr., Ipat., NPLml).

PVM — Pouchenie Vladimira Monomakha (sm. Lavr.).

Ryko 2002 — A. I. Ryko. Prichastiya na -shi v odnom zapadnorusskom govore toropeckogo regiona // Russkiy yazyk v nauchnom osveshchenii. 2002. № 2 (4). S. 171—193.

Sheveleva 2007 — M. N. Sheveleva. «Russkiy plyuskvamperfekt» v drevnerusskikh pamyatnikakh i sovremennykh govorakh // Russkiy yazyk v nauchnom osveshchenii. 2007. № 2 (14). S. 214—252.

Sheveleva 2008 — M. N. Sheveleva. Eshche raz o istorii drevnerusskogo plyuskvamperfekta // Russkiy yazyk v nauchnom osveshchenii. 2008. № 2 (16). S. 217—245.

Sheveleva 2009 — M. N. Sheveleva. Plyuskvamperfekt v pamyatnikakh XV—XVI vv. // Russkiy yazyk v nauchnom osveshchenii. 2009. № 1 (17). S. 5—43.

Sheveleva 2009a — M. N. Sheveleva. «Soglasovanie vremen» v yazyke drevnerusskikh letopisey (k voprosu o formirovaniy otnositel'nogo upotrebleniya vremen i

kosvennoy rechi v russkom yazyke) // Russkiy yazyk v nauchnom osveshchenii. 2009. № 2 (18). S. 144—174.

Sheveleva 2012 — M. N. Sheveleva. Eshche raz o bespristavochnykh iterativakh na -yva-/ -iva- tipa *khazhivat'* v istorii russkogo yazyka // Russkiy yazyk v nauchnom osveshchenii. 2012. № 1 (23). S. 140—178.

Sheveleva 2015 — M. N. Sheveleva. O nekotorykh glagol'nykh formakh v «Pouche-nii» Vladimira Monomakha i yazyke Kieva na rubezhe XI—XII vv. // Slověne=Slověne. International journal of Slavic Studies. 2015. Vol. 4. № 1. S. 564—577.

Sichinava 2013 — D. V. Sichinava. Tipologiya plyuskvamperfekta. Slavyanskiy plyuskvamperfekt. Moskva, 2013.

Sobolevskiy 1907/2004 — A. I. Sobolevskiy. Lekcii po istorii russkogo yazyka. 4-e izd. Moskva, 2004.

Sobolevskiy 1980 — A. I. Sobolevskiy. Istoriya russkogo literaturnogo yazyka. Leningrad, 1980.

Tolstaya 2000 — M. N. Tolstaya. Forma plyuskvamperfekta v ukrainskikh zakarpat-skikh govorakh: mesto vspomogatel'nogo glagola v predlozhenii // Balto-slavyanskije issledovaniya 1998—1999. Moskva, 2000. S. 134—143.

Tolstoy 1963/1988 — N. I. Tolstoy. Vzaimootnoshenie lokal'nykh tipov drevnesla-vyanskogo literaturnogo yazyka pozdnego perioda (vtoraya polovina XVI—XVII vv.) // N. I. Tolstoy. Istoriya i struktura slavyanskikh literaturnykh yazykov. Moskva, 1988. S. 52—87.

Toporov 1961 — V. N. Toporov. K voprosu ob evolyucii slavyanskogo i baltiyskogo glagola // Voprosy slavyanskogo yazykoznanija. Vyp. 5. Moskva, 1961. S. 35—70.

Trubinskiy 1963 — V. I. Trubinskiy. Osobennosti upotrebleniya proshedshego so-vershennogo v russkikh govorakh // Uchenye zapiski LGU. № 322. (Ser. Filologicheskie nauki, № 68). 1963. S. 160—170.

Trubinskiy 1969 — V. I. Trubinskiy. Baltiyskie i vostochnoslavyanskije formy ne-chlen'nogo deystvitel'nogo prichastiya v sisteme glagol'nykh vremen // Voprosy teorii i istorii yazyka: Sbornik statey, posvyashchenny pamyati B. A. Larina. Leningrad, 1969.

Trubinskiy 1969a — V. I. Trubinskiy. Ob osobennostyakh sistemy glagol'nykh vre-men v russkikh govorakh Karelii // Uchenye zapiski LGPI im. A. I. Gercena. T. 366. Gumanitarnye nauki. Leningrad, 1969.

Uspenskiy 2002 — B. A. Uspenskiy. Istoriya russkogo literaturnogo yazyka (XI—XVII vv.). Moskva, 2002.

Vaillant 1952 — A. Vaillant. Rukovodstvo po staroslavyanskomu yazyku. Moskva, 1952.

Yakubinskiy 1953 — L. P. Yakubinskiy. Istoriya drevnerusskogo yazyka. Moskva, 1953.

Zaliznyak 1995 — A. A. Zaliznyak. Drevnenovgorodskiy dialekt. Moskva, 1995.

Zaliznyak 2004 — A. A. Zaliznyak. Drevnenovgorodskiy dialekt. Izd. 2-e, pererabo-tannoe s uchedom nakhodok 1995—2003 gg. Moskva, 2004.

Zaliznyak 2008 — A. A. Zaliznyak. «Slovo o polku Igoreve»: vzglyad lingvista. Izd. 3-e, dopoln. Moskva, 2008.

Zhukova, Sheveleva 2010 — T. S. Zhukova, M. N. Sheveleva. «Novyy» plyuskvam-perfekt v pamyatnikakh Yugo-Zapadnoy Rusi XV—XVI vv. i sovremennykh ukrainskikh govorakh v sravnenii s velikorusskimi // Fonetika i grammatika: nastoyashchee, proshedshee, budushchee (Voprosy russkogo yazykoznanija. Vyp. XIII). Moskva, 2010. S. 171—191.

Zhuraŭski 1988 — A. I. Zhuraŭski. Dzeyasloŭ // Mova belaruskay pis'mennasci XV—XVI stst. Minsk, 1988. S. 170—271.

Резюме

В статье рассматриваются значимые для исторической русистики аспекты книги Д. В. Сичиной, прежде всего — связанные с проблематикой полемики о древнерусском плюсквамперфекте на страницах РЯНО в 2007-2009 гг. Типология эволюции семантики плюсквамперфекта, как она описана в книге, вполне соответствует древнерусскому материалу. Важно заметить, что приводимые Д. В. Сичиной данные французского языка и североитальянских диалектов (именно эти временные системы типологически сходны с древнерусской) подтверждают вероятность сохранения раннедревнерусским «сверхсложным» плюсквамперфектом результативного значения и синонимии старой и новой форм плюсквамперфекта с их регистровым распределением. Материалы старейших киевских памятников (Поучения Владимира Мономаха, Повести временных лет) свидетельствуют в пользу именно такой ситуации, а приводимые в книге Д. В. Сичиной данные по украинскому и белорусскому плюсквамперфекту указывают на сохранение в этих системах архаичного результативного употребления.

Обсуждаются другие поставленные в книге проблемы истории древнерусского плюсквамперфекта, требующие дальнейшего исследования.

Ключевые слова: древнерусский плюсквамперфект, типология эволюции, результативное значение, «неактуальное прошедшее», раннедревнерусская система времен, типологические соответствия, Поучение Владимира Мономаха

Статья получена 22.04.2015

MARIA N. SHEVELEVA

SOME CONSIDERATIONS UPON D. SITCHINAVA'S BOOK «TYPOLOGY OF THE PLUPERFECT. THE SLAVONIC PLUPERFECT» (Moscow, 2013)

The paper deals with certain aspects of D. Sitchinava's book that are important for Russian historical grammar, especially those connected with the discussion of the Old Russian Pluperfect in the journal «Russian language and linguistic theory» in 2007—2009. The typology of the semantic evolution of the Pluperfect as it is described in Sitchinava's book corresponds to the Old Russian facts very well. It is important to note that French and Northern Italian data — typologically the most similar to the Old Russian verbal system — corroborate the supposition that the situation in Old Russian may be the same: the old and the new («supercompound») pluperfect forms were as yet synonymous and were distinguished according to the literary or colloquial registers. The oldest Kievian texts — such as the *Pouchenije* of Vladimir Monomakh and *Povest' Vremennykh Let* — testify to this supposition; the modern Ukrainian and Byelorussian dialects quoted in Sitchinava's work testify to it too, because they preserve the archaic resultative meaning of the Pluperfect.

Other problems connected with the history of the Old Russian Pluperfect which require to be investigated are also discussed.

Keywords: Old Russian Pluperfect, typology, semantic evolution, resultative meaning, temporal distance, «discontinuous past», early Old Russian verbal system, *Pouchenije* of Vladimir Monomakh

Received on 22.04.2015

ИЗ ИСТОРИИ НАУКИ

О. А. ТЕУШ

ДИАЛЕКТНАЯ ЛЕКСИКА И МЕСТНАЯ ТОПОНИМИЯ В ОПИСАНИИ А. С. ПАНКРАТОВА («МИЛЛИОНЫ В ЗЕМЛЕ. ПОЕЗДКА НА РЕКУ УХТУ». М., 1914) *

Река Ухта — приток р. Ижмы, в свою очередь впадающей в р. Печору. Город Ухта в настоящее время является одним из районных центров Республики Коми. А. С. Панкратов пишет об Ухте так: «Ухта не поминается ни в одной географии. Не на всякой карте можно найти реку Ухту» [Панкратов: 8]. Путь на Ухту представлялся путешественнику очень опасным. Автор книги описывает его через поговорку: «Поедешь направо — смерть найдешь, налево — татарин зарубит»¹ [Там же].

Местные названия в книге немногочисленны, встречаются только при описании пути или же если заинтересовали автора с точки зрения происхождения. Так, описывая прошлое территории, А. С. Панкратов упоминает Сидоровскую избу и пишет: «Старик рассказывал, что в 1872 г. Ухту посетили “австрийцы” вместе с Сидоровым» [Там же: 37].

Описывая свой маршрут, автор указывает названия необычных географических объектов: «За Тотьмой проехали знаменитые “Опоки”. Здесь на расстоянии трех верст вода незаметно падает на шесть аршин вниз» [Там же: 15], ср.: *опóка* ‘любая известковая порода, известняк’ [СРНГ, 23: 272].

Для двух топонимов А. С. Панкратов приводит местные легенды, связанные с распространением христианства: «Около Кошек деревня Ляли. Тут тоже наивная легенда: Св. Стефан пришел сюда и встретил зырян пляшущих и припевающих: “ляли! ляли!” Будьте же вы навек “ляли”, — сказал святой» [Панкратов: 28]. Историю топонима *Кошки* (деревня) также связывают со Стефаном Пермским: «Степан великопермский, просветитель мира, обратил здешних жителей в христианство и запретил им есть белку. А когда он ехал обратно на каменном пароме, то кошкинцы закричали ему: “Стефане, Стефане! А мы опять белку едим”. — “Будьте вы как кошки, — ответил разгневанный святитель, — ни сыты, ни голодны”. От-

* Исследование подготовлено при поддержке РГНФ (проект № 12-04-12050(в)).

¹ Здесь и далее текст А. С. Панкратова приводится в современной орфографии. Авторская пунктуация сохраняется.

того деревня теперь и называется Кошками. Но существует и другая легенда. Кошками святой назвал село за то, что жители его встретили проповедь христианства мяуканьем» [Там же]. Последнее название (*Кошки*) в действительности производно от диал. *кóшка* ‘песчаная или каменная отмель’ [СРНГ, 15: 149].

Близка к реальности этимология топонима *Половники* (деревня): «Здесь жил когда-то вассальный зырянский князь. Его называли “половник”, т. е. вассал, рабочий князя. А в следующем селе Княжпогосте жил сам наибольший зырянский князь» [Панкратов: 38], ср.: *половник* ‘в Древней Руси — феодально зависимый крестьянин’ [ССРЛЯ, 10: 1036].

Лексика, используемая А. С. Панкратовым, в целом является литературной. Ряд слов указывает на официально-деловой стиль: *земские средства*, *столбопромышленники*, *незаконное собрание*. Обращает на себя внимание лексема *политик*: «но высылают сюда “политиков” не высшая администрация, а Яренский исправник» [Панкратов: 33]. Очевидно, этим словом обозначаются политические ссыльные. В словарях такое значение не зафиксировано.

При освоении бассейна р. Ухта русское население (*проведчики* [Там же: 37]) пользовалось помощью местных жителей. Ими были коми-зыряне, о которых сохранились местные предания: «Давно, давно пришел сюда один зырянин с семьей и осел. Прошло 40—50 лет и теперь из одной семьи образовалось пять. Семьи волошных зырян богатые. Они дорого берут или вернее сказать дерут за перевозок лодок. У них прекрасная охота и рыбная ловля. Но самая главная их прибыль от того, что негде достать водки» [Там же: 63].

В тексте книги встречаются заимствования из коми языка. «После обеда плыли до вечера. Часов в 8 останавливались у “керки”. Мое беспокойство по поводу ночевки оказалось напрасным. Ночевали мы превосходно. Впрочем, все на свете условно... Керка — это промышленная изба зырянина. Зыряне зимой уходят недели на 3—4 на охоту за тетеревами и рябчиками и ночуют в своих керках. Забираются они далеко от дома — за сотни верст. Керки разбросаны по берегам всех рек. Во всякое другое время керка является общественным достоянием. Она не запирается. В ней можно найти приспособления для варки, а иногда — сухие дрова. Мы останавливались у керки и ужинали. Опять вкусная каша и бой с комарами. Потом Филипп затапливал печку в самой керке. Выгонял дымом комаров. Печка топится по-черному и дым остается в ней. Лишь на полу на поларшина вверх оставалось пространство, не занятое дымом. В эти поларшина мы и влезали. Окон в керке почти нет. Если же они есть, то Филипп тщательно их закупоривал. В керке было темно, как в душе грешника, носился дым, жара была адская. Чтобы дым не лез в глаза, я завертывался в одеяло, но через пять минут был мокрый от пота. Приходилось выбирать одно из двух: или дышать дымом или мокнуть» [Там же: 55]. Лексема *кёрка* ‘изба’ восходит к коми *керка* ‘дом, изба’ [ССКЗД: 153].

В другом контексте употреблено слово *чемкос*: «Зыряне считают не верстами, а “чемкосами”. В каждом чемкосе по 5—7 верст. “Чемкос ма-

ленький”, “чемкос большой”. Тридцать пять верст здесь считается немно-го. У некоторых зырян пожня за 300—500 верст от дома. Таковы расстоя-ния в этом девственном крае» [Панкратов: 47]. Лексема *чѣмкос* ‘приблизи-тельное между двумя урочищами расстояние’ заимствована из коми *t’šomkos* ‘расстояние между двумя такими кладовыми’ при коми *t’šom* ‘кладовая’, *kost* ‘промежуток’ [Фасмер, 4: 332].

Поскольку текст посвящен путешествию, в нем нередко встречаются названия дорог. «На этот “зимняк” нужно 70 тыс. Земство ассигновало 35 тысяч своих денег. И столько же вздумало попросить у министерства финансов. Но оно вновь отказало» [Панкратов: 39]: ср. *зимняк* ‘дорога, по которой ездят только зимой’ [СРНГ, 11: 277]. «Наконец, наша лодка стук-нулась о землю. Пред нами материк. Это и есть так называемый “волок” — пространство в шесть верст, по которому нужно вести лодку на лошадях, а потом спустить ее в реку Ухту» [Панкратов: 63], ср. *волок* ‘лесная гужевая дорога’ [СРНГ, 5: 49].

Нередко в северных районах России передвигаются по рекам. Часть пу-тешествия А. С. Панкратова была таковой: «Работа у них тяжелая: целый день, стоя, “идти на шестах”. На веслах против течения, здесь очень силь-ного, далеко не уедешь. На шестах же мы уплывали верст по 30—40 в день» [Панкратов: 53]. Выражение *идти на шестах* означает ‘плыть на лодке против течения реки, отталкиваясь шестом’ (Картотека Словаря говоров Русского Севера). Помощь путешественнику при передвижении по реке также оказывали коми-зыряне: «Единственный способ передвижения — лодка. Отсюда только речной путь на Ухту. Я нанял зырянскую лодку с двумя провожатыми — зырянами. “Ямщиками”, как их здесь зовут. Пред-варительно спросил:

— А доедем ли? Не обмелели ли реки?

— Если обмелели, потащим волоком» [Там же: 48].

Автор упоминает об обычаях коми: «Целыми месяцами они бывают от-резаны от всего мира. Зиму отсиживают в избах, как медведи в берлоге. Детей крестят через полгода. Беда, если кто умрет зимой, или в полоую во-ду. Зарывай не отпетым» [Там же: 63], ср. *пóлый* ‘разлившийся в половодье (о реке)’ [СРНГ, 29: 174]. В этом контексте употреблено и необычное сравнение *медведи в берлоге*, хорошо характеризующее быт коми-зырян.

А. С. Панкратов приводит также текст былички: «Бес — хороший, — говорит Филипп. — Это он не дает тонуть лодке и лошадям, когда они плывут по реке. А если осерчает на что — быть беде. Лешак больше шалит. Один мужик был далеко один на пожне. Пожелал он свою бабу. Она и пришла к нему и жила с ним две недели. Поехали они потом домой, она дорогой утонула. Погоревал мужик и приехал домой. Глядит — баба жива, здорова и на пожню к нему не ездила. На другой год мужик опять поехал на пожню. Видит, идет опять она, прошлогодняя баба, но не одна, а в ру-ках у нея ребенок. Я к тебе. — говорит она, — это твой ребенок. Не нужна ты мне, — отвечает он. Она заплакала, а потом взяла ребенка, разорвала на

части, одну часть бросила ему, а другую унесла с собой в лес. И больше не приходила...» [Там же: 58], ср.: *леши́ак* ‘в суеверных представлениях — лесной дух в образе очень высокого человека; леший’ [СРНГ, 17: 30].

Небольшое, но емкое описание путешествия, составленное А. С. Панкратовым, является ценным источником по истории Севера Европейской России и народа коми. Книга содержит интересный лингвистический и этнографический материал, дополняющий известные по другим источникам факты.

Л и т е р а т у р а

- Панкратов — А. С. П а н к р а т о в. Миллионы в земле. Поездка на реку Ухту. М., 1914.
СРНГ — Словарь русских народных говоров. М.; Л., СПб., 1965—1998. Вып. 1—34.
ССКЗД — Сравнительный словарь коми-зырянских диалектов. Сыктывкар, 1961.
ССРЛЯ — Словарь современного русского литературного языка. Т. 1—17. М.; Л., 1950—1965.
Фасмер — М. Ф а с м е р. Этимологический словарь русского языка. Т. 1—4. М., 1964—1973.

R e f e r e n c e s

- Pankratov — Pankratov A. S. Millions v zemle. Poezdka na reku Ukhtu. Moskva, 1914.
SRNG — Slovar' russkikh narodnykh govorov. Moskva; Leningrad, St.-Peterburg, 1965—1998. Vyp. 1—34.
SSKZD — Sravnitel'nyy slovar' komi-zyryanskikh dialektov. Syktyvkar, 1961.
SSRLYa — Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka. T. 1—17. Moskva; Leningrad, 1950—1965.
Vasmer — Vasmer M. Etimologicheskij slovar' russkogo yazyka. T. 1—4. Moskva, 1964—1973.

Материал получен 02.09.2014
Received on 02.09.2014

ИНФОРМАЦИОННО-ХРОНИКАЛЬНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

Хроника XLVI Виноградовских чтений в МГУ им. М. В. Ломоносова

12-го января 2015 года научная общественность отметила 120-летие со дня рождения академика Виктора Владимировича Виноградова. В этот день в МГУ им. М. В. Ломоносова состоялись XLVI Виноградовские чтения. Тема чтений «Виноградовская традиция в современном анализе художественного текста». Программа чтений включала 8 докладов, посвященных общим проблемам языка художественного текста, характеристике идиостилей, а также анализу конкретных текстов.

Программу чтений открывал доклад проф. *О. Г. Ревзиной* (МГУ) «Язык писателя и литературный язык в концепции В. В. Виноградова», в котором обсуждались взгляды В. В. Виноградова на роль художественной речи в истории общелитературного языка. По мнению докладчика, В. В. Виноградов рассматривал индивидуально-художественное творчество писателя как ту сферу, в которой «испытываются» средства общелитературного языка. В общелитературном языке сохраняется только то, что проходит испытание художественным текстом. Докладчица охарактеризовала научный метод В. В. Виноградова как историко-эмпирическую индукцию и выделила три основных положения виноградовской теории художественной речи: 1. писатель — носитель языка своего времени; 2. единицами художественного языка являются символы; 3. художественный язык «прокладывает пути решения коллизий в общелитературном языке, указывает оптимальный путь развития языка». Вторая часть доклада была посвящена анализу работ В. В. Виногра-

дова о языке и стиле И. И. Дмитриева (1949 г.) и о баснях И. А. Крылова (1945) в свете трех основных положений виноградовской теории литературного языка.

Проф. *М. Ю. Федосюк* (МГУ) в докладе «Художественная идея литературного произведения с позиций лингвистики» обосновывал идею о том, что оптимальный анализ художественного текста возможен лишь в результате совместных усилий литературоведения и лингвистики. М. Ю. Федосюк применил теорию Грайса в качестве лингвистического инструмента для обнаружения художественной идеи текста. Докладчик считает, что в художественном тексте совершается умышленное нарушение постулатов речевого общения (по Грайсу). Ответ на вопрос «Почему автор нарушает тот или иной постулат?» является шагом на пути к идее художественного текста. Художественная идея, по мнению докладчика, принадлежит сфере имплицитного. Имплицитные смыслы текста были разграничены на два типа: подтекстовые и притекстовые. Первые входят в замысел автора, вторые оказываются возможными в результате читательской интерпретации. Художественная идея понимается как «набор импликаций, т. е. таких неявно выраженных сообщений, которые логически выводятся получателем из содержания текста, причем импликаций подтекстовых, т. е. импликаций, выведение которых отвечает скрытым коммуникативным намерениям автора». Выдвинутые положения были проиллюстрированы анализом рассказа В. Гроссмана «В городе Бердичеве».

Проф. *А. В. Леденев* (МГУ) рассмотрел художественный потенциал лингвистических понятий в прозе В. Набокова. В его докладе «"Лингвистическая" образность в художественных текстах В. Набокова» обсуждались категории рода и падежа, которые В. Набоков положил в основу определенных мотивов своей прозы, создавая тем самым поэтику «грамматических иносказаний». Так, в смысловой организации романа «Дар» особую роль играет категория рода. Эта категория задается уже в эпиграфе, взятом из «Учебника русской грамматики» П. Смирновского: «Дуб — дерево. Роза — цветок. Олень — животное. Воробей — птица. Россия — наше отечество. Смерть неизбежна». Все предложения в этом эпиграфе даны так, как они даются в упражнении к разделу о категории рода. Докладчик показал, что «грамматическая метафора рода» лежит в основе мотивов, разграничивающих двух писателей-антиподов — Годунова-Чердынцева и Н. Г. Чернышевского. Грамматическая категория рода в «Даре» ассоциативно соотносится со стиховедческими терминами, «с общей логикой творческого взросления героя, с освоением им все новых жанрово-родовых сфер писательства». Род грамматический, род литературный, род в его «филогенетическом» и «онтологическом» значениях — все эти семантические возможности участвуют в общем течении текста, запечатлевающего процесс рождения художника. В. Набоков использует не только названия категорий, но и другие грамматические термины, среди которых — образы пунктуационных «запинок», синтаксических «ухабов», «черни предлогов и союзов», «коловращения» частиц. В романе метафорически использованы языковедческие термины в характеристике берлинского лета: «...это было длинное *многоточие* прекрасных дней, прерываемое изредка *междометиями* грозы».

Канд. филол. наук *Е. В. Суровцева* (МГУ) в докладе «Анализ текстов А. С. Пушкина в свете составления полного электронного конкорданса писателя» познакомила слушателей с состоянием работы над полным электронным конкордансом А. С. Пушкина — проектом, который осуществляется на филологическом факультете МГУ в рамках лаборатории компьютерной лексикографии. Докладчица рассказала о тех проблемах, которые в настоящее время решает коллектив разработчиков проекта, в частности, проблему разграничения своего и чужого слова в текстах Пушкина (как на русском языке, так и на французском), пересказа и цитирования при переводе, проблему компьютерной обработки текстов на французском языке. Докладчица отметила увеличение текстовой базы конкорданса по сравнению с текстовой базой «Словаря языка Пушкина».

Доктор филол. наук *О. Е. Фролова* (МГУ) в докладе «Наблюдатель, интертекст, метатекст в "Старухе" Д. Хармса» рассмотрела языковые приемы организации художественного целого: 1) приемы включения наблюдателя в текст; 2) жанровые интертекстуальные связи; 3) способы обнаружения рассказчика. Докладчица показала, что наблюдатель у Хармса вводится посредством модусных предикатов при переходе к репродуктивному фрагменту, разрывов в последовательности предикатов (пропуск модусного глагола перед репродуктивным регистром), перехода от форм прошедшего времени к формам настоящего времени. Кроме того, был показан прием перцептивной подачи событий при отсутствии наблюдателя. Интертекстуальные связи соединяют повесть Хармса не только с известными литературными текстами (например, Пушкина и Достоевского), но и с фольклорными текстами, напри-

мер быличками. Метатекст обнаруживает себя в сильных позициях начала и конца повести, при этом реализуется замысел дискредитации текста как произведения.

Доктор филол. наук *Е. А. Яблоков* (Ин-т славяноведения РАН) рассмотрел художественные тексты М. Булгакова в связи с такими понятиями, как «картина мира» и «образ автора». Докладчик показал, что базовым «метаконфликтом», который актуален в целостном масштабе булгаковского художественного мира, является конфликт гносеологический: «катастрофа» есть прежде всего кризис картины мира, антагонистическое столкновение точек зрения. Повествователь у Булгакова выступает как контрапункт информации, взятой из разнородных и в разной степени достоверных источников. Непротиворечивый «синтез» не осуществляется и на уровне образа автора, поскольку истина, по Булгакову, не может быть внесубъектной.

Проф. *Л. А. Колобаева* (МГУ) сопоставила взгляды И. Бродского на язык и взгляды В. В. Виноградова и показала, что взгляды поэта на язык и взгляды ученого удивительным образом сближаются. Бродский развивал идеи об уникальной роли языка в поэзии («как высшем роде лингвистической деятельности»), в сохранении культуры, в самом человеческом бытии. Для Бродского язык — это высший критерий оценки («На самом деле *выживает* только то, что производит *улучшение* не в обществе, но в *языке*»). Бродский считал, что не язык — орудие поэта, а поэт — орудие языка. Подобные мысли Бродского перекликались с мыслями В. В. Виноградова о языке. Докладчица выделила проблему слова в тексте, которое как «символ», по Виноградову, несет свойства *целого*. Важнейшими для поэта, как и для теоретика языка, здесь оказывались *композиция* произведения и

синтаксис поэтической речи, «синтаксические сцепления» (по выражению В. В. Виноградова).

Канд. филол. наук *Н. К. Ониненко* (ИРЯ РАН, МГУ) продолжила тему о Бродском, обратившись к проблеме категории лица. Докладчица обратилась к пяти принципам анализа стихотворного произведения, которые В. В. Виноградов сформулировал в лекциях, прочитанных им в сентябре 1941 г. в Тобольске (лекции были записаны П. Г. Черемисиным), и применила эти принципы для анализа двух стихотворений Бродского — «Декабрь во Флоренции» и «С видом на море». В первом стихотворении особый интерес вызывает второе лицо, которое оказывается неоднозначным: личная форма глагола с местоимением *ты* относится к Данте, а формы 2-го лица с синтаксическим нулем читаются обобщенно-лично, т. е. соединяют и Данте, и Бродского, и всех поэтов-изгнанников. В стихотворении «С видом на море» используется «прозаическая» последовательность средств номинации героя — от объективного 3-го лица, представленного существительным (*пророк*), к 3-му лицу, заменяющему 1-е (*автор этих строк*); и наконец, синтаксический нуль при формах 2-го лица, соединяющий лирическое Я с потенциальным адресатом (конкретным или обобщенно-личным).

XLVI Виноградовские чтения в МГУ объединили лингвистов и литературоведов, опирающихся в своих научных исследованиях на виноградовскую традицию анализа художественного текста. В докладах обсуждались наиболее актуальные проблемы современной лингвистики и литературоведения, были показаны пути их сближения на основе единства объекта — текста.

Н. К. Ониненко

Материал получен 21.01.2015

Received on 21.01.2015

**Отчет об экспедициях отдела диалектологии и лингвогеографии
ИРЯ РАН в 2014 году**

В 2014 г. отделом диалектологии и лингвогеографии ИРЯ РАН было проведено пять экспедиций в разные регионы Центральной России: Псковскую, Белгородскую, Вологодскую области и две экспедиции во Владимирскую область. Финансирование экспедиций осуществлялось за счет гранта РГНФ (проект «Диалектологические исследования центра Европейской части России и восточнославянского пограничья» № 14-04-18029, руководитель О. Е. Кармакова). Цель проекта — запись и анализ различных типов речи: традиционного говора, региолекта, локально окрашенного литературного языка. На материале полученных записей ведется изучение структуры диалектов, их социальной базы, языковых контактов, а также динамики изменения провинциальных идиомов.

Комплексная экспедиция по изучению языка и культуры старообрядцев, живущих в Беличье, проходила под руководством О. Г. Ровновой.

Результаты экспедиций: записано около 200 часов звучащей речи, пополнен корпус диалектных текстов, которые содержат не только лингвистическую, но и историческую, этнографическую, социологическую информацию, что позволяет описывать диалект как самостоятельную культурно-коммуникативную единицу. Получены ответы на вопросы акцентологической, фонетической, лексико-этнографической программ.

В данном отчете мы представили материалы экспедиций в муромские говоры. В июле — августе 2014 г. состоялись две экспедиции в Муромский р-н Владимирской области: С. В. Дьяченко, И. И. Исаев, А. В. Малышева и А. В. Тер-Аванесова обследовали говор деревень Татарово, Нула (2 км от Татарова) и Ожигово (5 км от Татарова), И. А. Бук-

ринская и О. Е. Кармакова работали в селе Молотицы.

Первая экспедиция в село Татарово состоялась в 2012 г., по ее результатам был опубликован краткий отчет [Отчет 2013]. Ниже более подробно приведен и разобран материал по ёканью, записанный от четырех пожилых жителей Татарова, Ожигова и Нулы, данные по словоизменению и ударению существительных мужского рода и по грамматике говора (формы глагольной парадигмы, сочинительные союзы и конструкции, частицы).

В Молотицах собирался материал по лексической и этнографической программам. Село находится в 20 км на север от г. Муром на р. Ушне. Оно известно с XII в. Сохранилась церковь Успения Богородицы, являющаяся памятником архитектуры. Есть сельскохозяйственное предприятие по выращиванию овощей, рыбное хозяйство, сельсовет, клуб, несколько магазинов. Кроме пожилого населения, здесь достаточно много людей среднего и молодого возраста. В настоящее время в селе проживает более 1000 человек. Была записана речь людей разных возрастных и социальных групп.

Отчеты публикуются под общей редакцией А. В. Тер-Аванесовой.

**Ёканье в муромском говоре деревень
Татарово, Нула и Ожигово Муромского района Владимирской обл.**

Ёканьем называют произношение [o] в безударных слогах после мягких согласных и после твердых шипящих перед твердыми согласными и на конце слова, встречающееся в севернорусских говорах и в среднерусских говорах с неполным оканьем (*н'ослá, з'орновóйо, б'одá, жонá* и подобные примеры).

В заударных слогах ёканье возможно и перед мягкими согласными (*д'ер'эвн'ой*); см. [Пожарицкая 2005: 51—53; Касаткин 2012: 41—42]. Фонетические и этимологические позиции, в которых встречается такое произношение, и регулярность его в русских говорах не одинаковы.

В большинстве севернорусских говоров ёканье представлено во всех названных безударных позициях. Однако в значительной части костромских, южновологодских и горьковских говоров, образующих единый ареал, предударное ёканье отсутствует, а в заударных слогах оно проведено вполне последовательно и, возможно, поддерживается морфологически [ДАРЯ I, карта 3].

В подавляющем большинстве севернорусских говоров ёканье имеется только на месте этимологических *е и *ь, но не *ё: *н'ослá, з'орнó*, им. ед. *пóл'о*, но *б'едá*, местн. ед. *пóл'е*. Исключение составляют отдельные говоры и небольшие ареалы: в окрестностях Никольска и в среднем течении Сухоны, где ёканье встречается на месте всех трех старых фонем переднего ряда среднего подъема (но на месте *ё только в 1-м предударном слоге): *н'ослá, з'орнó, б'одá* [ДАРЯ I, карты 3—6]. К числу таких говоров относится тотемский говор (Шуйское и Ихалица на Сухоне), описанный О. Брокком [Брок 1907: 22—23, 100—103].

Регулярность ёканья в севернорусских говорах не одинакова. Если в ладого-тихвинских говорах оно вполне последовательно, то в вологодских и части костромских говоров в позициях ёканья варьируют [о] и [е] [ДАРЯ I, карты 3—6], а в поморских говорах в предударной позиции [о] — значительно более редкий вариант по сравнению с [е], при регулярности заударного ёканья [Гецова 1997: 139; Пожарицкая 2002: 62].

В среднерусских говорах ёканье отмечается в ДАРЯ на обширной терри-

тории от Гдова до нижегородских окраин и Мордовии. Системы с ёканьем заметно концентрируются, образуя ареалы разной величины, в говорах вокруг Ильменя (продолжением этого ареала является ладого-тихвинский), в гдовских, тверских, бежецких и, наконец, во владимирско-поволжских говорах, где ёканье представлено в большом компактном ареале и считается одной из изоглосс, выделяющих Владимирско-поволжскую группу говоров. В среднерусских говорах ёканье встречается только в 1-м предударном слоге (исключение составляет северная часть владимирско-поволжских говоров, где ёканье отмечается и в заударных слогах [ДАРЯ I, карта 3; Образование: 349, карта 96]).

Среднерусское ёканье отличается регулярностью, в особенности в позиции этимологического *е [ДАРЯ I, карты 3, 4; Захарова 1981: 39]. Регулярность ёканья во владимирско-поволжских говорах, в отличие от севернорусских, С. С. Высотский связывал с ритмической структурой слова, для которой характерна длительность 1-го предударного слога, равная длительности ударного или даже превышающая ее [Высотский 1977: 29—31]. По нашим наблюдениям, такая же ритмическая структура слова характерна по крайней мере для некоторых новгородских говоров с неполным оканьем, находящихся в окрестностях Ильменя.

В среднерусских окающих говорах известны две основные системы предударного вокализма с ёканьем, представленные ниже в «идеализированном» виде (без учета варьирования):

(1) *пр'адү, с'острá, в'орнүт, б'едá; пр'ад'óт, с'естр'э, в'ер'н'óт, б'ед'э;*

(2) *пр'адү, с'острá, в'орнүт, б'одá; пр'ад'óт, с'естр'э, в'ер'н'óт, б'ед'э.*

В первой системе различаются три гласных фонемы неверхнего подъема перед твердыми согласными: /a/, /o/, /e/,

а перед мягкими фонемы /o/ и /e/ совпадают в [e]; эта система тождественна системе гласных под ударением (с тем отличием, что под ударением [o] возможен и между мягкими согласными в силу морфологической аналогии). Как можно видеть, в этой системе перед твердыми согласными различаются предударные рефлексы *е, *ь (> [o]) и *ё (> [e]), т. е. ёканье представлено только на месте *е, *ь и *ё. Такие системы распространены в западной части средне-русских говоров и в центре владимирско-поволжской территории (владимирские, ростово-суздальские, южные городецкие говоры [Образование: 349]).

Во второй системе в 1-м предударном слоге фонемы /o/ и /e/ не различаются, совпадая перед твердыми согласными в [o], перед мягкими — в [e]. Ёканье в этой системе представлено на месте *е, *ь и *ё. Этот тип систем с ёканьем характерен для муромских и горьковских говоров, а также отдельных гдовских, новгородских, большого бежецко-тверского ареала; как сказано выше, этот тип ёканья встречается в севернорусских говорах на Сухоне и в районе Никольска [ДАРЯ I, карты 3—6].

Некоторые исследователи связывают регулярность ёканья с морфонологическими классами слов, в том числе акцентными, и даже с определенной лексикой [Захарова 1981: 35—38; Образование: 359—367; ДАРЯ I, карты 4, 6].

1. По предварительным наблюдениям, в Татарове, Нуле и Ожигове ёканье свойственно старшему поколению местных жителей (1920—30-х гг. р.), однако и у них в позиции ёканья встречается как [o], так и [e] (*в'о́зу* и *в'езу́*, *л'о́са* и *л'еса́*). В речи родившихся в конце 1940-х гг. и позже ёканье отсутствует: отмечено произношение с предударным [e] (реже других неогубленных гласных) на месте *е, *ь и *ё как перед мягкими, так и перед твердыми согласными. Ритмическая модель слова

с долгим 1-м предударным слогом при этом сохраняется у всех поколений местных жителей.

На материале, собранном в ходе последней экспедиции в Муромский р-н, мы попытались оценить степень сохранности ёканья муромского типа в речи старшего поколения и проанализировать зависимость наличия/отсутствия ёканья от морфонологических условий. Ниже приводятся данные поговору деревень Татарово, Нула и Ожигово, записанные от четырех местных жителей — уроженцев этих деревень: Прасковьи Яковлевны 1921 г. р. из Ожигова (ПЯ), Елены Михайловны Барановой 1925 г. р. из Татарова (ЕМ), Владимира Степановича 1939 г. р. (ВС) и Зинаиды Ильиничны Широковой 1936 г. р. (ЗИ) из Нулы.

Из аудиозаписей общей продолжительностью около 8 часов звучания был полностью извлечен материал по рефлексам *е, *ь и *ё и все примеры заимствованных основ с гласными [o] и [e] после мягких согласных в 1-м предударном слоге. Эти примеры разделены на три группы: (1) слова, в которых в русском языке *e* не переходит в *o* перед твердыми согласными (ни под ударением, ни — в говорах — в безударной позиции); (2) примеры с *e, o* (реже с другими гласными) после мягких согласных перед твердыми, т. е. в позиции ёканья; (3) примеры с *e*, реже — с другими гласными после мягких перед мягкими согласными. Материал группы (3) не имеет отношения к ёканью, однако приводится ниже в качестве приложения, поскольку в данной группе примеров было выявлено варьирование гласных, отчасти сходное с варьированием перед твердыми согласными.

Для каждого информанта было подсчитано число примеров второй группы с [o] и [e] в позициях *е, *ь, *ё по отдельности и в целом и подсчитан процент примеров с [o] в каждой из этих

этимологических позиций и в целом. Эти данные сопоставлены с социальными характеристиками информантов (возраст, уровень образования). Отдельно произведены подсчеты по двум записям речи бывшей учительницы начальных классов Е. М. Барановой 1925 г. р., так как проценты примеров с ёканьем в этих двух записях оказались очень разными, приближаясь к маргинальным значениям, установленным для всей группы информантов. В случае с Е. М. Барановой важную роль сыграл различный характер опросов и ее литературно-диалектное двуязычие, связанное с характером образования (она окончила педучилище) и профессией.

2.1. В русском языке есть устойчивая группа случаев, в которых *e* любого происхождения не переходит в *o* перед твердыми согласными (ни под ударением, ни — в говорах с ёканьем — в безударной позиции). Это частица *не*, предлоги и приставки *пере*, *перед*, *через*, *без*; корни структуры **tɨrt* с ауслаутными губными и задненебными; «новые» заимствования (из европейских языков) и функционально близкие им новообразования — слова официального языка, вошедшие в говоры в XX веке; некоторые другие случаи. В муромском материале они представлены следующими примерами.

(а) [e] на месте **e* в отрицании *не* и в предложениях/приставках *пере*, *перед*, *без*, *через*: *н'едáвнъ*, *н'е знáйу*, *н'е вьмыли*, *н'е кун'ит'е*, *н'е тáит*; *п'ир'ед вáм'и*, *п'ир'ешлá*, *б'ес сáхъру*, *ч'ир'ез двá дóма*, также перед мягким согласным: *н'е йдúт*, *н'е в'идывъла*, *ч'ер'из н'ед'ёл'у* ЕМ; *н'е жáркъ*, *н'е нáды*, *н'е знáйу* ЗХ, *н'е тáк л'и*; *п'ир'еклáды*, *гóл' п'ир'екáтна*; *óкъл п'ир'ехóт*, также перед мягким согласным: *н'е йёл'и* 2Х ЗИ; *н'едóлго*, *н'е зáмужъм*, *н'е тóкъ*, *н'ехтó 'никто'* 2Х, *н'е лáз'ил*, *п'ир'елóмл'нь-тъ*, *б'ездóмны*, *б'ез гóр'ь*, *ч'ир'ез дóм*, также перед мягким согласным: *н'ед'ёл'*

л'у 4Х, *н'ед'ёл'и* 4Х, *н'ел'з'á* 3Х, *н'е с'п'и-сывъл'и*, *нъп'ир'ев'ес* 2Х, *нъ п'ир'ёмн-къх*, *п'ир'ед'эльйу* ПЯ; *н'е буд'ет*, *н'е знáл*, *н'е знáцу* 2Х, *н'е кáждыц*, *н'ектó* 3Х 'никто', *н'екáк 'никак'*, *н'е нáдъ*, *н'е прóстъ*, *н'е стáль*, *н'е стáл'и*, *н'е тóп'им*, *н'е трóгът* ВС. Один раз, однако, зафиксировано *н'о знáц* ВС.

(б) [e] в заимствованиях из западноевропейских языков: *нъ п'ерáцййу*, *ф'и-д'ерáл'нъйá* 3Х, также перед мягким согласным: *с'ен'т'áбр'* ЕМ; *бóч'ку ар'ес-тáнтъф*, *д'ил'егáтка* ЗИ; *д'ежурный*, в *Г'ермáн'иш*, из *Г'ермáн'иш-т'и*, *м'едáл'и* 2Х, род. мн. *м'едáл'ьй* 2Х, *г'ерóй* 6Х, з *г'ерóйом*, *г'ерóим* 2Х, *л'ектр'ич'свъ* 2Х, *нъ л'ектр'ич'ству*, *т'ехн'ичк'и*, также перед мягким: *ф'т'ил'ев'из'ир'и*, *б'ел'ет* 'билет' (с огласовкой *e* это слово встречается во многих говорах) ПЯ; *из ыл'ектрóдъ*, *кът'егóр'(ио)*, *т'ерáскъ* 2Х, *нъ л'ектр'ичк'и*, также перед мягким согласным: *с ап'ет'итъм* ВС. В трёх примерах встретился [и]: *т'ил'и-фóн* 2Х, *сп'ицáл'нъ* ВС.

В словах или в морфемах церковнославянского происхождения (в наших примерах это в основном имена собственные), напротив, ёканье достаточно регулярно: *Йёгóр'ий* 4Х, *П'отрá*, сюда же, возможно, топоним *Л'ошун'инъ* ПЯ, *С'т'опáн* 2Х ЗИ, *Йёгóр'иц* 3Х, *нъ П'отрóв д'ен'* 2Х ВС; однако *нъ Л'ексáн-дръфск'и*, *Л'ексáндр* ПЯ, *Йёгóр'ий* 3Х, *Ръжд'ество* ВС, а также *Дн'епр'ет-рóфск* ПЯ, *П'етрóф* (фамилия) ЗИ. Ниже эти церковнославянизмы рассматриваются наряду с примерами группы (2), за исключением двух последних случаев (фамилия и название города).

(в) [e] в исконных морфемах в составе поздних образований — слов официального языка: *д'еддóм* ПЯ, *йежóф-ишчына* ЗИ.

(г) [e] в ругательствах: *х'ерóв'инъ*, *хр'енáчут* ВС.

(д) [e] ([a]) в основах типа *-берать*: *нъб'ерáцу*, *уд'ерáт'* 'удирать' ВС;

зъп'ерáимсъ, зъб'ерáйте, но также *нъс'т'илáим, съб'ирáйт'е, пъм'ирáт'* ЕМ; *ус'т'елáйет* ПЯ; [а] в основах *с'ад'ициць, л'ажьциць, пр'итс'адáт'ил'*, где корневая фонема /а/ объясняется аналогией с формами презенса тематических глаголов *сяду, лягу*.

2.2. Необходимо отдельно рассмотреть материал по ёканью в двух позициях: в корнях структуры *тъгт и в окружении шипящих согласных.

В корнях структуры *тъгт с твердым губным или заднеязычным ауслутом переход *e > o* отсутствует в литературном языке под ударением, а в говорах — под ударением и в безударной позиции (*первый, верх, серп* и под.). Кроме того, в ряде говоров и в устаревающей норме лит. языка в этой позиции сохраняется мягкость [р'] (*в'ер'х* и под.). В муромском говоре в этой позиции представлен твердый [р] и зафиксировано ёканье в двух глагольных корнях: *св'орkáет* ВС, *зъм'орклó* ПЯ. В большинстве примеров, однако, представлен [е]: *св'ерkáет* ВС; *фп'ервьíе* 2х, *с'ерпóм* 3х, *с'ерпí, высóк'иш в'ерхá* ЕМ; *фп'ервьíй, с'ерпóм* 2х ПЯ.

В корнях структуры *тъгт с твердым дентальным ауслутом ёканье вполне регулярно: *зъм'орзáйу, зъм'орзáйем, ум'орлá, пъм'орлá* 7х, и наряду с этим *д'ержу́, д'ержáль* 4х, *пъд'ержáль, д'ержáт', съд'ержáл* 2х ПЯ; *п'ир'в'орну́* 2х, *д'оржáл'и* и *зъд'ержáлса* ЕМ; *д'ержáл'и* 2х ЗИ; *ум'орлá* и *д'ержáл'и, ч'ерно́* ВС.

В корнях структуры *тъгт с мягким ауслутом перед мягким [р'] произносятся [е]: *ч'ерт'ей, да́й бо́х т'ер'н'е-н'йа ът вáс* ЕМ; *нъв'ер'н'би то́к йá т'е да́м 'съешь много', с'ер'д'ита* ВС; *път'ер'н'ет', с'ер'д'еч'нь* ЗИ; *т'ер'п'эль* ПЯ.

2.3. После твердых шипящих [ж, ш] ёканье представлено в 7 из 8 примеров: *т'ижолó* 2х, *жонá* 2х ПЯ; тв. ед. *иес-тóm* ЕМ, *ж:онóц, жонá, т'ижолó* ВС.

Ср. наблюдение К.Ф. Захаровой о том, что в говорах после твердых шипящих ёканье гораздо более регулярно, чем после парных мягких согласных [Образование: 383].

После [ч'] ёканье встречается в среднем в половине примеров: род. ед. (-)ч'овó 27х, *нъч'овáт'* (и др. формы) 3х, *ч'етър'и* 9х, *фч'ерáс', нъч'евáль* ПЯ; род. ед. (-)ч'овó 2х, *фч'орá* 2х, (-)ч'евó 6х, *пъч'ему́, ч'етър'и, фч'ерá, ч'елно́к* 4х ЕМ; (-)ч'овó 4х, (-)ч'евó 10х ЗИ; *ч'овó, н'ич'евó, ч'ерно́, ш'ердáк* 2х, *ч'ердáк* ВС. В слове *вчера* часто после [ч'] ПЯ произносит [а]: *фч'арáс'* 6х, *фч'арá* 7х.

Перед твердыми шипящими [ж], [ш] ёканье, как правило, отсутствует: в большинстве примеров в этой позиции представлен [е], независимо от ряда следующего за твердым шипящим гласного. Перед гласными непереднего ряда: *м'ешáл* ЕМ, *п'ешкóм* 6х ПЯ; *п'ешкóм* ЗИ; перед (старыми) гласными переднего ряда: *б'ир'ежóт, в'м'ешó-ч'ьк, м'ешóк* 3х ПЯ; *йежéй, йежý, м'ешóк, п'ешóч'към, ръзр'ешýл* ЕМ; *м'ешкí* ЗИ.

Исключением является ёканье перед твердым [ж] в корне глагола *лежать* (ср. [а] в корне возвратных каузативов *л'ажьциць* и *с'ад'ициць*, притом что невозвратные каузативы сохраняют исконный фонемный состав корня: инф. *лóжьт', садít'*): *л'ожу́* 2х, *л'ожьт', пръл'ожáль, л'ожáла* 3х, *л'ожáч'им, однако в л'ежáнку* ПЯ; *л'ожьт* 2х, *л'ожáт, л'ежу́, однако л'ежáнку, в л'ежáнк'и* ЕМ; *л'ежáла* ЗИ; *л'ожáл'и, л'ожáль, л'ожáт'* ВС, — и перед твердым [ш] в топониме *Л'ошун'инь* ПЯ. Примеры производят впечатление обобщения [о] в формах глагола *лежать* и стабильного [е] в корне слова *лежанка*. Аналогичная картина в позиции перед твердыми [ж], [ш] в тотемском говоре [Брок 1907: там же].

Похоже, что в муромском говоре твердые [ж], [ш] в отношении ёканья функционируют как мягкие согласные, что, несомненно, является архаической чертой данной системы ёканья и свидетельствует о «морфонологизации» чередования *o/e* на месте **e*, **ь*, **ѣ* после мягких согласных. Ср. также чередование предударных [o] и [e] в корне *бег/беж*, сопровождающее чередование согласных *з/ж*: *б'огү* 3х ПЯ, *уб'огал'и* ЗИ, *б'ежыт* ЕМ, (*у*)*б'ежыт* ЗИ.

Долгие шипящие в говоре у разных информантов бывают твердые или мягкие. Твердое произношение отмечалось у ПЯ из Ожигова, мягкое, изредка твердое — у ЕМ из Татарова и информантов из Нулы. Независимо от твердости/мягкости, долгие шипящие в отношении ёканья функционируют как мягкие согласные (ёканья перед ними не бывает): *пр'ийеж'ал*, *п'дийеж'айут*, *хр'еиш'ёнскъ вода* ПЯ; *пр'ийеж'ай* 3х, *пр'ийеж'айт'и* 2х, *пр'ийеж'ал'и* 2х, *пр'ийеж'ал*, *уйеж'ал'и*; *кл'еиш'ей*, *кл'еиш'и*, *л'еиши'а*, *л'еиши'и*, *л'еиши'ей* ЕМ; *ишиш'о*, *ишиш'о* (все).

2.4. У ПЯ из Ожигова зафиксировано [o] перед мягким согласным в форме тв. п. *тр'ом'и* — возможно, результат выравнивания в парадигме косвенных форм числительного *три* (дат. *тр'ом*, род.-местн. *тр'ох*, тв. *тр'ом'и*).

2.5. Формы ед. числа слов *гн'оздó*, *в'одрó*, *зв'оздá* с ёканьем можно рассматривать на равных правах с другими примерами ёканья: в говоре под ударением перед твердым согласным в этих корнях произносится [e]: им. мн. *зв'эзды*, *в'эдры*.

3. Анализируя степень сохранности ёканья в муромском говоре, мы исключаем все группы случаев, рассмотренных в п. 2.1 (кроме слов, содержащих морфемы церковнославянского происхождения, — собственных имен, но не названий городов и фамилий). Из при-

меров в п. 2.2 учитываются только слова с **ьрт*, имеющие твердый дентальный ауслат (типа *замерзать*, *держать*, *померла*), а также оба примера с [o] при твердом задненебном ауслате (*зам'орклó*, *св'оркает*); примеры с [e] типа *серпá* не учитываются. Из примеров, рассмотренных в п. 2.3, не учитываются примеры с [e] перед долгими шипящими, [ч'], [ж], [ш], кроме форм с корнем *-леж-* и формы *Л'ошүнино*. Не учитываются формы слова *чердák*, встретившиеся исключительно с *e*. Примеры с [a] и [и] в позиции ёканья рассматриваются наряду с примерами с [e] в этой позиции. Наши выводы о сохранности ёканья в говоре, таким образом, основаны только на приведенных ниже данных.

Перед твердым согласным в 1-м предударном слоге варьируют [o] и [e], изредка встречается [a].

Прасковья Яковлевна, 1921, 2 кл. (Ожигово)

[o] — **e*: *ч'овó* 18х, *н'ич'овó* 3х, *ч'овó-то*, *ч'овó-ть* 2х, *ч'овó-н'-ть*, *койч'овó*, *дл'а ч'овó*, *йовó* 13х, *у йовó* 3х, *фс'овó* 2х, *к йомү* 5х, *йомү* 7х, *с'острá* 2х, род. *с'остры*, *у с'остры*, *с'остру*, *пт къл'осó*, *б'одрó* 2х, *ч'отыр'и*, *уб'ору* 4х, *нъб'ору*, *б'ору*, *б'орут*, *ръзгр'облá*, *пъв'озү*, *пр'ив'озүт* 3х, *пр'ив'озү* 2х, *в'озү*, *в'озүт* 3х, *пр'ив'озлá* 4х, *ут'-в'озлá*, *н'осу*, *сн'осу*, *пън'осу*, *пън'ослá*, *пр'ин'ослá* 6х, *п'ир'н'ослá*, *убн'ослó* 2х, *м'олá*, *пр'ив'олá*, *л'оглá* 2х, *с'л'оглá*, *б'ир'оглá* 3х, *йолóжу*, *нъйолóз'илъс'*, *йолóз'ила* 3х, *йолóз'ит'*, *нъч'овáт'-ть*, *нъч'овáль* 2х, *въйовáл'и*, *л'ожү* 2х, *л'ожыт*, *пръл'ожáль*, *л'ожáла* 3х, *л'ожáч'им*, *выл'отáй*, *пъдм'отáйет*, *пъдм'отáт'*, *выгр'обáт'*, *выгр'обáль*; *ч'ижолó*, *т'ижолó*, *жсонá* 2х; *Йогóр'ий* 2х, *пóсл'и Йогóр'ийь*, *дъ Йогóр'ийа*, *П'отрá*, *Л'ошүн'инь*;

**ь*: *т'омнó*, *бр'овнó*, *зъм'орзáйу*, *зъм'орзáйем*, *ум'орлá*, *пъм'орлá* 7х, *зъм'орклó*; *тр'ом'и цар'ám'и*;

*ѐ: *йодá, п'осóчкѣм, б'огóм* 4х, *в'одрó* 2х, *два в'одрá, б'огý* 2х, *пѣб'огý, усп'овáль* 3х, *д'овáт'* 3х, *уд'овáн'ийь*;

[e] — *е: *йевó, фч'ерáс', б'едрó* 4х, *ч'етýр'и* 9х, *пр'ив'езлá, л'еглá, пѣд-м'елá, б'ерýт, пѣдн'есýт* 2х, *ѣб'ир'егáйу, нѣч'евáль, (в л'ежáнку)*; также *нѣ Л'ексáндрьфск'и, Л'ексáндр*;

*ѐ: *б'едá* 2х, *б'едý, д'елóф, д'елóф-т'и, д'елá* 2х, *д'венáциѣт', дйенáциѣ', прѣл'езáйу, нѣ в'есý;*

*ь: *д'ержý, д'ержáль* 4х, *пѣд'ержáль, д'ержáт', сѣд'ержáл* 2х.

Елена Михайловна Баранова, среднее педагогическое образование, бывшая учительница начальных классов, 1925 (Татарово); отдельно приводятся данные из (1) и (2) разговоров.

[o] — *е: (1) *ч'овó* 2х, *йомý, зѣн'ослó, нѣн'ослó* д *окошкѣ, б'орýт* 3х, *нѣп'оклá* 3х, *п'окý* 4х, *б'ир'огý* 2х, *пр'ин'ослá, пр'ив'озлá, л'ожьýт* 2х, *л'ожáт', ул'от-мáла, б'ир'огá*; (2) *у н'овó, с'овóдн'е* 3х, *йомý бы с'ид'ет' ф т'ур'м'е, с'острá, род. ед. м'откý* 2х, *фч'орá* 2х, *н'идѣ-л'окó, б'орýт, в'озýт, пр'ив'олá, б'ир'оглá* 2х;

*ь: (1) *п'ир'в'орнý* 2х, *д'оржáл'и*; (2) *бр'овнó*;

*ѐ: (1) *сл'опáйá, утр'озáй* 3х; (2) *од'овáл'ис* 2х;

[e] — *е: (1) *ч'евó* 3х, *н'ич'евó, с'естрá, с'елó, нѣч'евáт', л'ежý, (л'ежáнку, в л'ежáнк'и), ч'ир'апýшка* (глубокая глиняная миска) 2х, *ф ч'ир'епýшк'и* 4х; (2) *н'ич'евó* 2х, *пѣч'емý, у (из, ѣт) н'евó* 4х, *йевó* 4х, *етѣ йевó фс'ó, свѣйевó, йемý, с'естрá, от св'екрóв'и, шестóм, ч'етѣ-тýр'и, фч'ерá, б'ерý, зѣбѣл'евáл'и* (но: *фч'арá*);

*ь: (1) *ч'елнóк* 4х; (2) *бр'евнó* 2х, *кр'естá, кр'естý, зѣд'ержáлса*;

*ѐ: (1) *п'есóк, пескá, пескý, п'естóм, нѣ в'етрý, дв'енáциѣт', б'есóф, б'е-жъýт, м'еиáл прѣводáм*; (2) *в'едрó, цв'етóшн'ицу, цв'етнóй* 2х (мед), *цв'етóч'ный, цв'етóч'кѣм'и, ф кл'евý, в л'есý, им. мн. л'есá, род. ед. сл'едá*.

Зинаида Ильинична Широкова, 1936, 7 кл. (Нула)

[o] — *е: *ч'овó* 2х, *н'ич'овó* 2х, *йовó* 3х, *йомý* 3х; *л'иб'одóй, л'иб'одá, от'окáйут нóг'и-т'е; С'т'опáн* 2х;

*ѐ: *дв'онáц коп'еик, уб'огáл'и, вд'овáл'и*;

[e] — *е: *ч'евó* 5х, *н'ич'евó* 5х, *фс'евó, йевó* 2х, *с'евóдн'и, недѣл'екó, дѣл'екó, с'им'енá, тр'и с'естрý, л'ежáла; П'ет-рóф*;

*ь: *д'ержáл'и* 2х, *с в'етлы*;

*ѐ: им. мн. *м'естá, д'венáциѣт', д'венáциѣт', ур'езáт', вóт ы б'едá-т тá*.

Владимир Степанович, 1939, (Нула).

[o] — *е: *н'ич'овó, л'иб'одá, м'одó-вáц, м'одóвьц, д'орýц'ѣ, сѣб'орýц'ѣ, пр'ин'осý, отн'осý, пр'ив'озýт* 2х, *т'ед-кýт, м'отáт', л'отáйут* 2х, *л'ожáл'и, л'ожáль, л'ожáт', жс'онóц, жсонá, т'и-жолó, Йогóр'иц* 3х, *нѣ П'отрóв д'ѣн' 2х*;

*ь: *св'оркáет, ум'орлá, с в'отлы*;

*ѐ: *п'есóкý, п'осóк, б'огý, в л'е'о'сý, ндйодáит* (надоедает), *од'овáл'ис, д'овáт'* 2х, *зд'овáт'* (задевать);

[e] — *е: *н'ич'евó, йевó* 3х, *к н'емý, в'еснóц, с'естрá, ч'ир'апýшка, ч'етѣ-р'е, дев'áтѣм, пѣл'евáцѣ*;

*ь: *п'ир'в'ернýл'и, д'ержáл'и, св'ер-кáет, ч'ернó*;

*ѐ: *б'из д'елóф, с'енцá, м'естáм'и, стр'елá* 7х, *стр'елóц, п'есóк* 3х, *в л'есý* 6х, *в л'есý-ту, в л'еáсý-ту, пѣ л'есáм, р'екá, йездá-тѣ*.

Гласные [а] и [и] в позиции ёканья: *фч'арáс'* 7х, *фч'арá* 6х, *с'имнáциѣт'*, *пр'ив'излá*, (а также *н'и сл'езу*) ПЯ; *ч'ир'апýшка, фч'арá* ЕМ; *д'венáциѣт'* ЗИ; *ч'ир'апýшка*, (а также *нѣб'еарáцу*) ВС.

Ниже в таблице показано количество примеров с [o] и [e] ([а], [и]) в позиции ёканья на месте каждого из трех этимологических гласных и в целом, а также процент форм с ёканьем на месте каждого этимологического гласного и в целом, у четырех информантов. Данные по двум разговорам с Е. М. Барановой учтены в таблице отдельно.

Таблица
Количество примеров с [e] и [o] и процент примеров с [o] на месте *е, *ь, *ё в первом предупредарном слоге перед твердыми согласными в муромском говоре

	*е	*ь	*ё	Всего
Елена Михайловна Баранова, 1925 (Татарово), второй разговор				
[o]	16 (42,1%)	1 (16,7%)	2 (16,7%)	19 (33,9%)
[e]	22	5	10	37
Зинаида Ильинична Широкова, 1936, 7 кл. (Нула)				
[o]	15 (42,9%)	0	3 (37,5%)	18 (39,1%)
[e]	20	3	5	28
Владимир Степанович, 1939, (Нула)				
[o]	25 (69,4%)	3 (42,9%)	9 (26,5%)	37 (48,1%)
[e]	11	4	25	40
Елена Михайловна Баранова, 1925 (Татарово), первый разговор				
[o]	24 (63,2%)	3 (42,9%)	4 (30,8%)	31 (53,5%)
[e]	14	4	9	27
Прасковья Яковлевна, 1921, 2 кл. (Ожигово)				
[o]	143 (78,1%)	15 (62,5%)	19 (63,3%)	177 (74,7%)
[e]	40	9	11	60

Из таблицы и материала видно, что ни у одного из четырёх информантов 1920—30-х гг. р. ёканье не представлено абсолютно последовательно; процент примеров с ёканьем у разных людей колеблется от 33 до 75. Наиболее высок он у самой старшей из информантов, малообразованной ПЯ 1921 г. р. (всю жизнь прожила в Ожигове, в последнее время зимой живёт в Чаадаеве у дочери; работала в колхозе; во время войны подолгу была на принудительных работах за пределами своей деревни; много ездила, навещая родственников и знакомых; трудолюбивая и рачи-

тельная хозяйка). Наиболее низок он у ЗИ 1936 г. р. с семилетним образованием (всю жизнь прожила в Нуле, работала в колхозе; получила образование, несмотря на то что ее отец был репрессирован в 1937 г.; тоже имела крепкое хозяйство). Несколько выше, чем у ЗИ, он у ВС 1939 г. р. (прожил всю жизнь в Нуле, тракторист; часто выезжал в длительные командировки; в школе учился неважно, так как вынужден был работать пастухом, чтобы поддерживать семью).

Особое место занимает ЕМ 1925 г. р. со средним педагогическим образованием (закончила педучилище в Муроме, во время войны по распределению работала учительницей в Горьком, затем вернулась в родное Татарово и всю жизнь проработала там учительницей начальных классов; ее семья, видимо, принадлежала к сельской элите: отец был одним из первых трактористов, мать с помощью ЕМ организовала первый детский сад). ЕМ, как и другие информанты, говорит на местном диалекте, сохраняя все черты владимирско-поволжского вокализма; например, оканье в ее речи абсолютно устойчиво. Диалектная речь ЕМ вообще очень богата и архаична, см. ниже материалы по грамматике говора. В конце первого разговора ЕМ была опрошена по вопроснику: ей было предложено просклонять около 20 существительных. На следующий день этот опрос был продолжен, и во время второго разговора ЕМ уже была сосредоточена на вопросах правильности речи и обсуждала их с нами. Этими обстоятельствами общения с ней, возможно, хотя бы отчасти объясняется разница в процентах форм с ёканьем при первом и втором разговорах. В первом разговоре ёканье у нее было ближе, чем у других, к ёканью ПЯ, что говорит о важности возраста как фактора, влияющего на устойчивость системы ёканья. Во втором разговоре процент форм с ёканьем у ЕМ ока-

зался ниже, чем даже у ЗИ. По-видимому, ЕМ «потенциально двуязычна» и отчасти контролирует ёканье (и какие-то другие ненормативные особенности) в своей речи. Пример ЕМ показывает, с одной стороны, что уровень и характер образования влияют на устойчивость системы ёканья; с другой стороны, он указывает на социолингвистический статус ёканья: носители говора, получившие образование, по-видимому, осознают ёканье как особенность, подлежащую устранению при установке на правильную речь.

Таблица показывает также, что процент форм с ёканьем у всех информантов выше на месте *е, и ниже, иногда значительно, на месте *ь и *ё. Возможно, это объясняется низкой частотностью слов с предупредными *ь и *ё, которые встречаются в речи в несколько раз реже, чем слова с *е.

4. Список форм, в которых зафиксировано ёканье, свидетельствует о том, что говор хорошо сохраняет результаты древнего фонетического изменения — перехода предупредного *e* любого происхождения в *o* перед твердым согласным:

*е: род. *-егó*, дат. *-ему́*, род. *ветлы́, женá, лебеда́, -ой, сестра́*, род. *-ы*, вин. *-у́*, им. мн. *берега́*, род. *медку́, медóвий, бедро́, колесо́, четы́ре, вчера́, далеко́, темно́, тяжело́, беру́, -у́т, соберу́тся, деру́тся, гребла́, везу́, -у́т, -ла́, несу́, -ла́, -ло́, вела́, мела́, берегу́, -ла́, легла́, пеку́, -ла́, теку́т, ело́зить, ночева́ть, воева́ть, лежу́, -и́т, -а́т, -а́ть, -а́ла, -а́ли; (у)летáть, (под)метáть, выгребáть, отека́ть; Егóрий, род. *Петра́, Петро́в (день), Степа́н, Лешу́нино*;*

*ь: *бревно́, померла́, умерла́; верну́, замеркло́; держáли; замерза́ть, сверка́ет, тремí*;

*ё: *еда́, песо́к, песку́, песо́чком*, местн. *лесу́, ведро́*, род. *-á, слепáя, бе-го́м, бежу́, убега́ли, двена́дцать, отпре-*

зáть, доедáет, успева́ть, (в)дева́ть, одева́лись, одева́нье.

Ёканье в современном говоре практически не имеет фонетических, морфологических, в том числе связанных с акцентными типами слов, морфологических или лексических ограничений. Явления морфонологизации в системе муромского ёканья: отсутствие его перед твердыми шипящими [ж] и [ш] и его последовательный характер после [ж] и [ш] — означают консервацию в этих позициях древнего состояния (до отвердения шипящих). Инновационные явления лексикализации и морфонологизации, по-видимому, сводятся к ёканью в корне глагола *лежать* и в окончании тв. п. формы *трети*.

Муромское ёканье, помимо исконной лексики, охватывает круг старейших заимствований в говоры — имена собственные церковнославянского происхождения. При этом муромский говор обнаруживает тонкую дифференциацию традиционных употреблений этой лексики — личных имен, названий церковных праздников, местной топонимики антропонимического происхождения, в которых ёканье представлено вполне последовательно, — и относительно недавно вошедших в употребление или окказиональных для носителей говоров слов, содержащих церковнославянские по происхождению морфемы: фамилий, названий отдалённых городов; последним ёканье не свойственно.

Муромское ёканье равномерно затронуло позиции *е, *ь и *ё и свидетельствует о древнем неразличении этих гласных в предупредной позиции. Изоглосса ёканья такого типа объединяет многие среднерусские и отдельные севернорусские говоры и может указывать как на связи муромских и в целом владимирско-поволжских говоров с говорами других регионов Славии, так и на пути миграций населения в рамках севернорусской территории.

5. Приложение: гласные на месте *е, *ь, *ё в 1-м предупредительном слоге между мягкими согласными. В позиции перед мягким согласным и перед сочетаниями СС' в подавляющем большинстве примеров произносится [е]; встречаются также [и] и [а].

ПЯ, [е] — *е: м'ен'а́ 3х, д'ер'эвн'а́ 3х, в (тъ) д'ер'эвн'ъ 5х, д'ер'эвн'у, в д'ер'эвн'у-ту, б'ер'оск'и, нь пл'еч'э́ 2х, жел'э́зм, шиш'эб'онку, ш'эб'онку, з'ем-л'а́, зъ жен'их' 'замуж' 4х, жен'илсь 3х, жен'ициъ, в'ес'олъгъ 2х, в'ес'олъ, в'ес'олъгъ, п'еч'ал'и, дъч'ер'ам-т'и, д'ев'атъвъ, пс'т'ел'ила, пст'ел'ит'е, б'ер'ит'и 3х, б'ер'от 2х, пръв'ед'онъ 2х, пръ-, пвъ'ел'и́, пръв'ед'и́, пръв'ед'от, пвъ'ез'от 2х, пр'ив'ез'от, пвъ'ез'от, пр'ив'езл'и́ 6х, пвъ'езл'и́ 2х, ув'езл'и́, утв'езл'и́, н'ес'от 2х, н'ес'ом, пр'ин'ес'т'и́, пр'ин'есл'и́ 2х, пр'ин'ес'и́, пьд-, пъм'ет'ом 3х, м'ет'от 3х, т'е-ч'от 3х, зб'ер'ок, н' р'ев'эль, р'ев'эль, пт'ер'ала 2х, утл'ет'эл, пъл'ет'эл 2х, т'ел'илъс', т'ел'онкъ 2х, т'еп'ер' 2х, пп'ер'ок, п'ид'д'ес'ат, М'едв'ед'еф, а также С'ер'ожън'къй, Д'ем'итр'еф;

*ь: в'ез'д'э́ 12х, с'ечас 4х, с'ейч'ас, ь д'в'ер'ах, нь в'ер'овъч'къ, в'ер'офку 4х, нь в'ер'офкъ 3х, нь в'ер'офкъх 2х, пъм'ер'ет'и́;

*ё: с'ем'иа́ 5х, с'ем'ийой, п ц'в'ет'ист'ьму, ц'в'ет'истый, в л'есн'ич'ств'ь, уб жыл'ез'аку, нь р'ек'э-т'и, нь р'ек'э́, д'ет'ей, уд'ейалъ, уд'ейалъм'и, уд'ейал'цъ, в'ед'оркъ, л'еч'ит' 3х, пр'ив'еч'ай 2х, пръв'ер'ал'и, с'т'ес'н'а-йуциъ, убм'ер'айут, упр'ид'ел'ат, ръз'-д'ел'ил'ис', фстр'еч'айут;

[а]: т'ил'ав'из'ир; [и]: м'ин'а́ 3х, т'ийа́ (тебя), пт с'иб'а́, с'ийа́ (себя), т'ийе́ (тебе), нь с'ийе́ (на себе), пт'ир'айът, д'ит'ей;

ЕМ, [е] — *е: м'ен'а́ 2х, т'еб'э́, нь н'ейо́, йейо́, пшен'ици, в д'ер'эвн'и, в д'ир'эвн'ах, нь д'ер'эвн'их, д'ир'ев'ан-ный, д'ир'ев'энск'ийа, од д'ер'эв'иеф, д'ер'эвн'а 4х, з'ел'онъйа, с'ед'мова,

шес'т'и́, ч'етв'орт-ът, п'ид'д'ес'ат, д'ес'атка два́, д'ес'атый гот, д'ес'ат-тъйу, уч'ит'ел'а́, -ам 2х, т'еч'от, п'еч'от, н'и б'ер'от, б'ер'и́ 5х, б'ер'и-т'е ч'айу, съб'ер'ом, б'ер'ит'е 5х, в'ез'от 2х, пр'ив'ез'от'е, пр'ив'ез'л'и́ 6х, п'ир'в'ел'и́, т'еп'ер' 2х, фч'ера́; также зъпр'ет'ил'и́;

*ь: т'ер'пэн'иа́, ч'ер'т'ей, с'еч'ас 2х, сейч'ас 2х, в'ез'д'э́; р'уч'ейком умывал'ис', фп'ейциъ, мн'е фп'ейлсь кл'еш' (меня укусил клещ);

*ё: б'ел'ийо́, зъб'ел'ит' 2х, с'ем'ей-ныи, кл'еш'ей, кл'еш'и́ 2х, кл'еш'а́, л'ешиш'а́, л'ешиш'и́, л'ешиш'ей, фстр'е-ч'ай; пъйед'ит'е 2х, приеж'ж'айут, из'м'ен'ил'и́, д'ел'анк'и, д'ет'ей, д'еф-ч'онк'и 2х, л'есн'ич'ства 2х, ньсл'ед'ил'и́;

[а]: п'ир'в'ал'и́, йад'ит'е, приа-ж'айт'е 2х;

[и]: м'ин'а́, ийо́, мь ийо́ ругал'и, шиш'о́, иа́ шиш'е молът, с'ич'ас, л'ис'-н'ич'ства;

ЗИ, [е] — *е: в д'ер'эвн'и, из' д'ер'эвн'и-т'и, т'ейа́, сам'и с'ейа́, сама пръ с'ейа́, т'еп'ер', тр'иц' с'ед'мыйе-т'и гобы, пъл'ов'ин д'ер'эвн'и, с'ел'от-ку, пт'ер'ал, з'емл'а́; п'ир'н'ес'л'и́, пов'ез'л'и́;

*ь: път'ер'п'ет', с'ер'д'еч'нь;

*ё: л'ен'илъс, пъб'ед'ит, уйеж'ж'а-л'и 2х, в д'ефч'онкъх, (у)б'ежит, ръз-р'ешил, утм'ен'ил'и́;

[а] — от'акл'и́; [и] — ииш'о́; он ийо́ л'уб'ил как соба́ка палку; н' пръ м'ин'а́, пръ с'иб'а́.

ВС, [е] — *е: в д'ер'эвн'и-т'е, же-н'э́, жен'и(л)с'ъ, жен'ил'ис, пшен'ицу;

*ь: ньв'ер'н'ош, с'ер'д'ита́;

[а]: з'амл'а́, н'и жан'ил'ис';

[и]: д'ир'ив'ан:ъ 2х, д'ир'ив'ан:ы, ииш'о́, н'и д'эльл'и, п'ир'иэд'иш, с'иб'э́ 2х, т'иб'э́; жыл'эзны, ф цым'энт, шис'ат.

С. В. Дьяченко, И. И. Исаев,
А. В. Тер-Аванесова

**Существительные мужского рода
в муромском говоре:
словоизменение и ударение;
счетная форма**

Небольшой список форм существительных мужского рода, представленный в виде словарика, показывает типичную для восточнорусских говоров систему словоизменения и ударения, в целом совпадающую с системой литературного языка (далее ЛЯ). Основу словарика составляют данные, собранные по вопроснику (краткий список непроизводных существительных муж. рода, составленный С. Л. Николаевым [Диалектные различия: 162—163], нацеленный на выявление системы ударения в русских говорах). Основной материал записан С. В. Дьяченко и А. В. Тер-Аванесовой в 2014 г. у Елены Михайловны Барановой (ЕМ) и дополнен примерами из записей речи нескольких пожилых жителей Татарова, Ожигова и Нулы. В словарике помещены в основном непроизводные существительные муж. рода.

Муромская система склонения и ударения существительных муж. рода имеет несколько примечательных особенностей.

1. Окончание им. (вин.) мн. -á и акцентные типы существительных муж. рода. В говоре различаются четыре основных акцентных типа: А — неподвижное ударение на основе (*морóс*, род. *морóза*, им. мн. *морóзы*, род. мн. *морóзьф*), В — неподвижное ударение на окончании (*бóп*, *гóрп*, род. *бобá*, *горбá*, им. мн. *бобы́*, *горбá*, род. мн. *бобóф*, *горбóф*), С — подвижное ударение: на начальном слоге словоформ ед. ч. и им. (вин.) мн., на окончании — в прочих формах парадигмы (*гóт*, род. *гóда*, им. мн. *гóды*, род. мн. *годбóф*); D — подвижное ударение: на начальном слоге словоформ ед. ч., на окончании — в формах мн. числа (*сáт*, род. *сáда*, им. мн.

сады́, *садá*, род. мн. *садóф*). В форме местн. ед. слов а. т. С и D ударение падает на начальный слог словоформы в случае окончания *-е/* (*в дóм'и*) или на окончание *-ý/* (*в дамý*).

В им.(вин.) п. мн. ч. ударное окончание *-á/* распространяется на слова всех акцентных парадигм, вытесняя окончание *-и/*, как ударное, так и безударное. В наибольшей степени это имеет место у слов, исконно относившихся к подвижным акцентным парадигмам *с* и *д*, к которым восходят современные акцентные типы С и D. Окончание *-á/*, по тем или иным причинам появившееся у слов праслав. а. п. *а* (*глаз*) и у слов праслав. а. п. *с* (например, *дом*, *лес*), означает переход этого слова в современный а. т. D.

Распространение окончания им. (вин.) *-á/* характерно и для литературного языка, однако муромский говор продвинулся в этом отношении дальше. Это можно видеть по следующему списку словоформ им. (вин.) мн. слов, относящихся к разным акцентным типам (жирным шрифтом выделены формы с окончанием *-á/* в говоре, соответствующие формам *с -и/* в ЛЯ):

А — *морóзы*, *омиáники*, *у́л'и́и*;

В — *бобры́*, *бобы́*, *горбá*, *днй́*, *йежы́*, *клицы́*, *клопы́*, *коты́*, *кресты́*, *кроты́*, *лецы́*, *ножы́*, *сьлашы́*, *посты́*, *серпы́*, *снопы́*, *столбы́*, *ужы́*, *углы́*, *шабры́*;

С — *гóды/годá*, *зубы́*, *волки*, *лáпти*, *лóкти*; *бéси*, *гвóзди*, *ч'ёрти*, *сосéди*;

D — *валы́*, *дары́*, *дубы́*, *р'ады́*, *ч'аны́*, *носá/носы́*, *садá/сады́*; *бир'огá*, *бокá*, *рогá*, *верхá*, *лугá*, *стогá*, *кругá*, *пологá*, *глазá*, *домá*, *л'есá*, *кормá* (официальн.).

Окончание им. (вин.) мн. -и. К форме им. мн. **о*-склонения восходят формы им. мн. *б'ёс'и* (*б'ес*, род. *б'ёса*, род. мн. *б'есóф*), *ч'ёрт'и* (*ч'óрт*, род. *ч'óрта*, с обобщением мягкой основы во мн. числе: род. мн. *ч'ер'т'ей*, тв. мн. *ч'ер'т'ам'и*), *сос'ёд'и* (*сос'ёт*, род. *сос'ёда*, род. мн. *сос'ёд'ий/сос'ёдъф*).

С этой же группой слов в говоре совпал *гвозд*, род. *гвозда́*, им. мн. *гво́з'д'и*, род. мн. *гво́з'д'э́й* — вероятно, в результате объединения в парадигме форм от *и- и *и-основ.

Формы мн. числа на -ја. Несколько форм мн. числа имеют основы мн. числа с суффиксом *ьј-. Помимо названий родственников и друзей: *друз'я́*, *бра́т'я́* ЕМ; *бра́т'я́* ПЯ, это формы им. мн. *б'ровя́*, *ко́л'я́*, *ко́лос'я́*, тв. мн. *кус'т'я́ми*.

Зафиксировано несколько форм с нулевым окончанием в род. мн.: *глас*, *д'он*, *штан*, *гос'т'ин'ец*.

Слова с суффиксом -ишк- склоняются по II или по I склонению: вин. ед. *нъ пар'н'ишку-ту*; дат. ед. *парн'ишку*, тв. с *мал'ч'ишкэм-т'и* ПЯ.

2. Два существительных — *и-основы *дом* праслав. а. п. с и *след* праслав. а. п. d — сохраняют в ед. числе остатки подвижности ударения, характерной для акцентной кривой *и-основ а. п. с: *дом*, род. *из до́ма́*, *од до́ма*, *од до́му-тъ*, *из э́тъвь до́му*, дат. *г до́му-ту*, местн. *в до́м'е*, счетн. *ч'ир'ез два́ до́ма*, им. мн. *до́ма́*, нареч. *до́ма*; *слет*, род. *ни с'л'едá*, дат. *по с'л'еду*, им. мн. *с'л'еды́*.

Окситонеза в форме род. ед. слова *дом* представляет собой довольно редко встречающийся архаизм, зафиксированный лишь в нескольких староболгарских и старорусских памятниках, а также в современных северноштокавских и восточнорусских муромских говорах [ОСА: 176—181]. В последних (и в литературном языке у слова *след*) окситонеза как будто встречается лишь в определенных синтаксических конструкциях с род. падежом, а не вообще в род. падеже. В муромско-рязанском говоре с. Пустоша также находим: *до́м*, *из до́ма́*, *од до́ма́*, но у *до́ма*, *о́къл до́ма*, *г до́му* и т. п. [Тер-Аванесова 2001].

3. Счетная форма с нафлексивным ударением, отличная от баритонированной формы род. ед., встретилась у

нескольких непроемных слов муж. рода подвижных акцентных типов, имеющих корни структуры CVC.

Как и в ЛЯ, особую счетную форму в говоре имеют несколько слов с корневым [а]: *два́ р'адá*, *часá*, *шага́*, *шарá*, и кроме того два слова, обозначающие парные части тела: *два́-тъ бока́*, (но также *оба́ бо́ка*), *два́ рога́*, ср., однако, *два гла́за*.

Слово *раз* имеет два варианта счетной формы: совпадающий с формой род. ед.: *два́ ра́за*, ср., впрочем, *ни бы́ла ни ра́зу*; и совпадающий с формой род. мн.: *два́ ра́с*.

У слов а. т. А и В счетная форма не отличается от формы род. ед.: *три́ бра́т* (с редукцией конечного гласного до нуля), *два́ вну́ка*; *два́ горба́*, *два́ столба́*; то же у большинства слов а. т. С и D: *два́ б'эрига*, *три ва́ла*, *на́ два́ го́да*, *три го́да*, *два́ до́ма*, *два́ ду́ба*, *два́ дру́га*, *два́ зу́ба*, *два са́да*, *два сто́га*.

В точности та же картина — в говоре Пустошей и ближайших окрестностей: в восточных среднерусских акающих говорах д. Якушевичи Шатурского р-на Московской обл. (в 8 км от шахматовской Леки, в 50 км на юг от Пустошей) и д. Ягодина Гусь-Хрустального р-на Владимирской обл. (в 40 км на восток от Пустошей), а также в северо-восточном вологодском говоре д. Михайлёвская Устьянского р-на Архангельской обл., где, по нашим записям 2014 г., наряду с *два́ бока́*, *два́ рога́* зафиксировано *два́ гла́за*.

Акцентологический словарь существительных мужского рода

В словарице после заглавного слова указывается акцентный тип (если материал позволяет его определить). Астериск при обозначении акцентного типа (например, В*, D*) ставится, если формы мн. числа образуются с суффиксом /-ьј-/ (*братья́*, *боровья́*, *колья́* и под.). Толкования даются только в случаях

диалектных значений слов или диалектных лексем.

Берег D. б'эр'ик, у б'эр'ига, по б'эр'игу, два б'эр'ига, им. мн. б'ир'ога ЕМ.

Бес С. б'ес, б'есъм, им. мн. б'ес'и, б'есоф ЕМ.

Боб В. боп, н'и одноо бобá, бобы́, са́д'им бобы́ ЕМ.

Бобёр В. боб'ор, бобра́, бобры́ ЕМ.

Бог С. бо́х, бо́га н'и зъбывáйт'и, в бо́га, з бо́гам; да́й бо́х т'ер'н'ен'иа ът вáс! ЕМ.

Бок D. (оба) бо́ка, два-тъ бока́ лүтише потхо́д'ит; под бо́кам, в боку́, им. мн. бока́ ЕМ.

Боров D* (самец). бо́раф, им. мн. бьров'иа́ ЕМ.

Брат D*. род. мн. бра́т'йоф ЕМ; бра-т'иа́; а бра́т'йоф — три́ бра́т погíбл'и на фрón'т'и НИ.

Бык В. рос'т'ила быка́ ПЯ.

Вал D (вал скошенной травы). вáл вьс'ьх, съгр'ебáим; тр'и вáла, н'и одно-во вáла, валь́ ЕМ.

Верх D (верх; верхний этаж, чердак). в'ерх, нареч. нав'ерх, с в'ерха, по в'ерху, вьсо́к'иш в'ерха́ ЕМ; ид'и нав'ер'х 2× ПЯ.

Вес. (в составе наречия) нъ в'есу́ бы д'ержáла ПЯ.

Ветер C/D. в'ет'ир, нъ в'етру́ про-в'етр'ив'ьл'и, в'етр'ьм п'ирломáль скóл'къ ииблон'ей́ ЕМ.

Владимирь А (г. Владимир). вь Вла-д'им'ир'и ЕМ; дл'и (возле) Влад'им'и-р'а ПЯ.

Внук А, мнук, мнучоно́к. д'в'е внүк'и и два внүка́ НИ; вз'ал был мьнуч'оньк, упол'á мнуч'онька, жонá-тъ мнуч'он-къ-тъ ПЯ.

Волк С. волк, во́лк'и, волко́ф ЕМ.

Гвозд/гвоздь В, гвоздо́к. гвоздо́к, гвос, гвозда́, гвозд'о́м ~ гвоздо́м, нъ гвоз'д'э, гво́з'д'и, гвоз'д'ей́ ЕМ.

Глаз D, гла́зик. два гла́за, им. мн. гла-за́, обóйм'и гла́м'и ЕМ; и топор'и-към-т'и мн'е обух'ьм-т'и и доста́л'и до гла́з'ику-ту! НЗ.

Гной. гно́й т'еч'о́т, гно́йем ЕМ.

Год C/D. гот, го́да н'и прошло́, на две́ го́да, тр'и го́да, ф како́м вы году́ у мен'а́ был'и?; годá-т'и, да́в'ут годá, в эт'и го́ды, п'ервыи-т'и го́ды, п'ад' го-до́ф, годáм'и; д'в'ес'т'и л'ет ЕМ; з два́ццэт' тр'ет'йевъ го́да он НИ; д'е-с'атый го́т, два го́да, з два́ццэт' тр'ет'йивъ го́ду, с со́ркъ фторо́вь го́ду; го́ды, вот скóл' годо́ф; годо́ф п'ат' с'ид'ит ф с'идн'ъх; иá вот скóл'къ годо́ф, дъ н'и на фтэк' — вра́ч'-ът сказа́л ПЯ; он з два́ц с'ед'мо́вь го́да НЗ; на но́в-ът го́т; тр'иц с'ед'мьйе-т'и го́ды, а уш годо́ф-т'и мно́га ЗИ.

Горб В. горп, два горба́, горба́ н'е былъ, з горбо́м, им. мн. горба́ ЕМ.

Гостинец А. род. мн. у м'ен'а́ тут былъ ман'ен'къ гост'ин'е́ц ЕМ.

Дар D. дар, да́р'иш; да́р'ат да́р'ьм, да́ры, да́роф пом'акч'е (помягче — о правильном ударении) ЕМ.

Двор В (хозяйственная часть дома). двор, двóр д'э́лу (делаю), по́ двьру, нъ двор'е́ сушы́лы (сеновал), вь двор'е́, дворо́ф ЕМ; фс'о по́дгн'ила, двóр-ът вон па́дът; нъ двор'е-т'и дв'ер'и-т'е ПЯ.

День. прьдо́д'ни́ (трудодни) НИ; род. мн. два́ццэт' п'ат' д'он вьл'ижьла́ в бол'ни́цы ПЯ.

Дождь В, дождик. до́жд'ик, род. дожд'а́ ЕМ.

Долг D. долк, за до́лг'ьм, долг'и́, дол-го́ф ЕМ.

Дом D. дом, из до́ма, од до́ма, ч'ир'ез два́ до́ма, им. мн. до́ма, с'ид'ит до́ма, в до́м'е ЕМ; в до́м'и ф сво́йм НИ; од до́му-тъ НЗ; а бума́г'и-т'и у ией́ фс'е зготóвл'ены, у ет'ьй у ба́ушк'и-т'е, ф пр'истар'ел-ът до́м; и на́ш вьб'ик от'е́ц из эт'ьвь до́му; з до́му-ту пьдо́й-д'о́м ПЯ.

Друг D*. дру́к, два́ дру́га, дру́з'иа́ ЕМ.

Дуб D. дуп, истор'ич'ск'ий дүп, у дү-ба рожд'ен'йе, эт'ьму дүбу, под дүбам, дубы́, два́ дүба ЕМ.

Дым. дьм ис тру́бы́, мно́го дьму́ в ыз'б'э́; дьму́ полно́ ЕМ.

Егѳрий А. *Йѳгор'ий* был, *пос'л'и Йѳгор'ийа выган'ал'и* ПЯ.

Ёж В. *йѳш, йежсы, йежсѳй* ЕМ.

Женѳх В. *была баушка, она н'е роднаѳа, она ушла зѳ жен'их* (замуж) ПЯ.

Завѳд А. в *завѳд'и* НИ.

Зад. *как нѳ задѳх, а хѳцѳ нѳ л'уд'ѳй пѳгл'ад'ѳт'* ПЯ.

Зуб С. *н'и одново зѳба, два зѳба, зѳбы, зѳбѳф* ЕМ.

Клев В (хлев, утепленное помещение во дворе). *кл'ѳф, ис кл'ѳва, ф кл'ѳву* ЕМ.

Клещ В. *фп'ѳицѳ кл'ѳц, кл'ѳца н'е роздѳв'иши, кл'ѳци в огорѳд'ѳ, годѳм'и кл'ѳци и ф садѳ, кл'ѳцѳй* ЕМ.

Клок. *играл'и ф клѳк рѳн'иши игрѳл'и, ф клѳк* НИ.

Клоп В. *клоп, клопѳ, клопы, клопѳф* ЕМ.

Кобѳл В (глуповатый верзила). *коб'ѳл у нас прошѳл, л'уд'ѳй звѳл'и коблѳм, здорѳвий и дурной какой* ЕМ.

Кол В*. *кол, колѳм, с колѳм, кѳл'ѳа* ЕМ.

Колѳдец, колѳдеж А. *обд'ѳлѳл'и колѳд'ицѳ-ѳт* НЗ, *ут колѳд'ѳжа воды-т'и прин'ѳсти-тѳ* ПЯ.

Кѳлос С*. *кѳлас тиѳн'ѳцы, н'и одново кѳлѳса, колѳс'ѳа* ЕМ.

Кѳрень С. *кѳр'ѳн', с кѳр'н'ѳа, с кѳр'н'ѳам* ЕМ.

Корм Д. *кѳрмѳм*, им. мн. *кѳрма* ЕМ.

Кот В. *кѳт* ы *кѳшка*, род. *кѳтѳ*, им. мн. *кѳты* ЕМ.

Край. *нѳ крайѳ* ЕМ.

Крест В. *кр'ѳст, кр'ѳста, кр'ѳсты* ЕМ.

Крот В. *крѳт*, им. мн. *крѳты* ЕМ.

Круг Д. *крук, ис круѳа*, им. мн. *круѳа* ЕМ.

Кѳрята (цыплята, мн.). им. мн. *кѳр'ѳета, дв'ѳнацѳѳт' кѳр'ѳт* была, *ч'ѳтыр'ѳе дѳхлых кур'ѳч'ѳнк'и, д'ѳв'ѳнацѳ кѳр'ѳет* ПЯ.

Куст. *кус'т'ѳѳми вис'ѳт* (ошибочно кистями?) ЕМ.

Лѳпѳть С. им. мн. *лѳпт'и, в лѳпт'ѳх* ЕМ.

Лѳд С. *л'ѳт, пѳ л'ѳду, пѳдо л'ѳѳм плѳѳѳт рѳѳа* ЕМ.

Лѳн В. *л'ѳн, л'н'ѳнѳѳѳ, изо л'нѳ* ЕМ.

Лѳс Д. *л'ѳс, из' л'ѳса, л'ѳсѳм, в л'ѳсу*, им. мн. *л'ѳса* ЕМ; *Вѳна, ѳт л'ѳсу и вот дѳ дѳму* ПЯ.

Лѳщ В, лѳщик. род.-вин. *л'ѳщѳка, л'ѳщѳа*, им. мн. *л'ѳщѳи, -ѳй* ЕМ.

Лѳб С. *лѳп, пѳ лѳбу, со лѳбѳ* ЕМ.

Лѳкѳть. *лѳкѳт'* ЕМ.

Луг Д. *лугѳф-т* полно была НИ; *бѳбы пойѳдут в лугѳ* ЗИ; *в лугѳ* ПЯ.

Лук А. *за ѳ'ѳким лѳкѳм* ЕМ.

Мальчишко А. *ѳ ѳѳ с мал'ч'ѳишкѳм-т'и ѳста* ПЯ.

Мѳд С?, медок. *м'ѳѳт, с' м'ѳѳѳм*, род. *м'ѳѳѳ* ЕМ.

Месяц. *тр'и м'ѳс'ѳа* ПЯ.

Мѳст В/С. *мѳст, слѳмѳл'и мѳст и тѳм клѳл'и д'ѳир'ѳв'ѳнный, с мѳсту, н'ѳт мѳста, пѳ мѳсту* ЕМ.

Мѳх С? *мѳх; клѳл'и бр'ѳвно, и ѳп'ѳт' мѳху нѳс'т'ѳлѳим; никакѳѳвѳ мѳха, за мѳхам* ЕМ.

Муж, мужѳк. *с мужѳѳм* НЗ; *мужѳѳкѳѳт кор'ѳл м'ѳн'ѳ* ПЯ.

Мѳром А. *ѳтѳѳл' с Мѳрма* ПЯ.

Низ Д? (низ; нижний этаж; подпол). *н'ѳс, с' н'ѳзу подн'ѳлѳ, вѳишѳл из' н'ѳза, под н'ѳзам, вн'ѳзу* ЕМ.

Нѳж В, нѳжѳк. *нош, нѳжѳк, влѳзѳл нѳжѳм, нѳжѳѳ* ЕМ.

Нѳс Д. *нос, из нѳса, под нѳсам*, им. мн. *длѳннѳи нѳса, и нѳсы* ЕМ.

ѳбух. *и топѳр'ѳикѳм-т'и мн'ѳ ѳбухѳм-т'и и дѳстѳл'и до глѳз'ѳку-ту* НЗ.

ѳктябрь В. *в ѳкт'ѳбрѳ* НИ.

ѳмшѳник А (хлев для свѳнѳи). *пѳро-с'ѳнкѳ д'ѳржѳл'и в из'ѳѳ, ѳмиѳн'ѳк'и холѳднѳи* ЕМ.

Парнѳшко, парнѳшка А. *т'ѳиѳѳ и плѳ-т'ѳт' н'ѳ бѳдѳѳт нѳ пар'н'ѳишѳку-ту; тр'и м'ѳс'ѳа бѳлѳ пар'н'ѳишѳку* ПЯ.

Пѳст В. *п'ѳѳѳт, п'ѳѳѳѳѳм прѳса б'ѳ-л'и* ЕМ.

Плѳд. *плѳт, плѳднѳѳи корѳва*; (нет) *плѳда* ЕМ.

Пѳлог Д. *пѳлак цѳв'ѳѳѳч'кѳм'и, с пѳ-лѳѳѳм, пѳлогѳ* ЕМ.

Поп В. *поп, попа́, с попом хорон'ут* ЕМ.

Порошок В. *вóз'ит п̄рошкú* ПЯ.

Пост В. *пóст, поста́, посты́, постóф* ЕМ.

Пот. *пот, пóтам* ЕМ.

Прут В. *пру́т, прутóм йевó* кълто-ну́ла ЕМ.

Пúпок А. *пúпак* ЕМ.

Раз Д. *двá рáза, н'и былá н'и рáзу* ЕМ; *иá вот этъ два рас пáдълъ* НИ; *двá рас* НЗ; *гóже рáза тр'и йéз'д'ила; двá рас* ПЯ.

Ров. *роф, в рову́* ЕМ.

Рог Д. *рок, рогá, два рогá, рóга* (нет), *рóгам уколóла* ЕМ; *п̄ Кривóму-ту Рóгу, пр'ийéхъл'и с Кр'ивóвъ Рóгу, ф Кр'ивы́м Рóг'е* ПЯ.

Род. *рот, хорóшьвъ рóда* ЕМ.

Рот В. *рот, изо рта́, в роту́* ЕМ.

Ряд Д. *в р'ат, двá р'адá, н'и одново́* *р'áда, р'ады́, в р'ады́* ЕМ.

Сад Д. *сáт, ис сáда, два сáда, ф садú,* им. мн. *сáда, сáды́* ЕМ.

Салáш В. им. мн. *с̄лашы́* ЕМ.

Сахар А. *б'ес сáхъру* ЕМ.

Свёкор А. *с'в'óкъра, от св'екрóв'и и от св'óкъра* ЕМ.

Серп В. *с'ерп, с'ерпóм 3х, с'ерпы́* ЕМ.

Сидень А. *с'ид'ит, ф с'идн'эх* ПЯ.

След Д. *с'л'ет, н'и с'л'едá, по с'л'еду, с'л'еды́* ЕМ.

Снег. *с'н'ек, род. ед. с'н'éга, с'н'эгу-ту* ЕМ.

Сноп В. *сноп, снопа́, с одн'им сно-пóм, снопы́* ЕМ.

Сóлод С. *изо ржы́ сóлът д'элъл'и* ПЯ.

Сóчень С. род. мн. *соч'н'ей́* *н̄п'еч'óm* НИ.

Стог Д. *сток, стóга, двá стóга, за стóк, за стóгам* ЕМ; *н̄ стогу́, н̄ сто-гá* ПЯ.

Стол В. *стол, п̄т столóм* ЕМ; *з̄ столóм* ПЯ;

Столб В. *столп, двá столбá, столбы́* ЕМ.

Суд В. род. *суда́* ЕМ.

Топóрик А. тв. *топóрикъм-ти* Нула.

Угол В. *угал, в углу́, углы́* ЕМ.

Узел в *уз'ел* ПЯ.

Уж В. *ужы́, з'м'ей, ужей́ н'е в'идывала* ПЯ.

Улей А. *ул'ийф* ЕМ.

Фронт А. *на фрón'т'и* НИ.

Хвóрост С. *хвóраст, хвóръстъм звáл'и* ЕМ.

Хлеб, хлебец *хл'эб-ът; мн'е хл'эба нóс'ут* ЕМ; *хл'эбъ он'э хът' воз'ил'и; хл'эб'иц йéс'т'ище* ПЯ.

Хрящ В. *хр'ашиóm* *эбв'илáс фс'á* ЗИ.

Цвет *цв'ет, н'эту цв'эта, цв'эту н'и дайúт, мы вык'идъм цв'ет* ЕМ.

Чай, чаёк *многъ ч'айу-ту, б'ер'ит'е ч'айу, ч'айку-ту* ЕМ.

Чан Д? *ч'аны́* ПЯ.

Час Д? (два) *ч'асá, род. ч'аса* ЕМ.

Челнóк В (ткацкий). *л'ожы́т ч'елнóк дьл́ннин'кий* ЕМ.

Чéреп Д? *ч'эр'ип и гьловной, и ч'ир'епу́шка* (глубокая глиняная миска); местн. *ф ч'ир'епу́шк'и* ЕМ.

Чёрт С. *ч'орт, ид'и к ч'óрту, ч'эр'т'и, ч'ер'т'ей́* ЕМ.

Шабёр В (сосед). им. мн. *шабры́-т'е* ПЯ.

Шаг Д? *шáк, двá шагá, н'и шагу́* ЕМ.

Шар Д? *двá шарá, н'и удновó шарá* ЕМ.

Шёлк. *ч'етыр'е мэтра шóлку, шы-рóкый шóлк-ът* ПЯ.

А. В. Тер-Аванесова

Материалы по грамматике муромских говоров.

1. Глагольные формы.

2. Сочинительные союзы. 3. Частицы

1. Глагольная система муромского говора деревень Татарово, Ожигово и Нула включает, помимо форм трех времен индикатива и инфинитива, два типа форм, восходящих к плюсквамперфекту — с согласованным вспомогатель-

ным глаголом и с частицей *был*; формы повелительного наклонения с довольно широким набором непрямых употреблений; формы сослагательного наклонения, основной спецификой которых, по сравнению с литературным языком, является место частицы *бы* во фразе; формы причастий прош. времени, широко употребляемые в результативных конструкциях; деепричастия с суффиксами *-а* и *-(в)ши*. Из регулярного глагольного словообразования можно отметить формы так называемых многократных глаголов (*видывала*) и моментальных глаголов с суффиксами *-ну-*, *-ону-* (*пивнуть, колотонула*). Особенности грамматики говора были кратко описаны в [Малышева 2013]; здесь материал по некоторым формам приводится более подробно, а отдельные явления рассматриваются впервые. Подобные системы глагольных форм, видимо, свойственны восточным среднерусским, по крайней мере, муромским говорам, в том числе «муромско-рязанскому» говору села Пустоша, расположенному на западной окраине муромского ареала [Тер-Аванесова 2013]; пустошенские данные ниже сопоставлены с данными татаровского говора (расшифровку имен информантов см. в списке в конце настоящего Отчета). Эта система имеет много общего и с литературным языком, прежде всего с его разговорной формой.

1.1. В говоре представлены два рода форм, восходящих к плюсквамперфекту: с согласованным вспомогательным глаголом и с частицей *был* (в примере (10) — возможно, частица *было*, если здесь конечный [ъ] — не вставной гласный).

Примеры форм с согласованным вспомогательным глаголом (*была училась, была жила*) в говоре довольно редки. В материалах 2014 г. встретился всего один такой пример. В нём форма *была училась* обозначает давно бывшее

завершившееся действие, предшествующее другим, также завершившимся в прошлом действиям, т. е. имеет значение, типичное для плюсквамперфекта:

(1) *Дóч'ки-ть — она́ **была́** уч'и́льс нъ прѣдафца́, — мѣста нѣту, уш вѣиуч'и-льс — ф Панфи́льви тѣрговáла, потóм йейó ф сѣл'совѣт. Уш она́ на пѣн'сии, дóч'ки-та.* ПЯ¹.

В самом ярком из четырех примеров, приведенных в [Малышева 2013], форма *жила была* описывает ситуацию, относящуюся к отдаленному прошлому; предшествования другим действиям в прошлом эта форма не выражает:

(2) *У мен'á нѣ былъ вѣвихъф-ть при нѣй, когда́ она́ **жыла́-ть была́**.* НИ.

Вероятно, сочетания *жила была, жил был* являются в муромских говорах устойчивыми (только об умерших?); материал по ним пока очень мал.

Чаще фиксируются формы с частицей *был* (*направили был, легла был*), выражающие значения, свойственные антирезультативу [Плунгян 2001], ср. в литературном языке конструкции с частицей *было* (Грамматика 1980, § 1694). В контекстах, где присутствуют два соотнесенных глагола, формы типа *легла был* обозначают действие, результат которого отменен вследствие последующего действия (3, 4); действие, цель которого не достигнута (5); действие, которое прервано вследствие последующего действия (6). В то же время во всех таких контекстах формы типа *легла был* имеют значения, характерные для плюсквамперфекта: обозначают завершившееся действие, предшествующее другому действию в прошлом.

(3) *Мен'á **был** снач'áла **напрáвили** в дѣвич'йу (школу учительницей), рáн'ше гимна́зии **были**, вóт, мен'á **был** в див'анóсть вос'му́йу шкóлу, а потóм ф*

¹ Примеры даются в упрощенной транскрипции (без обозначения мягкости согласных перед гласными переднего ряда).

*сто дес'атѣйу к мал'ч'икѣм пир'вели,
ѣа три гóда работѣль там.* ЕМ;

(4) *И вóт она уш упосл'а мнуч'онѣка
(стала жить в доме престарелых). **Вз'ал
был** м'нуч'онѣк в Мурѣм, а жонá-ть
мнуч'онѣк-ть и ушлá ут йовó. «Ты штó
ухóдиши?» — «Из-зѣ ийó, из-за бáушки». Мнуч'онѣк
прив'ос ийó <обратно в
Ожигово>, дѣ ф пристарелый дóм. ПЯ;*

(5) *Йевó <рапс> **был посѣил** у нас
Петрóф тогдá, а он не вырас ЗИ;*

(6) *А мы ишэ... ѣа ишэ уч'ициѣ токъ
нѣч'алá был. И удрáли, нóч'ѣу уйѣхъли,
из Украйны-ти. НИ.*

В примерах (7), (8) значение форм
был легла и *был* ослепла точно не из-
вестно: *был* легла может иметь значение
'временно легла' или 'готова была лечь,
почти уже легла'; так же *был* ослепла
значит или 'временно ослепла' (но по-
сле операции стала видеть), или 'почти
полностью перестала видеть' (но после
операции стала видеть гораздо лучше):

(7) *Приѣхъла <в дом престарелых
навестить бывшую соседку>, дли иейó
(рядом с ней) устлáла дѣ л'оглá **был**, а
пришлá н'án'ка и гъворит: «Ты штó тѣ-
та, иди навѣр'х, там и ослободны кóйки». Иá
уш навѣр'х ушлá, там и нѣч'овáла.
Дѣскит', ты ни оддóхниши тѣта. ПЯ;*

(8) (Вам помогла операция?) *Пъмог-
лó, ѣа софсѣм **был ослѣплѣ**. А вит' кар-
тóшка-ть, йо полóт' нáдѣ, гр'áды-ти,
их полóт' нáды! МП.*

В нашем материале оказалось до-
вольно много примеров, в которых
формы типа *был* сгорели не соотнесены
с другими глаголами и в большинстве
своём не выражают, подобно формам с
был в примерах (3—8), значение пред-
шествования другому действию в про-
шлом (они, кажется, вообще лишены
таксисных значений), а также значения
аннулированного результата действия.
Круг значений этих примеров — это
'прерванные' действия, почти достиг-
шие своего результата (ср. в ЛЯ конст-
рукции с *чуть не*, *чуть было не*) (при-

меры 9, 10), и длительные действия,
лишь до некоторой степени прибли-
зившиеся к своему результату либо
приблизившие наступление некоторой
ситуации (в примерах 11 и 12 из Ожи-
гова и Нулы речь идет об улучшении
жизни):

(9) ***Был** вóтѣ згорѣли мы тогдá (чуть
было не сгорели: загорелась крыша, но
дом и имущество остались целы):
тросник. Óй, мы напугáлис, бáт'ушки
тепѣр', крýшѣ-ть не покрýтѣ, а трос-
нику-ту за усáдѣм-ти вó — стойáл та-
кóй! НИ;*

(10) *Как вóт пѣзѣфчерá **был** мен'á
удáрилѣ (чуть было не потеряла созна-
ние), ѣа угорѣлѣ. ЕМ;*

(11) *Дѣ жьйс' былá, уш тут манѣн'кѣ
стáл'и пóсли **был** налájжывѣцѣ, сна-
чáлѣ-ть конѣинѣ пóсли войнѣ-ти труднѣ
бýлѣ. МП;*

(12) *Нáшы-ть гóж жывут сеч'áс.
Нáшы-т' вон как рѣжжылис. У нас нѣ
былѣ такóй жьйсни, какá сеч'áс-ту. (...)
Штó йетѣ, вóт грит, нѣ л'убѣ ййм
(правительству США), нáшы-ти рѣж-
жылис гóже **был**, хѣрошó. ПЯ.*

В примере (13) форма *был* плясали
имеет значение, характерное для плю-
сквамперфекта, а не антирезультатива:
обозначает действие, имевшее место
неоднократно в определенный давно
завершившийся период времени:

(13) *В мóлдѣс'ти в дефч'онѣкѣх **был**
пл'асáли. ЗИ.*

В одном примере частица *был* упот-
реблена при инфинитиве (14). Можно
считать, что здесь разговорная неполная
конструкция с опущенной л-формой,
имеющая значение нереализованного
намерения — одно из типичных для ан-
тирезультатива значений.

(14) *Недáвнѣ, пиред вáми, ѣá **был** вам
пѣказáт', а онѣ уж вз'áли (ступу с пес-
том). ЕМ (ср. *я хотела было вам пока-
затѣ).*

Также приведем без комментария
пример, смежный с рассмотренными

формами, восходящими к плюсквам-перфекту:

(15) *У мен'а сноха, сынók в Мурьми жыв'от, вот у ийх умерла эта... тожо бауишкь. Ну она не былъ шъ была старин'ка* (не сказать, что была старенькая). НИ.

В муромско-рязанском говоре Пустошей также встречается два вида форм: более редкие формы с согласованным вспомогательным глаголом (*была отеллась, была жила* и под.) и формы с частицей *был*.

В пустошенских примерах (16—17) формы с частицей *был* обозначают действие, результат которого отменен или цель которого не достигнута в результате следующего действия, ср. примеры (3—6):

(16) *Етъ онé как-тъ въровали, фс'ово набрали и, машину был купили, <...> Тепер' где-то дач'а, километрф зъ шьс'ат, а на дачи — што у Клавви дом, а у нашьи Гали фс'о покрытъ жолéзъм! Йа как чуствъла, што йейó етъ нарушут, вит' ни такйх' пдымайут, правда? А етъ говно-тъ, и вот эта значит онé: машину отн'али, дач'у не знайу, вот тепер' не знайу, отн'али нёт эту дач'у, дач'а она дал'ока*. Пуст. КВ;

(17) *Одйн парин', он шифир, вот он мен'а был пъл'убил. Но йа — с солдатами ни пойд'ош гул'ат', там порж большой*. Пуст. КВ.

Формы с *был* в примерах (18—21) из говора Пустошей обозначают действие, результат которого чуть было не был достигнут, ср. примеры (9,10) из Татарова и Нулы:

(18) *Мен'а рас токъм был убила, в заводи*. Пуст. КВ;

(19) *Он зъ мен'а — бывала хто мен'а пькорит где, он с мосту спустит. Он ф сельсовети одну с мосту был спустил*. Пуст. КВ (Мужчина, равнодушный к КВ, заступался за нее: однажды он чуть не спустил с лестницы женщину, клеветавшую на КВ), ср. о том же (20);

(20) *Стала одна коритъ мен'а, а она — съ фторовъ йитажа был брбсил*. Пуст. КВ;

(21) *А она, ну старыйъ, чут' пьмоложы мен'а, она где-тъ зьблудилъс'. Ходила гл'адела Пустошá, и уишла был в Уригъл. Вот йа и над ней смейалъс'!* Пуст. КВ (Если бы старушка действительно ушла в Уршель, в 20 км от Пустошей, было бы не до смеха).

В примерах (22—24) пустошенские формы с *был* обозначают действия, лишь в некоторой степени достигшие результата или постепенно достигавшие результата, ср. примеры (9—12) из Татарова, Ожигова и Нулы. Если в (22) и (23) формы с частицей *был* и означают действия, относящиеся к далекому прошлому, то в примере (24) форма с *был* полностью лишена этого значения.

(22) *А потóm уш ы, вот был и жьист'-то, ньчалôс' немношка: не л'ноф не стала, не пр'ас'т' не стала, гул'ай в лобойе врем'а*. (Жизнь немного улучшилась, так как некоторые трудоёмкие виды работ прекратились) Пуст. О;

(23) *Эта вот нажыли фс'о был, а тогда не была никакйх' мисорубък*. (Это потом уже понемногу обзавелись разными вещами, а раньше не было мясорубок.) Пуст. О;

(24) *Она пьступила вот в ин'с'титут, ни по рускъму, нь англиским. И у йей мъл, учител'а ругали: плóхъ учылъсе. Прийедит — рев'от-рев'от: «Никак у мен'а дель ни ид'от!» Ну вот манен'ке был нъучылъс'.* (Немного втянулась в учебу). Пуст. КВ.

Пустошенские примеры с *была жила; была был*; с формами типа *был росказывала*, обозначающими давнопрошедшее действие, ср. пример (13) из Нулы, приведены в [Тер-Аванесова 2013]. В немногочисленных пустошенских примерах с согласованным вспомогательным глаголом формы типа *была отеллась* обозначают действия, предшествующие другим действиям в про-

шлом, иногда — действия, результаты которых были впоследствии отменены [Там же].

Частица *был* во фразе всегда безударна. Ее форма, по-видимому, обязанная своим возникновением редукции конечного гласного до нуля (< *было*), имеет в говоре постоянный состав *был*, без конечного гласного. Результаты фонетической редукции в данном случае морфологизированы, как и в некоторых других грамматических показателях, например, в союзе *нет... нет* (< *нето... нето*). Ср. в Пустошах неизменяемую «категорию состояния» *похож*: *Ребятішки на тя похож*. Чисто фонетическая редукция до нуля гласных второго предупредительного и первого ударного слогов в муромских говорах характеризуется факультативностью: Пустоша *тоже / тош*, и даже род. *нич'ово плохѡвъ / нич'ѡф плохѡф*.

Положение частицы *был* во фразе показывает, что она в говоре Татарова, Ожигова и Нулы довольно хорошо сохраняет свойства синтаксической клитики, располагаясь после первого ударного слова во фразе или клаузе (примеры 3—5, 7, 8, 10, 13, 14). В одном примере (6) она находится в конце фразы, примыкая постпозитивно к *л*-форме. Отклонениями являются случаи постановки *был* в начале фразы (9), в тактовой группе, следующей за *л*-формой (11, 12). Сходная ситуация — в говоре Пустошей.

1.2. **Императив.** Правила образования форм императива в муромском говоре и в ЛЯ практически одинаковы. Основное отличие муромского говора состоит в том, что все глаголы с корнями, оканчивающимися на *j*, образуют формы императива 2 лица с нулевым окончанием, в том числе глаголы на *-ить*: *дѡй*, *напѡй* 'напой'; нулевое окончание зафиксировано у императива от *глядеть*: *гл'ай* (наряду с *гл'ад'и*) — видимо, из *гл'айи* < *гл'ад'и* в результате ослабления мягкого звонкого смыч-

ного в интервокальном положении, ср. в Татарове, Ожигове, Нуле: *тей'а* 'тебя', *сей'а* 'себя', *тей'е* 'тебе' и подобные.

Наши примеры не дают полного представления о формах и конструкциях с императивом. Ниже в примерах подчеркнуты такие элементы императивных конструкций, как обращения, подлежащие и частицы при формах императива. Отметим формы, выражающие совместность действия, в том числе с частицей *давай(те)* (25—27):

(25) *Приіехъла ѡа тудѡ, мен'а гѡже прїнели, и ф столовъѡ, а ф столовъѡти т'ама, и жар'ат и вар'ат, уш како пит'ан'ѡе фс'о, мен'а — «Пѡйд'ѡм, поїеш, — мен'а, — Поїеш ѡжнат'». ѡа — «Ни пойдѡ, ни пойдѡ!» — «Идѡ, идѡ». ПЯ;*

(26) *Антѡн уп'алъ — онѡ вон: давай, каку'у-нить мѡ тїѡе кѡпим. ПЯ.*

(27) *Вот кабы ѡевѡ <озеро> расчїстит', давайти дѡбїваїцѡ рѡсчїц'ат' ѡевѡ. Дѡвайти как-нїбут', прам ѡа не зн'аїу, дѡфч'ѡнки! Расчїстит' бы ѡевѡ! ЕМ;*

примеры с частицей *давай(те)* с формами 2 лица:

(28) *Да, прис'ажывьѡтис. Прис'ажывьѡтис давайти. ЕМ;*

(29) *Дѡч'-тъ уч'їльс ф Ч'адив'и, прїіехъла: «М'а, нѡт уш давай пѡкуп'ай домѡк как-тъ ѡим. ѡїх пѡрѡс', а тѡ бедѡ тѡл'кѡ: и ѡт выпїваїт, и ѡт выпїваїт». ПЯ;*

В муромских говорах, как и в ЛЯ, формы императива употребляются в прямых и не прямых значениях. Прямые употребления императива, выражающие различные побудительные значения, встречаются гораздо чаще не прямых:

(30) *Прїіежж'айти ко мнѡ, мѡжѡ жс'ѡд' бы прїіежж'айти, кому жыт' нѡгди. У мен'а там ишѡѡ дѡе кѡмнѡты. НИ;*

в том числе императивы, выражающие *просьбу*:

(31) *Ч'ѡвѡ-нѡтѡ-тъ мнѡ пѡмѡгїти! ПЯ;*

(32) Немногъ пѣгод'а пишет: ма, хѣт' самá приежжэй, хѣт' йá прив'озу. ПЯ;

(33) «Пашо́нк, приежжэй». Два рас йэздила туды, к йей. ПЯ;

(34) Вот эти вот сп'яни́лис (спились), онé: «Воз'ми у нас радивь!» Онé помер'ли оба. ПЯ;

(35) Тут пръводили то́к, илектрич'ства, то́к пръвели — ищ' не былъ илектрич'ства! То́т пръведи, другой. (Электрика звали во многие дома, чтобы наладить электропроводку). ПЯ;

(36) Гл'ий, кака́йа шышка. ПЯ;

(37) разрешение: Она Зойу то́жэ вот, Ал'бинъ-та: «Жыви, мам, кои... эта... жыви, приходи, жыви». НИ;

(38) совет: Баушка, ты хѣт' пес'ни пой, тийе вит' ску́ина. ПЯ;

(39) А бауикъ Мотрѣ, и сеч'ас фс'о пóмн'у, ишо вот ыйó, то́лстый такай, пдошла дѣ: ни таскайти, нич'евó не будит, ни вытáскывйти вопиэ нич'ео (при пожаре советовала не выносить вещи, поскольку была уверена, что огонь не охватит весь дом). НИ;

(40) пожелание: А тепér' вот што́т умирайут бóл'нѣ уш мно́га. Мно́гѣ умирайут л'удей. Жывити дóл'шы. НИ.

Все имеющиеся примеры «фатического употребления» императива имеют при себе модальные частицы -ка, -ти:

(41) госпóд' дал мне жыз'ни фс'отки, подумь-ти-ка. ПЯ;

(42) Дом-эт ышѣ вот то́жэ фс'о стойт, гл'адй-кѣ, дó сех пóр стойт, квэртиранты вот ыз Дзэржынскѣ приежжэйут, жывют. НИ;

(43) Чевó тепер' вам йехѣт'! Смотрит'-ка, óкны пластикъвыи постáвили, теплотá. ЕМ.

Встретились примеры следующих непрямых употреблений императива (классифицированы вслед за [Добрушина 2013]):

(44) «императив условия»: Эт тепér' уш у нас нет ни фика народу-ту. А тогда ой! Ф каждѣм дóми сэмии были. Вот тепér' пройди ф каждый

дом — и фсе умер, фс'о умер, фс'о умер, и до тех пóр фсе умрут. НИ;

(45) «условно-уступительный императив»: Влáга, и ф п'еч'к-т' влáжнѣ, хѣт' топи. ПЯ;

(46) Жáркѣ, навэрнѣ, там нѣ Украи́ни-ти. Поч'ти у каждѣвѣ на улицы вот эти вот печ'ки. Прóстѣ такуй вот. Вот нашу печ'ку вон вывизи, вон ту вотѣ. И онé вот ы там фс'о дэлы. НИ;

(47) «императив долженствования»: Вот онá мен'á пѣт себ'á пѣткадирѣвѣла. Давай им пó дѣвѣ платкá. ПЯ;

Формы императива в примерах (48—50) можно интерпретировать как совет (передачу полезного опыта) некоторому обобщенному лицу, ср. значение форм императива в инструкциях. Цель этих высказываний — показать, что данное действие легко выполнить говорящему, его собеседнику или кому угодно:

(48) А ч'ó зимой, дровá зѣготóвила — носй, зѣтол'ий, дѣ и грéйса. (Ответ на вопрос, как живет зимой одна в деревне) МП;

(49) он (мох) там высыхаит, и пр'ам берй йевó. ЕМ;

(50) Это вот ис крахмáла блинки таке то́нки пеку́цца. Нѣ скѣворóтки. Мóжнѣ вон нѣ газу-ту, то óч'ин' хърошы йесли тут ышио (на) печ'и-та. Постáвил скѣворóтку — снимай. Онé снимайуцѣ хърошó — рас — и пир'вер'н'ош. Ой, у мен'á экѣ вот супрук л'убыл: баушка, ч'ай пáръч'ку даи мне? НИ.

1.3. Деепричастия. В муромских говорах деепричастия с суффиксом -а очень редки, однако несомненно являются элементом живой разговорной речи и замечательны как по форме (ср. архаическую форму идá), так и по синтаксической роли. Примеры (51) и (52) показывают, что деепричастия на -а могут использоваться с грамматическим значением анафорического лексического повтора сказуемого предшествующего самостоятельного предложения.

(51) *Вот тут у нас рас сидели, сид'а баба Шура, йейо с'остра, она уш ум'орла, йещо кака-ть баба. Выпили. Сид'ат, одна росказывет... Пуст. КВ.*

(52) *Как вот пзьфчера был мен'а удариль, йа угорель.*

— *Так а вы ч'о, печ' рань закрыли?*

— *Да, чевот-ть печку закрыль, ушла пьгул'ат'. Ид'а, а у мен'а дыму полно. Йа фс'о ндышалъс', видимъ, йели-йели утошла.*

— *Кто таг дельит, Йелень Михалнь, уш каг буйтъ первый рас печку топити.*

— *Как буйтъ бы да вота. Вот ыминнь, вота бываит вот. ЕМ, ЛС.*

(53) *Он ндойест те ход'а* Пуст. КВ.

Более тривиальные употребления деепричастий на -а в пустошенском говоре приведены в [Тер-Аванесова 2013].

Если в пустошенском говоре активно употребляются деепричастия с суффиксом -шии, обычно выражающие различные обстоятельственные значения и крайне редко употребляемые в роли сказуемого, — то в Татарове и окрестностях их почти не встретилось, кроме *вып(им)ши*. Как видно из примера (54), деепричастие может заменяться причастием м. рода *вып(им)шей*, оба — в составе сказуемого.

(54) *Пръвед'от* (электрик проводку) — *баб'онки-ти, у йих фс'о змогонка — прид'от вып'шэй, и эт вып'ши*. ПЯ;

(55) *Прид'от вып'ши*. ПЯ.

1.4. Причастия прошедшего времени употребляются в составе сказуемого в результативных конструкциях (примеры 56—59, см. также примеры в [Малышева 2013]), в конструкциях с глаголами *делаться, становиться* (60), а также в атрибутивной функции:

(56) *Вот погрип у нас выртьей, и там л'от*. ЕМ;

(57) *Ишо дом^б-тъ мой он усиро-тэфшай, мен'а тудá уш не т'анит, не-как*. НИ;

(58) *Она оттол' вз'атá уч'ител'ница*. ПЯ;

(59) *А бумаги-ти у йей фсе зготовлины, у етй у баушки-те, ф пристарел-ът дом*. ПЯ;

(60) *Оне зтъ... ф печ'е-тъ вот в рускай-то особиннь оне запожаревны каке-тъ дэлайуць, поджарины*. НИ.

2. Своеобразный состав **сочинительных союзов** и особенности сочинительных конструкций, свойственные муромским говорам, находят соответствие в ряде севернорусских говоров. Ниже приводятся данные, характеризующие систему разделительных и соединительных союзов и конструкций, а также частицы, которые омонимичны этим союзам.

2.1. В муромских говорах зафиксированы разделительные союзы *или (иль), или (иль)...* *или (иль), то ли... то ли, нет... нет* (примеры только из Нулы), *неш... нещ* (примеры только из Пустошей), *либо... или* (примеры только из Пустошей), *ай, а то*, а также разделительная частица *ли*.

2.1.1. Одиночный союз *или (иль)* обычно находится в позиции между двумя соединяемыми единицами — однородными членами предложения: *отдельно иль сзади* (примеры 1—4), а разделительная частица *ли* — в постпозиции ко второй единице: *пять четыре ли* (примеры 5—8). Однако есть редкие примеры с союзом *или* в позиции, типичной для *ли*: *четыре месяца пять или* (9), ср. также (57), и наоборот, *ли* в позиции между соединяемыми единицами: *воду ли вон чево* (13). Есть примеры «дублирования» разделительных союзных средств при однородных членах предложения: употребления союза *или* и частицы *ли*, двух (и более?) постпозитивных частиц *ли* (10, 11, 14).

(1) *Скóкъ ѝих ѝѣздилъ, ч'ѣтвиръ, трóйе? Трóйе или ч'ѣтвиръ уи?* НИ;

(2) *А земл'а-ть ч'óрнъ, вот как сѹмка или вон сапóшки.* НИ;

(3) *И вóт там* (на Украине) *жáрка, рѹских-ть печ'ѣй дѣлѣли вот под óкными гдѣ-ть, ну манѣн'къ оддѣл'нъ ил' гдѣ-т там ззáди, тóжэ такѹйу жэ вон пѣч' как у нас рѹску, дѣлѣли, из глѣны.* НИ;

(4) *У нас и врач'ѹ, и врач'ѹ не знáют, мы жьѹвы ил' не жьѹвы.* МП;

(5) *Тáм домóф былъ п'áт', дѹму, ч'áтыри ли вѣт, вот тѹт зъ с'олóм-ть мѹ звáли С'вистѹн'ѹа.* Пуст. О;

(6) *Ну навѣрнъ в двáциѣт' сед'мóм, двáциѣт' восмóм ли годѹ фходѣли пой* (в колхоз). Пуст. О;

(7) *И вот гъворѣт: как скáжут, там опѣлси члóвѣк, двá ли, óй он* (богатый человек, который в престольный праздник выставлял выпивку на всё село) *довóл'нѹй, грѣт, был!* Пуст. ЕГ;

(8) *А она́, вѣшла зáмѹш, жьѹлá ли с нѣм — хорóша, красѣва.* Пуст. КВ;

(9) *...мáт'-ть тóжэ плáкълъ, не ѝѣхълъ, ну ч'ѣтыри мѣсиѣ, пат' ѹли, вот Зóи-ти былъ.* НИ;

(10) *Она́ свóй дóм ув'озлá пой ф Чэрусту или в Рошáл' ли.* Пуст. О;

(11) *Фс'áкѹй фс'áчинѹй набѣли бóч'-кѹ, вáннѹ ли, кадѹшкѹ ли.* НИ.

Можно выделить группу примеров, в которых присоединяемым компонентом разделительной конструкции является неопределенное местоимение или наречие (ср. подобные сочетания в пермских говорах [Боброва 2013]):

(12) *Нъ спинѣ, нъ плеч'ѣ или кáк. Ну нес'óт берѣм'а или ч'евó там.* Пуст. АГ;

(13) *Пл'оснѹла вон ч'евó-нито тáма, вон вóдѹ ли вон ч'евó.* Пуст. КГ;

(14) *Врóде как грѣп ли, ч'евó ли былъ у нѣй.* НИ.

2.1.2. Те же виды союзных средств используются в том случае, если присоединяемой единицей (конъюнктом) является слово *нет* (в вопросительных предложениях и в изъяснительных при-

даточных, обычно зависимых от *не* *знаю*). В состав разделительных конструкций с *нет* может входить союз *или* (*иль*): *будет или нет?* (15—19), постпозитивная частица *ли*: *сгорела, нет ли* — *не знаю* (20,21), сочетания разделительного союза *или* и частицы *ли* или двух частиц: *не знаю, пропили иль нет ли* (22), *не знаю, плотит ли нет ли* (23,24). Возможно и бессоюзное присоединение *нет* (25).

(15) *Вот бѹдит картóф' или нѣт?* Пуст. КВ;

(16) *Їá не знáйу, он жьѹф или нѣт.* Пуст. КВ;

(17) *Не знáйу, приѣдут или нѣт.* Пуст. КВ;

(18) *Вот не знáйу, ѹвó сн'áли с робóты или нѣт, вот ковó спросѣт'.* Пуст. КВ;

(19) *Не знáйу, вз'алá она́ ѣту старѹхѹ или нѣт.* Пуст. КВ;

(20) *Она́ там згорѣла, нѣт ли, ѹá не знáйу.* Пуст. О;

(21) *Затó грѣт, колѣ ишио жѣнимсѣ, нѣт ли.* ПЯ;

(22) *Не знáйу нич'овó, пропили ил' нѣт ли.* ЗИ (нульские мужики якобы продали за выпивку татаровским мужикам престольный праздник Нулы — Фролов день);

(23) *Вот не знáйу, он плóтит ли им, нѣт ли, вот мáт' и войѹит* (с бывшим зятем). Пуст. КВ.

(24) *Не знáйу вóт, нан'алá ли, нѣт ли.* НИ;

(25) *Вот тепѣр' не знáйу, отн'áли нѣт ѣту дáч'у, дáч'а она́ дал'óка.* Пуст. КВ.

2.1.3. Повторяющиеся союзы *или* (*иль*)... *или* (*иль*), *либо*... *или* могут соединять как однородные члены предложения (26, 27), так и простые предложения (28, 29).

(26) *Или ѝѣйо* (старушку, попавшую в больницу без документов) *нашли́, или вѣгнѣли, вит' ѣтът, должнѣ нъказáт'* Пуст. КВ;

(27) *Потом уш вон в миску, или как-кайъ ч'ирепушкъ, или бл'удъ какой-нибуть*. НИ;

(28) *Эт ышь ран'шы он пупал, въивал, и он навёрнъ тожэ што-нибуть или раниный был, ил' простужыный был, тожэ, онэ ранъ умирли*. НИ;

(29) *И вот чевотъ гъбы роздутьи, наернъ с'н'али либо с роботы, или ни роботът нигдѣ вопиѣ*. Пуст. КВ.

2.1.4. Повторяющиеся союзы *то ли (ль)...* *то ли (ль)* (30—33), *нет... нет* (34—37), *нещ(е)...* *нещ(е)* (38) синонимичны повторяющемуся союзу *или...* *или* и так же могут соединять как однородные члены предложения, так и простые предложения. В качестве второго конъюнкта часто употребляются вопросительно-относительные местоимения, наречия с местным или временным значением типа *где, куда* или слово *нет*:

(30) *А отѣцъ-тъ у нас работъл, вот какайъ-т конторъ была, уш... то л' совет, то л' ч'евотъ былъ*. НИ;

(31) *Иа то помн'у што ран'шы-тъ была, а щас вот буду убиратцъ, и то л' давала, то ли нѣт ѣтму* (когда работаю в хлеву, не могу запомнить, то ли кормила это животное, то ли нет). Пуст. ЕГ;

(32) *Вот он типер' тол' помир, то л' нѣт, он прълизовънъй*. Пуст. КВ;

(33) *Иа вот и дрова ни б'ору, то ли жыва будиш, то ли нѣт, а то бы привез'ли мнѣ готво фс'о*. Пуст. КВ.

Союз *нет... нет* (< *не то... не то*) зафиксирован только в Нуле; можно предполагать, что отсутствие его в записях из Татарова и Ожигова случайно.

(34) *Вода ф проулке, с Ф'одър Олексевичем с мужъм мы обдѣл'и, он з двац сед'мовъ годъ, обдѣл'и колодицът, а он умер. Умер — и колодицът умер. Да, и колодицът вес' — нѣт вода п какайа, нѣт где пробила — пошол-пошол-пошол вес' струп*. МП;

(35) *Надъ и в бол'н'ицу, и фс'о, у нас и врач'и — и врач'и не знайт, мы жывы ил' не жывы*. (— А где находит-

ся врач?) — *А йа и не знайу, гдѣ у нас врач'-тъ. Нѣт ф Пол'цѣ, нѣт в Ожгъ-в'е, нет гд'ѣ*. МП;

(36) *Не знайу йа кто, нет стъровѣрка, нет дилегатка, нет ишишотъ, н'е знайу*. ЗИ;

(37) *Н'ет обѣт какой был, н'ет чевотъ*. ЗИ.

Синонимичный союзу *нет... нет* и функционально тождественный ему союз *нещ(е)...* *нещ(е)* (< *нешто... нечто*), свойствен говору Пустошей:

(38) *Корова она нещ к быку она, нещѣ так, етъ бык на йо прыгнул* (попытка объяснить, почему у коровы был сломан крестец). Пуст. ЕГ;

2.1.5. Повторяющийся союз *то... то* в нашем материале отсутствует, однако встретилась близкая ему по значению конструкция с *то... а колі*:

(39) *А вет' пол'а-т' сеил'и, ну былъ знаиш какъ — то рошкъ <рожъ> пна-д'от ч'астъйа, здорова, а колі и рѣдин'ка рошка*. ПЯ.

2.1.6. В муромских говорах широко представлен неповторяющийся разделительный союз *ай* (40—48), синонимичный неповторяющемуся *или*; различий в употреблении *или* и *ай* в нашем материале не наблюдается:

(40) *Вот полы-ти не ис ч'ивъ делат'та, нич'о не былъ, хъд' бы фанеръ ай бы ч'евотъ, нич'еотъ не былъ*. НИ;

(41) *Прожыли мы там немнога. Скокъ йа вот уш точ'нъ-тъ не помн'у, но... Наэн, гот ай два*. НИ;

(42) *Фчерá йа там была, ходила, ай тот ден' в мъгазин*. Пуст. О;

(43) *Дѣвч'къ перва хороша какайа, уш вон йей скол'ка, шешнаццът' лѣт, она уш в дес'атъм или дев'атъм уч'ит, мал'чик поди ф ч'етв'ортъм ай ф п'атъм*. Пуст. КВ;

(44) *Ну у нейо вот сродникъф Шуриных, они д'ади были ай прод'ади уш — фс'ѣ были такіе вер'зилы, и он <сын Шуры> пой в них*. Пуст. О;

(45) *А то ище Стáлина* (хвалить), *дъ кл'áп с' ним! Он умир ай йовó убíли? Умир! Стрел'áл фсéх!* Пуст. О;

(46) *Онá в одíньцьтэм клáси. Ай в д'венáцьцьтэм уш, кáг бы не схвáстът' тут уш.* Пуст. О;

(47) *Йá, мен'á оборушыла, йá не знáйу што дéльт', идít' ай не идít'.* Пуст. О;

(48) *А онá врáч' хирурк быlá, а тинéр' уш поди по старьсти, йá не спрашивáйу, она эперáцьи дéльт ай нéт.* Пуст. КВ.

2.1.7. Функционально тождествен одиночным союзам *или*, *ай* союз как не:

(49) *Ужэ давнó умир, уш вот наэрнэ годóф ч'эт'бирнэцьт', как ни п'атнáцьт'.* НИ.

2.1.8. Широко употребляются сложные предложения с союзом *а то*, имеющим значение 'иначе', 'в противном случае':

(50) *Мá, нéт уш дава́й пькупáй домóк кáк-тэ йшм. Йих порьс', а то беды́ то́л'-кэ, и эт выпивáит, и эт выпивáит.* ПЯ.

2.1.9. Есть довольно большая группа примеров с одиночными *или* (51—57), *либо* (58), *то ли* (59, 67), *ли* (60, 61), *ай* (62—64, 66), *нещ* (65, 66); аналогичные примеры в литературном языке иногда трактуются как особые союзы с «присоединительным» значением [Санников 1989; Апресян, Пекелис 2012], иногда как модальные частицы, выражающие неуверенность, сомнение говорящего в правильности, истинности сообщения или его части ('может быть') [Грамматика 1980, §1695]. Эти союзы/частицы вводят как предложения, так и отдельные слова. Можно указать ряд синонимичных союзных средств и вводных слов, встречающихся в муромских говорах, в частности *пой/поди* (см. материал в [Тер-Аванесова 2013]) и расматриваемую ниже частицу *что ли*.

Позиция некоторых из перечисленных союзов/частиц не фиксирована. Так, *или* может стоять в начале предло-

жения (51—55), а может занимать позицию энклитики, располагаясь после первого ударного слова в предложении (56) или непосредственно в постпозиции к глаголу (57). Так же ведет себя *ай*, в то время как *ли* и *либо* стоят в позиции энклитики: после первого ударного слова в такте (ср. также все примеры с *ли*, приведенные выше); *то ли* и *нещ* всегда расположены в начале предложения.

(51) *Вот цвет'от éta* (картошка), *или порóда какáйа ета, не знáйу.* Пуст. КВ;

(52) *Но, грит, вот у мен'á войéнный жыл, сáмэ глáвнэй жыл, одíн жыл. или у йовó дéти остáлис' в Гермáнии, мовó гэт реб'óнкэ жалéл.* Пуст. КВ;

(53) *А уш не знáйу, гдé тут муш был, или ф т'ур'мé уш сидéл, не знáйу.* Пуст. КВ;

(54) *Човó з'дéльгэс', или поддéльл* (навел порчу) *кто, не знáйу.* Пуст. КВ;

(55) *Ну эт лóшьди вод б́или тáм, знáч'ит, не быкí, вот у нáз быкí зовут, а там буйвэлы какé-тэ, уж бóл'нэ рогá у йих вот такéи, или мне так кáзáлэс.* НИ;

(56) *А рьзгорéлис' (гуси), вот им бы потклáдывэт' йáйць нáда — онé бы в́ивили, а у нáс, ктó-тэ или укрáли этэвэ гусакá, укрáли, этэвэ самцá, и вóт мы нынч'е не нэсадíли, а то бы нэсадíли.* Пуст. КГ;

(57) *Онá тóже сеч'áс пйóт или, не знáйу кáк зайдít'.* (Хотела бы навесить одну старуху, но не знает, как лучше это сделать: кажется, у этой старухи сейчас начался запой) Пуст. КВ;

(58) *Вот думáйу, мен'á либэ мáт' мовó мýжэ, човó-нибут' поддéльл нам.* Пуст. КВ;

(59) *Не знáйу, óн со мнóй фс'ó ходíл, тó ли можэт в мен'á вл'уб'íлси, не знáйу.* Пуст. КВ;

(60) *Сидéла онá йа не знáйу, онá ли четýре гóда. Сидéла-тэ поди ф Сибíри или гдé-та.* Пуст. КВ;

(61) *Тáм у нíх гул'áнки какéи ли.* НИ;

(62) *Тóжъ фс'о звóнит, и фч'арá: «Мá, ты ч'ó, ай болéйеш?»* ПЯ;

(63) *óн ф т'ур'мé, óн уш ай наркo-мáт уш и фс'ó.* Пуст. О;

(64) *А бýли, ай тýи никoдá не вíдила, éти, какiе-то бáнъч'ки пълитрóвые, жалéзные, с' винóм.* Пуст. КВ;

(65) *А ногá какáй-тъ у н'овó, нещ пáл'цъф н'é былъ.* Пуст. О;

(66) *Поминки она собирáла тýт, ай тáм уш, кáг бы не схвáстът'. Ай тáм думáй. И тýт ч'овó-т събирáла, нещ гóт, хвáстът' не бýду.* (Поминки происходили то ли в доме умершей, то ли в доме ее родственников) Пуст. О.

Интересен пример, в котором одиночный союз/частица *то ли* выражает сомнение говорящего не в истинности, а в ценности, значимости события:

(67) *Вот тýт у нас рáс сидéли, сид'а бáба Шýра, йейó с'острá, она уш ум'орлá, йеш'ó какá-тъ бáба. Выпили. Сид'áт, однá рoскáзывает: ты знáши, как мý пл'а... йá пъ столу пл'асáла! Йá гъ, тó ли вы пiяныиe пл'áшыти, вот слýшъйти, йá вам спoйу.* Пуст. КВ.

2.2. Соединительные союзы в муромских говорах менее разнообразны и ярки, чем разделительные; зафиксированы *и, и... и, да, да... да*.

2.2.1. Чаще всего одиночный союз *и* находится между двумя соединяемыми синтаксическими единицами:

(68) *А мамá-тъ ругáла: плóх-ът (жен-их), у нiх бáушка пилá, и отéц, фсé пiли тóже.* ПЯ.

Редкие примеры с одиночным *и* в постпозиции ко второму из соединяемых компонентов, вероятно, представляют собой сугубо речевые явления: незаконченность фразы, сбивчивую речь, паузы hesitation и т. п.:

(69) *Ч'áйнъ вiстръилис, мен'á ис ч'апкá-т ф ч'áйну. Вот йа скóл'къ рабóтýла, вез'дé, йа как нырóк, мен'á вез'дé и!* НИ.

В материале встретились примеры, где союз *и* между частями сложного

предложения имеет дополнительное значение следствия:

(70) *Фс'у нóч' лoмiла, фс'у нóч' и ни спалá.* ПЯ;

(71) *Влáга, и ф п'éч'-т' влáжнъ, хът' топi.* ПЯ.

2.2.2. Повторяющийся союз *и... и* употребляется обычно в перечислительных рядах с двумя, реже с тремя однородными членами. Обычным элементом конструкций с повторяющимся союзом *и... и* являются обобщающие слова и обороты *всё, все, всё на свете* (см. примеры (74—76), ср. разделительные конструкции с относительно-вопросительными словами *грип ли чево ли; на спине, на плече или как*):

(72) *А ф столóвъй-ти тáма, и жа-р'áт и вар'áт, уш какó питáн'йе фс'о, мен'á: пойд'óm пойéш.* ПЯ;

(73) *Однá вот. Желáйуишых нéту... итó-та. В дерéвн'-ти осóбиннъ. Нáдъ ит' вон и угорóт, и усáт... НИ;*

(74) *И печ'én'йе, и пр'áники и фс'о на свéти.* НИ;

(75) *Йá пр'амóй ч'иловéк, но йá и жалли́въйъ, и ко мне фсé, вот пр'áмъ фсé как-тъ этнóс'уциъ хърошó — и внýки, и вон ы фсé.* НИ;

(76) *Афтóбусъф не хóд'ут. Нáдъ и в бол'ницу, и фс'ó.* МП;

2.2.3. Сочинительные союзы *да* (77—81) и *да... да* (82) встречаются достаточно часто; с нашей точки зрения, они синонимичны *и* и *и... и*. В примерах (77—80) одиночный *да* соединяет однородные члены предложения, в примере (81) — простые предложения.

(77) *Вот запóмнилъ. Вот «ат'á» дъ «собó» запóмнилъ.* (Слова, которыми понукают волов на Украине) НИ;

(78) *...три дéфки у йей, жывóт в В'áz'никъх, нъ пиремéнкъх йéз'д'ут дъ ухáжывут за йéй.* ПЯ;

(79) *Прийéхýла, дли йейó устлáла дъ л'оглá был, а пришлá н'án'ька и гъво-рiт: ты итó тýта, иди нав'эр'х... ПЯ;*

(80) *Вот нас відиши, у нас и роб'ят-ти уш б'ыли взр'ослыи, ну нас вот т'ол'к'мы б'ыли: б'рат, вот З'ой'ть-ть д'ь б'рат ы й'а вот пумол'ожы-ти.* НИ;

(81) *Мнуч'он'к'к прив'ос ий'о, д'ь ф пристар'ельый д'ом.* ПЯ.

(82) *Вот й'а и г'вор'у, зажы'рали бл'о-хи нас. Эт што т'ута! Вых'одиш, д'ь вот р'зведе'аиш'ь д'ь... уш л'адн'ь, н'оч'-йу-ть не вид'ат'. В'ыб'ийи руб'ашку-ту, над'ениш д'ь он'ат'.* НИ.

3. Ниже приводится небольшой материал по **частицам**, главным образом омонимичным рассмотренным выше союзам. Состав, форма и употребление этих частиц лишь в небольшой степени характеризуются диалектным своеобразием и имеют параллели в других, прежде всего в севернорусских говорах. В основном те же частицы характерны для разговорной формы литературного языка и старого московского просторечия.

3.1. Частица *ли* употребляется в прямом вопросе; комплекс частиц *не... ли* — в косвенном вопросе:

(1) *Г'ворит: а ты дал'ок'ь ли ид'о'ши?* Пуст. О;

(2) *Й'ес'т' ли в'разум-ть?* Пуст. КВ;

(3) *Не д'ура ли, как ты д'ум'ши?* Пуст. КВ;

(4) *Ну, г'ворит, уш ни родил'а ли.* Пуст. О;

(5) *Фсе р'ады* (посетителю в доме престарелых), *деск'т' ни от нас ли.* ПЯ.

3.2. Частица *что ли* (ль) выражает неуверенность, сомнение (ср. выше конструкции с одиночными союзами/частицами *или, либо, то ли, ли, ай, нец*, п. 2.1.9):

(6) *Ну, прав'д'ь р'ан'шы умир'аль мно'га. Ост'альс'ь не зн'а'йу, в'осим' што л' ч'илов'ек жы'вых-та. А рож'али р'ан'шы помн'огу.* НИ;

(7) *А уш оттуд'ь н'оч'йу мы. Э'та, как й'их вот н'зыва'йут, буй'в'лы што ли. Рог'а вот так'ейи! Ну у нас вон э'ти бык'и, а там (на Украине) в'от'ь буй'в'лы.* НИ;

(8) *Фс'о в'реме х'лодо'к. Х'ольдн'ь, з'ем'орз'а'йу. Ут вод'ы-ти што л'.* ПЯ;

(9) *И п'ест вз'ал, а'уа. — (А й'ем'у зач'ем?) — Не зн'а'йу. Куд'а-ть вздал што ли, не зн'а'йу.* ЕМ;

(10) *А т'о Ст'алина п'ьмин'ат'! Д'ь ругн'у'ц'ь што ли м'ат'ьм?* Пуст. О;

(11) *Нав'ерн'ь уш см'ер'т' й'ейо што ли с'унула.* (О скоропостижной смерти матери после лёгкой травмы) Пуст. О.

Обороты *что ли бы, что ли (ль) хоть* выражают вежливое предложение:

(12) *Ч'айку што л' вам хот' нал'ит'?* ЕМ;

(13) *Ч'айку што ли б з'вар'ит'?* ЗФ.

3.3. Указательная частица *то*, по-видимому, эквивалентна литературной частице *это*:

(14) *Т'ор'шин'ий у н'аз зав'от зде'с' вот пр'ам н'ьпр'ам'у'йу. И он т'о'жэ ужэ лик-вид'ир'ьв'лса, ни работ'ьит. Т'о р'ан'ш'ь как х'рош'о б'ыл. Крахм'ал-т у н'аз был, мы й'ели лапш'энники-ти, как карт'ош'ку теп'ер' вон й'ед'ат.* НИ;

(15) *Ат'а-ат'а-ат'а — э'т й'а не зн'а'йу ч'ев'о, ат'а, на'эрн'ь, п'ьгон'а'йут. Соб'э-соб'э — то фст'ат', то... Вот за-п'омниль. Вот «ат'а» д'ь «соб'э» за-п'омниль.* НИ;

(16) *Ну што на што, т'о н'е сп'р'ьста, т'ут п'ьдмел'и. Ч'ов'о-нет'о с как'им-нет'о сл'ов'ьм.* ПЯ.

Ср. *то* в составе подчинительного союза *зато* со значением причины:

(17) *Ч'ет'ыри м'етра ш'олку, шы'ро'к'ый ш'олк-ьт! «М'алин'к'ьму нудей'аль, а тий'е на пл'ат'йу. Зат'о — грит, — кол'и ишишо ж'еним'с'ь, н'ет ли».* ПЯ.

3.4. Частица *-нето* 'нибуд'ь' в составе неопределенных местоимений и наречий:

(18) *Ч'ов'о-н'т'о-ть мн'е п'ьмог'ити! Вот п'ьмог'ит' мне, д'ат' ч'ев'о-нит'ь как'ой уг'оло'к! Вот ч'о-нет'о п'ьмог'ите мне, пош'то же вы при'й'ех'ли из Моск-вы-те!* ПЯ;

(19) *Д'ав'ч'а д'уму: н'ьб'ор'у там ш'епч'к, а как в'нести ф прист'упки й'их? Й'а в*

мешо́ч'к, таско́м мош **ка́к-ни́тъ** в мешо́к. ПЯ;

(20) Ну **што́** на **што́**, то **не́** спръста **тут** пѣдмелі́ (пол). Ч'ово́-**нето́** с **ка́ким-нето́** сло́вѣм. (Бойтсѣ порчи) ПЯ.

Наряду с **-нето** в составе неопределенных местоимений и наречий в муромских говорах, в том числе пустошенском, употребляются частицы **-то** и **-нибудь**, ср.:

(21) **Што́-тъ** ч'ево́-**тъ** гроза́ бѣла́. ЗИ;

(22) **Вод** до́ч'к **прид'от**, **нѣфтыка́ит** **тут ч'о́-нибу́т'**. НИ.

3.4. Частица **ай** (23) и междометие **ай** (24):

(23) (А тот старый дом, где родители жили, как улица называлась?) **Ай** **нека́к!** **Татарѣво** **одно́**. (И никак концы не назывались?) — **Нет**. (...) **Но́въ** **лин'я**, **во** **у нас** **во́т**. НИ;

(24) **В ба́н'у-тъ** **пайд'ош?** — **Ай?** — **Ба́н'а** **затовѣ**. ЗФ.

3.5. Частица **и** (усилительно-выделительная) чрезвычайно широко представлена как в разговорной форме литературного языка, так и в муромских говорах. Частица **и** находится перед словом, на которое падает фразовое ударение и, по-видимому, в высказывании часто маркирует рему. В связи с частицей **и** в говорах требует дополнительного изучения порядок слов, интонационные типы, употребление частицы **-то**.

(25) **И** **топóрикѣм-ти** **мне** **обухѣм-ти** **и** **достáли** **до** **гла́зку-ту!** МП;

(26) (А где принимает врач?) — **А** **я́а** **и** **не** **зна́ю**, **гдѣ** **у нас** **вра́ч'-тъ**. МП;

(27) **Щч'а** **мо́жѣт** **йейо́** **и** **не́ту**. ПЯ;

(28) **И** **во́т она́** **уш** **упосл'а** **мнуч'онѣка**, **вз'ал** **был** **мнуч'онѣк** **в** **Му́рѣм**, **а** **жонá-тъ** **мнуч'онѣк-тъ** **и** **ушла́** **ут** **йово́**. ПЯ;

(29) **Мы** **и** **с** **сестри́цѣй** **во́тъ** **ла́дим**, **ты** **што́**, **дру́ги** **с'остры-ты** **вит'** **и...** **и** **ругáйуцѣ**, **а** **мы** **не́т**, **мы** **о́ч'ин'** **хѣрошó** **жыѣ** **о́м**. НИ;

(30) **А**, **ты** **в'одрó** **купíла**, — **а** **тодá** **вит'** **трудо́нѣ** **быль** **и** **в'едрѣ-тъ** **пѣку-пáт'-тъ!** МП;

(31) **Дѣ** **дѣль-тъ** **ни** **в** **ден'гáх**, **тогда́** **ни** **дава́ли** **никому́** **и** **дѣник-ти!** МП.

Примеры с частицей **и** в сочетании с анафорическим наречием **там** в начале второй клаузы:

(32) **Ты** **што́** **тúта**, **иди́** **навѣр'х**, **тáм** **и** **ослобóдны** **кóйки**. ПЯ;

(33) **Тáм** **понра́илсѣ** (в доме престарелых, где когда-то навещала соседку), **а** **тúт** — **ковó** **ни** **ув'озу́т**, **тáм** **и** **пѣми-ра́йут**. ПЯ.

3.6. Частица **да** (усилительная):

(34) (Как вас зовут полностью?) — **Дѣ** **т'от'а** **Зо́йѣ**. ЗФ;

(35) **А** **кто** **лóвим...** **Вот** **уду́чк' (?)** **у нас** **черѣз** **два** **до́мѣ**, **он** **фс'о** **врѣм'а** **лó-вит**. **Дѣ** **мно́гѣ** **тут** **сид'áт** **лóв'ут**. ЕМ;

(36) **А** **ба́ушкѣ** **Мо́тра**, **и** **сеч'áс** **фс'о** **пóмн'у**, **ишо** **вот** **ы́йó**, **то́лстѣйѣ** **та-ка́йѣ**, **пѣдошлá:** «**Дѣ** **ни** **таска́йти**, **нич'е-во́** **не** **бúдит**, **ни** **вытáскыѣйти** **вопи́ѣ** **нич'еó!**» НИ.

Частица **да** в составе оборотов **чего тут(а)**, **чего там(а)** 'что тут скажешь':

(37) **Прид'от**, **а** **мѣ** **вит'** **сúп-тъ** **ка́к** **по-сво́йму** **варíли**, **жы́тк** **там**. **Ну** **карто́шыч'кѣ** **там**, **ишо** **ч'о́-тъ**, **а** **у** **йи́х** **густо́й** **дѣльйут**. **У(т)** **тут** **у** **ни́х** **ы** **пѣрѣв** **и** **фторо́йе**. **Вот**, **нас** **фс'о:** **дѣ** **вы** **ч'ово́** **тúтѣ**, **тут** **ч'ово́** **вы** **тут** **во́ду-ту** **йедúти?** НИ;

(38) **Дома́-ти** **там** (на Украине) **ма́-зънки**, **дѣ** **ч'ово́** **тáмѣ**, **ой**, **дѣфки!** НИ.

3.7. В говоре Татарова, Ожигова и Нулы отрицательная частица имеет два варианта — **нет** и **не́ту** — во всех контекстах, где она употребляется: как сказуемое в безличном предложении (например: **Йево́** **не́т/не́ту** **до́ма**) и как «чистое» отрицание (**Он** **до́ма?** — **Не́т/не́ту**). Несколько примеров показывают варьирование **нет** и **не́ту** в контекстах второго типа.

(39) (А муку не кладут, только крахмал?) — **Нет**, **нет**, **то́к** **крахмáл**. ЕМ;

(40) **Не́ту-не́ту-не́ту-не́ту**, **дефч'онки**, **у** **вас** **су́хѣ** **до́ма!** (Отказ от конфет в по-

дарок с объяснением, что приедем самими нечего есть) ЕМ;

(41) «У мен'а вот ёдък ч'ово месті, у мен'а хърошб». — «**Нѣту, нѣту, давай пѣдмет'ом**». ПЯ;

(42) Тѣжъ фс'о звѣнит, и фч'арá: «Мá, ты ч'о, ай болѣйеш?» Йá гъвор'у: «**Нѣт, снохá-тѣ, нѣты**». ПЯ;

(43) И вот ѳсин' пѣдошлá, уш хѳлд-нѣ, а бумáги-ти у иѣй фсе зготѳвлены, у етѣй у бáушки-те, ф пристарѣл'ѣт дѳм. И вот она мен'а фс'о: «Пашѳнка, бумáги-те пѣстарѣйт, ни воз'мѣт' мен'а ф пристарѣлый дѳм. Йá гъвор'у: «**Нѣту, колі картѳшку вѣрым**». ПЯ;

(44) (А где родители жили, никакого названия не было?) — **Нѣту, нѣту, нѣту, нет**. А родітил' онѣ жѣли вот, мáт'-тѣ жѣлá вон дѳм ы сеч'ас стоіт, упорѳжнилса, а отѣц'-тѣ вот на нáшым пор'áтки жѣл тѳж тут вот р'áдам... с... дѳма-тѣ. НИ.

А. В. Мальшѣва, А. В. Тер-Аванесова

Диалектная лексика в селе Молотицы

В селе Молотицы, которое впервые было обследовано для ДАРЯ в 1946 г., был собран материал по лексической Программе, что позволило проанализировать изменения в лексическом составе, сравнить то, что было 70 лет тому назад, с тем, что представлено в современном говоре. У информантов старшего и среднего поколения хорошо сохраняется пласт традиционной лексики, связанной с бытовой и хозяйственной сторонами жизни, хотя отдельные слова уже вытеснены литературными, а другие утрачены вместе с реалиями.

Муромские говоры относятся к центральной диалектной зоне. Черты, характерные для этой зоны в области фонетики и морфологии, приведены в [За-

харова, Орлова 1970], а лексические изоглоссы описаны в [Букринская, Кармакова 2014]. Муромские говоры по многим своим признакам близки к московским, которые легли в основу ЛЯ. Этим и объясняется совпадение части лексики в них и в ЛЯ. В говоре Молотиц отмечены важные лексические признаки, диагностирующие центральную диалектную зону, а именно: композит *дугá-рáдуга*; *елѳха*; *западнѣя*; *крінка*; названия ягод с суффиксом *-ига*: *земляніга*, *костяніга*, *черніга*, *клубніга*.

Приведем материал, собранный по Программе.

Жилище

и приусадебное пространство

Дом, *избá* 'крестьянский дом';

Западнѣя 'крышка подпола';

Зѣбка 'люлька, сделанная из дощечек', висела на пружине, которая крепилась на крюк в потолке;

Клеть 'рубленая из бревен холодная комната в сенях';

Кѳник 'лавка в избе';

Подвѳрье 'место, на котором находится дом с хозяйственными постройками';

Пѳдпол 'пространство под полом, подвал';

Полáти 'деревянный настил под потолком, на котором спали';

Посáд 'улица';

Сѣни 'помещение между жилой частью дома и крыльцом'. Употребляется редко, чаще *коридѳр*; в материалах 1946 г. приведены только слова *сени* и *мост*;

Угорѳд 'место рядом с домом, где сажают овощи';

Усáдѣба 'место, где сажают картошку' (может находиться в отдалении от дома);

Чердáк 'пространство между крышей и потолком'. В 1946 г. отмечено *пѳдволока*;

Чулáн ‘отгороженное место в избе, где готовят еду’.

Место для содержания скота

Двор ‘помещение, пристроенное к дому, где стоит скотина’;

Доцáник ‘место в хлеву, где держали мелкий скот, поросят’;

Клев, клевы́ ‘отгороженное место внутри двора, предназначенное для коровы’;

Мошáник, омшéник ‘место в хлеву, где держали мелкий скот, поросят’;

Сушúло ‘место на дворе для сушки сена’;

Тýрло ‘огороженное дальнее пастбище, загон для выгула коров’.

Хозяйственные постройки

Амбáр, онбáр ‘постройка для хранения зерна’, как правило, представляет собой небольшой рубленый домик, который стоит на краю усадьбы. Не сохранились названия построек для сушки снопов *овiн, рiга, сéльница*, отмеченные в 1946 г.;

Гумнó ‘место с навесом, где раньше молотили’;

Палáтка ‘небольшой каменный домик для сохранения ценного имущества на случай пожара’, иногда в нем живут.

Различные виды изгороди

Плетéнь ‘изгородь, плетеная из прутьев’;

Пряслы́ ‘загородка из жердей’;

Тын ‘забор из дощечек или, реже, из бревен’.

Домашняя утварь

Валёк ‘орудие для выколачивания белья’. *Матеря́ наши валькáми колотúли*;

Горшóк ‘многофункциональная посуда из глины с широким горлом’;

Жбан ‘большой сосуд для кваса’;

Квашнjá ‘деревянная посуда для растворения теста’;

Коромýсл, коромýсел ‘деревянное приспособление для переноски ведер с водой’;

Крiнка ‘посуда из глины для молока с узким горлом’;

Сковорóдник ‘ручка у сковороды’;

Ухвáт ‘приспособление для выемки горшков из печи’;

Чугун, чьгуны́, чугунок ‘металлический сосуд для приготовления пищи’.

Сельскохозяйственная лексика

Дёргать лён ‘убирать лен’;

Жнивё ‘поле после того, как с него убрали урожай’, в данной местности рожь, пшеницу или просо;

Жнитвó ‘жатва’;

Картóшка ‘картофель’;

Конóпь ‘конопля’;

Косá ‘название орудия для косьбы’, *окóсье, окóсево* ‘длинная ручка у косы’, *напáлок, пáлец* ‘небольшая ручка на окосье’; *лэзвие* ‘режущая часть косы’, имеет *пýтку* и *нос*;

Кресты́ ‘малая укладка снопов в поле’;

Моркóшка, моркóвь ‘морковь’;

Óзимь ‘всходы зерновых, посеянные осенью’, ср. также: *Сеяли озимую пше́ницу*;

Омёт ‘большая укладка снопов’;

Пахáть, па́шут ‘обрабатывать землю под посев с помощью орудий’;

Плеть ‘ботва картофеля’;

Скирдá, ски́рды ‘большая укладка соломы’;

Трепáть лён ‘обрабатывать лен’;

Цеп, цепы́, цаны́ ‘орудие для ручной молотбы’. Названия деревянных частей цепа не помнят, в 1946 г. были приведены: *каду́шка* ‘ручка’, *цепёц, бiло* ‘название бьющей части’.

Названия лиц по профессии

Ведёрник ‘бондарь’;

Колóдзник ‘человек, который роет колодцы’;

Пещник ‘печник’;

Пчёлник ‘человек, разводящий пчел’;
Тюрёмщик ‘человек, который работает в тюрьме или отсидевший в тюрьме’.

Животные

Бугáй ‘нехолощенный бык’, диалектное толкование — *бычóк с яйцами*;

Насédка ‘курица, которая сидит на яйцах, а потом водит цыплят’;

Объягнítься, объягнiлась ‘об овце и козе, родившей детеныша’.

Пыря́ть ‘бодаться’, *пыря́чка* ‘бодливая корова’;

Ря́сеная ‘пестрая’ (корова), *Ря́жка* — кличка коровы;

Названия зверей совпадают с названиями в ЛЯ.

Насекомые

Жигáлка, жигáлки ‘муха’;

Пау́т ‘овод’;

Слепы́ш ‘слепень’.

Лексика природы

Вёдро ‘хорошая погода’;

Боло́то — как в ЛЯ;

Ело́ха ‘ольха’;

Земляни́га, черни́га, клубни́га — названия ягод;

Овраг — как в ЛЯ;

Радуга-дуга, дуга-радуга ‘радуга’;

Яла́нь, ела́нь ‘поляна’.

Еда

Ка́ша ‘еда из крупы’. Три сорта каши — из пшеницы, гречки, риса — обязательный атрибут поминального обеда;

Кисе́ль ‘студенистая еда’, которую варят из овсяной муки или из крахмала с ягодами, режут ножом, обязательно подают в конце поминального обеда;

Коку́рки ‘пирожки (пресные)’;

Кула́га ‘каша из ржаной муки’;

Лапи́енник ‘густая лапша, похожая на кашу’. Это кушанье можно резать — *лапи́енные куски*;

Лепёшка ‘печеное блюдо из раскатанного пресного теста’;

Разва́живать хлеб ‘разводить закуску и замешивать тесто’;

Сво́йский хлеб ‘хлеб домашней выпечки’;

Селя́нка, соля́нка ‘тушеная кислая капуста с мясом’;

Солоду́шки ‘пирожки с добавлением свеклы’.

Одежда

Ва́режки ‘вязаные рукавицы’;

Голи́цы ‘матерчатые рукавицы’;

За́пон ‘фартук’. *Мамка, бабушка так называли, сейчас фартук*;

Пальто́ зiмнее ‘теплое пальто, зимнее’, *пальто́ ма́йско* ‘демисезонное пальто’;

Пово́йник ‘головной убор’. *Давно не носим, повойник носила бабушка*;

Поряди́ть ‘наряжать’. *Папа любил поряди́ть*;

Разбира́ться ‘раздеваться’. Слово отмечено в 1946 г., сейчас не употребляется, но некоторым информантам знакомо;

Сря́да ‘одежда’;

Ткани́на ‘одежда из домотканого полотна’, *тканину носили*.

Наречия

Восе́й, восе́йка ‘недавно’;

Гужо́й ‘вместе’. *Все́й гужо́й и́дём*;

Да́веча ‘недавно’;

За́того ‘заранее’;

Когды́, ковды́ ‘когда’;

Ле́тось ‘в прошлом году’;

Неко́ли ‘некогда’;

Отку́ль, отту́ль ‘откуда’, ‘оттуда’;

Студено́ ‘холодно’.

Лексика обрядов и обычаев

Ба́ушка, колду́нья — ‘женщина, которая могла навести порчу на людей и скот или снять ее’. *Колду́нья козу́ глупой сделала* — *из хлева́ рвётся*.

Вешать занавески — свадебный обычай привозить от невесты и развешивать в доме жениха занавески. Обычно это делали подружки невесты, и их было принято угощать. Этот обычай сохранился до сих пор.

Выносить душеньку — часть поминального обряда, по которому на 40-й день было принято прощаться с душой умершего. Родственники и близкие собирались в доме, обедали, молились, после этого низко кланялись, просили прощения у покойника, со свечами выходили на улицу проводить душу.

Выпить за молодых — свадебный обычай на второй день ходить по деревне с чайником самогона, предлагая всем встречным выпить за счастье молодых (причем отказываться было не принято).

Егорий, Ягорий — день памяти св. Георгия Победоносца (6 мая и 9 декабря по новому стилю), считается в деревнях Муромского района «злым» праздником, в который категорически запрещалось работать. *В Ягорий не делайте ничего. Они [соседи] делали баню — у них сын глаз выколол, [другие] поехали на покос — целый сапог крови. Лучшие на Пасху работать, чем на Ягория.*

Килá ‘опухоль’. *Колдуньи килы на коз вешали, коза стала вяла и понура и погасла* (сдохла).

Колдовство — наведение порчи на людей и скот.

Коровод ‘танец’; метафорическое употребление: *краводами грибы растут — кругами.*

Круг ‘гуляния молодежи на улице’.

Милостыня — обычай подавать еду нищим или прохожим, чтобы те поминили покойных.

Наговаривать воду (на воду) — читать над водой молитвенный заговор, чтобы снять порчу.

Песнячить, запеснячивать ‘петь песни’.

Плакать голосом ‘голосить по покойнику’.

Помочь ‘коллективная помощь в работе’. *Вместе избы мыли, дрова заго-*

товляли, картошку сажали. После помочи обед.

Посиделки ‘вечерние собрания девушек, на которых работали, преимущественно вязали’. С этой целью снимали избу; с приходом парней работа прекращалась и начиналось гулянье.

Торговать приданым — свадебный обычай, по которому жених выкупал приданое, привезенное девушками — подружками невесты.

Уповод ‘часть рабочего дня до перерыва’.

Отдельные интересные слова, отмеченные в говоре

Берёмя ‘ноша’. *Спины-ти изломаны берёмем.*

Брёкать, брёковать ‘брезговать’.

Досажать ‘грубить’. *Дети досажают.*

Жестокый ‘тяжелый’. *Жизнь наша была жестокая, наверно, хуже, чем в тюрьме.*

Зелёный глаз ‘нарыв’. *На выми зелёный глаз.*

Казать ‘показывать’. *Кино кажут нагло* (непристойное).

Лютóй ‘увлеченный’. *Внук лютóй в спортивном деле.*

Наказать ‘сказать’.

Погаснуть, сгаснуть ‘умереть, чаще о животном’. *Коза погасла. Согревались, чтоб не сгаснуть.*

Подрóсток ‘люди близкого возраста, поколение’.

Чрёво ‘живот’.

В заключение приведем частушку, которая обыгрывает особенности местного произношения:

Мой милёночек на О —

Поговорочка на О.

Он на О и я на О,

Наверно, буду я ево.

А за эту поговорочку

Любить буду ево.

И. А. Букринская, О. Е. Кармакова

Информанты

Прасковья Яковлевна, 1921 г. р., 2 кл., Ожигово — ПЯ.

Елена Михайловна Баранова, 1925 г. р., среднее специальное образование, бывшая учительница начальных классов, Татарово — ЕМ;

Нина Ивановна Игонина, 1926 г. р., 6 кл., Татарово — НИ;

Зоя Фёдоровна Киселёва, 1928 г. р., 6 классов и бухгалтерские курсы, Татарово — ЗФ;

Мария Петровна Иванова, 1932 г. р., 3 кл., Нула — МП;

Зинаида Ильинична Широкова, 1936 г. р., 7 кл., Нула — ЗИ;

Владимир Степанович 1939 г. р., 7 кл., Нула — ВС;

Любовь Сергеевна Холодова, 1955 г. р., высшее образование, учитель, Татарово — ЛС.

Ирина Ильинична Евдокимова-Сергеева (Ориша), 1912 г. р., в школе не училась, грамотная, Пустоша — Пуст. О;

Клавдия Васильевна Швецова, 1922 г. р., 8 классов, Пустоша — Пуст. КВ;

Клавдия Григорьевна Бобкова, 1932 г. р., 5 классов, Пустоша — Пуст. КГ;

Елена Григорьевна Жёлтикова, 1937 г. р., 10 классов, Пустоша — Пуст. ЕГ;

Александра Васильевна Лазарева, 1938 г., 10 классов, Пустоша — Пуст. АВ.

Литература

Апресян, Пекелис 2012 — В. Ю. Апресян, О. Е. Пекелис. Сочинительные союзы // Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики (<http://rusgram.ru>). На правах рукописи. М., 2012.

Боброва 2013 — М. В. Боброва. Сочетания типа *ли чё ли* в русской и *ли мый ли* в коми-пермяцкой диалектной речи пермского края // Вестник Пермского университета. 2013. Вып. 3 (23). С. 40—47.

Брок 1907 — О. Брок. Описание одного говора из юго-западной части Тотемского

уезда (Сборник ОРЯС, т. 83, № 4) СПб., 1907. С. 1—149.

Букринская, Кармакова 2014 — И. А. Букринская, О. Е. Кармакова. Русские говоры центра: из истории изучения // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. Вып. III. Диалектология. М., 2014. С. 258—272.

Высотский 1977 — С. С. Высотский. Звук речи в контексте // Диалектологические исследования по русскому языку. М., 1977. С. 24—38.

Гецова 1997 — О. Г. Гецова. Диалектные различия русских архангельских говоров и их лингвогеографическая характеристика // Вопросы русского языкознания. Вып. VII. Русские диалекты: история и современность. М., 1997. С. 138—197.

Грамматика 1980 — Н. Ю. Шведова. (ред.). Русская грамматика. Т. 2. М., 1980.

ДАРЯ I — Диалектологический атлас русского языка. Центр Европейской части России. Вып. I. Фонетика. М., 1986.

Диалектные различия — С. В. Бромлей и др. Диалектные различия русского языка. Морфология. М., 1998.

Добрушина 2013 — Н. Р. Добрушина. Императив // Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики (<http://rusgram.ru>). На правах рукописи. М., 2013.

Захарова 1981 — К. Ф. Захарова. К вопросу о ёканье // Диалектологические исследования по русскому языку. М., 1977. С. 30—44.

Захарова, Орлова 1970 — К. Ф. Захарова, В. Т. Орлова. Диалектное членение русского языка. М., 1970.

Касаткин 2012 — Л. Л. Касаткин (ред.). Русская диалектология. М., 2012.

Мальшева 2013 — С. В. Дьяченко, И. И. Исаев, А. В. Мальшева. Экспедиция в село Татарово Муромского района Владимирской области // Отчеты о диалектологических экспедициях Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН в 2012 г. (описание грамматики выполнено А. В. Мальшевой) // Русский язык в научном освещении. 2013. №1 (25). С. 275—284.

Образование — К. Ф. Захарова, В. Г. Орлова, А. И. Сологуб, Т. Ю. Стrogанова. Образование севернорусского наречия и среднерусских говоров. М., 1970.

ОСА — В. А. Дыбо, Г. И. Замятина, С. Л. Николаев. Основы славянской акцентологии. Словарь. Непроизводные основы мужского рода. М., 1993.

Плунгян 2001 — В. А. Плунгян. Антирезультатив: до и после результата // Исследования по теории грамматики. Вып. 1: Глагольные категории. М., 2001. С. 50—88.

Пожарицкая 2002 — С. К. Пожарицкая. Северные говоры за чертой ДАРЯ. К вопросу о диалектном членении русского языка // Исследования по славянской диалектологии. Вып. 8. Восточнославянская диалектология, лингвогеография и славянский контекст. М., 2002. С. 59—68.

Пожарицкая 2005 — С. К. Пожарицкая. Русская диалектология. М., 2005.

Санников 1989 — В. З. Санников. Русские сочинительные конструкции. Семантика. Прагматика. Синтаксис. М. 1989.

Тер-Аванесова 2001 — А. В. Тер-Аванесова. Материалы по акцентуации говора деревни Пустоша (существительные мужского рода) // Русский язык в научном освещении. 2001. № 2 (26). С. 150—167.

Тер-Аванесова 2013 — А. В. Тер-Аванесова. Производные формы глагольной парадигмы и некоторые отглагольные частицы в одном среднерусском говоре // Исследования по славянской диалектологии. Вып. 16. Грамматика славянских диалектов. Механизмы эволюции, утраты и инновации, историко-типологические явления. М., 2013. С. 211—299.

References

Apresyan, Pekelis 2012 — V. Yu. Apresyan, O. E. Pekelis. Sochinitel'nye soyuzy // Materialy dlya proekta korpusnogo opisaniya russkoy grammatiki (<http://rusgram.ru>). Na pravakh rukopisi. Moskva, 2012.

Bobrova 2013 — M. V. Bobrova. Sochetaniya tipa *li che li* v russkoy i *li myy li* v komi-

permyackoy dialektnoy rechi permskogo kraya // Vestnik Permskogo universiteta. 2013. Vyp. 3 (23). S. 40—47.

Brok 1907 — O. Brok. Opisanie odnogo govora iz yugo-zapadnoy chasti Totemskogo uezda (Sbornik ORYaS. T. 83. № 4) St.-Peterburg, 1907. S. 1—149.

Bukrinskaya, Karmakova 2014 — I. A. Bukrinskaya, O. E. Karmakova. Russkie govory centra: iz istorii izucheniya // Trudy Instituta russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova. Vyp. III. Dialektologiya. Moskva, 2014. S. 258—272.

DARYa I — Dialektologicheskiy atlas russkogo yazyka. Centr Evropeyskoy chasti Rossii. Vyp. I. Fonetika. Moskva, 1986.

Dialektnye razlichiya — S. V. Bromley i dr. Dialektnye razlichiya russkogo yazyka. Morfologiya. Moskva, 1998.

Dobrushina 2013 — N. R. Dobrushina. Imperativ. // Materialy dlya proekta korpusnogo opisaniya russkoy grammatiki (<http://rusgram.ru>). Na pravakh rukopisi. Moskva, 2013.

Gecova 1997 — O. G. Gecova. Dialektnye razlichiya russkikh arkhangel'skikh govorov i ikh lingvogeograficheskaya kharakteristika // Voprosy russkogo yazykoznanija. Vyp. VII. Russkie dialekty: istoriya i sovremennost'. Moskva, 1997. S. 138—197.

Grammatika 1980 — N. Yu. Shvedova (red.). Russkaya grammatika. T. 2. Moskva, 1980.

Kasatkin 2012 — L. L. Kasatkin (red.). Russkaya dialektologiya. Moskva, 2012.

Malysheva 2013 — S. V. D'yachenko, I. I. Isaev, A. V. Malysheva. Ekspeditsiya v selo Tatarovo Muromskogo rayona Vladimirskoy oblasti // Otchety o dialektologicheskikh ekspeditsiyakh Instituta russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova RAN v 2012 g. (opisanie grammatiki vypolneno A. V. Malyshevoy) // Russkiy yazyk v nauchnom osveshchenii. 2013. № 1 (25). S. 275—284.

Образование — К. Ф. Захарова, В. Г. Орлова, А. И. Сологуб, Т. Ю. Стrogанова. Образование севернорусского наречия и среднерусских говоров. Москва, 1970.

ОСА — В. А. Дыбо, Г. И. Замятина, С. Л. Николаев. Основы славянской акцентологии. Словарь. Непроизводные основы мужского рода. Москва, 1993.

Plungyan 2001 — V. A. Plungyan. Antirezul'tativ: do i posle rezul'tata // Issledovaniya po teorii grammatiki. Vyp. 1: Glagol'nye kategorii. Moskva, 2001. S. 50—88.

Pozharickaya 2002 — S. K. Pozharickaya. Severnye govory za chertoy DARYa. K voprosu o dialektnom chlenenii russkogo yazyka // Issledovaniya po slavyanskoy dialektologii. Vyp. 8. Vostochnoslavjanskaya dialektologiya, lingvogeografiya i slavyanskiy kontekst. Moskva, 2002. S. 59—68.

Pozharickaya 2005 — S. K. Pozharickaya. Russkaya dialektologiya. Moskva, 2005.

Sannikov 1989 — V. Z. Sannikov. Russkie sochinitel'nye konstrukcii. Semantika. Pragmatika. Sintaksis. Moskva, 1989.

Ter-Avanesova 2001 — A. V. Ter-Avanesova. Materialy po akcentuacii govora derevni Pustosha (sushchestvitel'nye muzhskogo roda) // Russkiy yazyk v nauchnom osveshchenii. 2001. № 2 (26). S. 150—167.

Ter-Avanesova 2013 — A. V. Ter-Avanesova. Proizvodnye formy glagol'noy paradigmy i nekotorye otglagol'nye chasticy v odnom srednerusskom govore // Issledovaniya po slavyanskoy dialektologii. Vyp. 16. Grammatika slavyanskikh dialektov. Mekhanizmy evolyucii, utraty i innovacii, istoriko-tipologicheskie yavleniya. Moskva, 2013. S. 211—299.

Vysockiy 1977 — Vysockiy S. S. Zvuk rechi v kontekste // Dialektologicheskie issledovaniya po russkomu yazyku. Moskva, 1977. S. 24—38.

Zakharova 1981 — K. F. Zakharova. K voprosu o ekan'ye // Dialektologicheskie issledovaniya po russkomu yazyku. Moskva, 1977. S. 30—44.

Zakharova, Orlova 1970 — K. F. Zakharova, V. T. Orlova. Dialektnoe chlenenie russkogo yazyka. Moskva, 1970.

Отчеты получены 13.06.2015
Received on 13.06.2015

РЕЦЕНЗИИ

**Новые слова и значения. Словарь-справочник
по материалам прессы и литературы 90-х годов XX века:**
в 3 т. / Под ред. Т. Н. Буцевой, Е. А. Левашова; Институт лингвистических
исследований РАН. — СПб.: ДМИТРИЙ БУЛАНИН, 2014. Т. II, III.

Рецензируемое издание (далее Словарь) продолжает серию словарей, выходивших начиная с 70-х годов XX в., по одному на каждое десятилетие [Новые слова 1971, 1984, 1996].

Концепция словарей неологизмов была разработана в 60-е гг. XX в. Н. З. Котеловой. В основу концепции положено представление о трёх стадиях в жизни нового слова: «первое появление неологизма в речи (в печатных текстах), которое может быть (и очень часто) и последним; его неоднократное повторение в рамках некоего небольшого — условно десятилетнего — контрольного отрезка времени; его документированное бытование в языке двух смежных человеческих поколений — его полная социализация» [Левашов 1996]. Эти три стадии в жизни неологизма фиксируются словарями трёх типов: словарями-ежегодниками «Новое в русской лексике. Словарные материалы», выходившими в 1977—1995 гг.; словарями-«десятилетниками»; итоговыми словарями новых слов, охватывающими три десятилетия.

Рецензируемый Словарь относится к словарям-«десятилетникам». Впервые словарь, фиксирующий неологизмы одного конкретного десятилетия — 90-х гг. XX в., — представлен в виде объёмного трёхтомника, а не одной книги, как это было с его предшественниками. Изменение формата объясняется, безусловно, объективными причинами: именно в девяностые в русском языке наблюдался так называемый неологический бум,

вызванный коренными переменами в жизни страны, начиная с государственного строя и кончая сферами быта и развлечений. «Удельный вес» новой лексики в печатных текстах 90-х гг. оказался намного больше, чем в текстах трёх предыдущих десятилетий. Этот факт сам по себе уже имеет значение для объяснения особенностей развития современного русского языка новейшего периода — периода языковой нестабильности. Всего в трёхтомнике содержится около 10500 новых слов. Первый том (А—К), вышедший в 2009 году, включает около 4250 словарных статей. Второй том (*Клиент-банк—Паркетный*) — более 2800 словарных статей; третий том (*Паркомат—Я*) — более 3700.

В новом «десятилетнике» отражены неологизмы, которые с разной степенью устойчивости воспроизводились в письменной речи в течение 90-х гг. XX в., например: *контрперестройка*, *ларёчник*, *мейнстрим*, *мыло* (о сериале), *нарколобби*, *огайдаренный*, *политтусовщик*, *расколлективизация*, *ЦБ*, *экотуризм*, *явлинцы* и др. Некоторые зафиксированные Словарём неологизмы представляют собой окказиональные образования — так называемые «авторские слова» (*кинобондиана*, *идиотизация*, *бизнесмент*, *горбистройка*). Авторы Словаря сочли возможным включить их в состав «десятилетника» на том основании, что они употреблялись в текстах 90-х гг. больше одного раза, т. е. оторвались от породивших их контекстов и воспроизводились в других.

Источниками Словаря послужили более 500 печатных изданий массового чтения. Впервые составители словаря для уточнения информации о неологизме использовали электронно-поисковую систему «Интегрум» (см. [Integrum]). В базах «Интегрума» хранится приблизительно 350 млн документов, связанных с Россией. С помощью «Интегрума» уточнялись данные о первом употреблении нового слова в письменной речи, что подтверждало степень его новизны и влияло на формирование словника.

В Словаре даётся толкование значения неологизма, этимологические сведения о нём и текстовые иллюстрации его употребления. Ценным представляется то, что в трёхтомнике достаточно полно отражена вариантность слов. Поскольку неологический словарь не является словарём нормативным, он не кодифицирует варианты, а лишь фиксирует их. Но полная, исчерпывающая информация о «жизни» нового слова очень важна как для понимания самого процесса варьирования, так и для наблюдения за действием нормы — особого «механизма» языка, отвечающего за выбор вариантов.

В словаре широко представлены варианты различных типов. Например, такие пары и ряды, как *суши* — *суси*; *экстази* — *экстези*; *перформанс* — *перформенс* — *перфоманс* — *перфоменс*, представляют собой фонетические варианты, различия которых проявляются и в устной, и в письменной речи (такие варианты имеют неодинаковый фонемный состав). Множество неологизмов, в особенности иноязычного происхождения, имели (к моменту их словарной фиксации) неустойчивое написание, т. е. употреблялись в речи (а некоторые употребляются до сих пор) в разных орфографических вариантах, см.: *маркет-мейкер* — *маркет-мэйкер*; *нон-фикшн* — *нонфикшн* — *нон фикшн*. Различия орфографических вариантов проявляются только в письменной речи, как и разли-

чия вариантов графических. К графическим вариантам относятся варианты слова, переданные средствами разных алфавитов. Так, в словарь включены разные написания заимствованной аббревиатуры *PR* (*PR*, *ПИ-АР*, *ПИАР*, *пиар*, *ПиАр*). Представлены и варианты слова, различающиеся ударением: *коллѐдж* — *кóллѐдж*.

Все перечисленные выше случаи вариантности фиксируются в словарной статье уже в самой подаче заголовочного слова, например *кóллѐдж*. Другой тип варьирования (в категориях рода, числа и т. д., а также по признаку изменности/неизменяемости) отражен в последующей грамматической характеристике заголовочного слова. Варианты такого типа — грамматические — зафиксированы составителями словаря у некоторых иноязычных существительных. Вот несколько примеров: *лáсси* ‘индийский традиционный йогурт с фруктами’ м. и ср. р.; *лáттѐ* (кофейный напиток) м. и ср. р.; *лoгo* (логотип) м. и ср. р., и др. К сожалению, не всегда факты подобного варьирования отражены в текстовых иллюстрациях, вследствие чего возникает закономерный вопрос, на основании каких наблюдений авторы Словаря делают вывод о родовом варьировании слова. Так, например, если во всех иллюстрациях несклоняемое неодушевлённое существительное и согласованное определение при нём стоят в форме косвенного падежа (например: *в командном кумитѐ* — *кумитѐ* ‘разновидность карате’), определить род — мужской или средний — нельзя; следовательно, в таком случае некорректно говорить ни о варьировании рода нового слова, ни о его отнесённости к какому-либо одному грамматическому роду (мужскому или среднему). Заметим, что в последние десятилетия в сфере несклоняемых нарицательных неодушевлённых субстантивов варьирование по роду становится нормой, о чём мы неоднократно писали (см., например: [Ма-

ринова 2012]), поэтому важно, чтобы в будущем для подтверждения родового значения того или иного слова и/или факта его грамматического варьирования отбирались более информативные с этой точки зрения текстовые иллюстрации.

Богатый пласт материала, включенного в Словарь, составляют устойчивые сочетания разной степени фразеологичности: *нежная революция; тонкий мир; государственный ракет; кастрюльная конверсия* (о переводе предприятий оборонной промышленности на производство гражданской продукции); *холодная индейка* (метод лечения наркомании); *чикагские мальчики* (о молодых учёных в области экономики, прошедших обучение в США); *независимая музыка* и др.

Неологизмы 90-х гг., отражённые в Словаре, разнообразны по способам появления в русском языке. Значительное место в неологической лексике занимают заимствования (*компьютер, кроссовер, логин, слайсер, ритейл, роуминг, сиквел*) и кальки: *продовольственная корзина* (от англ. food basket), *кленовый лист* (о транспортной развязке; от англ. maple leafs), *класть яйца в разные корзины* (от англ. put eggs in different baskets). Составители словаря сочли необходимым отразить и такой тип заимствованной лексики, как слова-экзотизмы. Вот некоторые из них: *Леголенд* (парк развлечений в Европе и США), *моды* (представители молодёжного движения в Англии) и др.

Включены в Словарь и так называемые внутренние заимствования. Это находящиеся за пределами литературного языка лексические единицы, которые, несмотря на своё «низкое» происхождение, часто употребляются в СМИ в качестве экспрессивного средства, как, например, сленгизмы *сюр, круто* и его дериваты, жаргонизмы *мочилово, торчок* (наркоман), арготизмы *крыша, лох* и их производные (*крышевание, крышевой, крышевые, крышующие; ло-*

хануться, лоховский и т. п.) и др. Включение в состав Словаря таких слов свидетельствует о сильной волне вульгаризации, захватившей русскую речь в период гласности и свободы слова.

Однако, как показывают материалы Словаря, основной источник неологизмов всё-таки не заимствование, а создание новых слов за счёт внутренних ресурсов литературного языка. Большой пласт неологической лексики — словообразовательные неологизмы. Именно этот пласт демонстрирует активизацию словообразовательного механизма русского языка, а также наиболее востребованные в современной речи способы словопроизводства. Одним из таких способов является префиксация. Самые распространённые префиксы, судя по словнику, — *контр-, недо-, после-, сверх-, супер-, экс-* (*контрреформистский, недовыборы, последефолтовый, сверхльготный, суперуспешно, экс-форвард*). Многочисленны также новообразования, созданные путём аффиксоидации (присоединением аффиксоида). Разнообразен уже сам ряд аффиксоидов (см. *крио-, кросс-, лже-, микро-, мини-, нарко-, секс-, пиар-, теле-, эко-* и др.), а общее количество неологизмов, образованных этим способом, составляет сотни слов.

Относительно новое явление для русского языка, активно проявившее себя в 90-е гг., — образование сочетаний типа *бизнес-букет, пиар-ход*. По материалам Словаря можно сделать вывод о наиболее частотных «первоэлементах» в составе подобных единиц. Это *клиент-, клуб-, маркет-, медиа-* (42 образования), *нано-* (31 образования), *пиар-* (34 образования) и др.

Неоднозначным в ряде случаев оказывается вопрос о происхождении сочетаний типа *бизнес-букет*. Дело в том, что многие из них заимствованы из английского языка, например: *ток-шоу, пиар-агентство, пиар-деятельность, пиар-акция, бизнес-класс, бизнес-ланч, боди-*

арт, видео-арт и др. В то же время не меньшее, по нашим наблюдениям, число подобных образований — результат «местного производства» (*теле-шоу, бизнес-образование, арт-бизнес, шоп-тур, велошорты*). Словарь-«десятилетник» даёт важную для исследователя лингвистическую информацию о происхождении неологизмов. Авторы Словаря последовательно разграничивают заимствованные неологизмы и неологизмы, созданные на русской почве. Такая информация позволяет адекватно оценивать роль каждого из основных источников (заимствования и словообразования) в неологизации русской лексики.

Другую группу неологизмов, широко представленных в Словаре, образуют новые относительные прилагательные. См., к примеру: *клиповый, кока-кольный, логистический, мейнстримный, нон-стопный, ноутбукровский, ньюсмейкерский, овердрафтовый* и др. Относительные прилагательные, образованные на базе иноязычных, безусловно, свидетельствуют о динамичности современного процесса заимствования, сопровождающегося ускоренным освоением иноязычных неологизмов.

Словарь отражает и заметно увеличившуюся по численности группу усечений. Автор (авторитет), *аномал* (о человеке), *антибукер* (антибукерская премия), *астрал, бифиды* (бифидобактерии), *интенсив* (о курсах интенсивного обучения чему-л.), *интера* (интернационалисты), *инфа* (информация), *кавер* (кавер-версия), *калаш* и *калашник* (об автомате Калашникова), *квалифай* (квалификация), *кинофест, комп* (компьютер), *копир* (копировальное устройство), *кóнфа* (конференция), *мак* (Макинтош), *нарк* (наркоман) — вот далеко не полный список усечений. Для сравнения: в предыдущем словаре, отражавшем неологику 80-х гг., усечений было только 10 единиц. Наблюдения над современной русской речью последних

лет (рубеж XX—XXI вв.) показывают, что усечение становится всё более частотным, продуктивным способом словообразования, и материалы Словаря подтверждают этот вывод.

Широко представлены в Словаре дериваты от сложносокращённых слов, аббревиатур: *НДР-овец, КНРовский, МГИМОшный, нео-СССР / неоСССР* и т. п. (по данным Словаря, заметно орфографическое варьирование подобных производных, проявляющееся в наличии/отсутствии дефиса).

Следует отметить и такую особенность рецензируемого лексикографического труда: в ряде случаев словообразовательные неологизмы образованы от основы одного и того же слова, и нередко однокоренные дериваты занимают сразу несколько страниц. Иными словами, перед нами уже не просто единичные образования, а целые гнезда слов. По численности гнезда, очевидно, можно судить о коммуникативной значимости слова, ставшего производящим для большого количества дериватов. В этом отношении значимыми, ключевыми для эпохи 90-х гг. являются, по данным трёхтомника, слова *акция, бизнес, инвестировать, криминальный, компьютер, левые* (полит.), *мафиозный, национальный, нефть* и некоторые другие.

Своеобразными гнездами можно назвать и двучленные образования типа *платье-костюм*. Как известно, в отечественной науке подобные единицы рассматриваются неоднозначно: их относят либо к сложным словам особого типа (сложным составным) — в таком случае это единицы лексики, — либо к сочетаниям имени существительного с приложением, т. е. единицам синтаксиса. В рецензируемом словаре они даются как слова-неологизмы, например: *косметолог-визажист, косметолог-дерматолог, косметолог-массажист; платье-жакет, платье-пиджак, платье-сорочка, платье-труба* и т. п. (всего с опорным сло-

вом *платье* — 40 единиц). Зафиксированы случаи и единичного использования опорного слова в неологизмах такого типа (*космонавт-спасатель*).

На наш взгляд, поскольку степень семантической спаянности компонентов в подобных образованиях может быть разной, что заметно и в приведённых выше примерах (ср. *косметолог-дерматолог* ‘специалист по косметологии и дерматологии’ и *платье-труба* ‘фасон широкого женского платья прямого кроя; платье такого фасона’), поразному можно определять их статус и соответственно возможность включения их в словарь в качестве самостоятельных словарных единиц. Так, например, в «Русском орфографическом словаре» под редакцией В. В. Лопатина отсутствует *врач-хирург*, но зафиксировано *платье-костюм*. Исходя из этих соображений можно порекомендовать авторскому коллективу проводить более строгий отбор среди новых сочетаний «существительное + существительное» и включать в словник только те, семантика которых имеет свойство фразеологичности, или идиоматичности, т. е. свойство слова как единицы лексики. В то же время включение в состав словников неологических словарей всех новых образований анализируемого типа позволяет составить представление о новых явлениях в сфере сочетаемости слов. Таким образом, затронутый нами вопрос можно предложить лексикографам для дальнейшего обсуждения.

Продолжая традицию, заложенную ещё в первых выпусках неологических словарей, «десятилетник» отражает и такой тип неологизмов, как семантические неологизмы, или неосемантемы (они подаются в Словаре под астериском). В названии Словаря этот тип лексических новаций отражён так: «*новые значения*». Приведём несколько примеров: *кран* ‘об источнике финансирования’; *лекало* перен. ‘образец, модель, схема’; *линейка* (*линейка новостей*) и др.

Следует отметить, что составители Словаря старались последовательно зафиксировать не только изменения в семантике «старых» слов, но и развитие семантики слов новых. Так, у англицизма *мейл/мэйл* Словарь отмечает, помимо основного значения ‘электронная почта’, производное значение — ‘сообщение, присылаемое по такой почте; электронное письмо’. Многозначными, по данным Словаря, являются и другие неологизмы (к примеру, пять значений словарь выделяет у слова *микс*), что свидетельствует об ускоренной адаптации нового слова, его активном освоении носителями языка.

В заключение отметим, что Словарь представляет полную картину неологической лексики 90-х гг. Он содержит неологизмы разных частей речи; в нём, к примеру, немало, по сравнению с «предшественниками», неизменяемых прилагательных (*класс лайт, стиль милитари, система мультимедиа*); наречий (*креативно, латентно, лоскутно, матрёшечно, экспертно* и др.). Словарь отражает разные стилевые пласты лексики: наряду с неологизмами книжной окраски (*ликвидный, маргинализированный, нейровизуализация, неототалитаризм*) в него включены и разговорные феномены (*кондитерка, с колёс* ‘без промедления’, *мама* ‘материнская плата’, *быть в непонятках, напруг* и др.).

Словарь, безусловно, вызовет интерес, и не только у неологов, но и у всех, кто любит родную речь и получает удовольствие от наблюдений за изменчивой, как и сама жизнь, жизнью языка.

Л и т е р а т у р а

Левашов 1996 — Е. А. Левашов. Словарь новых слов русского языка // Русская речь. 1996. № 3. С. 110—111.

Маринова 2012 — Е. В. Маринова. Варьирование рода новых иноязычных слов и проблема нормы // Acta linguistica petro-

politana. Труды ИЛИ РАН. Т.VIII. Ч. 3. СПб., 2012. С. 315—324.

Новые слова 1971 — Новые слова и значения. Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 60-х годов / Под ред. Н. З. Котеловой и Ю. С. Сорокина. М., 1971.

Новые слова 1984 — Новые слова и значения. Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 70-х годов / Под ред. Н. З. Котеловой и Ю. С. Сорокина. М., 1984.

Новые слова 1996 — Новые слова и значения. Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 80-х годов. / Под ред. Е. А. Левашова. СПб., 1996.

Integrum 2006 — Integrum: точные методы и гуманитарные науки / Ред.-сост. Г. Никипорец-Танигава. М., 2006.

References

Integrum 2006 — Integrum: tochnye metody i gumanitarnye nauki / Red.-sost. G. Nikiporets-Tanigava. Moskva, 2006.

Levashov 1996 — E. A. Levashov. Slovar' novykh slov russkogo yazyka // Russkaya rech'. 1996. № 3. S. 110—111.

Marinova 2012 — E. V. Marinova. Var'irovanie roda novykh inoyazychnykh slov i problema normy // Acta linguistica petropolitana. Trudy IILi RAN. St.-Peterburg, 2012. T.VIII. Ch. 3. S. 315—324.

Novye slova 1971 — Novye slova i znacheniya. Slovar'-spravochnik po materialam pressy i literatury 60-kh godov / Pod red. N. Z. Kotelovoy i Yu. S. Sorokina. Moskva, 1971.

Novye slova 1984 — Novye slova i znacheniya. Slovar'-spravochnik po materialam pressy i literatury 70-kh godov. / Pod red. N. Z. Kotelovoy i Yu. S. Sorokina. Moskva, 1984.

Novye slova 1996 — Novye slova i znacheniya. Slovar'-spravochnik po materialam pressy i literatury 80-kh godov. Pod red. E. A. Levashova. St.-Peterburg, 1996.

Е. В. Маринова

Рецензия получена 05.06.2015

Received on 05.06.2015

С. М. Федченко. Словарь русских созвучий. Левые и богатые рифмы: около 120 000 словоформ. Минск: Белорусский Дом печати, 2014. — 608 с.

Рецензируемая книга на первый взгляд может показаться новым переизданием известной работы автора [Федченко 1995/2000], однако такое предположение было бы ошибочным. «Словарь русских созвучий», востребованный читателями и доказавший свою полезность, в предисловии к рассматриваемому изданию сам автор — с излишней строгостью — называет результатом «половинной работы» и «полуфабрикатом». Особенность данной книги раскрывает вторая часть названия: «Левые и богатые рифмы». Классификация рифм, вводимая автором словаря, приводится в предисловии (с. 3—5) и не вызывает возражений, хотя и несколько отличается от общепринятой: отличие

«левых» рифм от богатых, как можно понять, основано на утверждении автора о том, что при созвучии предупредительных («левосторонних») слогов «тождественность правосторонних звуков становится необязательной» (с. 3). Такой подход, действительно, позволяет существенно расширить поле исследования и привлечь больший массив языкового материала.

Словарь содержит словоформы, сгруппированные по ударным гласным (девять «базовых» разделов) и далее по ударным слогам (**БА́**, **ВА́**, **ГА́** и т. д.). Раздел, объединяющий словоформы с опорным ударным слогом, структурируется по конкретным слогам, причем отдельно даются конечные и неконеч-

ные слоги (при необходимости — с указанием словоизменительных и словообразовательных вариантов, где позиция ударного слога меняется): *...бáл — бáл, бáлл, вгибáл(ся)* и т. д.; *...бáл...* — *аннибáлова*, (о) *бáле, бáлка* и т. д.; *...бáйт — клубáйт(ся), пробáйт(ый), скорбáйт(е)* и т. д.; *...бáйт...* — *губáйтель(ница), истребáйтель(ный), разбáито(сть)* и т. д. Внутри подразделов словоформы упорядочиваются по алфавиту: *...дáр — дáр, жандáрм, контрудáр, плацдáрм, радáр, скипидáр, стандáрт, удáр, штандáрт*.

Уже сопоставление предисловий к первому изданию и к рецензируемой работе позволяет оценить эту книгу как новый этап в работе С. М. Федченко. Отобранный материал лучше структурирован, что делает работу со словарем удобнее, а выбор в качестве предмета изучения «левых и богатых» рифм совершенно оправдан как теоретическими, так и практическими аспектами использования словаря.

Оправданным представляется и отказ автора от традиционного деления рифм на мужские, женские и дактилические: это не только уменьшает объем словаря, но и делает его материал более обзорным.

Включение в рецензируемую книгу вводных статей к [Федченко 1995] следует назвать одним из ее достоинств. Предисловие, написанное акад. М. Л. Гаспаровым, не только отмечает новаторство работы Федченко и содержит ее высокую оценку, но и представляет собой самоценное исследование — лаконичный очерк истории словарей рифм в сопоставлении с общезыковыми обратными словарями, их значение с точки зрения лингвистики, поэтики, истории литературы, переводоведения и др. За возможность найти эту работу Гаспарова еще в одном издании читатель должен быть благодарен автору-составителю. Предисловие от автора к пер-

вому изданию словаря содержит как подробное изложение методики работы над словарем, ее теоретических предпосылок, так и интересные сведения о языке (отметим раздел, посвященный различию звучащей и графической рифмы, включающий подробное рассуждение о русской орфоэпии), которые могут быть полезны обратившимся к словарю любителям поэзии, не имеющим филологического образования.

Если традиционные словари рифм, создание которых имеет очень давнюю историю, изначально представляли собой собрание реально употребленных рифм и имели чисто практическое назначение, то словарь Федченко, во-первых, предполагает более широкий взгляд на рифму, который позволяет сделать единицей рассмотрения богатые, неточные и даже метатезные (с. 5) рифмы (что, собственно, и отражено в названии книги: не «Словарь рифм», а «Словарь русских созвучий»), а во-вторых, что особенно важно, базируется на лингвистическом подходе к проблеме. Корпус словаря составляют не слова, а словоформы (автор специально останавливается в предисловии на разнударности форм слова как важной особенности русского языка с его подвижным ударением). В словаре с достаточной полнотой представлены формы существующих в русском языке слов, что позволяет судить о потенциальных возможностях создания рифмы, оставляя в стороне вопрос о «поэтичности» того или иного слова и реальное использование рифм в творчестве русских поэтов. Таким образом, «Словарь созвучий», по определению М. Л. Гаспарова (с. 597), предлагает читателю «некоторую норму — “рифмы с общим ударным гласным и по крайней мере одним совпадающим согласным”, — с которой он может сравнивать манеры рифмования любых поэтов прошлого и настоящего».

Хотя многие решения автора можно назвать дискуссионными, в рамках избранный подход они оправданы и эффективны, поэтому вопросы и замечания, возникающие при знакомстве со словарем и при работе с ним, носят преимущественно не принципиальный, а технический характер.

Так, возможно, заслуживает дополнительного обоснования отбор лексем и словоформ (с вариантами) для словаря. Например, раздел ...**сад** состоит всего из шести лексем: *зоосад, палисад, посад, сад, самосад, фасад* (ср. в [Зализняк 2003]: *сад, насад, фасад, подсад, палисад, самосад, зоосад, посад, глисад, детсад, усад*).

Однако, во-первых, словарь не претендует на абсолютную полноту (это сделало бы его излишне громоздким и неудобным в использовании), а во-вторых, разработанный принцип позволяет читателю при необходимости расширять представленный материал по аналогии.

Технические замечания касаются, прежде всего, расположения частей книги. Безусловно, можно понять помещение оглавления после предисловия, где объясняются принципы строения словаря, однако оглавление, дающееся на с. 7—14, несколько теряется. Его было бы естественнее расположить — традиционно для русского книгоиздания — в конце книги. Кроме того, включив предисловия М. Л. Гаспарова и автора из [Федченко 1995], очень странно не отразить их в оглавлении, скрывая оба под безликим заголовком «Вводные статьи к первой книге “Словарь русских созвучий” (Москва, 1995 г.)».

Несерьезно выглядит список сокращений, состоящий из двух единиц: (пр. р.) — «профессиональная речь»; (спец.) — «специальный термин». Во-первых, в корпусе словаря встречаются и другие, настолько же неочевидные сокращения: так, (гл.) — не «глагол», а

«гласный». Во-вторых, при подаче помет в скобках их трудно увидеть среди вариантов словоформ. В-третьих, сама постановка этих помет может вызывать вопросы, ср.: *дробница* (спец.), *астроном* (пр. р.), *штурманов* (пр. р.). Варианты типа *штурманов, анкеров, швеллеров, шиберов, шоферов, итекеров, юпитеров* действительно отсылают к профессиональным жаргонам (удивляет в таком случае отсутствие формы *офицеров*), что предполагает помету типа «проф.». Однако в приведенном ряду не менее половины слов можно отнести и к специальным терминам, причем уместность большинства этих лексем в рецензируемом словаре также не вполне очевидна.

Лексему *дробница* ‘(охот.). Мешочек или коробка для ружейной дроби’ [Ушаков] и производительный вариант *астроном* логичнее было бы сопроводить пометой «устар.», что вызывает к жизни очень серьезный вопрос: насколько полно «Словарь созвучий» отражает обусловленную стилем вариативность и историческую изменчивость ударений, и в какой степени автор ставил перед собой такую цель. Как представляется, словарь С. М. Федченко строится на материале **современного** языка и в таком аспекте безусловно ценен. Автор не оговаривает включения диахронического материала, хотя изменения в языке поэзии трех веков, и прежде всего, в области рифмы, были весьма значительны. В таком случае добавление исторического аспекта можно было бы рассматривать в качестве одной из перспектив исследования. На данном этапе некоторый разнобой в подаче акцентологических и орфоэпических вариантов не является серьезным недостатком, но немного мешает при работе со словарем.

Так, при расположении слова *астроном* (с нормативным ударением) в разделе ...**ном**, появление формы *аст-*

*р*о́ном в разделе ...*р*о́н... кажется излишним. Ср.: *револьве́р* приводится в разделе ...*в*ер при отсутствии в разделе ...*во́ль*... реально встречавшейся в языке поэзии (и нормативной для своего времени) формы *рево́львер*, см. примеры из НКРЯ:

Я был глупым птенцом тогда, Я впервые узнал, поверь, Что наган тяжелей куда, Чем игрушечный револьвер [М. А. Светлов. Сулико (1953)]; *Из лесочку — живым манером На громаду — да с револьвером!* [М. И. Цветаева. Стихи к Чехии, 1 (1938—1939)] vs. *Мне бросилось в глаза, с какой фриволью, Невольный вздрог улыбкой погася, Она шутя обдернула револьвер И в этом жесте выразилась вся* [Б. Л. Пастернак. Спекторский, 10 (1925—1931)]. Ср. также: *И, может быть, начертит астроном Орбиту сердца, тронутого сном* [И. Г. Эренбург. «Есть в хаосе самом высокий строй...» (1939)]; *Ты осторожно закуталась сном, А мне уютно и муторно как-то: Я знаю, что в Пулкове астроном Вращает могучий безмолвный рефрактор* [В. А. Луговской. Астроном (1926)] vs. *Не так следит астроном За новою звездой, Как мы... но для чего нам Смеяться над собой?* [Н. А. Некрасов. Балет (1865—1866)].

Но, как уже было сказано, такие замечания не умаляют ценности рецензируемой книги и стоящих за ней исследований автора.

В предисловии к данному изданию отражены перспективы исследования: анонсируется выход книги «Правые рифмы», материал для которой уже подготовлен, а также упоминается возможность составления словаря «Имена собственные в созвучных рядах». Автору можно порекомендовать в дальнейшей работе привлекать и материалы опубликованных словарей рифм отдельных авторов: сопоставление «потенциальных» и реально употреблен-

ных рифм весьма перспективно; как представляется, такое сочетание «теоретического» и «традиционного» подходов позволило бы создать новый тип словаря рифм / созвучий.

В заключение можно особо отметить, что «Словарь русских созвучий» представляет значительный интерес не только для «поэтов и любителей поэзии, переводчиков стихотворных текстов, лингвистов, учителей», как это вынесено на обложку книги, но и — не в последнюю очередь — для лингвистов.

Л и т е р а т у р а

Федченко 1995/2000 — С. М. Федченко. Словарь русских созвучий: около 150 000 единиц. М., 1995. 720 с. (То же: 2-е изд., испр. М., 2000. — 799 с.)

Зализняк 2003 — А. А. Зализняк. Грамматический словарь русского языка: Словоизменение. М., 2003.

НКРЯ — Национальный корпус русского языка // <http://www.ruscorpora.ru>.

Ушаков — Толковый словарь русского языка / Под ред. Д. Н. Ушакова. Т. I—IV. М., 1935—1940.

R e f e r e n c e s

Fedchenko 1995/2000 — S. M. Fedchenko. Slovar' russkikh sozvuchiy: okolo 150 000 edinic. Moskva, 1995. 720 s. (To zhe: 2-e izd., ispr. M.: Russkie slovari, 2000. — 799 s.)

NKRYa — Natsional'nyy korpus russkogo yazyka // <http://www.ruscorpora.ru>.

Ushakov — Tolkovyy slovar' russkogo yazyka / Pod red. D. N. Ushakova. T. I—IV. Moskva, 1935—1940.

Zaliznyak 2003 — A. A. Zaliznyak. Grammaticheskiy slovar' russkogo yazyka: Slovoizmenenie. Moskva, 2003.

A. С. Кулева

Рецензия получена 26.12.2014

Received on 26.12.2014

ОБЗОРЫ

Академический словарь русской фразеологии /

Баранов А.Н., Вознесенская М.М., Добровольский Д.О., Киселева К.Л., Козеренко А.Д. — 2-е изд., испр. и доп. — М.: Лексрус, 2015. — 1168 с.

Вышедший словарь является продолжением большого научного проекта по описанию русской фразеологии, инициированного А. Н. Барановым и Д. О. Добровольским. Ранее в рамках этого проекта вышли «Словарь-тезаурус современной русской идиоматики» (М., 2007) и «Фразеологический объяснительный словарь русского языка» (М., 2009).

Книга состоит из двух основных частей — корпуса словарных статей (около 2000 фразеологических единиц и 5000 значений) и указателя. В словник данного словаря входят идиомы, т. е. «ядро» фразеологической системы. Следует отметить, что словник данного издания не повторяет словники других подобных словарей. Идиомы даны в алфавитном порядке по опорным компонентам, выделяемым по особым правилам, сформулированным в статье о пользовании.

Структура словарных статей в «Академическом словаре русского языка» близка к структуре статей «Фразеологического объяснительного словаря русского языка». Выбранный способ семантического описания позволяет отразить не только актуальное значение идиомы, но и образ, лежащий в основе этого значения. В словарной статье дается также информация об особенностях употребления идиом. Для некоторых идиом указываются особенности исторического развития значения. Словарь относится к дескриптивным словарям, однако стилистические пометы и комментарии вносят в это справочное издание элемент нормативности.

Словарная статья состоит из следующих зон: буквенно-цифровой порядковый номер, лемма (лексический вход), информация о произношении отдельных компонентов (факультативно, в упрощенной фонетической транскрипции), пометы, толкование, зона приближенных эквивалентов (факультативно), примеры употребления, примеры нестандартного употребления (факультативно), инициалы автора статьи.

Идиомы сопровождаются пометами четырех основных типов: временные (устар.[евшее], совет.[ское]), стилистические (высок.[ое], нейтр.[альное], сниж.[енное], груб.[ое], неприл.[ичное]), дискурсивные (книжн.[ое], журнал.[изм], жарг.[онное], прост.[оречие], совидеол.[относящееся к советской идеологии], народн.[ое]), регистровые (эвф.[емизм], дисф.[емизм]). Среди стилистических помет нет пометы разг.[оворное]: как известно, значительная часть, если не большинство, идиом относится к разговорному стилю. Соответственно, принцип экономии описания требует специальной маркировки только неразговорных идиом (высоких, нейтральных, сниженных и пр.).

Словарь основывается на репрезентативном массиве примеров, охватывающем различные жанры и стили речевого общения. Среди многочисленных источников иллюстративного материала можно отметить корпуса, разработанные в Отделе экспериментальной лексикографии Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН («Современ-

ная русская публицистика», «Русская проза» 60—90-х гг. XX в., «Русский детектив»), а также Национальный корпус русского языка. Помимо этого, авторы приводят контексты употребления идиом в спонтанном речевом общении, а также публицистические издания и художественные произведения Интернета. Кроме того, словарная статья может содержать комментарий по поводу происхождения идиомы или особенностей ее функционирования.

Итак, основными особенностями «Академического словаря русской фра-

зеологии» являются оригинальный словарь, подробное толкование идиомы с учетом ее образной составляющей, обширный иллюстративный материал. Словарь предназначен для широкого круга читателей, интересующихся русской фразеологией, а также типичным и нетипичным использованием идиом в речи.

П. С. Дронов

Обзор поступил 19.02.2015

Received on 19.02.2015

**Václav Konzal. Staroslověnská modlitba proti d'áblu:
nejstarší doklad exorcismu ve velkomoravském písemnictví**

(= Práce Slovanského ústavu. Nová řada, svazek 40).

Uspořádali a doplnili František Čajka a Martina Chromá.

Praha: Slovanský ústav AV ČR, v. v. i., 2015. 234 s.

Книга содержит критическое издание и всестороннее исследование «Молитвы против дьявола» — небольшого текста, по-видимому, великоморавского происхождения, вероятно, переведенного с латинского оригинала и сохранившегося в единственном русском списке Ярославского музея-заповедника (ЯМЗ № 15481), вт. пол. XIII в. Эта уникальная рукопись, наряду с «Молитвой против дьявола», содержит 8 древнечешских молитв, переведенных с латыни [Veršek 2008], и является одним из важнейших свидетельств бытования западнославянских текстов на Руси.

Исследовательская часть книги принадлежит Вацлаву Конзалу. Она включает обзор истории изучения памятника и характеристику состояния дошедшего до нас текста, в котором прослеживаются наслоения, образовавшиеся в ходе копирования. На счет переписчиков, в частности, В. Конзал относит употребление именительного падежа, перемежающегося с вокативом, в многочис-

ленных именах святых, к которым обращена молитва. Можно предположить, что в некоторых случаях текст содержит не обращение, а перечисление (s. 108), так что именительный падеж здесь закономерен, но в других контекстах именительный падеж действительно появляется в обращениях — например, в длинном перечне женских имен, на середине которого вокатив сменяется именительным падежом (s. 118); в мужских именах, однако, именительный падеж появляется только в определенных позициях: у имен *а-склонения — и́ди́а п̄рроче ст̄гын слоу́жебниче в̄жни (s. 110), коз̄ма и дам̄иане (s. 114), а также в именах, имеющих определение, — симон̄ъ знаот̄ъ · нюда наковль (s. 112), ан̄тъонни пер̄въгын поуст̄гынъ ниче... коу́фимни пр̄д̄б̄гын... ф̄еу- досни дан̄гы б̄гомь (s. 118).

Отдельная глава исследования посвящена обзору языковых особенностей памятника; В. Конзал обращает особое внимание на архаизмы и на отражение

одновременно греческого и латинского влияния в именах святых и их титулатуре. В специальных главах проводятся текстуальные параллели между «Молитвой против дьявола» и другими древнейшими славянскими памятниками (Синайским евхологием, Киевскими листками, Житиями Константина и Мефодия и др.), перечисляются литературные приемы, которыми пользовался автор «Молитвы», и анализируется круг упоминаемых в памятнике святых — как восточных, так и западных (но не древнечешских), что позволяет В. Конзалу датировать создание «Молитвы» великоморавским периодом.

Издание текста по рукописи ЯМЗ № 15481, полный грамматический указатель к нему и указатель святых с историческими сведениями подготовили Ф. Чайка и М. Хрома. Заголовочные слова в словоуказателе даются в соответствии с правилами пражского Старославянского словаря [SJS]. Текст издан параллельно с чешским переводом, выполненным В. Конзалом.

Для истории церковнославянского языка русского извода представляет интерес особенность, привнесенная в текст восточнославянскими переписчиками, — частое написание *-e-* на месте слабого *-ь-* в группах согласных: **избавлеше** прич. действ. прош. им. мн., **вканьнѣти** — в других местах **вканьнѣти** (s. 100), **приражѣшихъса** (s. 104), **ревенникъ** (s. 110), **непрестанѣтими**, **вблнчеше** прич. действ. прош. им. мн. (s. 118).

Литература / References

SJS — Slovník jazyka staroslověnského. I—IV. Praha, 1958—1997.

Vepřek 2008 — M. Vepřek. Církevněslovanské modlitby českého původu // Slavia. Rč. 77. Seš. 1—3. 2008. S. 221—230.

А. А. Пичхадзе

Обзор поступил 30.12.2015

Received on 30.12.2015

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / AUTHORS

А. Е. Аникин / Alexandr E. Anikin

Институт филологии СО РАН / Institute of Philology, Siberian Branch of Russian Academy of Sciences

И. А. Букринская / Irina A. Bukrinskaya

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН / Vinogradov Institute of Russian Language, RAS

П. С. Дронов / Pavel S. Dronov

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН / Vinogradov Institute of Russian Language, RAS

С. В. Дьяченко / Svetlana V. Dyachenko

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН / Vinogradov Institute of Russian Language, RAS

О. Е. Иванова / Olga E. Ivanova

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН / Vinogradov Institute of Russian Language, RAS

И. И. Исаев / Igor I. Isayev

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН / Vinogradov Institute of Russian Language, RAS

В. В. Истратий / Victoria V. Istraty

Институт лингвистических исследований РАН / Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences

М. Л. Каленчук / Maria L. Kalenchuk

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН / Vinogradov Institute of Russian Language, RAS

О. Е. Кармакова / Olga E. Karmakova

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН / Vinogradov Institute of Russian Language, RAS

А. С. Кулева / Anna S. Kuleva

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН / Vinogradov Institute of Russian Language, RAS

Е. А. Лютикова / Ekaterina A. Lyutikova

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова / Lomonosov Moscow State University

Московский государственный гуманитарный университет имени М. А. Шолохова / Sholokhov Moscow State University for the Humanities

И. И. Макеева / Irina I. Makeeva

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН / Vinogradov Institute of Russian Language, RAS

А. В. Малышева / Anna V. Malysheva

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН / Vinogradov Institute of Russian Language, RAS

Е. В. Марунова / Elena V. Marinova

Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского / Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod

Н. К. Онипенко / Nadezhda K. Onipenko

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН / Vinogradov Institute of Russian Language, RAS

А. А. Пичхадзе / Anna A. Pichkhadze

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН / Vinogradov Institute of Russian Language, RAS

А. В. Тер-Аванесова /

Alexandra V. Ter-Avanesova

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН / Vinogradov Institute of Russian Language, RAS

О. А. Тейш / Olga A. Teush

Уральский федеральный университет / Ural Federal University

М. А. Холодилова / Maria A. Kholodilova

Институт лингвистических исследований РАН / Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences

М. Н. Шевелева / Maria N. Sheveleva

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова / Lomonosov Moscow State University

Адреса университетов и институтов
Addresses of universities and institutes

<i>Институт лингвистических исследований РАН</i> 199053, Санкт-Петербург, Тучков пер., д. 9 <i>Institute for Linguistic Studies, RAS</i> 9 Tuchkov pereulok, St. Petersburg 199053, Russia	<i>Institute of Philology, Siberian Branch of Russian Academy of Sciences</i> 8 Nikolaeva st., Novosibirsk 630090, Russia
<i>Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН</i> 119019, Москва, Волхонка 18/2 <i>Vinogradov Institute of Russian Language, RAS</i> 18/2 Volkhonka, Moscow 119019, Russia	<i>Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова</i> 119991, Москва, Ленинские горы, д. 1, стр. 51 <i>Lomonosov Moscow State University</i> 1/51 Leninskiye gory, Moscow 119991, Russian Federation
<i>Институт филологии СО РАН</i> 630090, Новосибирск, ул. Николаева, д. 8	<i>Уральский федеральный университет</i> 620000, Екатеринбург, пр. Ленина, д. 51 <i>Ural Federal University</i> 51 Lenin ave., Ekaterinburg, 620000, Russia

ПРАВИЛА ПОДАЧИ СТАТЕЙ

1. Для публикации в журнале принимаются статьи на русском, английском и немецком языках, соответствующие научному профилю журнала и не публиковавшиеся ранее в других изданиях.
2. Материалы для публикации отбираются на основе независимого рецензирования и решения редколлегии журнала. Рецензии направляются авторам для ознакомления и учета замечаний рецензентов.
3. Все публикации для авторов бесплатны.
4. Спустя год после выхода из печати каждого номера журнала он в полном объеме публикуется на сайте www.ruslang.ru (в разделе «Издания»).
5. Рукопись предоставляется автором в электронном виде по адресу gusyaz@yandex.ru (и по запросу — в печатном виде). Если в статье используются нестандартные шрифты, их также следует прислать.
6. В сопроводительном письме должны быть указаны сведения об авторе: ФИО полностью, страна, город, телефон, электронный адрес. Редакция журнала рассылает авторские экземпляры отисков в формате PDF только по электронной почте.
7. Непринятые рукописи не возвращаются.
8. Рецензии должны присылаться в редакцию вместе с экземпляром рецензируемой книги (по просьбе автора рецензии книга ему возвращается).

Основные правила оформления текста статьи

1. Текст статьи должен быть предоставлен в формате Microsoft Word for Windows.
2. Заголовки статьи, инициалы и фамилия автора, место работы, резюме (до 10 строк) и ключевые слова в статьях, принятых к печати, приводятся на русском и английском языках.
3. Все лингвистические примеры внутри текста приводятся курсивом (слово *продажа*; суффикс *-ик* и т. п.). Примеры, выделенные в отдельный абзац, даются прямым шрифтом.
4. В хроникальных заметках о научных конференциях фамилии участников набираются полужирным шрифтом. После фамилий в круглых скобках указывается город для русских участников и город и страна для зарубежных участников конференции: **И. И. Иванов** (Москва), **Дж. Смит** (Лондон, Великобритания).
5. В тексте статьи ссылки на работы заключаются в квадратные скобки, после года выпуска ставится двоеточие и указываются страницы: [Иванов 2012: 45—58] или [Иванов 2012: 45—58; Новикова 1999: 354]. При перечислении нескольких работ одного автора его фамилия не повторяется, годы выпуска указываются через точку с запятой: [Иванов 2000: 34—38; 2012: 78—81]. Если даются ссылки на несколько работ одного автора за один и тот же год, нужно использовать буквенные сокращения: [Иванов 2012а: 45—58; 2012б: 12—15]. Если работа коллективная, указывается первое имя с добавлением «и др.», в иноязычных ссылках — «et al.»: [Иванов и др. 2003: 17; Croft et al. 2012: 57]. Если имя автора является частью текста, используется следующая форма: «А. А. Иванов [2012: 45—58] утверждает, что...».

Основные правила оформления библиографии

1. Список цитируемой литературы и источников помещается в конце статьи и упорядочивается по алфавиту.
2. Источники, в частности словари, должны быть внесены в список литературы.
3. Список литературы оформляется по образцу вышедших номеров, доступных на сайте www.ruslang.ru (в разделе «Издания»).

NOTES FOR CONTRIBUTORS

1. Manuscripts submitted to *Russian Language and linguistic theory* should be original contributions in Russian, English or German, relevant to the scope of the journal and should not have previously been published elsewhere.
2. Contributions for publication are screened in the process of peer review by independent referees and the final decision regarding publication lies with the Editorial Board. Referees' comments will be sent to authors, who will be expected to return corrections to the Editor by e-mail.
3. All publications are free of charge to authors.
4. The issues are published in full on the website www.ruslang.ru (see "Publications") one year after the publication.
5. Manuscripts should be submitted by email sent to rusyaz@yandex.ru (and also by post on request). All custom fonts used in the manuscripts should be sent by email.
6. The cover letter must include the following information about the author: full author's name, full postal mailing address, email address. All authors of full-length articles and reviews will receive the offprint in PDF format by email and one copy of the issue in which their contribution appears.
7. Rejected manuscripts will not be returned.
8. Book reviews should be sent to the Editorial Secretary together with the reviewed book (the book will be returned on author's request).

Main format rules for articles and reports

1. Contributions must be submitted in the format of Microsoft Word for Windows.
2. The first page should include the title, author's surname and initials, institutional affiliation, abstract of the article (up to 10 lines) and keywords in both Russian and English
3. All phrases, words, affixes, letters etc. used as linguistic examples within the body of the text must be italicized (the word *prodazha*; the suffix *-ik* etc.) All examples presented in a separate paragraph must be in regular font.
4. In reports on academic conferences, names of the participants should be in bold, followed by city (for Russian participants), or city and country (for foreign participants), given in parentheses in regular font: **I. I. Ivanov** (Moscow), **J. Smith** (London, Great Britain).
5. References should be given in square brackets, designating the name of the author, year of publication, and, where relevant, after the colon, the page(s) referred to: [Ivanov 2012: 45—58], using semi-colons to separate different authors: [Ivanov 2012: 45—58; Novikova 1999: 354]. In the case of multiple references by the same author(s), the name(s) should not be repeated and the years should be listed, using semi-colons to separate different publications: [Ivanov 2000: 34—38; 2012: 78—81]. When several works by one author for the same year are referred to, lower-case letters ("a", "b", etc.) should be placed immediately after the year: [Ivanov 2012a: 45—58; 2012b: 12—15]. When a work written by two or more authors is referred to, first name should be given followed by «et al.»: [Ivanov et al. 2003: 17; Croft et al. 2012: 57]. If the reference name naturally forms part of a sentence, use the form: "A. A. Ivanov [2012: 45—58] maintained that..."

Main format rules for references

1. All works referred to must be listed at the end of the article in alphabetical order.
2. All sources of citations including dictionaries and lexicons must be added to the reference list.
3. The list of referred works should be formatted according to the published issues of the journal available on the site www.ruslang.ru (see "Publications").

Русский язык в научном освещении
№ 30 (2). 2015

Зав. редакцией *М. С. Мушинская*
Редактор номера *Е. И. Державина*
Корректор *А. К. Петрова*
Оригинал-макет подготовлен *В. Ю. Гусевым*

Подписано в печать 08.02.2016. Формат 70×100¹/₁₆
Бумага офсетная № 1, печать офсетная
Усл. п. л. Заказ №